

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ИНДИЯ В ЗЕРКАЛЕ ВЕКОВ

Н.Р. Гусева

ИНДИЯ В ЗЕРКАЛЕ ВЕКОВ

«ВЕЧЕ»
МОСКВА
2002

Гусева Н.Р.
Г 96 **Индия в зеркале веков.** — М.: Вече, 2002. — 448 с.
(«Великие тайны»)

ISBN 5-94538-098-9

Автор книги Наталья Романовна Гусева — этнограф и религиовед, посвятивший свою жизнь изучению Индии. Она не только неоднократно посещала эту страну, но и работала там в течение трех лет, имея возможность собрать на месте богатый материал для своих исследований. Ее перу принадлежит свыше 150 работ по культуре Индии, в том числе такие монографии, как «Индуизм», «Джайнизм», «Художественные ремесла Индии», «Раджастханцы», «Славяне и арьи».

В книге рассказывается о тех сторонах жизни индийского народа, которые до сих пор слабо освещены в нашей отечественной литературе. Читатель узнает о быте городского и сельского населения Индии, о семейной жизни, религиозных праздниках, верованиях и древних традициях, а также о происхождении арьев и их судьбе после прихода в Индию с земель Восточной Европы. Книга проиллюстрирована рисунками и фотографиями, большинство из которых авторские.

Н.Р. Гусева — доктор исторических наук, член Союза писателей РФ, лауреат Международной премии имени Джавахарлала Неру.

ОТ АВТОРА

С милого севера в сторону южную.

М.Ю. Лермонтов

Корабли плывут

Будто в Индию...

Сергей Есенин

И в памяти проносятся мгновенно

Затерянные где-то во Вселенной

Далекое дремучие века.

Николай Стефанович

Легенда, миф — аккумулирован-

ный опыт наших лучших предков.

Виктор Конецкий

За последние полвека на Западе часто стали возникать в печати и устно рассуждения, касающиеся проблемы короткой памяти. Люди, охваченные лихорадкой прогресса, отходят с каждым годом все дальше и дальше от накопленного за многие тысячелетия запаса той общей памяти, которую теперь стали называть то генной памятью, то коллективным бессознательным (или подсознательным).

В ряде публикаций прямо ставится вопрос о том, возможно ли полностью разрушить этот запас, хранящийся в неисследованных глубинах нашего мозга, — или, по другому варианту, нашей души. Древняя языческая религия как форма и выражение мироощущения способствовала до распространения христианства сбережению этого запаса, поощряя его сохранность строгими требованиями соблюдения ритуалов, церемониальных и

мистериальных действий и, главное, всех предписаний, касающихся личностного и общественного поведения человека, — его отношения к богам и мифам, к жрецам, к членам семьи и рода и т.д. Учение христианства повернуло все это устоявшееся течение в новое русло, хотя все же нельзя не видеть, что оно переняло некоторую часть языческих веропредставлений. К ним, например, относятся культ огня (храмовое и церемониальное возжигание свечей), культ воды (обряд крещения, окропление святой водой), почитание растений (троицины березки и травы, рождественская елка), поедание жертвенной плоти не только животных (особые праздничные блюда), но даже и человека (причастие «плотью и кровью Господа»).

Существенным является то, что религия, с момента возникновения которой насчитывается всего лишь около двух тысячелетий, во многом подавила древние мифы и связанные с ними поведенческие предписания. Подавила, но не задавила полностью, явным свидетельством чего является вспыхнувшее в ряде христианских стран движение за возрождение язычества. Именно на факт оживления этой глубинной памяти сделал, как известно, главную ставку Гитлер и добился в этом, к сожалению, неслыханного успеха, а это значит, что не следует считать «коллективное бессознательное» навсегда заглушим и в памяти других народов, о чем и говорят попытки возродить язычество в разных странах, в том числе и в России.

В Индии, которую и в наши дни часто называют страной труднообъяснимых религий (или «страной чудес»), наступление на генную память начало набирать известную силу лишь за последние 150 лет, но не за счет распространения там христианства, почти безрезультатно внедряемого европейскими миссионерами, а за счет гораздо более могущественной исторической силы — капитализма. Вот именно этот процесс постепенно вынуждает индийцев отказываться от некоторых накопленных за многие тысячелетия обычаев, нравов и межгрупповых отношений, ранее признававшихся всеми: в частности, отношений между кастами, обязательности совместного проживания всех поколений одной семьи, необходимости заключения внутрикастовых браков, обычая самосожжения вдов и других издревле сохранявшихся общественных институтов.

Но подобные нововведения нельзя связывать с проблемой воцернения в среде индийцев «короткой памяти», ибо эти изме-

нения в целом почти не касаются духовной и повседневной жизни народных масс, корни которой надо искать в глубине давно миновавших эпох. И память об этих корнях, как и привязанность к ним, поддерживалась из века в век и продолжает поддерживаться и в наши дни постоянно и повсеместно проявляющимся воздействием на души людей. Оно выявляет себя в воспитании детей, в выступлениях бесчисленных групп уличных сказителей и актеров, в словах и молитвах храмовых и домашних жрецов-брахманов, в традиционных произведениях скульпторов и мастеров художественного ремесла. Огромную роль для сохранения народной памяти играют постоянно повторяющиеся пересказы и изображения ряда эпизодов из великих эпических поэм «Махабхараты» и «Рамаяны», время сложения которых до сих пор не установлено наукой (по разным подсчетам — III—II тыс. до н.э.). Их называют бессмертными творениями человеческого духа, и многие ученые сходятся во мнении, что они создавались многими поколениями народных сказителей: в предлагаемой книге читатель встретит рассказы о величии и доблести героев этих поэм и об их неустанной борьбе с темными силами зла и несправедливости, а также о поддержке богами их усилий.

Вся книга составлена из очерков-рассказов, посвященных разным сторонам жизни и истории многонационального индийского народа и хранимому им культурному наследию далеких предков. Один из таких рассказов я озаглавила «Живучесть пережитков», так как полагаю, что под знаком этих слов протекает жизнь значительной части миллиардного населения Индии.

Останавливаясь в тексте на одной из важнейших проблем истории, а именно на исходе из Приполярья предков всех индоевропейских народов*, в том числе арьев и славян, я уже не в первый раз попыталась привлечь внимание читателей к поразительному факту сходства древнего языка арьев, санскрита, со славянскими языками; это сходство прослеживается гораздо шире (например, в русском языке), чем в любом другом языке индоевропейской семьи. (См. Приложение.)

Значительная часть очерков-рассказов книги посвящена богам индуизма — той социально-религиозной системе, в которой

* Эта проблема подробно освещена в анализе Вед, проведенном выдающимся индийским ученым Б.Г. Тилаком, чья книга «Арктическая родина в Ведах» вышла на английском языке в Индии в 1903 г. (русский перевод Н.Р. Гусевой: М.: «ФАИР-ПРЕСС», 2001 г.).

издревле сосуществуют две основные ее составляющие: ведизм арьев — племен, относящихся к европеоидному (северному, «арийскому») расовому типу, и многобожие доарийского населения, относимого антропологами к негро-австралоидной расе. Большинство наших читателей еще не имело широкой возможности познакомиться с обликами и функциями «белых» и «черных» богов, объединенных в едином пантеоне религии индуизма; поэтому немалое место в книге отводится аналитическому разбору этих вопросов, а также описанию образов таких божеств в храмовых скульптурах и народном искусстве.

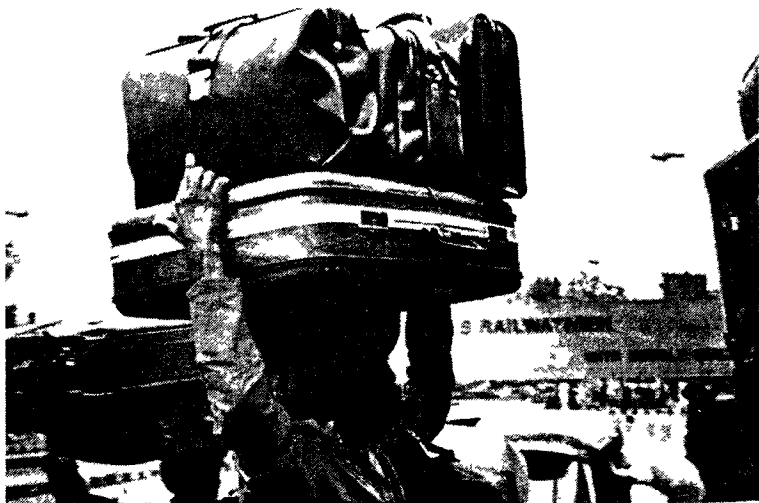
Поскольку арьи пришли в Индию в III—II тысячелетиях до н.э. с земель Восточной Европы, то немалый интерес исследователей вызывают проблемы их давнего соседства с предками славян, в силу чего в книге приведены примеры следов славянского язычества, сохраняющегося в индуизме.

Индию часто называют музеем под открытым небом, о чем я не раз упоминала в своих публикациях, отрывки из которых составили часть содержания данной книги. Надо заметить, что указанное название следует относить не только ко множеству великолепных памятников архитектуры и искусства, но и к тому малоизвестному европейцам образу жизни народа этой страны, его мироощущению, поведенческим нормам, необычной одежде и разнообразию внешнего облика, — словом, ко всему тому, что служит прямым указанием на длительный процесс смешения древнейших расовых типов.

В заключение повторю здесь слова своего убеждения в том, что «сколько бы ни писали об Индии — все будет мало». Поэтому хочется выразить надежду, что читатель, ознакомившийся в свободную минуту с этой книгой, ощутит желание поглубже узнать яркую и такую своеобразную культуру этой страны и возьмет в руки другие исследования и рассказы о ней или захочет осмотреть индийские коллекции наших музеев.

1. ВЫ ПРИЕХАЛИ В ИНДИЙСКИЙ ГОРОД

Вы приезжаете в любой большой индийский город — пусть это будет Дели, — выходите из поезда и, если вы человек новый и непривычный, сразу теряетесь и не понимаете, что ж дальше-то делать. Ваши чемоданы подхватывает кто-то с номерным знаком на ремне — ну, думаете, может быть, и впрямь носильщик, — нагромождает их себе на голову, будь их хоть десять, и убегает. Вы сразу теряете его из виду. Даже не пытайтесь его разыскать, это невозможно. Он сам вас будет встречать у стоянки такси, захватив уже для вас машину, и радостно улыбнется, когда вы наконец его там обнаружите.

Индийский носильщик на вокзале

А вокруг на перроне кипит толпа, огромная, яркая, как движущаяся клумба или цветущий сад. Пестро, разноцветно, разнообразно. Мужчины в белом, цветастом, клетчатом, полосатом и опять в белом. Их головы или увенчаны тюрбанами, или — что чаще — обнажены, и тогда их черные волосы, смазанные особым маслом, блестят, как антрацит. А женщины одеты в сари таких оттенков, которым и названий не подберешь, — желтых, розово-лимонных, палевых, ало-синих, зелено-оранжевых. И повсюду, как тюльпаны в весенней степи, — носильщики в больших красных тюрбанах.

Кто стоит, кто бежит, кто шествует. Говорят и кричат на всех языках Индии и, конечно, на английском. Теряют и снова находят свои купе, багаж, носильщиков, детей и друг друга. Смеются, возмущаются, машут руками, торгуются с носильщиками. Все суматошно, пестро, оживленно, весело. Повсюду кричат продавцы прохладительных напитков, фруктов и сладостей, гудят паровозы, и вы, растерявшись от всей этой суеты и шума, двигаетесь куда-то, как во сне, пока толпа не выносит вас к уже упомянутой стоянке такси.

И тут вы погружаетесь в поток уличного транспорта, при взгляде на который вас в первую очередь поражают велосипеды. Это что-то неопишемое — индийские велосипеды!

Кто бы мог подумать, что велосипеду свойственны такие особенности! Я несколько раз пристально всматривалась в индийские велосипеды и решительно не видела ничего такого, чем бы они внешне отличались от других велосипедов мира. Все то же самое. Но ни один другой велосипед не согласился бы везти на себе то, что возит индийский.

В Индии очень часто можно увидеть, например, трех взрослых людей на одном велосипеде. Трое — это почти правило. А бывает и пять и шесть. Едут семьями или родственными группами, причем техника размещения всех на одной машине продумана до тонкостей.

Обычно отец сидит на седле. Перед ним на раме помещается один или два члена семьи. К рулю спереди приделана полукруглая корзинка, в которой сидит, поджав ножки, один из младших детей. На багажник, как на стул, садится мать, держа в руках самого маленького. И так семья выезжает в гости, по делам и даже на загородную прогулку.

Поражает выносливость и сила того, кто везет остальных. Ведь такой груз не легко перевозить, нажимая на педали иногда в течение двух-трех часов. Работают, работают тонкие темные ноги, работают не переставая. Пирамиды людей передвигаются на двух колесах во всех направлениях под палящим солнцем.

Неру как-то сказал, что Индия сейчас переживает век велосипедов. Это удивительно верно. Все городские улицы, все шоссе буквально заполнены велосипедистами.

В Пенджабе (Панджабе) молодые сикхи сушат свои длинные волосы после мытья, разъезжая на велосипедах (сикхи по предписанию своей религии никогда не должны ни бриться, ни стричься). Зрелище это весьма интересное: «чернобородые русалки» проносятся вдвоем или втроем на одном велосипеде, а за ними по ветру полощутся волнистые блестящие волосы. Не можешь не повернуть за ними голову. Оглядываешься и встречаешь мгновенную вспышку белозубых улыбок. И — мимо.

А вот впереди движется гора корзин, из-под которой неправдоподобно тонкими и слабыми выглядят еле виднеющиеся колеса велосипеда.

Там на велосипеде везут огромный стог сена, а здесь — клетки с курами. Вот проехала конструкция совсем особого рода, состоящая из бидонов и мешков, свисающих до самой земли. Они нагромождены такой сплошной массой, что от самого велосипедиста видны только ноги на педалях да руки на руле.

Я бы не удивилась, если бы увидела, что на велосипедах перевозят автомобили и железнодорожные вагоны.

Дома в Старом Дели очень разнообразны

Послушание и преданность этой тоненькой машины своему хозяину уму непостижимы. Она только иногда позволяет себе сломаться. И тогда ее ведут вдоль улицы и ищут глазами дерево, на ветке которого висит старая, почерневшая велосипедная шина. Это не просто шина — это реклама, это вывеска ремонтной мастерской. Тут, под деревом, на земле расположился мастер в окружении паяльной лампы, нескольких заржавленных инструментов, насоса, запасных частей и мальчишек. Он может исправить любое повреждение. Обязательный мальчишка, что дежурит тут же, накачает камеры за монетку в пятьдесят пайсов, и благодарный за лечение велосипед снова подставит свою спину хозяину, готовый принять на себя любой груз.

Если к этому велосипеду приделать не одно, а два задних колеса и смонтировать на них коляску, то на седле уже окажется велорикша

Велорикша

Велорикши собираются группами у вокзалов и автобусных станций, у рынков и на больших перекрестках. Они готовы везти кого угодно, сколько угодно и куда угодно, лишь бы заработать несколько рупий в день. Сколько раз приходилось видеть, как в коляске сидят две женщины, у их ног — трое-четверо детей, позади, на оси, стоит мужчина, и все это общество

везет один безропотный велорикша. На ногах от чрезмерных усилий вздуваются вены, взмокшая рубашка прилипает к лопаткам, голова в тюрбане или платке, как заводная, покачивается взад-вперед, взад-вперед. Везет иногда из одного города в другой, везет и в гору и под гору, везет под солнцем и ливнем.

К чести многих, кого я видела, должна сказать, что обычно все же пассажиры — главным образом мужчины — сходят и идут рядом, если надо въезжать в гору. Но женщины обычно себя этим не беспокоят, а уж рикша и не заикнется об этом сам, если пассажир не находит нужным облегчить его мучительный труд.

Велорикши служат основным видом транспортной связи в подавляющем большинстве индийских городов.

Правда, на улицах больших городов можно видеть и такси, и так называемые скутера — двухместные крытые кабинки, ук-

Рикша-бегунок на улице города

репленные на трехколесном мотоцикле. Но в провинциальных городах такси вообще, как правило, не существует, да и скутеров или вовсе нет, или есть два-три, и поневоле приходится пользоваться услугами велорикши.

И все же насколько лучше быть велорикшей, чем просто рикшей, рикшей-бегунком. Тут слов никаких не найдешь, что-

бы рассказать об этом. И особенно страшно видеть, как толстые матроны в золотых браслетах норовят обязательно сесть по две в одну коляску, чтобы не истратить лишнюю монетку на двух рикш. В Дели рикш нет, но в Калькутте, например, очень много.

В этом огромном, с бесконечно запутанными улицами и нечистыми на вид домами городе, который переполнен транспортом и задыхается от смога, тысячи рикш бегают с рассвета до глубокой темноты, встраиваясь в ряды машин, затравленно оглядываясь на их скоростные колеса и металлические тела, которые готовы в любую минуту нанести смертельный удар по мягкому, незащищенному человеческому телу, бегают, заломив локти за спину и судорожно глотая зловонные выхлопные газы, бегают, чтобы заработать на семью, на себя, на жизнь. И за каждый день надо отдать пять рупий хозяину коляски — редкий рикша имеет свою, — и только то, что сможет выработать сверх того, и составит его заработок. Больно на них смотреть...

Но уж если говорить о методах передвижения, то нельзя обойти молчанием два чудесных индийских экипажа — тóнгу и йкку. Тóнга — это две соединенные спинками скамеечки на двух колесах и под навесом. Ее везет небольшая лошадка (лошадки в Индии все небольшие и используются только для городского транспорта). Возница сидит на передке, у ног пассажиров передней скамейки, а если пассажиров только двое, то они размещаются на задней — это более респектабельно, — и он тогда по-хозяйски сам сидит на передней.

На тонге вас трясет и подбрасывает, но вы подняты над уличной толпой и вам все далеко и широко видно. Это славный трудовой экипаж, и вы бываете очень рады, когда видите тонгу и можете не пользоваться услугами велорикши.

А йкка — это старинный мусульманский экипаж. Он представляет собой почти квадратную дощатую площадку на двух колесах, посередине которой тоже квадратная, немного приподнятая платформочка. По углам этой платформочки тонкие высокие столбики, несущие на себе маленькую выпуклую крышу, похожую на четырехугольный зонтик. Зачем она нужна, мне понять не удалось. Тень от нее обычно бежит где-то рядом по дороге, так что от солнца она не защищает, да и от дождя она не закрывает, так как и мала, и слишком высока. Зачем она? Кто знает.

Люди сидят на икке кучкой, тесно сбившись на платформочке, и едут под солнцем и дождями кому куда нужно. Этих икк я много видела в старых городах Северной Индии — в таких, как Аллахабад или Лакхнау, где столетиями живут мусульмане.

Тарахтят тонги и икки по мошеным и асфальтированным улицам; с дробным стрекотом катятся скутера; непрерывно звеня, маневрируют велорикши; оглушительно клаксона, проталкиваются автомобили всех марок и выпусков; мчатся велосипедисты, не соблюдая никаких правил уличного движения (и ничего о них не зная), движется во всех направлениях густая, яркая, многоголосая толпа — такова обычная картина оживленной улицы индийского города. К тому же можно видеть и священных коров, которые то стоят в тени домов, то подбирают фруктовую кожуру, то лежат поперек улицы, то едят что-то у лотков торговцев зеленью.

На улицах вы увидите также волов и буйволов. Белые горбатые волы и черные буйволы честно тянут груженные повозки, работая с рассвета до глубокой ночи. Они отворачиваются от машин и косятся на них большими влажными глазами.

А когда на дорогах темно, их глаза загораются в свете фар как зеленые фонарики. Особенно на ночных шоссе, где густая тьма скрывает все вокруг. Вы едете, и вдруг впереди появляются голубовато-зеленые светящиеся пятнышки, которые покачиваются в воздухе и плывут вам навстречу. А потом фары на миг вырывают из мрака пару волов и повозку, и все это сразу исчезает в темноте, и снова перед машиной только серая полоса асфальта да неясные силуэты развесистых деревьев на фоне звездного неба.

Трогательно выглядят буйвол и вол, впряженные в одну повозку. Они такие разные, что и сравнивать их трудно. Волы обычно белые или с дымчатой подцветкой, как сиамские коты, с ровной шерстью, довольно высокие, с развесистыми рогами и с горбом над лопатками. Это зебу — индийский горбатый вол. А буйволы низкие, коротконогие и широкие. Они обтянуты черной блестящей кожей, как морские львы. На ней растут редкие жесткие волосы. Их рога круто загнуты к шее или закручены, как у баранов, а на лбу кудрявый хохолок, иногда белый.

Глядя, как вол и буйвол вместе тянут одну поклажу, невольно думаешь, что все же «в одну телегу впрячь» можно...

А еще на улицах городов и деревень можно видеть быков. Находящихся быков. Но они в Индии не бодаются. Они очень мирные и спокойно стоят, и никто их не боится и не обходит стороной. Они не превращены в волов только потому, что отданы богу. В любой семье человек может дать обет богу Шиве, что пожертвует ему бычка за рождение сына или какое-нибудь другое радостное событие. Некогда, в глубокой арийской древности, быков забивали во время жертвоприношения, но постепенно в Индии убийство любого представителя «коровьего царства» стало считаться грехом более тяжелым, чем убийство человека.

«Священные» быки-зебу бродят среди городского транспорта

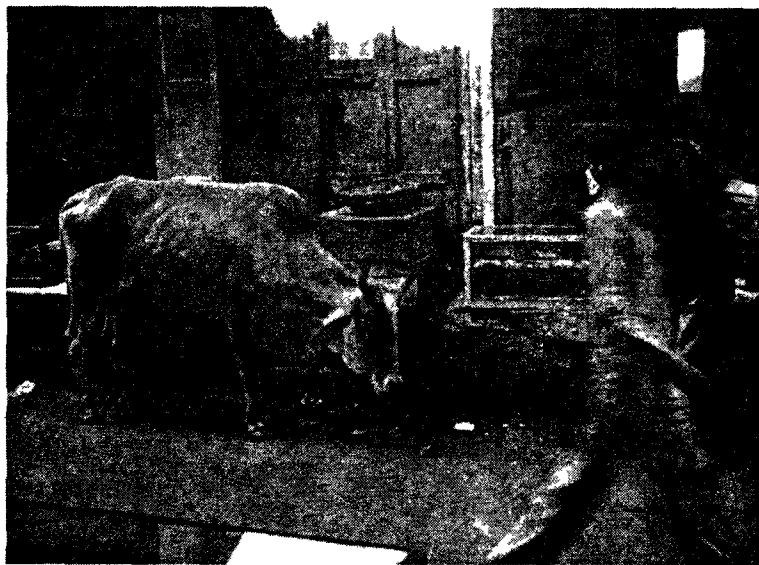
Этому жертвенному бычку ставят на ляжку клеймо в форме трезубца — знака бога Шивы — и отпускают его на все четыре стороны.

Никто, боясь смертного греха, не осмелится превратить его в вола и использовать на работе. Всю свою жизнь этот бык бродит где хочет. Крестьяне, охраняя свои посевы, прогоняют с полей бродячий скот, и он почти весь сконцентрирован в городах. Поэтому и быки бродят по городскому асфальту, лежат на базарных улицах, дарят потомство своим бродячим под-

ругам-коровам и, состарившись, умирают тут же, у стен какого-нибудь дома.

Вот так быки, сильные и красивые, дополняют городской пейзаж.

Предприимчивые люди, увидев, что бездомная корова ожидает теленка, берут ее к себе и посылают пастись по улицам и базарам в сопровождении своего сына или дочери. А после отела продают рупий за сто какой-нибудь семье, где нуждаются в молоке. В этой семье корову доят месяцев шесть, а когда она перестает давать молоко, отпускают ее.

Бездомные «священные» коровы питаются уличными отбросами

Сейчас специальные рабочие молочных ферм отбирают лучших коров из числа бездомных и свозят их на фермы, где проводится специальная работа по улучшению их породности и повышению удоя. В последние десять лет говядина (впервые за последние два тысячелетия!) стала появляться в открытой продаже на рынках больших городов, таких, например, как Калькутта. И если еще совсем недавно весь поток транспорта и пешеходов протискивался мимо коровьих морд, рогов, хвостов и боков и часто можно было видеть, как велосипедисты, опираясь на корову, пе-

режидают, пока проедет машина или повозка, то теперь скопления священных коров встречаются главным образом возле храмов или освященных традицией мест поклонения корове.

В дни весеннего праздника Хóли, когда люди на улицах раскрашивают друг друга во все цвета, уличные коровы тоже превращаются в живые палитры, придавая, как принято писать, «неповторимое своеобразие» городскому пейзажу.

В Индии вообще есть обычай окрашивать скот и наряжать его в дни праздников, да и в обычные дни, просто так, в знак любви. Постоянно можно видеть волов с золочеными рогами, в вышитых шапочках, с яркими бусами на шее и с красными пятнышками на лбу.

А извозчики — хозяева тонг — любят наносить на тела своих лошадей орнамент, обычно в виде оранжевых кружков, и в тот же цвет красить им ноги до колен.

Неукрашенное как бы не существует — так, кажется, думают все жители Индии. Многоцветной росписью покрываются и коляски велорикш, и боковины тонг, и даже кабины грузовиков. Здесь можно увидеть и пейзажи, и битвы богов с демонами, и изображения разных сцен из эпоса, и цветы, и просто условный орнамент. Все ярко, пестро, все притягивает глаз.

Чем диктуется такая жадная потребность в цвете, сказать трудно. Может быть, климатом этой страны?

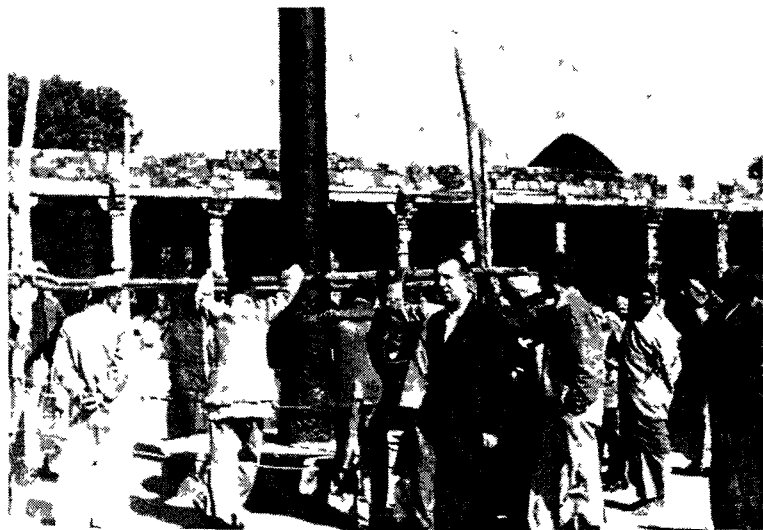
Я уж не говорю о деревнях Индии и ее маленьких городках, но даже в Дели многие женщины — может быть, за исключением сугубо европеизированных — наносят цветными порошками особые традиционные узоры на землю перед входом в дом или на пол дома. Эти узоры широко известны под названием «рангóли» или «альпúна». Девочки учатся этому искусству и, выходя замуж, занимаются созданием таких узоров-однодневок каждое утро до того, как в доме проснутся мужчины. Древнейшие магические рисунки сочетаются в этих орнаментах с новыми мотивами, и подробному изучению этих узоров можно было бы посвятить не одну монографию.

В новых кварталах Дели, состоящих в основном из богатых особняков с садами и садиками, это древнее народное искусство поддерживается почти исключительно служанками.

Интересно наблюдать, как быстро разрастаются эти кварталы, несмотря на почти полное отсутствие новой строительной техники.

Ходят по красным камням строительные рабочие — главным образом выходцы из Раджастхана и Харианы, соседних с Дели штатов, — ходят и мужчины в больших тюрбанах и маленьких набедренных повязках, и женщины в широких цыганских юбках и ярких шалих; ребенок при этом сидит на боку матери, а на голове она несет, поддерживая рукой, плоскую корзину с мелко наколотым камнем. Они или носят строительные материалы, или сидят на каменистых строительных площадках, вручную дробя камень, вручную складывая стены. Трудятся от рассвета до темноты. И благодаря их труду вырастают фешенебельные высокие дома и особняки, продвигаясь все дальше от Дели. И, как их аванпосты, на пустой каменистой земле возникают все новые и новые низкие хижины, крытые соломой, — временное жилье строителей, и рядом сразу же появляются аккуратно сложенные кучи камня, наколотого вручную, — побежденного камня...

Истинной приманкой для всех иностранцев, приезжающих в Дели, как и для многих его жителей, является загадочная железная колонна, стоящая здесь с IV века н.э. и до сих пор не тронутая ржавчиной. Как могли ее изготовить в то давнее время? Одни думают, что поразительные умельцы старины выко-

Нержавеющая железная колонна в Старом Дели (IV в до н.э.)

вали ее из кричного железа, другие полагают, что она из сварочного железа, а есть и такие, кто считает ее валом некогда разбившегося здесь космического корабля. Чем бы она ни была, но она победила время. Распространено поверье, что сбудутся все желания того, кто, прижавшись к ней спиной, охватит ее протянутыми назад руками. Поэтому нижняя ее часть отполирована телами тысяч людей до зеркального блеска. Были там, конечно, и мы с группой других русских, и я была по-детски обрадована, когда пальцы моих рук соединились за колонной.

Почти рядом с этой удивительной колонной стоит и привлекающей всеобщее внимание и прекрасный памятник мусульманского зодчества — минарет в 72 м высоты. Он был воздвигнут в первой половине XIII века и хранит в себе память о начале воцарения в Индии иноземных правителей. Внешняя его поверхность испещрена тонким орнаментом и изощренным рисунком надписей арабской вязью. И на этой же «строительной площад-

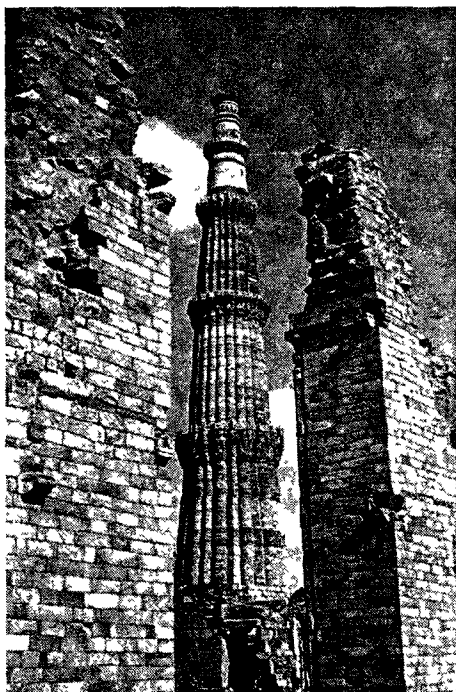
ке» стоят сохранившиеся колонны индусского храма, которые тоже дышат глубокой стариной.

Так южная окраина Дели воплотила в себе повесть об истории этого города, а значит, и об истории Индии.

— Скажите, вы были когда-нибудь хоть в одном из этих двух прославленных делийских кафи-хаусов, или ти-хаусе, то есть, говоря проще, в кафе или чайной в центре города?

— Нет, не приходилось.

— Сходите. Проведите там час или полтора за чашкой кофе или чая — а он там отличный — и наблюдайте за посетителя-

Минарет Кутуб-Минар в Дели (XIII в.)

ми. Или, еще лучше, пойдите с каким-нибудь своим другом — писателем, артистом, поэтом, — и к вашему столику в течение полутора часов подсядет не меньше двадцати человек, чтобы поговорить с ним.

— О чем?

— Да обо всем. О судьбах индийского театра и кино, о новых тенденциях в живописи, о последней мушайре, на которой состязались лучшие поэты города, о текущей сессии парламента — и вообще обо всем на свете. Кафе являются теми местами, где узнаются и обсуждаются новости, создаются мнения, и отсюда они разносятся по издательствам и офисам, по отелям и гостиницам. Советую посетить хоть один из кафе-хаусов.

— Пойдем сейчас?

— Да, если вы свободны.

Мы идем на стоянку такси. Издали видим в тени раскидистого дерева стайку черных машин с желтыми крышами. Возле них на плетеных лежанках и прямо на асфальте лежат и сидят таксисты. Отдыхают. Подходим. Старший по стоянке кричит, вызывая очередника. Никто не реагирует. На повторный призыв с плетеной лежанки — чарпоя, почесываясь, зевая и улыбаясь, поднимается сикх. (Почти все таксисты здесь — сикхи. Тюрбан на голове и стальной браслет на правой руке — почти у каждого водителя в Северной Индии.) Он лениво подходит к машине, распахивает дверцу и приглашает нас сесть в машину. С ужасом замечаем, что его машина, оказывается, стояла не в тени, а на солнце. Наш шофер уже проснулся окончательно и готов везти нас куда угодно. Он включил счетчик и обжег себе при этом пальцы, — на индийских такси счетчики укреплены снаружи, на радиаторе, — а затем вторично озарил нас ослепительной улыбкой и снова пригласил в машину. Нырять в нее, как в духовку, как в пекло. Быстро подсовываем под себя газеты — иначе усидеть на раскаленном сиденье невозможно — и просим:

— Кафи-хаус, плиз.

— О'кэй.

В машине нам уже не до разговоров. В опущенные окна врывается горячий воздух, а внутри градусов под шестьдесят. Наш сикх, небрежно бросив тонкую руку на баранку, ведет машину на прославленный манер делийских таксистов, то есть так, что мы каждую минуту замираем, видя, что уж сейчас-то столкновения никак не избежать.

Он едет по правой стороне, хотя движение левостороннее, обгоняет, будучи четвертым, там, где уже обгоняют трое, да еще перед мчащимся навстречу автобусом. Только чудо спасет нас!.. Только чудо!..

И чудо происходит. Автобус проносится в трех сантиметрах от нас, а таксист — для него это все в порядке вещей — мчит нас вперед, поминутно высовывая в окно руку и нажимая грушу своего оглушительного клаксона, который укреплен на крыше. По ходу дела он разглядывает нас в зеркало, посылая нам улыбки, поправляет на себе тюрбан, подкручивает усы, оглядывается на встречные машины, что-то кричит обгоняемым моторикшам, и мы бы не удивились, если бы при этом он еще просматривал сегодняшнюю газету.

Доехали живыми. К машине бросилось несколько вихрастых мальчишек — открыть дверцу. Тот, кто добежал первым и ухватился за ручку раньше других, приглашает вас выйти и ждет монетки, сияя глазами и зубами. Монетка дана. Платим и своему водителю три рупии — вдвое против счетчика. Он быстро прикасается деньгами ко лбу в знак благодарности и дарит нам последнюю улыбку. Зубы сверкают в черноте усов и бородки, как «серб молодого месяца в разрыве туч», и машина мигом исчезает в ревущем океане транспорта.

А мы смотрим на ту сторону улицы, на двери кафи-хауса. Но, чтобы его достичь, надо сначала перейти на ту сторону, а уже пять часов. И это значит, что по улице движется река, поток, лавина велосипедистов. Они едут по два, по пять, по восемь человек в ряд, в обнимку и просто рядом, они обгоняют друг друга, обгоняют автобусы, такси и моторикш. Они выскакивают из-под самых колес автобусов и лавируют между машинами так, что кажется, будто их велосипеды извиваются как змеи. Они едут по двое и по трое на одном велосипеде. Они все спешат домой с работы. Надо подождать, пока в этом потоке образуется прорыв. Стоим на солнце, обливаясь потом, ждем.

— Ну вот, пошли скорей!

Почти бежим, чтобы успеть. Нас слегка задевает только один из велосипедистов и, тут же остановившись, извиняется с милой улыбкой.

— Все в порядке, — говорю я, — не беспокойтесь, пожалуйста.

Теперь скорее, прочь с солнца, под сень галереи, к дверям кафи-хауса, где прекрасный кондиционер и всегда прохладно.

Входим. Окунаемся в охлажденный воздух, как в райское озеро. Заказываем кофе-гляссе и мороженое.

— Что угодно еще?

— Ничего, спасибо. Как можно больше мороженого. И кофе-гляссе.

Сразу же из-за соседнего столика к нашему пересаживается один журналист, с которым меня познакомили на вчерашнем спектакле. Начинаем разговаривать о пьесе, артистах, авторе. Журналист кивает каким-то людям.

— Можно? — спрашивает он.

— Конечно, будем очень рады.

Его друзья тоже подсаживаются к нам, и закипает тот типично индийский, легкий и живой разговор, в котором вперемежку с шутками и взрывами хохота собеседники обмениваются своими соображениями по поводу новой танцевальной программы, последнего выступления министра финансов, открытия ежегодной выставки картин в Академии искусств и т.д. и т.п.

После кофе нас приглашают посетить выставку одного молодого художника.

Оставив деньги на столе, мы покидаем полумрак кафи-хауса и снова попадаем в раскаленный ад улицы. В первые секунды прикосновение жаркого воздуха к холодной коже кажется даже приятным, но через минуту вы уже начинаете вспоминать место, где вам было «почти холодно», и мечтать о любом крове над головой, о любой тени и хотя бы о вентиляторе-пропеллере, если уж нет кондиционера. И конечно, о стакане холодной воды с лимоном, которую вам предложат всюду, куда бы вы ни вошли. Или о бутылке ледяной кока-колы...

Десять минут в раскаленном такси, и мы у цели. Хватая горячий воздух пересохшим ртом, я вбегаю под своды выставочного зала. Вот она, вода.

— Еще стакан, пожалуйста. Благодарю вас.

Теперь можно подумать о картинах. Картин не очень много. Все они абстрактные. Это модно. Медленно идем вдоль стен. Все кажется знакомым по столь многим выставкам. Вот это как будто уже где-то было. И это тоже. Да и это. Мой спутник представляет мне художника.

— Скажите, пожалуйста, — спрашиваю я его, — как вы выбираете названия для своих картин? Почему это «Путешествие», а это «Ноктюрн»? А это «Девушка у пруда»?

— Я даю им имена, как люди дают имена своим детям.

— Да, но ведь имена детей не связаны с какими-то конкретными понятиями. Тем более с предметными. И не должны вызывать ассоциаций. Я хочу понять, почему именно это «Девушка у пруда»?

— Это нельзя объяснить. Это необъяснимо, как любовь. Это нельзя и понять.

— Вы хотите сказать, что пытаетесь передать цветовой гаммой свое восприятие того или иного явления?

— Да, пожалуй.

— Но не боитесь ли вы, что будете одиноки в своем творчестве, что оно не найдет отклика в сердцах людей? И понимания.

— Я не нуждаюсь в людях, я творю для себя.

— А для чего эта выставка? Для кого, если не для людей?

— Пусть смотрят.

— Но ведь здесь сейчас пусто. Много ли у вас было посетителей?

— Нет, немного. Я творю для избранных, для тех, кто понимает.

— Но вы только что сказали, что этого нельзя понять...

Осмотрев выставку, мы снова попали в раскаленную атмосферу улиц и площадей Дели.

2. ПРОБЛЕМА ДРЕВНОСТИ

Здесь я должна пояснить читателю, что ниже его ожидает несколько разделов — от второго до восьмого, — уводящих в глубины истории. Включение их в число предлагаемых очерков было сочтено необходимым для указания на те глубокие корни, к которым восходят обычаи и действия описываемых в дальнейшем персонажей.

Сколько тысяч или сотен лет насчитывает история человека на земле? Ответа все еще нет. Его ищут ученые всех стран и ведут нескончаемые дискуссии, не будучи в силах прийти к единому выводу. Известно, что человек существовал и в ранне- и средне — и в послеледниковую эпоху, приспособливаясь к условиям жизни в той обстановке, которая диктовала природа. Жил, развивался, размножался, искал объединения с себе по-

добными. Начал создавать орудия охоты, рыболовства, а затем и земледелия. На древнейшей ступени своего развития сумел заимствовать у природы огонь и научился широко пользоваться им. И эти два момента — создание орудий и освоение огня — следует считать, как полагает большинство ученых, порогом цивилизации.

Человек приручал диких животных, создавая домашние стада, учился и научился культивировать дикорастущие злаки и плодовые деревья. Жил сначала в пещерах, а потом и в жилищах, сооруженных собственными руками; по остаткам предметов материальной культуры, находимым в земле при раскопках, археологи и историки определяют периоды развития человеческого общества.

Главными этапами истории по признаку развития производства считают: палеолит (древний каменный век), мезолит (переход от древнего к новому каменному веку), неолит (новый каменный век), а затем и вплоть до сегодняшнего дня — век металла: сначала меди, затем бронзы, а впоследствии железа и разнообразнейших сплавов.

Обобщенными по времени датами этих этапов, или веков, или эпох — их называют по-разному — считаются такие:

конец палеолита — IX тыс. до н.э.;

мезолит — IX—VII тыс. до н.э.;

неолит — VII — начало III тыс. до н.э.;

медный век, или переход от неолита к бронзе — IV — конец III тыс. до н.э.;

бронзовый век — середина III—II тыс. до н.э.;

начало железного века — первые века I тыс. до н.э.

С развитием производства складывались и новые общественные структуры — человек прошел через длительные периоды семейного, семейно-родового строя, возникновения племен-этносов, а впоследствии и племенных союзов. Племя, объединенное одним языком и осознанием единства своей территории, уже, по сути дела, было этносом (греческое слово «этнос» — «народ» используется шире, так как оно более удобно для образования новых слов типа «этногенетический», «этническое самосознание» и т.п.).

Все эти взаимосвязанные и взаимопроникающие процессы протекали в разных областях земли в разное время, и не всюду еще завершились они даже в наши дни — в некоторых районах

земли и сейчас существуют племена, и можно наблюдать типы племенных взаимоотношений, тогда как на большей части земной территории уже живут крупные этносы, для которых характерны и высокий уровень индустриализации, и соответствующий ему уровень культуры.

Но вернемся к древнейшему периоду истории.

В течение многих тысячелетий земля периодически покрывалась ледниками. Последний из них отступил с суши около 15 тысяч лет тому назад и начался период, именуемый голоценом, в котором живем и мы. Исследователи уделяют главное внимание изучению культурного развития человечества и тем этапам его истории, которые оно прошло именно за этот период. И это вполне естественно, так как каждый народ хочет знать свою историю, начиная от жизни своих далеких предков, знать свои генетические корни, истоки своих верований и обычаев, пути сложения своего языка.

Основные сведения обо всем можно почерпнуть из открытых учеными источников: памятников письменности и находок материальных предметов, то есть остатков жилищ, утвари, украшений и т.п.

Но ведь письменность появилась так поздно, что самые ее древние памятники не прослеживаются дальше IV тысячелетия до н.э. (как, например, первые египетские иероглифы), а материальные вещи, находимые археологами, почти всегда безмолвны, и ученым приходится угадывать, часто меняя собственные выводы, какими именно народами эти вещи были созданы. Обычно присваивают той или иной группе вещей, по признаку взаимного сходства и территориальной близости, название какой-то или такой-то культуры, чаще всего выбирая это название по месту первых находок (например, дьяковская культура — по селу Дьяково или андроновская — по селу Андронову и т.п.).

В трудах, создаваемых по принципу, который мы здесь условно назовем «ученые пишут для ученых», авторы широко пользуются и этими названиями, и сугубо научными терминами, воспринимая их без труда, но широкие круги читателей-неспециалистов бывают, как правило, не в силах понять, какими же этносами были созданы эти столь по-разному называемые культуры и чем они отличаются одна от другой. Поэтому здесь мы постараемся на возможно достижимом уровне попу-

лярности излагать приводимый материал. Нахождение археологических культур еще далеко не достаточно для выявления истории каждого народа в дописьменный период. Возникают и часто остаются такие, например, вопросы: на каком языке говорили эти люди? Каким богам они поклонялись? Каков был их общественный строй? Как они относились к окружающей их природе? Каковы были основы их нравственности? И т.п.

И тогда исследователи часто прибегают к методу сравнений с теми чертами быта, с языками, религией и другими явлениями культуры, которые в какой-то мере сохранились или у достоверных, или у предполагаемых потомков этих давно ушедших с земли людей, или у близкородственных им по своему происхождению групп. Разыскивают в древних памятниках устной литературы, воспринятой по наследству от далеких предков, описания, параллели и даже мелкие отдельные упоминания (много ценных указаний содержится в Ведах — сборниках гимнов и молитв, обращаемых древними арьями к их богам, и в древнеиндийской эпической поэме «Махабхárата»), досконально изучают самые старые хроники, в которых могли «зацепиться» такие упоминания и описания, сопоставляют все это с археологическими данными и из этой мозаики складываются более или менее точные картины жизни того или иного этноса в древнейшие эпохи.

Одной из труднейших задач является выяснение родины этих далеких предков и путей их продвижения по лицу земли. Откуда они пришли в те места, где археологи находят их стоянки и городища, их производственные мастерские и предметы быта, их жертвенники и кладбища?

Ряд исследователей полагает, что языковое родство следует объяснять наличием «праязыка», о котором, как считают, упоминается еще в Ветхом Завете, и при этом ссылаются на слова, которыми начинается одиннадцатая глава в книге «Бытие»: «На всей земле был один язык и одно наречие».

Предположение о праязыке приводит и к выводу о существовании на земле и некоего пранарода, носителя этого языка. Те, кто пишет об этом, чаще всего ссылаются на библейские тексты, освещающие древнюю историю еврейского народа и относящиеся только к процессу складывания этносов, носителей расового типа семитов на территории Передней Азии. В Библии эта география отражена очень четко: «Из Едема выходила река для

орошения рая; и потом разделилась на четыре реки. Имя одной Фисон; она обтекает землю Хавила, ту, где золото.... Имя второй реки Гихон (Геон); она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр); она протекает пред Ассирией. Четвертая река Евфрат»*. (Бытие, 2:10—14.)

Многие авторы книг о пранароде и его «едином праязыке» приводят слов из Библии о том, что от сыновей Иавана (внука Ноя) «населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих» (Бытие, 10, 15). Библия содержит много указаний на расселение потомков Ноя опять же по городам и по землям Передней Азии — Ниневии, Ханаану, Содому, Гоморре. И уточняются также места расселения всех потомков Ноя «по племенам их, по языкам их, по землям их, в народах их» (Бытие, 10:5—32). И лишь глава одиннадцатая открывается словами: «На всей земле был один язык и одно наречие», где явно речь идет о том, что расселявшиеся потомки Ноя, не знавшие и не понимавшие наречий других народов, живших на осваиваемых ими территориях, за пределами их изначального расселения, объединяли эти чужие неизвестные им наречия под определением «один язык». Но пора излечиться от стремления толковать это их определение как исторически существовавший, единый для всей земли язык — такое толкование давно следовало бы признать устаревшим и не повторять его вновь и вновь без критического осмысления указания Библии. Тем более что за этой первой строкой главы одиннадцатой следуют пояснения: сойдя к группе переселенцев (потомков Ноя), решивших строить на новой земле город и башню, Господь увидел, что они «один народ, и один у всех язык» — а эта группа и была «одним народом». Затем Господь решил: «Сойдем же и смешаем там язык их, чтобы один не понимал речи другого» (Бытие, 11:5—6). Из этого можно сделать, видимо, лишь один вывод — переселенцы, по всей видимости, были захватчиками соседних земель, а строителями указанных в тексте городов и башен стали их рабы из среды покоренных племен, наречия которых звучали для пришедших как некий «один язык». Сошествию же Господа приписывается тот исторический факт, что в силу политических и экономических соображений, порождаемых водворением в чуждой среде, господствовавшей группе

* Библия цитируется по изданию: М.: Синодальная типография, 1908. Пояснения в скобках приведены автором.

пришлось вникнуть в наречия окружающих племен и убедиться, что эти наречия различны, а не «один язык».

Поэтому следует отбросить бесконечно повторяемую ссылку на первую строку одиннадцатой главы Бытия как на указание о всемирном праязыке, которое расширили в последнее время до утверждения о том, что все индоевропейцы произошли от единого пранарода с единым праязыком. И далее, как полагают некоторые авторы, можно утверждать, что пранарод, праязык и их общая прародина относятся не к одним лишь индоевропейцам, но и ко всем без исключения этносам, населявшим Землю в прошлом и настоящем.

Здесь вынужденно уделяется так много места этому вопросу потому, что в таких утверждениях прослеживается весь путь развития и постоянного повторения единожды сложившегося заблуждения в трактовке Библии. Не было и не могло быть на огромном земном шаре единого пранарода, равно как и его единого праязыка — ведь это выглядит логическим абсурдом, так как в эпоху раннего палеолита не было на земле средств коммуникаций, которые могли бы способствовать столь тесным контактам рассеянных по разным континентам и островам групп развивающегося человечества, чтобы все эти группы осознавали свое единство и объяснялись бы на взаимно понятном языке (они ни встречаться, ни взаимно объясняться никоим образом не могли).

В своих поисках истории, как правило, работают в пределах границ голоцена (то есть начиная с XIII—XI тыс. до н.э.), но при этом мало кто из них все же уходит в такую древность, как, скажем, VII—VI тысячелетия до н.э. Обычно ищут «родины» и «прародины» народов главным образом в областях, где памятники сконцентрированы наиболее густо, что, по общему мнению, говорит о длительном пребывании этноса или его групп в данном месте. А были ли вообще на земле такие прародины и родины? Ведь изначально люди странствовали по ее лицу, ища добычу, шли задвигающимися ледниками, когда льды отступали к северу, обходили их края. Так что о возможности уверенно указать территорию прародины или того или иного народа, вероятно, и речи быть не может.

Археологические находки помогают пройти по следам кочевий людей и отыскать места их длительного пребывания, которые и следует принимать за первичные очаги формирования эт-

носов, то есть более или менее крупных групп людей, уже работавших свой, объединявший их язык.

Вся поверхность земли как бы покрыта сеткой пересекающихся прямых, изогнутых или ломаных линий «невидимой для глаза схемой исторических передвижений человеческих коллективов на разных этапах их исторического развития. И обнаружение длительных совместных или близких путей кочевий или долгого совместного или близкого проживания этносов дает возможность предположить их родство или социальную, культурную и хозяйственную близость, а главное, что нас здесь немало интересует, выявить вероятность сближения языков и сложение языка, обобщающего их отдельные группы.

Степень языковой близости и родства, сохраняющегося на протяжении тысячелетий (вне зависимости от того, что в процессе своего развития языки заметно изменяются), позволяет определить не только связи и взаимоотношения этносов в эпохи их **древнейшей совместной, или соседской**, жизни, но и время их расхождения в разные области (с допустимыми отклонениями в несколько столетий). Все эти материалы помогают восстановить с доступным приближением к точности картины истории этносов в дописьменную эпоху их развития.

Уже в XIX веке ряд ученых проложил широкий путь к поиску сближения и аналогий между славянскими языками и санскритом.

3. ВЕДЫ И АРКТИЧЕСКАЯ РОДИНА

Тот, кто имеет возможность познакомиться со значительной частью научных трудов по истории, увидит, что началом ее иногда считают III—II тысячелетия до н.э., связывая именно этот период с переходом человеческого общества к производящему хозяйству (речь идет о территории, получившей не столь давно название Евразии). Основным признаком или критерием производящего хозяйства признается наличие земледелия и скотоводства. От этого признака как основного большинство современных ученых отказалось или отказывается, изучая историю как единый поток развития человека, начиная с первого созданного им каменного орудия. И перед всеми стоит труднейшая задача выявления путей духовного развития человеческих кол-

лективов, возникновения и развития их речи, складывания их взаимоотношений.

Наш интерес уделяется, главным образом, возможности нахождения исходных земель и зон расхождения древнейших предков двух групп этносов — арьев (ариев) и славян, причем в тот период, когда они уже существовали как группы племен, каждая из которых была обобщена своим языком или близкородственными диалектами, своей бытовой культурой и веропредставлениями.

Здесь следует пояснить и уточнить значение слова «арья (арий, ария)», которое стало часто неправомерно, а иногда и спекулятивно, употребляться в нашей публицистике.

В науке и литературе утвердилось это название, но следует помнить, что оно условно и относится к группе племен, говоривших на близкородственных диалектах и создавших некогда сходные формы культуры. Перевод слова «арья» как «благородный» дошел до европейцев не из Вед. Современные индийские специалисты переводят и поясняют его по-другому, что точнее и научнее.

Это слово встречается в Ведах более 60 раз и означает, по мнению выдающихся древнеиндийских грамматистов, «хозяин», «скотовод-земледелец (вайшья)», «член кочующего племени» (последнее производят от глагольного корня «рь(ри)» — передвигаться, идти, кочевать. Словом «арья» в Ригведе определяются члены трех сословий — «варн»: брахманы (жрецы), кшатрии (воины) и вайшьи, т.е. все члены племени.

Вернемся снова к проблемам нашей общей древности.

Что касается славян, то многие видят территорию складывания этих этносов в областях, лежащих на Балканах. Но согласиться с тем, что описываемые ими земли, средней частью которых был бассейн р. Припять, являлись прародиной славян, мы не можем в силу вышеизложенной оценки поисков «родин» и «прародин». Да, в указанных областях жили славяне, что подтверждается многими исследованиями, но как они там очутились и откуда и когда пришли сюда их первые группы или даже, возможно, группы племен? Вот на этот вопрос, к сожалению, лишь небольшая часть историков пытается найти ответ. Наш крупнейший ученый, академик Б.А. Рыбаков, настаивает и призывает выявлять «тысячелетнюю архаику отдаленной первобытности» и, тщательно изучая пережитки древности, находить

пути и возможности связать их с теми условиями, к которым восходят их корни. И не углубляться в поиски прародин народов, а уделять внимание следам их древнейших связей. Большинство ученых русской археолого-исторической школы и большинство лингвистов придерживается такой же точки зрения. Поэтому попытаемся и мы здесь присоединиться к поискам следов, уводящих в глубь тысячелетий, и к попыткам объяснить некоторые явления, неотложно требующие внимания исследователей, которые посвятили себя самым разным отраслям науки — археологии, лингвистике, палеогеографии, палеоботанике, геофизике...

Откуда, куда и когда продвигались в древности группы предков славян и арьев? Где они скапливались и куда уходили те, кто переселялся? Какие следы их контактов остались в истории? В ряду многих попыток ответить на эти вопросы не последнее место занимает теория, известная под названием полярной, или арктической.

Поскольку целью данной нашей работы является описание попыток выявить глубинные пласты истории предков славян и арьев, рассмотрим, как указанная теория связана именно с этими народами. Мы постараемся не преступать допустимой меры подробности и достоверности в приводимых доказательствах и предположениях.

Почему из всей обширной семьи индоевропейских народов мы останавливаемся здесь на славянах (и конкретно на русских) и арьях? Для пояснения этого мы выбираем два повода из ряда многих других: а) максимальная из числа всех индоевропейцев взаимная близость русского языка с санскритом; б) сходство языческих культов славян с религией индуизма.

Как бы давно ни начали возникать эти схождения и взаимная близость, в них важно то, что они в известной своей мере дожили до наших дней, а в сравнительно недавнем прошлом, то есть в начале н.э. и в эпоху средневековья, проявлялись все еще заметно, что и нашло свое отражение в письменности и в литературе. Где и в каких условиях могли сложиться такие схождения и такая близость?

Наиболее убедительные ответы на ряд подобных вопросов дает полярная теория, которой нам и следует здесь уделить внимание. Зародилась она в умах исследователей прошлого века, когда они, один за другим, из числа тех, кто изучал санск-

рит — «язык индийской культуры» — стали обращать внимание на содержащиеся в древнейших памятниках литературы Индии, таких как Веды и эпос, описания природных явлений, совершенно не соответствующих действительности Индии или лежащих от нее к западу стран Азии. Проследить эти описания «вниз» по ступеням эпох было хоть и трудно, но возможно, так как в религиозных гимнах Вед веками свято сохранялся каждый звук, каждое слово без права внесения в них малейших изменений. Удалось установить место и время завершения главной из Вед — Ригведы (то есть Ричведы, или Рикведы, букв.: «знания речи» — слова-синонимы «риг-рик-рич» сохраняются и сейчас в старорусском в известной всем форме «реку, речешь» и других аналогичных образованиях). Ригведа была завершена в конце II тысячелетия до н.э. в области северо-запада древней Индии. Тот факт, что до наших дней строго соблюдается запрет на внесение в нее изменений, как речевых, так и фонетических, заставляет думать, что этот запрет возник гораздо раньше, в доиндийский период жизни ариев, когда в среде жрецов сложилась эта традиция бережной передачи знаний из уст в уста, от учителя-проповедника к ученику, из поколения в поколение.

Из Вед многие описания перешли в связанные с ними памятники ведической литературы (а они в Индии насчитываются сотнями) и стали известны более широкому, чем жрецы, кругу лиц. В знаменитой эпической поэме «Махабхарата», начало сложения которой тоже теряется во тьме веков, также содержится ряд описаний загадочных природных явлений, которые далеки от реалий Индии. Так в чем же дело? Эти описания отличаются заметным сходством с имеющимися и в древнейших по своему происхождению преданиях, сказаниях и поверьях всех славян. Б.А. Рыбаков в своей книге «Древняя Русь» пишет, что их истоки «нам по-настоящему неизвестны, так как фольклористы XIX—XX веков уловили лишь схемы сказаний, получивших еще в средневековые христианскую окраску». В какой же глубокой древности могло возникнуть такое сходство? И где? Многие из описаний, содержащихся в древнеиндийской литературе, которые принято считать загадочными, совсем не кажутся таковыми славянам, даже живущим в наше время. Их предки в течение тысячелетий наблюдали на крайнем севере эти «загадочные» явления природы (как их могут наблюдать и живущие в тех краях наши современники), а поэтому не только русским, но и неко-

Северное сияние.

(Рис. из книги Е. Елачича «Крайний Север как родина человечества» СПб, 1910)

торым другим индоевропейским народам вполне знакомо то, что в Индии считается уже только мифами или поэтическими аллегориями, как, например, описание в «Махабхарате» северного сияния.

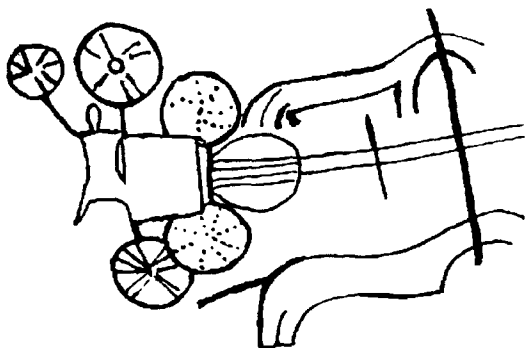
Остановимся на этих моментах как основных в построении полярной теории, а затем перейдем к сопоставлению славян с арьями по перечисленным выше поводам для сравнения: а) и б).

В полярной теории ряд загадок разрешается без особого труда, а на другие будут, видимо, найдены ответы исследователями в самом недалеком будущем.

Большинство источников видит «родину, или «прародину» арьев в лесостепной зоне Причерноморья. Это утверждение не расходится с той исторической истиной, что жившие здесь рядом с праславянами арьи, занимавшиеся главным образом скотоводством, стали волна за волной уходить в сторону Ирана и Индии в конце III — начале II тысячелетия до н.э. при наступлении затянувшегося периода засухи. Жили они здесь до своего постепенного ухода длительное время, но значит ли это, что земли «от Днепра до Урала» можно назвать их прародиной? Нет, не значит, тем более что и на Урале и в Зауралье жили, как считают некоторые ученые, ираноязычные арьи, тогда как другие утверждают, что они были индоиранцами (из последних работ см. Е. Кузьмина. Откуда пришли индоарии. М., 1994).

«Около 2000 г. до н.э. обширные степные территории, простиравшиеся от Польши до Средней Азии, населяли полукочевые варварские племена; это были высокие, довольно светложкие люди... Они приручали лошадей и впрягали их в легкие повозки на колесах со спицами. Колесницы превосходили быстроходностью влекаемые ослиами неуклюжие телеги с четырьмя сплошными колесами — лучшее средство передвижения, известное Шумеру той эпохи... В начале II тысячелетия... эти народы пришли в

движение. Они мигрировали группами в западном, южном и восточном направлениях, покоряли местные народности и смешивались с ними, образуя правящую верхушку... Некоторые племена переместились на территорию Европы, и от них произошли греки, латиняне,

Наскальное изображение конной колесницы арьев. (Сев. Индия, нач. II тыс. до н. э.)

кельты и тевтоны. Другие пришли в Анатолию и в результате их смешения с местными жителями возникла великая империя хеттов. Некоторые — предки современных балтийских и славянских народов — остались на своей прародине». (А. Бэшем. Чудо, которым была Индия. М., 1977, с. 37.)

Не углубляясь здесь в проблему признаваемой в науке балто-славянской общности, укажем лишь на мнение известного венгерского лингвиста Я. Харматты, выступившего с докладом на Международном симпозиуме «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.)», в котором содержалось утверждение, что «индо-иранские племена отделились от балтов и славян в начальный период развития земледелия в Европе, то есть примерно в первой половине V тысячелетия до н.э.». (Сборник под указанным названием вышел в Москве в 1981 г.). Эта дата указывает на признаваемый наукой факт наличия славян в V тысячелетии до н.э. Рыбаков Б.А., пытаясь определить место древнего расселения праславян, которое он именует прародиной, указывает: «Наименее определенной была северо-восточная окраина земли праславянских племен, где могли быть неясные для нас индоевропейские племена, не создавшие прочного, ощутимого для нас единства... Вытянутость праславянской области в широтном направлении на 1300 км (при меридиональной ширине 300—400 км) облегчала соприкосновение с разными группами соседних племен». Далее исследователь подчеркивает историческую важность такого фактора, как «двухтысячелетняя устойчивость основной области расселения

Носильщик тяжестей. Во внешности черты арийского типа. Сев. Индия

праславян». (Б.А. Рыбаков. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 206—208.) Здесь важно уделить внимание тем фактам исторической значимости, которые дают всем историкам ключ к утверждению наличия в указанной области праславян, начиная с рассвета эпохи бронзы, с первых веков II тысячелетия до н.э. Сюда, значит, и продвинулись к этому времени близкие предки славян и прочно заняли эти земли, поддерживая связи не только с западными, но и с «неясными» восточными соседями, в число кото-

рых входили и продвинувшиеся к югу племена арьев, о чем свидетельствует и такой фактор, как неоспоримая близость языков, и такой, как множество сохранившихся здесь (как на Русском севере) топонимов и гидронимов арийского характера.

Как уже упоминалось, историки в поисках «прародины» не только арьев, но и других индоевропейских народов, включая и предков славян, обратили свои взоры на Приполярье. Заметное воздействие на подход к этой проблеме оказала дискуссионная книга американского историка Уоррена «Найденный рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе», выдержавшая несколько изданий (последнее — в Бостоне в 1893 г.). Среди предков других народов начали в Арктике искать и предков арьев, или индоиранцев (названных так по «будущей их судьбе» — они стали, как нам известно, жителями Индии и Ирана). Внимание историков многих стран привлекла книга известного индийского ученого, знатока санскрита (как в ведийской, так и в эпической и, самой поздней, классической его форме) Бала Гангадхара Тилака (1856—1920). Этот труд под названием «Арктическая родина в Ведах» был впервые издан в 1903 году, а затем

неоднократно переиздавался на разных языках (перевод на русский был издан в Москве, изд. ФАИР-ПРЕСС, 2001 г.). Исследователями было выявлено сходство многих слов индоевропейских языков, а также ряд совпадений в их грамматическом строе и некоторая близость верований и обычаев этих народов. В поиске путей «прародины» и «праязыка» некоторые ученые пришли даже к прямому заключению, что в древности была общая арийская раса. Возникла дискуссия о возможности существования такой расы, и проявилась тенденция причислять к ней лишь кельтов и германцев. Сначала искали их родину в Центральной Азии и даже в Гималаях, что является абсурдом с точки зрения любой отрасли науки, затем связали их происхождение с «арийской расой» севера, и в результате многие вышли за рамки научных исследований, что привело в XX веке к нелепому утверждению об «арийстве» немцев и «неарийстве» ряда других народов, в том числе славян. Нам всем известно, какой трагедией завершилось это отчисление славян от «арийской расы», каким мучениям и издевательствам подвергались славянские народы за свое «неарийство» и до какой нелепости доводили немецкие фашисты свои «арийские достоинства». Подобные теории не имеют никаких исторически оправданных оснований и относятся лишь прямо к области геополитических спекуляций.

А никаких достоинств, определяемых по этому признаку, не было и быть не могло, так как нигде на земле и никогда в истории не существовало этой пресловутой «арийской расы». Не существовало и народа, именуемого арьями, хотя это название постоянно встречается и в индийской литературе. Повторяем, что это название относят к древнейшей общности племен индоиранцев, в состав которых входили две группы — индоязычных и ираноязычных племен. Один из известных историков-иранистов Э.А. Грантовский убедительно доказал в своей книге «Ранняя история иранских племен Передней Азии» (М., 1970), что «индоиранское единство безусловно следует рассматривать как реальный исторический комплекс, а его возникновение — как результат интенсивных связей в течение определенного периода и на сравнительно ограниченной территории» (с. 346). Это утверждение может отсылать исследователей лишь к областям Приполярья и к периоду жизни этого «единства» до предполагаемого разделения на две ветви: индоязычную и

ираноязычную, так как нигде больше их единство не может быть выявлено. Но под вопросом стоит и сам факт подобного разделения — наличие такого единства в глубочайшей древности пока никем не доказано и остается в области предположений. Они основаны на том, что во многом сходны гимны Риг-веды и Авэсты (и по языку, и по описываемым фактам), но это может равноправно означать и указания на близкое соседство и даже родство древних групп арьев, но не обязательно на их единство — тем более что в той же Авесте отражена вражда между расселяющимися группами арьев. Следует помнить о том, что именно с индоязычными арями были особенно близко связаны древние племена, формирующиеся на северных землях Восточной Европы, и в первую очередь прапредки славян, что, повторяем, доказывается значительной близостью культурного наследия и языковым сходством.

Девушка из Кашмира. Такой тип внешности признается «арийским»

Каждый этнос, даже в эпохи своего формирования из объединяющихся семейно-родовых групп, имел название; чаще всего это было так называемое самоназвание — обычно племя называло себя на своем языке словом «люди, человек». Соседние племена именовали их по-другому, но как — этого нам знать не дано для таких отдаленных эпох. Напоминаем, что слово «арья» (которое стали часто переводить как «благородный») относилось к большой группе племен, родственных по языку и культуре. О том, что племена арьев в Индии назывались по-разному, мы узнаем только из древне-

индийской литературы. Равным образом мы не знаем и изначальных названий других индоевропейских племен, включая и славянские.

Не исключено, что зарождающееся этническое самосознание какого-либо племени в эпоху его формирования могло выражаться в том, что его члены начинали считать себя более «благородными», чем люди из других племен. В результате знакомства ученых позднего времени с индийской литературой в европейскую науку вошло слово «арьи» (причем часто имеющее самые разные значения), а от него и такие названия языков, как индоарийские.

Приходится, к сожалению, остановиться и на развившейся за последнее время тенденции некоторых авторов связывать арьев только с историей сложения южных славян, а в частности — украинцев. Это смыкается и со все чаще появляющимися в прессе рассуждениями о «величии арийской культуры» и о необходимости возродить целый ряд ее проявлений для того, чтобы ввести их в современную жизнь. Поскольку культура кочевых скотоводческих племен арьев ни на какую особенную цивилизаторскую миссию претендовать не может, то бесцельны и старания тех, кто пытается завесить и свою историческую роль путем приписывания себе «арийской высоты» и особенно в области духа. Такими ошибками, явно продиктованными уклоном в шовинизм, пестрят, например, киевские публикации некоторых авторов (в частности: Шилов Ю. Прародина ариев. Киев, 1995, его же Пути ариев, Киев; 1996; Каныгин Ю. Путь ариев. Киев, 1996), пытающихся доказать, что и сами арьи зародились на Украине и что эта земля была изначальным ядром цивилизации, распространившейся затем среди всех народов-носителей индоевропейских языков. Доказанное наукой сходство многих черт славянских языков с санскритом никак не говорит о некой величине или высоте арьев и славян, но лишь о том, что формирование первичных ядер этих этносов протекало, как полагают, на землях Заполярья в те века, когда все прапрапредки индоевропейцев стояли на уровне развития, соответствующем концу палеолита и началу неолита.

Видный русский языковед Ф.П. Филин считает, что «в процессе выделения общеславянского языка из балто-славянской лингвистической зоны (или иных зон) в общеславянском единстве оказались генетически разные диалекты. Не каждая диалек-

тическая особенность обязательно моложе языковой основы, к которой она относится» (Ф.П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972). Можно утверждать, что подчеркиваемая в данном сборнике близость славянских и арийских языков именно **не моложе, а значительно древнее** той языковой основы, которую исследователи именуют уже общеславянской, и одни из них датируют ее концом (или началом) II тысячелетия до н.э., а другие — V—IV тысячелетием.

Некоторые полагают, что славянские языки сблизились с арийскими при посредстве финно-угорских племен, как будто искони живших на нашем севере, а поэтому имевших все шансы поддерживать близкие контакты с арьями, расселявшимися, по Тилаку, из арктических областей. Приобщившись к арийским языкам и культуре, финно-угры якобы в дальнейшем обучили всему этому славян. Трудно здесь и обсуждать подобный взгляд на историю наших далеких предков. По данным энциклопедий и трудов по истории финно-угорских народов, их языки вместе с самодийскими входят в уральскую семью языков, не сходную с индоевропейскими. На Урале, в Зауралье и в западном Приуралье прафинно-угорские языки отделились от своего предка — прасамодийского языка и были распространены только в этих районах до конца III тысячелетия до н.э. В III—II тысячелетиях некоторые их племена мигрировали по лесной части северных районов Восточной Европы вплоть до Балтийского моря. Значит, их контакты с приуральскими группами арьев могли привести к некоторым языковым заимствованиям, что и выявлено наукой. Но в дальнейшем их встречи и даже соседство с предками славян были, видимо, довольно далеки от тесных контактов, так как в славянских языках практически прослеживается мало заимствований из финно-угорских, особенно таких схождений, которые связаны с древнейшими периодами жизни. Поскольку к древнейшему периоду формирования всех индоевропейских народов относятся достигавшие разной степени развития их взаимные связи, а значит, и взаимопроникновение ряда издревле общих или сходных слов, то, повторяем, что хотя такие схождения прослеживаются вплоть до нашего времени, наибольшее их количество относится все же к славянским языкам и санскриту, что крайне важно для подтверждения **глубокой древности** происхождения славян и близости их далеких предков к предкам арьев.

4. ПОЛЯРНАЯ ТЕОРИЯ

Но обратимся вновь к полярной теории. Тилак исследовал и откомментировал Ригведу и другие памятники ведической литературы, внося ряд исправлений в переводы западных ученых. По рождению он принадлежал к высшему сословию брахманов, знатоков и преподавателей священных знаний. Тут нужно сказать, что каждый из индийских знатоков своей древней литературы не просто знает ее язык и содержание памятников, но и с детства пропитан традицией ее толкования и расшифровки, что гораздо ценнее автоматического перевода ее слов (особенно синонимов). Очень важно и их знание тех астрологических комментариев к древним текстам, которые сохранялись в течение тысячелетий. Опираясь на широкий спектр своих знаний и, главное, своего глубокого понимания памятников древнеиндийской литературы, Тилак, имевший степень бакалавра филологических наук, раскрыл в своей книге ряд описаний и аллегорий, содержащихся в Ведах и эпосе, долго не поддававшихся исторически достоверной обоснованной расшифровке.

Его труд помог понять и гимны другой древнейшей книги арьев (их иранской ветви) — Авесты, которая во многом крайне близка Ригведе. Признано, что Ригведа была завершена во второй половине II тысячелетия до н.э., Авеста же датируется рубежом II—I или даже первой половиной I тысячелетия до н.э. Ригведе приписывается много авторов, древних пророков-мудрецов, а Авесту якобы создал один человек — Заратуштра (Зороастр). Обе книги содержат много разнообразных гимнов, молитв и заклинаний, и по содержанию Авесты можно с уверенностью судить, что она создана не одним автором и даже не на протяжении жизни одного поколения, а на протяжении ряда столетий. Но мы здесь говорим об Индии и работе Тилака, поэтому не будем углубляться в суть Авесты.

Тилак дал нам ключ к гипотетическому предположению о том, где и когда были сложены самые древние гимны Ригведы, а значит, где и когда формировались племена, известные под собирательным названием арьев. Его анализ гимнов настолько достоверен, что о полярной гипотезе следует говорить как о теории, и под этим названием она вошла в мировую науку.

В Ригведе, как и в комментариях к ней и других древнейших текстах, говорится, что арии до Индии прошли много стран, но

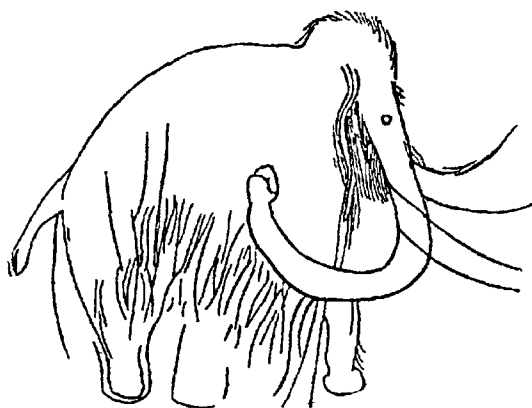
никто еще не выяснил, какие это были страны, как не уточнена и длительность всего периода сложения гимнов. Сколько времени он занял — триста лет, пятьсот или тысячу? Или пять тысяч лет? Ответа пока нет

Б.А. Рыбаков в своей неоднократно переиздававшейся книге «Язычество древних славян», насыщенной информативным материалом и интереснейшими мыслями автора, говорит, что «период истории первобытного человечества... должен рассматриваться как период формирования общего фонда размышлений древнего человека о природе и своем месте в ней».

Надо вспомнить о том, что на землях Восточной Европы вплоть до Ледовитого океана ледника не было уже в XII тысячелетии до н.э. — к такому выводу приводят материалы книги «Палеография Европы за последние 100 тысяч лет» (М., 1982). Хотя отступающий лед еще сохранялся на землях Скандинавии. За постепенно (в течение многих тысячелетий) отступающим к северу с земель Европы ледником двигались животные, составляющие в этой глубочайшей древности основной объект охоты. Многие люди, ища пропитания, шли, охотясь на мамонтов, шерстистых носорогов и разные виды копытных. Достигнув на севере Восточной Европы берегов океана, они стали век за веком численно накапливаться в его прибрежных областях. И здесь, на местах длительного проживания семейных и семейно-родовых коллективов, начали складываться, как уже указывалось,

исходные формы культуры укрупняющихся человеческих сообществ.

Археологи открыли на Севере за последние годы много стоянок, из чего следует, что в областях Заполярья последовательно развивались локальные культуры и по мере развития хозяйства люди постепенно перекочевывали к

Мамонт был одним из объектов охоты предков индоевропейцев эпохи палеолита

югу, движимые поисками новых земель для своих разрастающихся коллективов, да и наступившим похолоданием.

Из сводки данных, приведенных в книге Е.П. Борисенкова и В.М. Пясецкого «Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы» (М., 1988) следует, что «...быстрое глобальное потепление климата началось примерно за 13 тысяч лет до н.э., «субарктические леса» сместились примерно на 300 км севернее их нынешней полярной границы», а в VII—V тысячелетиях до н.э. среднегодовая температура на севере не опускалась ниже нуля градусов по Цельсию. В работах наших палеоклиматологов содержатся и другие интересные свидетельства, касающиеся состояния северной природы в X—VII тысячелетиях до н.э., подтверждающие факт отступления отсюда ледника задолго до этого времени. Так, мы можем узнать, что на указанный период приходится на крайнем севере «абсолютный максимум» березы, что были сосновые и еловые леса, а также росли в изобилии деревья широколистных пород в сочетании со злаково-разнотравным покровом почвы. Эти сведения содержатся в сборнике «Новые данные по геохронологии четвертичного периода» (М., 1987). Все эти открытия позволяют относиться к мыслям Тилака со все нарастающим доверием и интересом.

Ведь в условиях мягкого климата арктических районов в древности, где тундра начала сменять леса лишь к III тысячелетию до н.э., то есть после окончания длительного теплового периода (так называемого климатического оптимума голоцена), существовали все условия для развития хозяйства и культуры живших там людей, формирующихся этносов индоевропейцев, включая прапрапредков арьев и славян. И эту культуру уносили с собой переселяющиеся с севера племена, храня ее в своей коллективной памяти, воплощая в гимны, мифы и предания и сообщая тем народам, с которыми они встречались, соседствовали и рождались на своем долгом пути.

Особое недоумение ученых вызвало, например, то, что в ведической литературе говорится о неподвижном стоянии Полярной звезды над головой и о том, что вокруг нее описывают круги все небесные светила. Все сходились во мнении, что это выдумка Тилака. Но Е. Елачич — надо сказать, что он оказался единственным русским ученым, который откликнулся на труд Тилака, — в своей книге «Крайний север как родина челове-

ства»* пишет, что над полюсом еще в III—II тысячелетиях до н.э. стояла другая звезда — альфа созвездия Дракона, а известная нам Полярная звезда из созвездия Малой Медведицы появилась позднее как «точка упора» в космосе земной оси при новом ее склонении. Следует отметить, что культ «полярной» звезды мог сформироваться еще в более древний период (около 10 тысяч лет назад), когда земная ось указывала на альфу созвездия Лиры — Вега, одну из наиболее ярких звезд северного полушария.

Ведическое название Дхру́ва, переводимое как «Полярная звезда», видимо, и относилось не к Полярной (альфа М. Медведицы), а к альфе Дракона или даже к альфе Лиры — Вега. Но важно то, что в такой глубокой древности люди уже сознательно наблюдали небо, умея фиксировать свои наблюдения и выводы в памяти поколений и связывать все это со своей практической земной жизнью и с прокладыванием своих путей по лицу земли (как это делают и сейчас моряки или летчики).

Интересно здесь привести некоторые примеры наблюдений далеких предков ариев за природными явлениями Приполярья. Мы можем их узнать только из таких памятников, как древнеиндийская литература, или Авеста. Так, в индийском религиозно-правовом трактате «Законы М́ану» (перевод впервые издан у нас в 1960 году) мы находим такие слова: «Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные... У богов день и ночь — (человеческий) год, опять разделенный надвое: день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу» (гл. I). Солнце, уходящее к югу на полгода, могло означать только полярную ночь, равно как и уходящее к северу — незакатный полярный день. В одной из частей Авесты, в Вендидáде, тоже говорится, что для богов один день и одна ночь — это то, что есть год. Арктическим явлениям соответствуют и описываемые в древней литературе красочные картины неба, поясняемые как видимая людям борьба богов света с демонами мрака, когда всюду с неба льются потоки крови, падают золотые сетки украшений, огненно сверкает разнообразное оружие, а небо покрывают громадные стрелы с остриями из золота. По окончании очередной битвы все это великолепие скрывается в океане. Это ясно соответствует северным сияниям.

*Елачич пересказал на русском языке и разъяснил тот новый анализ текстов Вед, который был проведен Тилаком, и выразил полное согласие с его выводами (СПб, 1910).

В гимнах Ригведы воспевается и бог года, имеющий голову, одна сторона которой образована днями света, а другая — днями мрака. Равным образом в «Махабхарате» говорится, что три сотни и шестьдесят коров рожают одного теленка, то есть 360 дней составляют год. Но допускают его сосать дважды — это тоже указывает на две половины года.

Тилак обращает внимание еще и на другой интересный феномен — на наличие в древних частях Вед лишь шести божеств солнца, то есть шести месяцев в году, в мифах же более южного происхождения говорится о десяти, а затем и о двенадцати солнцах-месяцах года: этим прослеживается движение людей к югу. Первое указание совпадает с описанием шестимесячной световой (и полусветлой) половины года, а второе — с гораздо более поздним солнечным календарем, известным, наряду с лунным, всем индоевропейским народам, включая арьев и славян.

Тилак уделяет внимание и тому, что в ряде ведических гимнов воспевается период зари, которая бывает дважды в году и длится дольше 30 дней, включая и появление краешка солнца над горизонтом (такие периоды зари именуются «рассветом и закатом» дня богов). Утром заре предшествуют, а вечером следуют за ней многодневные сумерки. Все это уже уменьшает длительность упоминаемой «полугодовой ночи» на 2—3 месяца, и таким образом на это время повышается срок освещенности местности, пусть даже и отраженным светом (вероятно, и отра-

Музыкой встречают восход солнца статуи Храма Солнца (Конарак, шт. Орисса. XIII в.)

женной солнечной радиацией), что способствует удлинению вегетативного периода и укреплению здоровья людей. В Ригведе богиня зари Ушас часто воспевается во множественном числе: «Из этих многих сестер в течение (многих) дней она идет последней вслед за прежней». И еще: «Вот появилась она... красуясь незапятнанным телом... Сестра уступила свое место старшей сестре... пламенея лучами Сурьи», то есть солнца (I, 124)*. Это явная картина постепенной смены сестер-зорь, нарастания длительного полярного восхода солнца.

О долгой ночи говорит и гимн, посвященный героическому богу Индре: «О Индра, я хотел бы достигнуть света, исключаящего страх, да не погубит нас долгий мрак!» (11,27).

Индийские исследователи Вед и эпоса, а также астрономы во многом приняли анализ Тилака и стали развивать его открытия и мысли. Поскольку же у нас нет возможности проследить и учесть их выступления и публикации, появляющиеся в разное время и в разных изданиях, остановимся на двух докладах, прочитанных на XXVI Международном конгрессе востоковедов, который проводился в Индии в 1964 году, то есть вскоре после третьего переиздания книги Тилака (1956 г.). Авторы докладов пытались внести свою лепту в подтверждение его работ.

Так, Р.К. Прабху призвал специалистов обратить внимание на несколько чисел, которые индийская традиция признает почти обожествленными, а именно: 16, 24, 40, 64 и 86. Докладчик считает, что их следует связывать с периодом жизни арьев в арктическом регионе, где эти числа могли быть соотнесены с подсчетами астрономических периодов.

Р.К. Прабху объяснил их следующим образом: 16 означает число дней (суток) весеннего непрерывного восхода и осеннего захода солнца, 24 — число дней зари весной и осенью, 40 складывается из суммы $16 + 24$, что повторяется дважды в году, 64 — это число дней долгой ночи, а 86 дней солнце светит от восхода до захода. Такие числа могли родиться, по мнению Прабху, только на отметке 86° северной широты, где арьи жили за 20 тысяч лет до н.э., и их родина прекратила свое существование одиннадцать тысяч лет тому назад.

Если мы сложим все дни, упоминающиеся в докладе Прабху, то получим сумму в 230 дней, и тогда встает вопрос о недо-

*Цифры в скобках — это номера книг Ригведы и гимнов в них (Ригведа, мандалы I—X. М., 1989—1999).

стающих 130—135 днях. Возможно, он не учитывал части того срока, в котором солнце описывается как «танцующее» или «качающееся»? Это те сутки, когда солнце кратковременно появляется над горизонтом, постепенно возрастая в дни восхода или же «ныряя» за горизонт в дни своего захода. В дни восхода это время составляет 130 суток, а в дни захода — 133. Эти данные приводятся в «Таблице солнца для города Мурманска», изданной в Мурманске в 1984 году. По этим данным видно, что время сумерек, т.е. время, называемое в индийских источниках периодами «мерцающего полумрака», соотносимого с восходом и заходом, совпадает с днями недолгого пребывания части солнечного диска над горизонтом — с днями «качания». Время, протекающее между первым (весенним) и последним (осенним) бликом солнца и его полным появлением над линией горизонта, и включает в себя дни сумерек.

В докладе Прабху привлекают вниманием два числа — 64 и 40. Возможно, они отражают смещенное представление о дне и ночи на широте Мурманска? Этот город расположен на 69-й параллели, на два с лишним градуса севернее Полярного круга, но Прабху пишет, что ночь длится 64 суток, а не 40 — это видимая ошибка для данной широты. Тем не менее приводимые в докладе 64 ночи и 86 дней солнца особенно интересны тем, что они соотносятся с более высокими широтами и соответствуют примерно 70 градусу. Могли ли прапедки арьев высчитать эти данные? Если да, то приводимые в докладе цифры могут говорить о следующих реалиях: 64 и 86 — примерная длительность ночи и дня на широте выше 70 градуса, что расходится с толкованием Р.К. Прабху, но не умаляет важность того факта, что он впервые по-новому оценил эти «обожествленные» числа (на 70-м градусе день длится 74 суток, а ночь — 58).

Здесь уместно вспомнить и «день богов» ведической литературы, приравниваемый мифологически к «половине» года, то есть к периоду освещенности, включающему дни восхода и захода, и равному в целом 150 дням. Это приближается к данным о распределении года вблизи полюса, так как на самом полюсе день длится 189 суток, а ночь — 176 (всего 365). С указанным подсчетом почти не расходятся и данные, приведенные в докладе (на том же конгрессе) другого индийского специалиста профессора М. Раджа Рао «Арктический год ведических арьев». Он обратил внимание на то, что в древних текстах, сопровождав-

ших обряд принесения царем в жертву *белого* коня, есть упоминание о светлом времени (или периоде) года, которое длилось 260 дней. Здесь можно предположить, что в эти «дни света» включалось частично и время предрассветных и послезакатных сумерек с их отраженным светом, а в указываемый в текстах 100-дневный мрак должны входить «сумерки ночи», когда уже не видно их «мерцания». Все это в целом дает 360-дневный год, что совпадает с длительностью лунно-солнечного года.

На такие же два периода делят год и некоторые из других памятников литературы. В том числе автор указал на «Тайттирийю Араньяку», а также «Махабхарату». В этой поэме говорится, что описываемая в ней великая битва длилась 260 дней (20 тринадцатидневных прохождений солнца через «дома» 12-ти созвездий) и что солнцестояние приходилось на конец 10-го дня его пути, то есть на 130-й день всего светлого периода.

М. Раджа Рао указывает и на такой факт индусской мифологии, как обретение богом Мårtтандом (это одно из имен бога Солнца) бессмертия лишь после ухода арьев из зоны долгой ночи.

В Ригведе же (VII, 87, 5) о боге Вáруне сказано, что «он создал себе золотое качание солнца, как качели», что говорит о кружении солнца на небесах, видимом непрерывно. И это же повторяется в другом гимне (VII, 88). Здесь отражен тот факт, что только в арктическом регионе солнце подобно качелям, когда оно в течение долгого дня не скрывается за горизонтом каждые 24 часа* и «наращивая периоды «выныривания». Верны и описания круговых движений по небу солнца и звезд, что можно наблюдать только в тех краях. В Ригведе говорится, что созвездие Семи Мудрецов (Большая Медведица) всегда видимо высоко в небе, уже это-то никак нельзя было придумать в Индии, где оно неизменно видно лишь низко над северным горизонтом. Это данные гимнов Вед, и уже одно это говорит о большой древности космогонических наблюдений предков арьев.

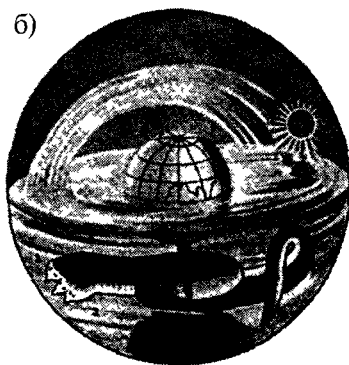
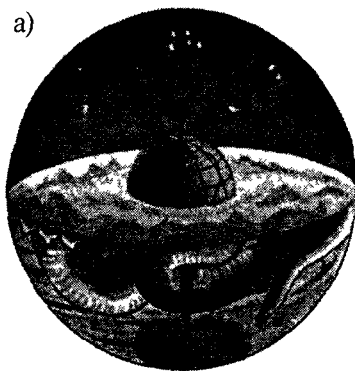
В Ведах воспевается борьба бога Индры с демонами тьмы, надолго заглатывающими солнце. Индра, убив дубиной демона-

* Это явление прекрасно описано архангельским писателем Б. Шергиным. «В летние месяцы, как время придет на полночь, солнце сядет на море. точно утка, а не закатится. смежив на минуту глаза, снова пойдет своим путем, который ходит беспрестанно, без перемены» (Запечатленная слава М., 1983, с. 35).

дракона (или змея), «породил солнце, небо и утреннюю зарю», освободил воды, которые «стояли скованные», «нашел спрятанный втайне клад неба... замурованный в скале... и похоронил черную кожу». Здесь поневоле вспомнишь о том, что в славянских мифах с образом Индры сближается упоминаемый в «Голубиной книге» зверь по имени Индрик, который «всем зверям отец» и «прочищает все ключи неточные» (его же там упоминают и как Индру, и как Индрока). Это прямо совпадает с верой арьев в то, что Индра бьется с черными демонами, ненавидящими свет, побеждает их и возвращает к жизни воды, превращенные ими в камень, после чего реки снова бегут к морю.

Древнейшим персонажем славянского язычества является па-стух, защитник людей и стад, убивающий своим посохом (вероятно, дубиной, что выглядит более правдоподобным) змея-дракона, пожирающего свет. Из этого древнейшего образа родился позднее герой света Егорий, вошедший в христианство под именем Георгия Победоносца. В фольклоре многих народов земли есть легенды о змееборце, но это не борьба за освобождение Света.

Тилак, не знавший славянских языков и фольклора, обратил, тем не менее, внимание на наличие в этом фольклоре такого персонажа, как Кошей, поглощающий свет и жизнь, и на описание подвигов светлого героя, освобождающего жизнь и солнце.

а) Трехголовый змей мрака захватил солнце. Наступила полярная ночь

б) Индра победил змея, освободив солнце.

(Из книги Б. Г. Тилака «Арктическая родина в Ведах»)

В результате долгих тысячелетий предки арьев и славян раз-
вили столь много общих черт культуры, что славянское языче-
ство являет собой неисчерпаемый, хотя и крайне слабо изучен-
ный, кладезь знаний о древнейшем периоде нашей истории,
знакомиться с которым мы теперь можем по многим паралле-
лям, сохранившимся в индийских устных и письменных источ-
никах*. Следует обратить внимание и на указания в Авесте, свя-
занные прямо или косвенно с северными областями. Одним из
таких указаний можно признать сведения, содержащиеся в гим-
не Видевдáта, посвященном «звезде блестящей Тiштрия», кото-
рая восходит из моря Ворукаша (это море, подобно «молочному
океану» Ригведы, некоторые исследователи, предположительно,
соотносят с Ледовитым океаном) и пребывает со своим спутни-
ком (звездой Сатаваэса) «над горою, стоящей посредине на
море Ворукаша»; ее почитают наравне со «звездами семизначны-
ми», то есть с созвездием Большой Медведицы (которая из юж-
ных стран бывает видна лишь низко на северном небосклоне);
наряду с ее описаниями упоминается и ветер, гонящий дождь,
и туман и град; эту звезду ничто не может повредить и предать
ее гибели. Мы останавливаемся здесь на воспевании этой звез-
ды, так как в Индии до наших дней сохраняется культовое
почитание Полярной звезды, и даже всемирно прославленный
памятник индо-мусульманской архитектуры — мавзолей Тадж
Махál в г. Агре построен с таким расчетом, чтобы шили на
его главном куполе всегда как бы упирался в Полярную звез-
ду, что очень четко видно, когда ночью стоишь перед входом
в это здание.

Сама география Авесты говорит о том, что продвижение
древних племен арьев было ориентировано с севера на юг: евро-
пейская роза ветров как бы перевернута в Авесте на 180° — счи-
талось, что юг является **передней стороной**, север — **задней**, за-
пад — **правой**, а восток — **левой**.

Еще одним указанием на северную «прародину» может слу-
жить упоминание в гимне Хвáрно горы (возвышенности?) Уд-
рья, или Выдрья, то есть «обильная выдрами», которые на юге,
как известно, не водятся. Равным образом, богиня реки Ардх-
ви-Сура носит накидку из трехсот шкур бобрих, а некий Урупи

*Ниже будет приведена таблица схождения в культовой терминологии
славянских язычников и индусов.

(гимн Хварно) носит лисий мех*. Нельзя обойти вниманием и то, что в Авесте века измеряются не летами, а зимами: «И царству Йимы настало триста зим, и стало тесно людям и скоту. Тогда Йима выступил к свету в полдень на пути солнца, и расширил свою страну, где люди жили шестьсот лет, а затем снова расширил страну в сторону Солнца, и жили в стране девятьсот лет» (итог: срок продвижения к югу равнялся 1800 годам). Сходится с индийскими источниками и упоминание в Авесте о том, что «одним днем казался год».

В Авесте есть и воспоминания о том, что родина арьев была некогда светлой прекрасной страной, но злой демон наслал на нее холод и снег, которые стали поражать ее ежегодно на десять месяцев, солнце стало восходить лишь один раз, а сам год превратился в одну ночь и в один день. По совету богов люди ушли отсюда навсегда.

Да, ушли. Но не все же и не навсегда. Оставшиеся выстояли наступившее после теплого периода похолодание, приспособились к нему и жили, да и живут, как известно, там и сейчас.

Ввиду того, что археологические раскопки на крайнем севере Восточной Европы производились слабо, мы не знаем, когда там стали разводить скот, но в древних гимнах Вед постоянно упоминаются коровы и принесение их в жертву богам. Возможно, к югу стали передвигаться люди, уже знавшие занятие пастушеским скотоводством. Например, о боге Индре постоянно говорится, что он очень любил напиток под названием сома, и описывается его приготовление, в котором проскальзывают указания на то, что дело тут не обходится без молока и процесса возгонки — это, пожалуй, четко указывает на молочный самогон. Говорится, что прибавлялся сок какого-то растения, но все называют разные: то коноплю, то — чаще всего — эфедру, а то и мухоморы, что для южных стран неприемлемо (глагол «су» на санскрите означает «истекать, возгонять», и его употребляют в описаниях приготовления сомы). Возможно, этот вид сомы из

* Нам неизвестно, можно ли прямо связывать эти указания Авесты с периодом ведения арьями древнейших форм охотничьего хозяйства, но в Ригведе говорится, что три определившихся в глубокой древности изначально социальные группы различались по своей одежде, предписываемой нормами обычного права, а именно: одеждой жрецов-брахманов была шкура черной антилопы, воинов-кшатриев — шкура оленя, а рядовых общинников — вайшьев — шкура козы.

молока древнее плодоовощного самогона, который стали готовить уже в более южных районах (таких, например, как обширная область Трипольской культуры, созданной в Причерноморье группой индоевропейских племен).

Почти по всей Сибири, и в Приуралье, и в Забайкалье русские употребляют слова «арка» или «араки» для обозначения хмельного напитка, приготовляемого (кстати, многими скотоводческими народами) из перекишшего молока путем перегонки, иначе говоря самогона, или же пьют его без перегонки.

Слова эти, как кажется, звучат не по-русски — возможно, они были заимствованы из монгольского или тюркских языков (как, например, слово «кумыс»), а возможно, и в эти языки они попали из языков древнейших скотоводов — далеких предков арьев и не исключено, что и наших предков.

Есть ли у нас основания думать, что предки славян знали процесс изготовления арки? Да, есть. И знаете, почему? Потому что в русском языке имеются, как указывает В. Даль, такие глаголы, как «аркать», «аракать», обозначающие возбужденную речь. Причиной возбужденной речи может быть опьянение.

Опьяненными могли быть и, судя по указаниям хронистов, были жрецы, испившие алкогольного жертвенного напитка и громко взывавшие к славянским идолам: не случайно, видимо, возникло название славянского храма Аркона (на острове Рюген у южного побережья Балтийского моря), а возможно, не случайно и название Аркайм — восточно-арийского (ираноарийского) приуральского города (середина II тыс. до н.э.).

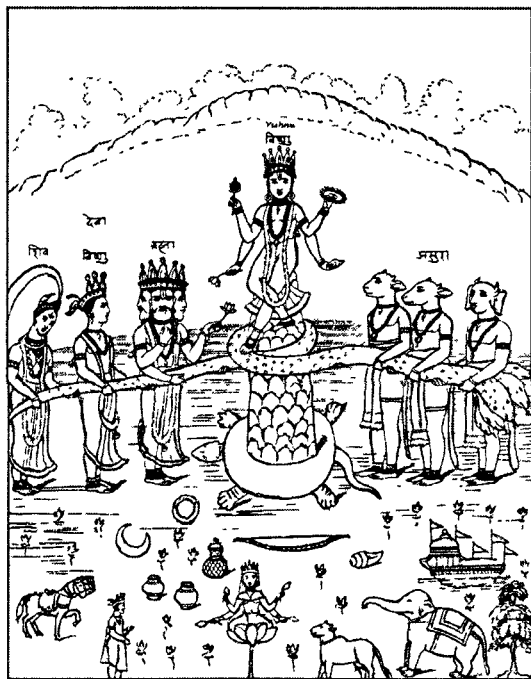
Корень у всех этих слов один — «рик-рек-рич-риг», к которому восходят такие слова, как «ректи», «речение» и «речь», а так же и Ригведа, что переводится, как «речеведение», причем ведение речи не простой, а жреческой — ведь Ригведа является главной из четырех Вед — сборников молитвенных гимнов древних арьев.

Мы можем сделать и такое предположение, что предки арьев знали и высоко ценили опьяняющее, «поднимающее дух» воздействие перекишшего, или каким-то способом обработанного молока (молочного самогона?), если будем судить об этом по... древнеиндийскому эпосу. Давайте заглянем в великую эпическую поэму «Махабхарату». В первой же из 18 ее книг содержится описание того, как некогда, в начале всех начал, боги захотели стать бессмертными, но не знали, где и как добыть амриту —

напиток бессмертия. И сказал всемогущий бог Вишну-Нараяна: «Пусть боги и демоны собьют океан и во время этого пахтанья в нем образуется амрита». И боги вырвали из земли огромную гору и, поставив ее корнем на спину черепахи, которая поддерживала мир, погрузили гору в океан и обвили гигантским змеем ее середину. Один конец змея взяли в руки боги, а другой — демоны. Натягивая змея в одну и другую сторону, они вращали эту гору в водах океана, и из трав и деревьев, росших на ней, истекали в океан разные целительные соки.

И тогда: «Сначала вода океана превратилась в молоко; затем смешалась с превосходнейшими соками и потом уже из молока произошло сбитое, масло...», вслед за тем боги «...стали опять все вместе сильно волновать молочную воду великого океана. Тогда вышел из океана Месяц ясный, точно напоминающий близкого друга. Он испускал сто тысяч лучей и сиял прохладным светом. Вслед за тем появилась из сбитого масла (богиня) Шри, облаченная в белое одеяние, потом появилась Сурá — богиня вина... затем поднялся бог Дханвантáри во плоти, неся белый сосуд, где находилась амрита».

Как бы фантастично и грандиозно ни выглядело пахтанье мирового океана богами, каким бы обилием отвлекающих внимание описаний оно ни сопровождалось, все же суть процесса ясна — из молока готовили опьяняющий напиток, якобы дающий бессмертие. Значит, в памяти коллективного авто-

Сцена пахтанья молочного океана
(индийская картинка)

ра этого мифа (народов — носителей индоарийских языков) хранились традиции, связанные с эпохой скотоводства.

В глубинах подсознания авторов этого эпоса явно сохранились воспоминания (или знание) о каких-то областях, где царил белый цвет и где из молочного океана добывался напиток бессмертия (тут нам следует вспомнить, что это определение и доныне фигурально относят к алкогольным напиткам). Где же могли лежать на земном шаре эти области белизны? Только в двух местах — у Северного полюса и у Южного. Второй следует сразу исключить, так как вся древнейшая устная литература индоарьев содержит упоминания или даже точные описания таких арктических реалий, как северные сияния, долгая «вечная» ночь и «вечный» день, неподвижно стоящая в небе Полярная звезда, кружащиеся вокруг нее планеты и звезды, созвездие Большой Медведицы и т.п. Ни одна из этих реалий не может быть прямо связана с любой другой областью, кроме Арктики, и естественно, живя в Индии, где продолжала авторами создаваться значительная часть эпических сказаний, нельзя было просто все это придумать.

Одним из вариантных предположений о том, что собой являл напиток *сóма*, может послужить мысль об использовании в его приготовлении хмеля. Само слово «сома» совпадет со словом «хмель»: корневые согласные «см» и «хм» равнозначны.

Почти все западные (а вслед за ними и отечественные) исследователи упорно не обращали внимания на это сходство и не могли решить загадку приготовлений *сомы* из какого-то растения, упоминаемого в Ригведе, но уже в XIX веке такие ведущие санскритологи, как Макс Мюллер (Европа) и Раджендралал Митра (Индия) предположили, что в Ригведе может иметься в виду хмель. Обратим и мы здесь внимание на то, что свыше 70 гимнов в ней указывают на *опьянение сомой*, т.е. напитком, который в избытке испивал не только бог Индра, но и жрецы.

Позволю себе привести здесь сокращенный персказ отрывка из недавно вышедшей моей книги «Славяне и арьи: путь богов и слов» (М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002, с. 220—227).

Во многих гимнах указывается на то, что пьют отнюдь не чистый сок растения *сомы*, а проводят долгий процесс изготовления напитка из него. Говорится, что доводят до набухания то ли это растение, то ли нечто другое, — и вот тут надо заме-

тить, что проскальзывают упоминания о *ячмене*. Затем затирают его камнями, заливают водой, цедают, отстаивают, смешивают с сомой; в этом процессе напиток «рычит, мычит и ходит кругами по чану», что можно воспринять лишь как рассказ о шуме брожения. Указание на набухание некоего исходного материала напитка сомы упорно наводит на мысль о зерне, из которого таким путем добывается солод. Спросим: о каком зерне? Вспомнив о теплом климате областей древнейшего расселения арьев и обратившись к В. Далю, увидим, что ячмень определяется как «самый северный колосовой хлеб». А в 23-м гимне первой мандалы говорится и о пахоте, и о том, что бога Пушана, покровителя хозяйства, просят помочь вспахать на быках поле *для посева ячменя*. И в книге «Ведическая Индия» указывается, что одна из разновидностей напитка сомы (а их вообще-то упоминается три) изготовлялась *из смеси с ячменем* [92, с. 396] и что у древних арьев сома была крайне популярным напитком. (В скобках следует согласиться, что такое замечание довольно заметно снижает воспеваемую святость ведической сомы!)

Запомним эти данные о ячмене и поговорим о соме как о хмеле.

Древние арьи и другие уже не раз упоминавшиеся здесь предки индоевропейцев знали на своих землях не только «густой злаково-травянистый покров почвы», но и леса. В лесах вполне мог произрастать и хорошо известный нашим северянам хмель — вьющееся растение, поднимающееся по стволам и ветвям на очень высокие деревья. Глагол «хмелевать» означает в русском словаре «идти в лес собирать шишки хмеля» (для приготовления пьянящего напитка нужны именно шишки, где на тычинках содержится «цветень» — пыльца: «хмелевой цветень одуряет» [29, т. IV]). За шишками на высокие деревья нелегко залезать, поэтому собирают на земле шишки, сброшенные птицами (по легенде Вед, сому-растение принес людям орел или сокол — видимо, это просто мифологизированный образ птиц, невольно помогающих людям). Иногда исследователи буквально понимают слова Вед о том, что сому приносят птицы с высоты гор или неба, но, заглянув в санскритский словарь, можно увидеть, что также словом «парват» обозначается и любое высокое место, любая высота, а значит, и высота дерева.

О том, что *хмель был хорошо знаком арьям* и они его использовали для приготовления напитков, говорится в некоторых па-

мятников древнеиндийской литературы, где прямо указываются условия выращивания и сохранения этого растения. Так, в великом своде законов, в «Артхашастре» (III в. до н. э.), это растение перечисляется в составе «ценных деревьев» [8, с. 105] и названием его служит слово *сомава́лка* [8, с. 608]. Там говорится, что «царь должен предоставлять брахманам леса для... разведения сомы» [с. 65], и сообщается, что на равнинах, «на высоких местах» есть «рощи растений сома» [с. 183]. Это можно понимать только как рощи деревьев, обвивая которые вызревает хмель. Следует процитировать также и комментарий к «Артхашастре»: «Сома — весьма древнее, очевидно вьющееся растение... Сомой называется и сок этого растения, *хмельной напиток*, который употребляется при жертвенных возлияниях и почитается священным. Его выжимают жрецы из стеблей растения сомы, затем омывают водой и процеживают через сито...» [с. 583].

Итак, выстраивается некий смысловой ряд: ячмень... хмель... и слово «пива». Есть и еще слова, наводящие на ту же мысль: а действительно, не была ли эта сома пивом?

Есть в санскрите и такие слова, как «сома-па» — пьющий сому, а есть и другое в том же значении — «сома-пивон». Но есть даже и такое, которое довольно точно указывает на избыточную любовь к соме: «сома-ва́мин» — перепивший сомы до рвоты. (Тут, как кажется, пояснений не требуется.)

Если мы остановимся на мысли о том, что в той глубочайшей древности арьи (а значит, и прочие предки индоевропейцев, бывшие их соседями, а возможно, частично и родней) *знали сому как пиво*, то проверим себя еще раз насчет ячменя. В самом полном словаре санскрита [90] мы обнаруживаем ряд слов, употребляемых в Ригведе, которые указывают на использование ячменя: «я́ва» — ячмень, «явама́т» — выращивающий ячмень, «ява-ад» — поедающий ячмень, «ява́йю» — жаждущий этого зерна, «ява-ашир» — смешанный с ячменем, «яванала» — ячменная солома, и, наконец, следует прямо подчеркнуть слово «явья», бывшее именем группы ведических риши, которое напрямую связывает их смысл с процессом производства сомы именно с применением ячменя.

А как готовят пиво в нашей стране? Оказывается, есть разные способы — более просто делают деревенское пиво, более сложно — фабричное.

Судя по письменным указаниям, замачивают ячмень (можно рожь, пшеницу, овес), чтобы проросли зерна и образовался со-

лод. Подсушенные затем зерна «затирают» — перетирают, дробят *камнями, смешивают с водой*, причем осахаривается крахмал, отфильтровывают сусло, кипятят с хмелем, добавляют дрожжи для брожения, снова очищают и разливают по сосудам. Есть уточнения, что можно обойтись и без дрожжей, их роль может играть естественно забродивший с сахарами солода крахмал зерна.

В Ригведе восхваляется лишь та группа жрецов, которая занималась замешиванием солодового затира, процеживанием сусла и наблюдением за бродильным процессом с последующим разливанием напитка по чанам. Но упоминается постоянно и некая работа *по дроблению затира камнями* — это был нелегкий труд, и занимались им, видимо, жрецы более низкой категории. Музыка же грохочущих камней воспевается не раз. Выявляется аналогия между описанным затираанием солодового зерна и деревенским затираанием. В Ригведе упоминается о том, что размол камнями проводился в больших кожаных мешках из бычьих шкур, и этим якобы поясняется «выдавливание сомы» из растения, а на деле добывался солод из зерна: «Выжимайте же сому камнями, полощите его в воде» [VIII, I]. При изготовлении деревенского пива проросшее зерно туго набивают в грубые мешки и тоже дробят камнями.

В новом интересном исследовании о варке пива Т. Андреевой [6] приводятся ценные материалы, собранные исследовательницей на русском Севере и полученные от стариков информаторов, хранящих старые рецепты. Пиво в больших количествах варили ко многим праздникам. И тот факт, что это считалось ритуально обязательным, говорит о большой древности традиции. Именно в этой статье описано это дробление проросшего зерна в мешках. В четвертой мандале (гимн 24) говорится о *варке сомы*, что и совпадает с привычным понятием *пивоварения*. И большой разницы в процессе не прослеживается (возвращаясь к вероятному отсутствию в древности дрожжей, скажем еще, что и в наше время иногда закваской служит настоящая в тепле смесь сусла, меда и муки, а о добавке именно меда к готовящейся соме вспоминается в Ригведе множество раз).

Обычно исследователи Ригведы не сосредоточивают своего внимания на частых упоминаниях в текстах соломы и воспринимают ее в качестве подстилки из жертвенной соломы. А речь-то, вероятно, идет о другом — о том, что не только цедилка из овечьей шерсти (как почти все переводят указания на фильтро-

вальное устройство) использовалась для очистки суслу от дробленого зерна, а впоследствии, после того как забродит, и от остатков хмелевых шишек. Использовалась для фильтрации также и солома: дно смесительного чана и сейчас устилается соломой, придавленной грузилами через ткань. Солому же кладут на палочки, положенные на венчик сосуда, в который сливается сусло. Через соломенную затычку в отверстии чана выпускается напиток. Так что солома не зря упоминается в Ригведе.

Вот процесс варки в древности неясен. Нет указаний на металлические сосуды, но постоянно — свыше 40 раз — в описаниях упоминаются емкости из дерева. Как в них прогревали смесь, как варили? Не от тех ли далеких времен сохранился широко применяемый у нас метод прогрева и даже доведения пива до кипения путем опускания в раствор раскаленных камней? Ведь в Ригведе постоянно восхищаются ревущими камнями — только ли теми, которыми дробят проросшее зерно?

Необходимо провести строгий технологический анализ гимнов, связанных с процессом приготовления «загадочной сомы».

В одном из новых изданных в Индии словарей, а именно у Апте [91], приводится слово «явасура́», которое переводится как «пиво» и поясняется как «пьянящий напиток из ячменного зерна». Ничего нам не удалось больше обнаружить о нагревании и кипячении. Но нельзя молча проходить мимо, скажем, 89-го гимна восьмой мандалы, в котором жертвенный напиток, подносимый богу, определяется словом «гхárма» — теплый, нагретый, горячий, да еще в 83-м гимне девятой мандалы указывается, что «достигнуть этого» может лишь нечто «вареное», а «сырое» не может.

Необходимо всегда помнить о том, что под названием «сома» в Ведах упоминаются (или, по первому впечатлению, как-то вразнобой описываются) *три вида напитка, носящего это название*. Да и словарь санскрита указывает, что известны *три вида сомы*, различавшихся по исходным (или использованным частично?) материалам. Отдельно от приготовленной на ячмене сомы упоминаются и ее смеси с обычным или кислым молоком.

О чем можно думать, когда встречаются в гимнах слова о разных названиях этих смесей? Упомянутый выше «Указатель ведических имен и предметов» приводит эти названия: «гавашйр» — смесь с молоком, «дадхьяшйр» — смесь с кислым мо-

локом и уже известное нам слово «явашір» — ячменная смесь [89, с. 11]. Часто упоминается и смесь с медом, или добавка меда, или просто поименование сомы медом (в последнем нет ничего удивительного, ибо в Индии медом часто называют все, что мило для глаз или приятно на вкус, на слух и т.д.). А вот молоко с пивом как-то не вяжется. Но если это был отдельный молочный напиток, то, по логике вещей, он должен был бы соответствовать основным качествам сомы, и прежде всего быть опьяняющим. Тут на мысль приходит молочный самогон, известный всем кочевым народам, а стало быть, и кочевникам-арьям, имевшим достаточное количество молока в результате занятий скотоводством.

В гимне 103 седьмой мандалы довольно ясно говорится о *длительном* кипячении молока при изготовлении сомы. Спросите: какой сомы? И если это возгонка молока, заброженного сомой-хмелем, то легко понять, что и брахманы сидят вокруг в испарине, и, более того, становится понятным и многократное упоминание в разных гимнах *сияющей капли* — «Для Индры, о капля, растекайся вокруг». Эта капля не похожа на описываемую сому, которая *бурным потоком лется сквозь цедилку*. Только ли о цедилке надо думать, когда речь идет об очистке сомы? И о какой именно очистке в том или другом случае? Об очистке через сито или о возгонке? Автором данное книги уже была опубликована статья с догадкой на эту тему [26], но здесь уместно будет повторить ту же мысль. Мы знаем, что и без хмеля любой, даже слегка прокисший, молочный продукт начинает бродить, и в должной степени закисания его можно подвергнуть возгонке и получить спиртной напиток. Поэтому напрашивается вывод, что слова в гимнах об «одевании сомы молоком» относятся не к приготовлению ячменного пива-сомы, а к возгонке, то есть к бесконечно повторяемой в гимнах некой его «очистке», не связанной с обильным проливанием сквозь фильтрующую цедилку. Не надо бы забывать, что слова «капля» и «поток» означают разные понятия.

Крупный индийский историк Д.Д. Косамби в своей книге [46] писал об ариях так: «Индра, напоминающий земного военачальника... свирепых патриархальных варваров бронзового века, каким, очевидно, были арии во время первой волны миграции... Не раз в гимнах мы находим обращение к Индре с призывом выпить крепкой опьяняющей сомы (точно неизвестный,

очень крепкий напиток) и вести своих верных арьев к победе... Арьи до своего прихода в Индию уничтожили не одну городскую цивилизацию». Слова этого ученого прекрасно иллюстрируются указанием в 63-м гимне девятой мандалы на то, что соки сомы — «усиливающие Индру... делающие все арийским, разбивающие недоброжелателей», а также строками 61-го гимна той же мандалы: «С его помощью мы хотим получить все великолепие у чужого, у людей (вообще), стремясь к захвату».

Пили и пьют и все славяне, несмотря на запреты и уговоры. Первые упоминания о массовом питии пьянящих напитков (не будем здесь углубляться в производство, скажем, эля на Британских островах — мы не знаем о нем почти ничего) появляются в письменных источниках начиная с X века. И в дальнейших описаниях постепенно вырисовывается картина употребления и изготовления пива и медка (хмельного меда). Чешский исследователь Л. Нидерле указывает, что в грамотах X века славянам предписывалось включать пиво в состав дани, выплачиваемой властвующим князьям [58, с. 202]. В Лаврентьевской летописи под 985 годом упоминается и варка пива с хмелем. Нидерле напоминает, что *рецептура этой варки была уже давно и широко известна индоевропейцам*: «Пили славяне, как и другие окружающие их народы — скифы, кельты, пруссы и германцы, — много, особенно на праздничных пирах, древнее славянское название которых *пиръ* происходит от слова *пити*».

Показательна и сводка сходных русских слов с санскритом, означающих поглощение напитка:

<i>Русский язык</i>	<i>Санскрит</i>	<i>Русский язык</i>	<i>Санскрит</i>
пить	па, пи	то, что пьют	пéйя
пито	пйта	пьянящий	пию́ша
глоток	пйти	пьющий	пйтух
пьющий	пйба	напиток	пйва

5. ПУТЬ АРЬЕВ БЫЛ ДОЛОГ

Археологические раскопки, проводимые в основном в центральных и южных областях Восточной Европы, дали возможность ученым проследить два исторически последовательных, взаимно связанных этапа развития этнических групп, населяющих эти территории. Главным признаком, определяющим эти

этапы, был признан способ погребения как кремированных, так и некремированных покойных. Если в IV—III тысячелетиях до н.э. их останки погребали в ямах, то во II—I тысячелетиях эти останки клали в закопанные (полностью или частично) бревенчатые срубы или в наземные небольшие избушки, как и избушки, поставленные на столбы (отсюда в наших сказках «избушка на курьих ножках»). Первый из этих этапов получил название ямной культуры, а второй — срубной.

Исследователи отмечают, что древняя общность занимала обширные земли лесостепной и степной Европы от запада Черного моря и Белоруссии до Урала и была неоднородна по этническому (и языковому) составу. В ее восточных областях жили и носители так называемого тохарского, то есть индоевропейского, диалекта (Н. Мерперт. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974); Б. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского единства. М., 1963). Выявлено, что в ямных погребениях III тысячелетия до н.э. к востоку от Южного Урала обнаруживаются черепа европеоидного типа, что говорит о миграции на восток древних «ямников».

Третьей своеобразной культурой принято считать приуральскую и зауральскую культуру арьев, получившую название андроновской, как уже упоминалось.

Хозяйство народов, создавших эти культуры, было высоко развито: на хорошо обводняемых равнинах они занимались земледелием и, в меру запросов своего хозяйства, скотоводством, в предгорьях же и на просторах Евразийских степей ведущей отраслью было скотоводство, характерное для хозяйства арьев.

Известно, что уже в V тысячелетии до н.э., судя по находимым в погребениях останкам костей животных, предки славян и арьев имели стада крупного и мелкого рогатого скота и, главное, лошадей*. Развитие коневодства наряду с умением конструировать конные повозки и колесницы, способствовало во II тысячелетии до н.э. сравнительно быстрому уходу арьев на восток.

Тилак пишет также, что арьи разделились на две ветви, но опять же названий этих ветвей не приводит, а упоминает толь-

*А. Бэшем в своей книге «Чудо, которым была Индия» прослеживает пути продвижения арьев на восток и на юг Черного моря в земли, на культуре которых сказалось заметное влияние арьев. Широко освещены в литературе факты прихода группы арьев в страну хеттов и влияния на их хозяйство коневодческой культуры арьев.

ко о отдельных божествах, которым стали поклоняться и приносить жертвы и те и другие. До сих пор точно не определено, когда именно и где они разошлись (если не были изначально разными).

Тилак мог иметь в виду разделение древних арьев именно на индоязычных и ираноязычных (первое название мы применяем здесь условно, так как в нашей науке оно пока не находит себе места). Полагая, что приуральские, уральские (как их считают, южноуральские) и зауральские племена арьев-андроновцев были ираноязычными, многие из исследователей упускают из вида упоминавшиеся уже выше поразительные схождения между славянскими языками (да и не только языками, но и другими явлениями культуры) и санскритом, как древним «предком» современных индо-арийских языков. Некоторые не находят места для предков славян ни в ямной, ни в срубной культурах, хотя в славянских языках меньше схождений с иранским, чем с санскритом.

По всей видимости, именно индоязычная часть древней общности арьев спускалась к югу параллельно (или вперемешку) предкам славян по землям Восточной Европы, почти не переходя за пределы Волги.

Судя по данным языка, единственно доказательного хранителя исторических фактов, пронесшего свои достоверные свидетельства через многие тысячелетия, картину передвижения с севера древних предков индоевропейцев можно себе представить как медленно движущийся поток, в котором вдоль восточной стороны («левой», как указывает Авеста) двигались, видимо, группы арьев, по средним землям Восточной Европы проходила волна славян, достигших впоследствии, как и арьи, Черноморского побережья, западнее этих групп лежали, вероятно, пути балто-славян, а крайней западной группой были предки будущих народов Западной Европы. Как бы примитивно ни выглядела эта схема, ее подтверждают факты дальнейшего расселения и исторического развития этих народов.

Если и сегодня вдоль южного побережья Балтийского моря в составе ряда западноевропейских народов сохраняются группы славян, то следует думать, что часть их продвигавшегося к югу массива могла отойти наряду с балтами к западу, обогнув это море. Задержимся здесь на миг и вспомним, что в трудах исследователей уже неоднократно подчеркивался тот факт, что варя-

ги, призванные новгородцами на княжение, были не скандинавами и не германцами, а славянами из прибалтийской ветви. Их земля лежала у реки Неман, которую Ломоносов называет Руса, а летописи — рекой Русс и указывают, что «Словенск язык и Русский един», а это означает, что варяги из Порусья, т.е. варяго-русы, были родственны новгородским славянам. Нет возможности восстановить пути и последовательность всех подобных древнейших передвижений, но, например, приход предков индоевропейцев к Черному морю засвидетельствован фактом расцвета в IV—III тысячелетиях до н.э. хорошо изученной Трипольской культуры на северо-западном его побережье.

Нам важно посильное выявление древнейших связей дальних предков арьев со столь же отдаленными по времени предками индоевропейских народов и (что для нас представляет особый интерес) предками славян. Точнее же будет их назвать не предками, а генетическими прапредками, как и следует воспринимать все упоминания о них в этой работе там, где речь идет о приполярном периоде их жизни.

Исследователи обнаружили в предгорьях Приполярного Урала и вдоль русла Печоры и ее притоков пещеры, которые служили в течение долгих веков молевыми капищами. Раскопки выявили наличие в них инвентаря, указывающего на жертвоприносительные церемонии. В состав таких находок входят костные останки домашних и диких животных, а также наконечники стрел и копий, скребки и ножи, осколки керамических сосудов. Останки домашних животных (коров), ножи и керамику относят к раннему медно-бронзовому веку (конец III — начало II тысячелетия до н.э.) и, предположительно, связывают эти находки с расселившимися здесь предками финно-угорских народов, им же, предположительно, приписывают и многие каменные и костяные орудия охоты и рыболовства. Но при этом четко указывают на возможность унаследования этих вещей от предшествующего периода неолита, но не датируют их, сообщая лишь, что они составляют подавляющую часть находок. В описаниях также говорится, что в самых глубоких слоях почвы пещер обнаруживаются кости животных плейстоценового периода, а значит, пещеры не являются поздними карстовыми образованиями, и такой древний инвентарь мог принадлежать и более ранним их посетителям или жителям. Наличие обнаруженных костей древнейшей дикой лошади тоже, возможно, следует

Изображения на скифском сосуде.
Старый скиф вручает юноше лук.
(IV в. до н.э.)

связать с развитием коневодства у ариев в V—IV тысячелетии до н.э. (Описание пещер и их инвентаря см.: Канивец В.И. Каннинская пещера. М., 1964.)

Следует указать, что выявляемые наукой культурные и языковые сходжения между финно-уграми и арьями относятся к древним контактам с зауральскими ираноязычными арьями, известными под названием андроновцев (прямыми потомками которых признаются скифы-кочевники Юго-Восточной Европы). В науке существует предположение о том, что арии появи-

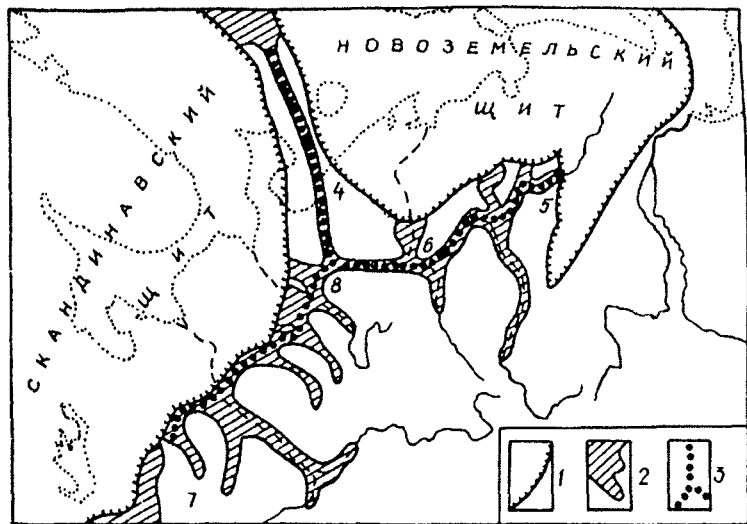
лись в Иране и Индии из областей Передней Азии, но оно не выглядит достаточно обоснованным, так как даже такие явления природы, которые описаны в древнеиндийской литературе (уходящей своими корнями в глубину тысячелетий), не прослеживаются в указанных областях. По данным антропологии наш ведущий ученый В.П. Алексеев также решительно присоединялся к точке зрения, что прародина индоевропейцев находилась на севере, а не в Азии. (Этногенетические аспекты антропологического изучения Южной Азии. М., 1990.)

После появления книги Елачица в России не выходило из печати других откликов на труд Тилака — полярная теория не привлекла широкого внимания исследователей. (Монографию автора данной статьи «Индуизм» можно, пожалуй, считать первой у нас попыткой дать расширенное толкование его труда и подкрепить его утверждения ссылками на работы археологов, историков и лингвистов, освещающих прямо или косвенно проблему возможности связать корни индоевропейцев с крайним севером.) Вскоре эта попытка нашла свое подтверждение в работе литовского ученого А. Сейбутиса, опубликовавшего насыщенную новыми материалами статью «Миграции послеледников человека как отражение изменений экологической обстановки» (Научные труды вузов Литовской ССР, серия «География», VIII, 1982). Автор датирует максимум ледникового оледене-

нения XVII—XX тысяч лет тому назад, указывает, что в это время племена индоевропейцев сначала расселились на севере Русской равнины, а впоследствии началось перемещение оттуда групп людей. Он признает, что Веды «были сочинены далеко на севере». И в Ригведе и Авесте есть описания природы этих земель. Он указывает также, что расположение и названия рек, упоминаемых в Ригведе, можно возвести к гидрографической картине Русского севера в эпоху отступления последнего ледника и что «арктические сюжеты ригведского образца должны скрываться и в фольклоре других восточных индоевропейцев, в частности, в первую очередь балтов и славян».

Он писал: «К обстоятельному рассмотрению и оценке природного фонда Ригведы первым приступил выдающийся индийский ученый Б.Г. Тилак... чрезвычайно пристально с надлежащей ответственностью взялся за эту работу... изучил сравнительную мифологию, тексты Ригведы сопоставил с астрономичес-

Карта приледниковых рек по А. Сейбутису

Предполагаемая локализация ригведского гидрографического комплекса Синдху: 1 — ледниковые покровы померанской (вепсовской) стадии; 2 — приледниковые водоемы (по Д.Д. Квасову); 3 — предполагаемый поток *Синдху*; местоположение современных топонимов; 4 — *Инди́га*; 5 — *Инта́*; 6 — *Индус*; 7 — *Кубе́на*; 8 — *Кы́ма*

кими, геологическими и археологическими фактами...» А. Сейбутис тут же настоятельно указывает на предшествующую его статье работу литовского ученого и путешественника А. Пошки, который был поражен открытиями Тилака и после поездки в Индию писал в 1967 году, что «...по сохранившимся сегодня обычаям, молитвам, традициям возможна гипотеза, что Веды были сочинены далеко на севере в эпоху последнего межледникового, и в связи с похолоданием климата их сочинителям пришлось отступать на юг».

А. Сейбутис пишет, что «Б.Г. Тилак свою теорию об арктической родине Ригведы обосновывал на заре развития ледниковой теории. Следует отдать должное этому великому ученому за столь смелую и далеко идущую гипотезу, которая, однако, до сих пор не получила более широкого признания».

Да, к великому сожалению, арктическую теорию Б.Г. Тилака и особенно его мысль о том, что истоки Ригведы связаны с последним межледниковьем, обходили и обходят стороной и европейские переводчики, и аналитики Ригведы, и неуклонно идущие по их стопам наши отечественные санскритологи, из-за чего тормозится и весь процесс сопоставления ведических реалий с индоевропейским и, в частности, со славянским язычеством. Счастливым исключением следует признать работу С.В. Жарниковой, составившей обширный список русских северных рек с выявлением возможности расшифровки их исконного значения через санскрит*.

Археолог Н. Членова не соотносит свои материалы с книгой Тилака, но приводит некоторые данные, прямо или косвенно поддерживающие его соображения, как, например: «В настоящее время есть веские основания предполагать, что люди срубной и андроновской культур были иранцами по языку». И далее она пишет, что «наиболее важные совпадения ареалов срубной и андроновской культур с ареалом древнеиранских и индоарийских гидронимов, проникновение... срубно-андроновских памятников далеко на север, от Мокши и Камы до верховьев Урала» (Волга и Южный Урал в представлениях древнейших иранцев и финно-угров во II — начале I тысячелетия до н.э. Советская археология, № 2, 1989).

* С.В. Жарникова. Опыт расшифровки названий рек Русского Севера при помощи санскрита. В кн.: Н.Р. Гусева. Славяне. Арьи. Путь богов и слов. М. ФАИР-ПРЕСС, 2002 (см. Приложение III).

Упомянутые здесь подобные указания на север или приближения к таким указаниям дают право надеяться, что рано или поздно замалчивание книги Тилака прекратится.

Языком этноса и Вед является санскрит в своей древней форме. От него произошли в своей значительной мере и сложившиеся в новой эре индоарийские языки. А где складывался сам санскрит? И есть ли в мире родственные ему наречия? Вот тут мы и должны вспомнить такое научное название, как индоевропейская семья языков.

Индо? Европейская? Как и когда могли объединиться в одну семью языки стран взаимно столь отдаленных? Есть только один ответ — в глубочайшей древности и на какой-то сближающей их территории. Подумаем здесь о множестве указанных воспоминаний в древнеиндийской литературе, касающихся Арктики. Случайными они быть не могли. И вывод может быть сделан только один — арьи пришли в Индию из Приполярья, сохранив в своих гимнах и сказаниях описания природы этих далеких от нее северных областей.

Разные точки зрения на эту проблему известны науке, но одно не подлежит сомнению — определение обширной языковой семьи как *индоевропейской*. Нельзя понять, как она складывалась, не нырнув в глубину тысячелетий. Из множества трудов по вопросу о степени близости отдельных ее составляющих четко выясняется, что ближе всех друг к другу стоят *славянские языки и древнеарийский санскрит* — сходными и даже общими в них являются не только сотни слов, но и многие грамматические категории, не свойственные другим языкам этой семьи. Но все же семья есть семья, а значит, все ее члены в той или иной мере должны быть взаимно родственны.

А почему? В ответах на этот вопрос тоже царит разногласие, но все сходятся только в том, что из Индии никто и никогда в обозримых веках не приходил в Европу, чтобы обучать все ее население санскриту. А это говорит в пользу того решения, что все предки индоевропейцев должны были некогда довольно тесно соседствовать и постепенно, век за веком, создавать и развивать сходные в разной мере элементы своих языков.

Мысль ученых то оборачивалась к Арктике, то устремлялась в другие области, но вся литература арьев (как индоязычных, так и ираноязычных) твердо указывала на север, и этого не обойти стороной.

«Глубина народной памяти измеряется десятками тысячелетий... Нам необходимо рассмотреть отражение в народной культуре разных представлений, порожденных разными эпохами жизни человечества*», — писал наш великий ученый, академик Б.А. Рыбаков, который призывал к совершению «экскурсов в глубины первобытных эпох». И мы видим, что Б.Г. Тилак высказывает в своем труде предположение, что кроманьонцы, т.е. «люди разумные» (*Homo sapiens*), развивали свою изначальную цивилизацию на приполярных землях именно в период *последнего межледникового*. И в то время там было тепло (что утверждает и американский исследователь У. Уоррен), и теплый климат восстановился после последнего сравнительно кратковременного оледенения, завершившегося в XII—XI тысячелетиях до н.э., — об этом благоприятном климате и обильной растительности на крайних северных землях написано много исследовательских работ палеоботаников, палеозоологов, геологов и астрономов.

Ушел ледник в этот «молочный, белый океан», теплый Гольфстрим повернул к северу в ту эпоху, и далекие предки индоевропейцев, вернувшиеся на эти земли, когда завершилось последнее оледенение, стали, видимо, развивать ранние формы скотоводства. Действительно, не тогда ли они и начали впервые использовать перекишшее молоко, добывая упомянутый напиток бессмертия?

И вот теперь ученые выяснили, что именно славянские языки наиболее близки к арийскому санскриту. Это можно объяснить только тем, что в Приполярье далекие предки славян жили, видимо, в наиболее близком соседстве с предками арьев, поддерживали с ними, вероятно, тесные хозяйственные связи, и, более того, вступали в родственные отношения. Вот почему именно в славянских языках, и в частности в русском, сохраняются до сих пор не только сходные, но и общие с санскритом термины родства, местоимения, названия числительных и т.д. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Эти близкие и родственные нам предки арьев шли к югу по будущим русским землям Восточной Европы, и путь этот занял не одну сотню лет. Академик О.Н. Трубачев в одной из своих работ² пишет, что индоязычные арьи оставили многочисленные

* Б.А. Рыбаков. Язычество древних славян. М., 1981, сс. 4, 95.

** О.Н. Трубачев. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания, № 6, 1977.

следы в названиях мест от Севера до Причерноморья и Прикаспия. Они кочевали в III—II тысячелетиях до н.э. к юго-востоку, уводя стада от засухи. Прокочевав в основном по землям Средней Азии, они достигли северо-западных областей Индии. Здесь уместно указать на то, что О.Н. Трубачев приводит в указанной работе следующие слова из труда русского историка И. Штриттера (1771): «Не бесполезно также и для любителей российской истории знать похождение того народа, который в древние времена имел жительство в соседстве, или паче в пределах России, хотя бы после того и в совсем другую часть света он переселился».

Расселяясь по землям Индии, арии стали смешиваться с местным населением, результатом чего стало изменение их «северно-расовой» внешности, а также их хозяйственного уклада и религии. Прежде всего следует указать, что доарийские народы Индии с глубочайшей древности относились к негро-австралоидным расовым типам, т.е. отличались от светлокожих и в основном светлоглазых арьев темной пигментацией кожи и глаз, на чем в дальнейшем мы остановимся подробнее.

Шли столетия, и постепенно арии в Индии забывали многое, что было связано с древнейшими областями их жизни, и только «преданья старины глубокой», традиционные поверья и суеверия сохраняются в народной памяти, смешавшись с новыми формами мировосприятия, царившими в среде доарийских народов. Именно эти древние черты, дошедшие до сегодняшних дней, и дают исследователям возможность вскрыть глубинные пласты истории и выявить архаичные связи между далекими предками индоевропейских народов.

6. АРЫИ, СЛАВЯНЕ: СОСЕДСТВО ИЛИ РОДСТВО?

Протославянские и арийские племена, вероятно, переселялись, так сказать, рядышком, будучи наиболее восточными группами всего формирующегося индоевропейского массива.

«Выявление наукой замечательного свойства языка — изменяясь, оставаться самим собой — помогает раздвинуть рамки познаваемой истории. Свидетельства языка неопределимы и в области изучения прошлого славян» — так пишет один из ведущих наших лингвистов О.Н. Трубачев. Следует добавить — не просто

прошлого, а глубокого прошлого. Язык сохраняет в себе слова, зарождавшиеся на заре человеческой речи, и несет их сквозь века, как и новые формы, накапливая свой золотой фонд для всех грядущих поколений. Это — бесценное наследие минувшего и на нем можно обнаружить отпечатки всего, что пережил народ за долгие века своего развития, всего, что он помнит, и то, что уже активно не осознает, но что существовало в далеком прошлом и сохраняется в языке. И в том числе сохраняются следы его встреч с другими этносами, повествующие иногда о неожиданных для наших современников и слабо изученных явлениях истории. Встречи и контакты порождали общность или сходство многих понятий и, соответственно, слов, отражавших эти понятия, и грамматических форм, которые показывали изменяемость понятий, представлений и действий.

Языковеды, изучая эти процессы, открывают порой такие факты, в которые трудно поверить, находят древнюю близость тех народов, которые история развела в разные стороны земли. Эти народы попали в различные климатические условия, стали вести совсем разные формы хозяйства, изменилась и их внешность, и обычаи, и вера, а их языки продолжают хранить память о далеком прошлом, общие или сходные слова, некогда бывшие в их употреблении.

Иногда эту память можно выявить лишь путем тщательных и сложных научных исследований, проводя в языках буквально «археологические» раскопки, а иногда нужно только внимательно вглядываться и вслушиваться в современную живую речь, чтобы обнаружить эти сходные или даже общие слова. Тем, кто изучает чужие языки, часто просто бросается в глаза такая близость и одинаковость, причем это, конечно, не относится к поздним заимствованиям, вроде технических или медицинских терминов.

Нас здесь интересует удивительное, почти до полной неотличимости, сходство между славянскими и индоарийскими словами, как современными, так и, главное, древнейшим из них — санскритом. Языковедами подсчитано, что наибольший процент таких близких слов приходится именно на славянские языки, а затем, так сказать, во вторую и третью очередь, — на другие европейские, тоже входящие в семью индоевропейских языков.

В иранских языках, отделявшихся, возможно, в более поздний период истории от взаимно близкой массы древнеарий-

ских диалектов, тоже обнаруживается много общего со славянскими языками. Можно ли возводить эти сходжения к самой древней эпохе общеарийских диалектов или они являются результатом контактов с уже выделявшейся из этой общности иранской ветвью, мы не знаем. Контакты эти были тоже достаточно долгими и тесными на восточных окраинах формирующегося славянского мира, и ряд ученых связывает их с андроновцами. Уже упоминалось о том, что немало очагов этой культуры обнаруживается в области к западу от территории ее основного распространения, т.е. на Урале и в приуральских землях (особенно к востоку от Урала).

Скифы, которых многие ученые считают потомками ираноязычных арьев, поддерживали близкие связи со славянами. Открыто и их физическое сходство: антропологи пишут, что поляне, т.е. группы поднепровских славян, обнаруживают значительное сходство со скифами, судя по промерам костяков, найденных в соответствующих погребениях. А эти скифы по своим антропологическим особенностям восходят к местному населению эпохи бронзы — ко II тысячелетию до н.э. Это говорит о том, что скифы — прямые потомки ираноязычной ветви арьев — представляли собой часть местного славяно-арийского теснейшего соседства, имели во многом общие интересы и издревле поддерживали брачные контакты со славянами.

Это подтверждается и исследованиями нашего выдающегося лингвиста В.А. Абаева, который пришел к выводу, что: «..по количеству и весу скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой» (В.И. Абаев. Скифско-европейские изоглоссы. М., 1965). В этой же работе говорится, что срубная культура (датируемая большинством ученых II—I тысячелетиями до н.э.) являлась «протоскифской», с которой во второй половине II тысячелетия до н.э. непосредственно соприкасалась **местная праславянская культура**.

О чем это говорит? Ни одна культура, т.е. сложный комплекс хозяйственных навыков, общего языка, обычаев, веропредставлений, народного искусства, — все это не может возникнуть из ничего и за короткий срок. Значит, и та культура, которую именуют праславянской, складывалась в течение десяти веков, постепенно включая в свой состав множество взаимно сближающих черт.

Для нас не менее важно и указание археолога А.И. Тереножкина, что к западу от Днепра в I тысячелетии до н.э. селились земледельцы, которых греческие авторы именовали скифами-пахарями, не будучи в силах отличить скотоводов-скифов от родственных им земледельцев-славян. Культура пахарей-славян часто называется в книгах скифообразной славянской культурой. Этот ученый относит уже **сложившуюся славянскую культуру** к началу I тысячелетия до н.э. (А.И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961).

Не только по его убеждению, но и по убеждению других ученых, на время вычленения славянской общности указывает обнаруженная археологами среднеднепровская культура. Во II тысячелетии до н.э. завершился отход арьев на восток: индо-язычная ветвь, путь которой, занявший не одно тысячелетие, пролегал по Восточной Европе и Южному Приуралью, прошла, видимо, раньше, ираноязычная (андроновцы) — ушла позже, но потомки арьев — скифы — оставались на землях северного Причерноморья до первых веков н.э. Как мы видим, некоторые их группы были неотличимы от славян до такой степени, что греки их путали.

Одним из самых выдающихся научных открытий последних десятилетий было доказательное утверждение ведущего нашего лингвиста О.Н. Трубачева о том, что индоиранцы (арьи) заселяли вплоть до середины II тысячелетия до н.э. обширные области северночерноморского побережья, Западное Приазовье и, главное, весь полуостров Крым. Эти земли до наших дней сохранили множество индоязычных названий мест (топонимов) и водных источников (гидронимов), несмотря на то что в течение многих последующих веков эти названия вытеснялись иранскими, скифскими или греческими, а затем переводились и на русский и тюркский языки (следует сказать, что благодаря этим переводам сохранялся смысл многих древнейших наименований).

В своей поразившей современников статье «Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье» автор доказывает, что наиболее древний пласт населения Крыма — тавры, о которых Геродот писал, что они не были скифами. О.Н. Трубачев доказал, что и синды восточного Причерноморья, и их соседи, а возможно, и соплеменники, меоты были индоязычны, родственными им по языку были и крымские тавры.

В этой работе автор приводит список из 150 названий местных топонимов и гидронимов, безошибочно связывая основную их часть с древнеиндийским языком, и пишет: «Индоарийско-иранские отношения Северного Причерноморья еще предстоит изучать. Индоарийская принадлежность языка определенного слоя северопонтийского населения положительно свидетельствует о прежнем пребывании праиндийцев в этих краях. Значительная их часть осталась и была перекрыта близкородственными иранцами (скифами, сарматами)...»

Мы имеем основания полагать, что эта оставшаяся часть смешивалась и с теми группами предков славян (которых мы позволяем себе называть авангардными волнами продвигавшихся с севера племен), которые, видимо, появились на землях Юго-Восточной Европы вместе с арьями, пришедшими сюда по близким или одинаковым с ними путям. (Причем здесь речь может идти именно об индоязычной ветви арьев, что и подтверждается работами О.Н. Трубачева.) Все более очевидным делается тот факт, что древнейшая индоарийская (арийская) общность разделилась на две ветви все же на севере и эти ветви в основной своей массе «обтекали» Урал с двух сторон.

Автор статьи подчеркивает, что давно устарела мысль об отсутствии связей древних славян с античным миром, как и «об отсутствии самих славян в античном Северном Причерноморье». Более того, он считает, что «названные связи, по крайней мере отчасти, относятся к индоарийскому компоненту северопонтийского населения. Наши наблюдения над реликтами этого рода касаются: 1) этнонимов, 2) культурной лексики и 3) сведений о берегах Черного моря».

Интереснейшие соображения О.Н. Трубачева относятся к вечно живому и вечно спорному названию «Русь». Он пишет: «Сознавая всю ответственность шага, мы хотели бы коснуться здесь некоторых новых возможных аспектов происхождения этнического названия Русь в ряду рассматриваемых проблем». Автор напоминает о том, что этой проблеме посвящена уже обширная литература и что доминирующее место занимает теория о скандинавском происхождении термина Русь, хотя многие сторонники этой теории многократно подчеркивают, что все же он постоянно встречается именно на юге, в Причерноморье и Приазовье, и признают факт «существование азовско-черноморской Руси и раннего освоения восточными славянами При-

азовья»*. Автор приводит ряд примеров из греческих и иранских источников и указывает на местные топонимы, в которых содержится как составной элемент слово «россо» (как в непосредственной, так и измененной форме), означающее «белый, светлый». Сопоставляет его с древнеиндийским словом «рукша» — «белый, светлый». Он усматривает в таких старых названиях в Крыму, как Россо Тар, Россатар, переводимых как Светлый (Белый) берег, антологию с русским названием низовьев Днепра — Белобережье. Многие древние названия в описываемых областях несут в себе частицу «светлый» в более поздних формах, в частности, в форме «ак» в переводах на тюркские (татарские) диалекты, так что, видно, такие топонимы еще будут открыты исследователями.

Не будем здесь углубляться в дальнейшие доказательства родства славян со скифами — для цели данной работы сказано об этом уже достаточно. Здесь нам следует уделить внимание пластам славянского языка, в том числе древнейшим его пластам, восходящим, по всей видимости, к периоду до разделения далеких предков арьев на две ветви, то есть к изначально возможной (хотя, по нашему убеждению, вероятной) эпохе близости (или единства?) индо-ираноязычных предков арьев с прапрапредками славян на далеком нашем Севере.

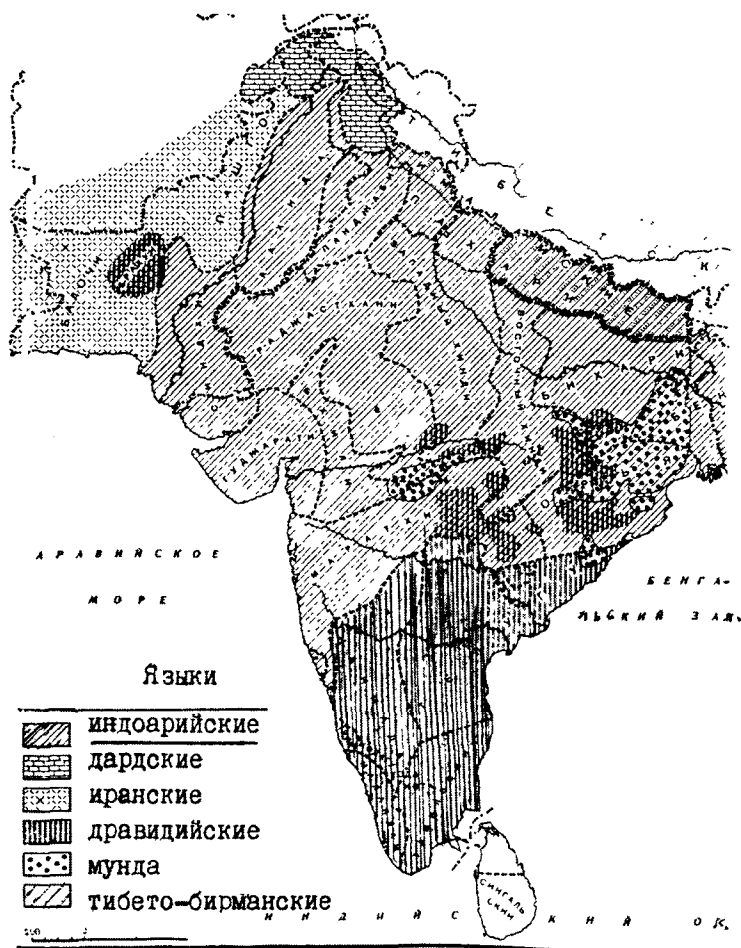
Остановимся здесь лишь на некоторых примерах сходства слов, договорившись сразу, что это будут русские слова, взятые к тому же, так сказать, с поверхности современного языка без углубления в исторические его формы (см. Приложение II).

Это-то как раз и поражает — разница во времени, прошедшем с эпохи последнего расставания славянских и арийских племен, составляет около 4 тысячелетий, а оба языка хранят в себе близкие и общие слова и формы, возникшие еще в незапамятные времена, но легко воспринимаемые на слух и во многом понимаемые даже неспециалистами, как славянами, так и индийцами. Автору довелось услышать слова индийца профессора Д.П. Шастри: «Вы все здесь разговариваете на какой-то древней форме санскрита, и мне многое понятно без перевода». (См. Приложение I.)

* Мы вынужденно даем здесь лишь краткие сведения о работах О.Н. Трубачева, считая, что каждый заинтересованный читатель сможет найти их перечень в систематических каталогах библиотек и ознакомиться с мыслями и выводами этого выдающегося русского ученого путем непосредственного прочтения его трудов.

Надо сказать, что «предок» арийских языков, санскрит, продолжает в Индии играть роль «языка индийской культуры» — его изучают в колледжах и многих школах, на нем проводят диспуты, издают книги и даже газеты и журналы. К нему восходят 60—80% слов ряда современных языков Индии. По Конституции Индии он признается одним из официальных языков страны.

Основные группы языков Индии и Пакистана

Предметом особого интереса являются те слова, которые зарождались в древнейший период формирования семьи и рода. К их числу в разбираемых здесь языках относится ряд сохранившихся доныне терминов родства, что и приведем как первый ряд примеров:

Матерь	матрь*	брат	бхратар
праматерь	праматрь	братство	бхратрътва
сын	суну, суна	деверь	девар
сноха	снуща	зять	джата, джати
свояк	свака	свойство	сватва
тата, тятя	тата	жена	джани**

К древним формам относятся и местоимения, от которых в санскрите и славянском образуется много сходных производных слов:

самый	сама		
(тот самый)	(татсама)	та, эта	та
свой	сва	тот	тат (тад)
твой	тва	этот, это	этат (этад)
нас, наш	нас	какой, кто	ка
вас, ваш	вас	как	ка
который	катара	то	то

Вспомним и о том, что числительные тоже вошли в речь в очень давние времена, так как счет был необходим людям при самых даже примитивных формах хозяйства. Немало общего мы увидим и в этих формах слов:

* В санскритском словаре есть буква, означающая звук, именуемый полугласным «р». В работах на европейских языках его транскрибируют как «ри», и это заимствовали наши исследователи. Поскольку в русской азбуке есть мягкий знак, то мы здесь, в виде опыта, ввели более точную передачу указанного звука через «рь»

** Букву «дж» в Индии произносят и как «з», обозначая этот звук точкой под буквой. Славянскому «з» соответствует в санскрите и звук «һ». В русской транскрипции обычно — «х» хима — зима. Этот звук следует произносить как «һ» и в отдельном положении в слове, и в сочетании с предшествующим согласным в качестве придыхательного звука: напр., слово «убха» должно читаться как «убһа», слово «стха» — как «стһа», т.е. произносить этот звук «х» как украинское «г» (после звонких согласных) или как «х» (после глухих).

первый	пурва (т.е. древний, начальный)
два, две, двое	два, дви, двая
три	три
третий, трое	трита, трая
тройка	трика
четыре, четверо	чатур, чатвар (также — имеющий четыре угла)
четвертый	чатуртха
оба	убха

Если же взглянуть на глаголы, их корни и формы, произведенные от них, то здесь обнаружится великое множество близких и общих форм, потому что глаголом, как известно, обозначается действие или состояние, а эти категории существовали с момента зарождения человечества и издревле нашли свое выражение в языке.

Интересно то, что приставки, как в славянских языках, так и в санскрите, тоже отличаются взаимным подобием и сообщают глаголу одинаковые по смыслу новые значения. Остановимся лишь на немногих иллюстрациях этого:

переплыть — пераплу, проплыть — праплу,
 прознать — праджна, передать — парада, ниспадать — нишпад,
 налепить — анулип, отчалить — утчал, полюбить — упалубх,
 отпадать — утпад, противостоять — пратистха и др.

Аналогичную роль играют и суффиксы, придающие словам новое и, опять же, аналогичное значение. Возьмем для примера такие суффиксы, как -к-, -т-, -н-, -тель- (в санскрите — тар):

чашка — чашака, носик — насика, открытый — укрита,
 отдание — урдана, раненый — вранин,
 (по)датель — датар, отец (питатель) — питар и т.п.

Не менее наглядны, а главное, очень многочисленны, примеры из имен существительных, т.е. слов, обозначающих предметы, явления природы, ощущения и пр. Эти слова обозначают все, с чем человек соприкасается в окружающей его действительности, определяют его реакции на мир, на себя и себе подобных, на предметы и их качества. Если был бы составлен полный русско-санскритский словарь (а это, несомненно, должно

быть сделано и чем скорее, тем лучше), то мы увидели бы, какое большое место занимают в обоих языках сходные слова именно этого разряда. В ограниченной по размеру книге мы можем дать лишь несколько примеров (хочется напомнить читателю, что русскому «с» в санскрите часто соответствует «ш»; «л» чередуется с «р», «о», «е» в санскрите — «а»; «е» в транскрипции произносится почти как «э»):

крестьянин	крышака	рана	врана
гать, путь	гати	брань (битва)	рана
шея (загривок)	грива	дом	дам
дева	дэви	дым	дхум
небо	набха	небеса	набхаса
дверь	двар	тьма	тама(с)
роса, сок	раса	простор	прастара
нос	наса	кровь	крави
пена	пхена	напиток, вода, пиво	пива
огонь	агни	сушка	шушка

Для русского и санскрита характерно сходство процесса, называемого именным отглагольным словообразованием. Например, следует уделить внимание тому обширному кругу слов в русском и санскрите, который сложился на основе глагола «пи, па» и соотносится с его исходным смыслом, с той глубочайшей древностью, когда он обозначал два представления — о питье и о пище, то есть определял весь процесс поглощения человеком и жидких и густых продуктов, да и сам процесс такого поглощения, то есть питание:

Санскрит

Русский язык

пи	пить, питье
питу	напиток; питание
питар	питатель; отец; небо
пита	(было) пито
пити	пьющий
пива	вода
пивас	жир
пиван	полный; сильный
пивара	большой; толстый

Если же углубляться в научный лингвистический анализ, предполагающий и прослеживающий исторические изменения в строении и звучании слов, то найдется многое, что не сохраняется «на поверхности» языка, но таится в его глубинах. Многое сохранено в поговорках, неосознаваемых словосочетаниях и т.п. Мы все употребляем выражение «трын-трава», не подозревая даже, что «трына» в санскрите как раз и значит трава. Или говорим детям «бука придет, тебя забодает», а слово «букка» в санскрите означает «коза». Мы знаем слова «куток», «закуток», но не знаем, что в санскрите слово «кута» имеет это же самое значение. Равным образом слово «сарпа» — «змея» сохранилось в форме «сапа» (тихой сапой), а слово «карна» — ухо — в форме «карнаухий», восклицание «эва!» («вот же!») так и будет в санскрите: «эва!»; «ну» («сейчас», «скорее») будет также «ну».

В новоиндийских языках сохранились некоторые слова, восходящие к древнейшим арийским диалектам, как, например, на языке маратхи «рабад» значит «работа», а на языке хинди глагол «рабна» означает «удобрение поля золой», что, видимо, восходит к процессу выжигания леса под поля (буквально: «вырабатывать поле»). На хинди же и слово «баян» означает «повествование». К сожалению, все это не прослежено еще наукой, не выявлено — слишком недавно стали уделять этому внимание.

В заключение следует упомянуть и о возможности сопоставления имен прилагательных, предлогов, наречий и частиц. Дадим их здесь, не разделяя на столбики: веющий — ветра, юный — юна, новый — нава, дурной — дур, сухой — сукха, другой — друха (интересно, что это слово на санскрите означает «враг», а на славянских языках — «друг»), светлый — швета, бодрый — бхарда, нагой — нага, дерево, деревянный — дравья, дарава, когда — када, тогда — тада, всегда — сада, куда — ку-тах, приятно — прия, нет — нед, против — прати и др.

Много материала читатель найдет в краткой сводке сходных слов (см. Приложение).

7. ДРЕВНИЕ АРЬИ ДОСТИГЛИ ИНДИИ

Здесь пришло время вспомнить о том, что в процессе расширения взаимных контактов, складывавшихся между арьями, приходившими волна за волной на земли древней Индии, и

группами местных народов, развивались сложные отношения: враждебные столкновения и неприятие обоими этническими массивами чужеродной культуры стали неотделимыми от постепенно наладившегося проникновения в навыки и представления тех и других самых разных обычаев, черт религиозного мышления, семейных отношений, права и т.п.

Такое взаимопроникновение привело к складыванию новой многоплановой религиозно-правовой системы, известной под названием индуизма, и к формированию неисчерпаемого в своем многообразии фонда культуры, в которой, по мнению многих ведущих ученых, главной составной частью стали верования и обычаи доарийских народов.

Как уже было указано, эти местные народы, отличавшиеся по своему расовому типу от арьев, и представляли собой массив древнейшего населения Индии, создавшего в V—IV тысячелетиях до н.э. в северо-западных областях страны развитую городскую цивилизацию, известную как цивилизация долины Инда, или цивилизация Харáппы. Харáппа — это один из ее центров, другим, не менее прославленным был город Мохéнджо-Дáро.

Индийские археологи почти случайно наткнулись на следы этой древней культуры — обратили внимание на то, что крестьяне окрестных деревень у русла реки Инд используют для строительства крупные обожженные кирпичи, и стали искать источник этого материала. И

Еще никем не прочтены знаки на печатях цивилизации долины Инда (цивилизации Харáппы) IV—III тыс. до н.э. Печать с изображением зебу и с надписью

нашли: скрытые под слоями песка развалины городов. Это было сенсационное открытие. Оно потрясло мировую научную общественность. В 1920-х годах раскопками занялись английские ученые, располагавшие широкими возможностями проводить эти работы на земле колонии. Раскопки продолжались до 1947 года (т.е. до обретения Индией независимости) и идут вплоть до наших дней. В них ши-

роко включились археологи Индии и Пакистана и ученые стран Запада — американцы, итальянцы, финны, французы.

Миру открылись города с четко распланированными улицами, двух- и трехэтажными домами, развитой системой подземных водоотводов и керамических труб водопровода, подающего воду в ванны каждого этажа. Открылась и картина ирригационных сооружений и разветвленной сети каналов на полях. Найдены в огромном количестве глиняные, каменные и бронзовые печати и таблицы с изображениями животных — горбатых быков-зебу, буйволов, слонов, тигров и крокодилов — деревьев и, гораздо реже, людей, а также изделия ремесленников — ювелирные украшения, расписные обломки керамических сосудов и т.п. Обнаружено множество знаков древнейшей письменности, которые до сих пор не расшифрованы, несмотря на пристальное внимание лингвистов, сконструировавших даже специальные для этой письменности компьютерные программы. Не будем здесь останавливаться на ничем не доказанном утверждении российского автора Г. Гриневича, заявившего, что он все это расшифровал и выяснил, что в долине Инда

Остатки домов города Мохенджо-Даро (III-II тыс. до н.э.)

жили славяне и говорили, соответственно, на славянском языке (Г.С. Гриневич. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М., 1993).

Так кто же жил в долине Инда? Кто создал эти города, эти бронзовые изделия, статуэтки и таблицы? Кто развил это цветущее сельское хозяйство, развел стада этих быков? Кто, наконец, строил корабли, изображения которых тоже были найдены на таблицах, и кто и куда плавал на этих кораблях? Как выглядели эти люди и каким богам они молились?

Колодец в одной из комнат города Мохенджо-Даро (III-II тыс. до н.э.)

Вопросы, вопросы. И лишь на некоторые из них были найдены ответы. Прежде всего о людях: судя по найденным изображениям, а также по костным останкам, создатели этой цивилизации относились к тем расовым типам, которые определяются антропологами как австралоидный, негро-австралоидный и дравидоидный — их потомки живут и в современной Индии (эти антропологические черты то выявляются рассеянно в среде разных народов страны, то четко выражаются в среде дравидов, населяющих юг Индии и север Ланки (Цейлона).

Все эти расовые типы характеризуются темной окраской кожи и очень темной радужной оболочкой глаз, почти черными, круто волнистыми или курчавыми волосами. Для австралоидов и негро-австралоидов характерны также широкая приплюснутая форма носа, полные губы и, часто, выступающие вперед зубы. (Судя по вышеупомянутой книге Гриневича, так выглядели предки славян. Но почему-то, вопреки всем законам генетики, на нас с вами этот тип не прослеживается, так что согласиться с утверждением ее автора никак не представляется возможным.)

Темнокожие потомки негроидной расы Южная Индия

О религии жителей региона цивилизации Инда судить трудно. Найдена печать с изображением человека, сидящего в йогической «позе лотоса» и имеющего головной убор с рогами. Признано, что это бог Шива, считающийся в Индии «отцом йоги» и покровителем быков. Найдены и изображения тех деревьев, которые и сейчас почитаются индийцами как священные, да к тому же широко используются в народной медицине.

Частые изображения быков-зебу говорят, видимо, и о том, что с этими животными могло быть связано и культовое почи-

Стеатитовая печатка из цивилизации Хараппы (III тыс до н э) . Считается, что это изображение бога Шивы в позе йога

тание — вплоть до наших дней индусы признают зебу священным животным (широко известен культ священных коров). Обнаружены и хорошо сохранившиеся останки обширного городского бассейна со сходящими с него ступенями, что точно совпадает с традиционными бассейнами при индусских храмах, особенно характерными для дравидийской южной Индии.

Итак, ученые пришли к выводу, что именно из тех далеких веков, из той древней жизни вошли в

развивающийся индуизм четыре культовые формы: поклонение богу Шиве, священным быкам (коровам), деревьям и воде. Считают также, что датируемые несколько поздним временем находимые на севере Индии статуэтки женщин с гипертрофированно подчеркнутыми бедрами и грудью следует возводить к известному в те же далекие века культу богинь-матерей, который повсеместно распространен в среде всех приверженцев индуизма и в наше время. Можно признать, что пятой наидревнейшей культовой формой является почитание богинь, сохранившееся в религиозных представлениях потомков древних жителей Индии

Эта цивилизация пришла в упадок к концу III — первой половине II тысячелетия до н.э. и была заменена новыми формами культуры, хозяйства, социальных отношений. Оборвались связи (как сухопутные, так и морские, судя по найденным изображениям кораблей) с другими странами Древнего Востока — Шумером, Месопотамией.

Что было причиной или, точнее, причинами этого упадка, а затем гибели цивилизации? Большинство ученых сходится на признании двух основных причин

1) многовековой засухи, наступившей вследствие того, что река Инд изменила свое русло и ушла в сторону;

2) приходу в страну племен кочевников-арьев, расселявшихся по всей северо-западной и северной Индии, начиная именно с указанного времени.

С боями, а равно и с установлением мирных контактов — вплоть до заключения взаимных браков (как в среде кшатриев — воинской прослойки ариев, так и в среде вайшьев — их трудового слоя) продвигались арии в глубь индийской земли, постепенно оседая на ней. Создавались ранние государства, развивался рабовладельческий строй (причем в ряды рабов попала

Девушка из лесного племени (штат Мадхья Прадеш) Выражены черты австралоидной расы

масса представителей доарийского населения), осваивались новые формы хозяйства с учетом местных условий и связанных с ними приемов и традиций, — словом, складывалась жизнь нового смешанного общества.

Смешанного не только в смысле физического смешения, которое шло все активнее и захватывало все более широко разные социальные слои, но и в смысле соединения, синтеза, взаимопроникновения культур, религиозных представлений и правовых норм ариев и доарийских народов. Складывались новые общественные институты, создавался расширенный пантеон богов и новые о них представления — развивалась религия индуизма, призывавшая к равному преклонению как перед богами, привнесенными ариями, так и перед божествами местных

Хозяйка подает милостыню религиозному нищему (садху)

народов, а также освящавшая те семейно-бытовые и правовые отношения, которые формировались в новых условиях жизни этого смешанного общества.

В высокие социальные слои ариев — жрецов-брахманов и воинов-кшатриев зачислялись жрецы и воины доарийского происхождения, причем обе «национальные стороны» стали считать обязательными для себя выработавшиеся в сложной жизненной практике новые условия и права.

Именно по этому пути пошло сложение так назы-

ваемой ведической культуры, получившей свое название в науке от слова «веда», т.е. от наименования четырех Вед. Представители новообразованного смешанного слоя индийских брахманов оценивались (как оцениваются и до сих пор) по степени знания Ригведы и умения применять ее гимны в нужное время и при проведении соответствующих церемоний.

Выделение жречества из общей массы соплеменников закономерно для всех развивающихся племен. Истории известны брахманы, друиды, волхвы, шаманы, авгурь и т.д. Эти социальные группы разрабатывали правила богопочитания, регулировали ритуальные действия, порядок жертвоприношения и

предписывали нормы поведения и взаимоотношений людей. При всем этом они приписывали себе умение общаться с неземными силами, утверждая этим свою власть над людьми и даже якобы над решениями богов, вплоть до присваивания себе права казнить и миловать «по согласованию с богами». О том, что в древнеарийском обществе брахманы заняли главенствующее положение, говорят хотя бы эти строки гимна Ригведы: «Это жертвоприношение — пуп мироздания... Брахман этот — высшее небо речи» (1, 164). Эту тенденцию к самовозвеличению брахманы особенно расширили в Индии при возникновении необходимости утверждать свою власть в новой этнической среде в условиях сложения смешанного населения. Ими были созданы «Законы Ману» — свод религиозных «дхармических» предписаний, где сказано:

«Мудрецы сотворили дхárму, кто знает наизусть священные секты, тот для нас велик»; «Брахман — творец рождения»; «Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих отец — брахман»; «Именем брахмана пусть будет слово, выражающее счастье» (Гл. II) и т.д. и т.п.

Молодой брахман-проповедник, нищенствующий по обету: все верующие должны подавать ему милостыню — это считается высшей религиозной заслугой

Повторим, что слово «арья» в поздней ведической литературе употребляется в смысле «почитаемый, высокочтимый» применительно к трем сословиям (варнам) арьев — брахманам, кшатриям и вайшьям — для ограничения этих групп от сословия шудр (слуг) и от всего доарийского населения Индии. Шудра в составе арийского общества и темнокожие местные жители считались «низкими», и брахманы разрабатывали законоуложения, направленные на запрет смешения этих «низких» с тремя первыми сословиями, которым было присвоено звание «высоких» и «почитаемых».

Завышенная самооценка свойственна захватчикам и завоевателям, что приводит к требованию особого к ним уважения со стороны теснимых и побежденных. К этим категориям восходят и понятия о «высокочтимости» всех членов трех сословий арьев, внедрявшиеся — и главным образом арьями-брахманами — в суждения и представления доарийского населения.

Выше уже говорилось, что ученые из стран Запада стали в XVIII—XIX веках использовать в переводах древнеиндийских памятников слово «благородный» как некий синоним слова «почитаемый», хотя в Ведах оно в этом значении не встречается, и в этом неправильном смысле перевод слова «арья» проник и в русские исследования и даже в некоторые словари, где слово «арья» переводится как «благородный».

На Западе, как известно, благородство приписывалось высшим классам общества и обращение «ваше благородие» с нравственным благородством не отождествляется. Поэтому в наших публикациях следует решительно отойти от описаний арьев как неких носителей благородства, а такими описаниями, упоминаниями и ссылками бывают подчас перенасыщены статьи наших радетелей своего мнимого арийства.

Следует снова упомянуть о том, что в последние годы стали учащаться попытки доказать, что не только все славяне, но и, в частности, украинцы являются «прямыми наследниками благородных ариев». Основная ошибка подобных выводов состоит в том, что неправомерно сливаются два разных хозяйственно-культурных типа: кочевое скотоводство арьев и развивающееся земледелие причерноморских групп индоевропейцев.

Подчеркнем, что ошибочны и распространившиеся в последнее время в нашем обществе попытки применения таких названий,

как «ведическая культура» или «ведическая религия», к формам вероисповедания, известным в среде славян и конкретно — русских. Выше указывалось, что выявляется ряд черт сходства в вероисповедании древних арьев и всех индоевропейцев, в том числе и славян, но то, что называется ведической религией, не было идентично их формам вероисповедания. Тот сложный системный комплекс, который нам известен как ведическая культура, сложился уже после завершения переселения арьев в Индию и поэтому в европейской среде распространиться никак не мог.

Славяне — и русские в их числе — не арьи и не потомки арьев. Мы — их собратья по нашей, во многом сближавшейся с ними, древнейшей судьбе, по освещению которой в науке делаются лишь первые шаги. Культура славян тысячелетиями развивалась по своим путям, хотя в известной мере и сходным со всеми народами-носителями индоевропейских языков.

Приводимые в этой работе примеры множества сходных и совпадающих слов в русском языке и санскрите свидетельствуют о том, что предки славян и арьев прошли длительный путь формирования своего хозяйства, своих веропредставлений и зарождавшегося этнонационального самосознания *в одинаковых или близких природных условиях* и при тесном сближении территорий расселения их первоплемен. Развившиеся у арьев и славян несходные хозяйственно-культурные типы, а именно кочевое и полукочевое скотоводство арьев и земледелие (сначала подсечно-огневое и мотыжное, а затем плужное) у славян, как и у европейских народов, непреложно говорит о разности этих этнических формирований. Представители каждого из индоевропейских народов являются потомками своих собственных исторических предков, начавших свой рост и развитие от исходных древнейших семейно-родовых групп, постепенно складывавшихся в племена. А поэтому не следует возводить ни наши языки к некоему арийскому праязыку, ни нас самих к арьям, якобы породившим всех индоевропейцев. Процессы исторического развития каждого народа и пути освоения им природно-естественных условий, растянувшиеся на разные и далеко не обязательно синхронные отрезки времени, обусловили сложение тех характерных особенностей (включая и расовые признаки), которые и служат отличительными чертами каждого из них. Черты же

сходства, прослеживаемые вплоть до нашего времени в пределах одной языковой семьи, говорят, повторяем, лишь о давнейших эпохах близкого проживания и, соответственно, обмена и хозяйственными навыками и социоправовыми нормами.

8. ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Раджастхан не похож ни на какую другую область Индии. И люди в нем особенные, и природа особенная... Он лежит к югу и юго-западу от Дели — его граница совсем близко. Там, по сторонам шоссе, стоят два каменных столба — и на них каменные слоны. Отсюда начинается земля Раджастхана — «цитадели индуизма». Здесь говорят на диалекте индоарийского языка хинди.

Невысокие горы Аравалли тянутся вдоль шоссе. Они перерезают Раджастхан почти пополам. На северо-запад от них простирается океан песков — раскаленная пустыня Тар, а на юго-восток — каменистые холмы, каменистые долины между ними, низкорослые леса. Эту часть принято называть плато. Здесь гор-

ки, горушки, холмы идут друг за другом, расступаются, снова смыкаются — прямой линии горизонта нет нигде.

А горы Аравалли обрамляют плато, как застава из острых камней, колючих кустов и высохших трав. Аравалли — прибежище тигров.

Через кромку гор льется на плато зной пустыни. Здесь чувствуется ее многовековая власть. Пустыня впитывает влагу муссонных дождей, и на плато сторают урожаи. Она шлет с ветром свой песок, и он рассеивается над полями и городами, засыпает ули-

Почтальон пустыни Раджастхана

цы, дворы и сады, летит в окна, набивается в рот, обжигает глаза.

Каждый житель Раджастанхана по эту сторону гор помнит, что пустыня совсем недалеко, рядом. Из пустыни приводят сюда на продажу верблюдов. Из пустыни забредает скот, покидая жалкие редкие деревеньки, когда там, за горами, пересыхают колодцы. Сейчас огромные площади этой пустыни превращаются в плодородные земли. Закончено строительство большого, широко разветвленного канала, который назван именем Индиры Ганди.

Когда-то, три-четыре тысячелетия назад, пустыня Раджастанхана была цветущим краем, центром древней цивилизации Хараппа. Здесь текли многоводные реки. Но потом они пересохли. Пески поглотили города и засыпали караванные пути. Колючие кусты, кактусы да пучки сухой травы заменили собою пальмы и плодовые деревья.

Пустыня побелила цивилизацию. Но не людей. Люди остались. Они лишь сменили образ жизни, одежду, жилье. В поисках воды они научились копать колодцы до 100 метров глубиной. Они стали разводить верблюдов и расселились по оазисам. Они даже выстроили в оазисах города со звучными названиями: Джайсалмир, Биканёр, Бармёр... Иногда от засух, эпидемий и войн жизнь в этих городах замирала, но затем они оживали вновь, не сдавались. Они существуют и сейчас, эти города-оазисы, но мне там побывать не довелось.

А на плато по эту сторону гор условия для жизни были все-таки легче. Здесь ближе вода, есть почва, тенистые деревья. Правда, почва эта из перетертых ветром песчаников да известняков, а поля так набиты камнями, что их и пахать нельзя, пока корзинами не вытащишь эти камни на межи. Но все же это почва, и ее можно засеять. Здесь, на плато, расцвело много чудесных городов.

Цивилизация давно вошла в жизнь населения пустынь Раджастанхана

История Раджастхана отмечена почти непрерывными войнами. В преданиях и легендах воспеваются воинское сословие Раджастхана — прославленные раджпуты.

«Раджпут» — «сын царя». Какого царя? Почему царя? Неизвестно. Очевидно, раджпутские роды были основаны вождями разных племен.

Из числа членов родов, возглавляемых раджпутскими правителями, сложились их боевые дружины, и так создалось это сословие раджпутов — наследственных воинов, воинов по профессии и призванию, владельцев земель Раджастхана

Традиция запрещает высокородному раджпуту даже прикасаться к плугу — пахать землю должны были представители более низких каст. Они создавали все материальные ценности, кормили, поили, одевали раджпутов и выплачивали правителям на-

логи. Раджпутам же предписывались воинские занятия и охота. Они должны были быть профессиональными героями — единственная в своем роде общественная прослойка.

Чем же они все-таки были полезны своему народу? Тем, что стойко обороняли землю от захватчиков и вторжений, и тем, что убивали хищных зверей, которыми кишели горные заросли.

Если бы народу приходилось содержать только эту армию героев и охотников, было бы еще полбеды. Но непосильной тяжестью на его плечи ложилось содержание князей-землевладельцев, живших набегами, грабежами и поборами, тонувших в роскоши и не знав-

Портрет раджпутского князя (XVI в.)

ших удержу ни в чем. Властолюбивые и независимые, они правили в своих княжествах, бесконтрольно творя суд и расправу над своими подданными.

Земли долин, плато и пустыни были поделены между родами раджпутов. Этих родов сложилось около 40, и они постоянно воевали друг с другом из-за земли, вод, пастбищ, богатств

Раны и махараны — «князья» и «великие князья» раджпутских родов, возводившие свое происхождение к Солнцу, Луне и Огню, главное внимание уделяли поддержанию своего престижа и великолепия.

До середины XX века Раджастхан даже назывался Раджпутаной, хотя значение обоих названий почти одинаково: «Раджастхан» значит «земля царей», а «Раджпутана» — «земля царских сыновей».

Весь Раджастхан покрыт сетью крепостей и крепостных стен. Куда ни посмотришь, линии гор окаймлены зубчатыми стенами, а их вершины увенчаны крепостями. Вечно осажденная страна. Страна междоусобных распрей.

Раджпуты стали славой Раджпутаны, символом ее независимости. Их известность была так велика, что часто все население Раджпутаны в целом называли раджпутами. Даже в книгах. Но это неверно. Сам народ этой страны твердо знает, кто такие раджпуты. Раджпуты — это раджпуты. И никто другой.

На земле Раджпутаны происходили частые и кровопролитные войны.

Раджпуты владели почти всей Северной Индией начиная с VIII и вплоть до XII века. Лавины неукротимых армий молодого Арабского халифата не знали преград до тех пор, пока не столкнулись с раджпутами. Пустыни, горы, крепости, яростное и фанатичное сопротивление встретили арабы на границе Раджпутаны. И вынуждены были отступить. Большую часть Индии заняли они — устье Инда было в их руках, одно княжество за другим склонялось перед их кривыми саблями и зелеными знаменами. Но только не раджпуты. Железной стеной встали они на защиту своей страны и веры. Войско ислама было остановлено.

Когда в Индию стали вторгаться с северо-запада армии иностранных правителей, раджпутские воины, наряду с жителями Пенджаба, не раз отражали их атаки и отбрасывали их. Так было в X, XI и XII веках. В конце XII века погиб в битве великий полководец раджпутов Притхвирадж.

Вскоре вслед за этим был захвачен и Дели, подступы к которому открылись с поражением армии Притхвираджа. И возникло первое в Индии государство под властью мусульман — Делийский султанат.

Народ Раджастхана горестно оплакивал Притхвираджа. В прекрасной, романтической и скорбной поэме «Притхвираджрасо» средневековый поэт Чанд Бардаи воспел несравненные подвиги и гибель этого славного воина.

Хотя со времени его жизни до наших дней прошло восемь веков, память о нем жива. До наших дней странствующие актеры и певцы прославляют его в своих представлениях на площадях городов и сел. Женщины поют о нем песни, а юношам ставят в пример его отвагу и благородство. Он не умер для своего народа.

Помню, как на одной из базарных улиц Удайпура мне довелось увидеть выступление труппы народных актеров — «бхопа», забредших в этот город в своих нескончаемых странствиях по Раджастхану.

Собрав громом барабанов толпу зрителей, они прежде всего развернули перед ними большое полотно, натянутое на два бамбуковых шеста. На полотне в отдельных квадратах яркие лубочные картины изображали юность Притхвираджа, его охоты и другие царские развлечения, бой с армией Мухаммада, пленение и, наконец, казнь. На этой последней картине враги, яростно высунув языки, резали его на части, и вся земля была залита кровью. Примитивный натурализм изображения и обилие крови на нем были призваны потрясать сердца зрителей. И потрясали.

На фоне этого полотна певец повел свой рассказ о героической жизни Притхвираджа. Сопровождая песню мимической игрой, жестами и танцем, он выразительно дополнял этим свое повествование. Он прыгал, вращал глазами и быстрыми движениями рук создавал иллюзию рубки мечом. Он один изображал и Притхвираджа, и его врагов — то принимал царственные позы, сидя на ломаной табуретке, как на раджпутском троне, то подобострастно извивался, показывая, как раболепные придворные выслушивают повеления Мухаммада.

Про гибель Притхвираджа он спел как-то особенно артистично — тихо и ровно стоя неподвижно и глядя перед собой оставившимся взглядом. И только к концу песни его голос вдруг

взлетел в гневном крике и замер на резкой высокой ноте, продолженной затихающим рокотом барабанов.

Это было изумительное зрелище! Актер был как гонец, прибежавший сюда с горестной вестью о тяжелом предательстве, о жгучей утрате, о поруганной чести. Казалось, что все это случилось где-то недалеко, совсем-совсем недавно, и мы, его зрители, были первыми, кому он поведал об этом.

Это было искреннее, захватывающее искусство, прекрасный театр одного актера, до краев наполненный чувством и жизненной правдой. Хотелось по-нашему захлопать в ладоши, хотелось сразу с кем-нибудь поделиться впечатлениями. Но я была одна в толпе раджастханцев, и мы бы не поняли друг друга.

Люди стали спокойно расходиться. Для них кончился XII век. Кое-кто бросал в кружку актера звонкую мелочь. Его ассистенты — двое мальчишек, которые на протяжении всего представления старательно держали шесты с картиной, женщина, аккомпанировавшая ему на каком-то щипковом инструменте, и барабанщик, тихо переговариваясь, собирались в дальнейшее странствие. Наверное, это была семья, бродившая по пыльным дорогам в поисках скудного заработка. Актер взвалил на плечо шесты, с накрученной на них картиной, и двинулся в путь. За ним побрели и все члены его труппы. Вскоре громко гудевший автобус скрыл их от меня, и только тогда я заметила, что солнце нещадно напекло мне голову и что необходимо немедленно укрыться в тени, хоть немного побыть в прохладе.

На теневой стороне улицы оказались лавки древностей. И здесь я снова попала в плен. От них я уже не могла оторваться весь остаток дня, снова переселившись в давние века.

В полумраке, на столах и прилавках не разобранными грудями были навалены копья и стрелы, кольчуги и шлемы, щиты, мечи и кинжалы — сломанные и целые, заржавленные и сохранившие блеск, — целый арсенал, большой архив войска, навсегда сгинувшего с лица земли. Здесь витал дух былых сражений; казалось, что тут продолжает лязгать сталь и раздаются крики. Ничто из прошлого здесь не забыто. Возникало такое ощущение, что, рухну внезапно стены этих лавок, и снова будут ярые бои, кровь, смерть и бесчисленные победы раджпуты.

Можно было часами перебирать пыльное оружие и не переставать дивиться его разнообразнейшим формам. Клинки мечей были прямыми, кривыми, слегка изогнутыми или извилистыми.

ми; покрытыми гравировкой, с чернением, с насечкой и без украшений, с канавками для стока крови и без них, они были и без ножен и в ножнах, обтянутых истлевшей парчой и украшенных металлическими узорами и ценными камнями.

Кинжалы были всех мыслимых и известных на земле видов. Все возможности принести человеку смерть нашли свое выражение в этих кинжалах. В одном кинжале часто соединялось по два клинка, укрепленных на узкой рамке шириной в кисть руки. Они были направлены в одну сторону, и бить таким кинжалом надо было, нанося удар рукою вперед, как в боксе. Лежали там кинжалы, где оба клинка были направлены в противоположные стороны — ими можно было разить врага слева и справа, не поворачивая кисти руки, — и кинжалы не только из стали, но и из рога — витые рога антилоп, остро отточенные по краям, заменяли собой металлические клинки.

— Кто покупает это у вас, скажите?

— Туристы, мэдам. Главным образом американцы.

— А местные жители?

— О нет. У раджпутов оружие есть, а другим оно не нужно.

— Оно древнее?

— Разное есть. Могу вам предложить даже оружие из Читора времен осады.

— Из Читора? Какой осады, шестнадцатого века?

— Да.

— А может быть, есть и оружие осады четырнадцатого века?

— Да, есть.

Не знаешь, верить или нет. Видимо, верить не надо. Но сами слова «осада Читора» волнуют душу.

Это «да» в ответ на такой вопрос вы услышите в любой лавке древностей в Раджастхане, но оружия из Читора времен осад — той осады! — вероятно, нигде не осталось.

Читор. Он был славой раджпутов, а стал их скорбью.

...Раджпутские правители жили, ни на миг не забывая о том, что Дели стал в XII веке центром Султаната и отсюда каждый день можно было ожидать вторжения. И вторжения происходили постоянно. Армия раджпутов была всегда готова к бою. Все эти мечи, щиты, кинжалы, которые сейчас ржавеют по лавкам древностей, блестели, начищенные и отточенные, и в те времена их хозяева не расставались с ними даже во время сна.

Наступил 1303 год. Ала уд-дин решил расправиться с княжеством Мевар — слишком часто на его пути становились меварские раджпуты, слишком независимо держался его правитель, гордый рана Ратан Синг

Столицу Мевара — Читтор охраняла одна из самых неприступных раджпутских крепостей. Не только сама крепость была сложена из каменных глыб на вершине каменистой горы, как все другие крепости, но и многие ее укрепления были высечены из скал, врезаны в скалы, уходили в глубь скал.

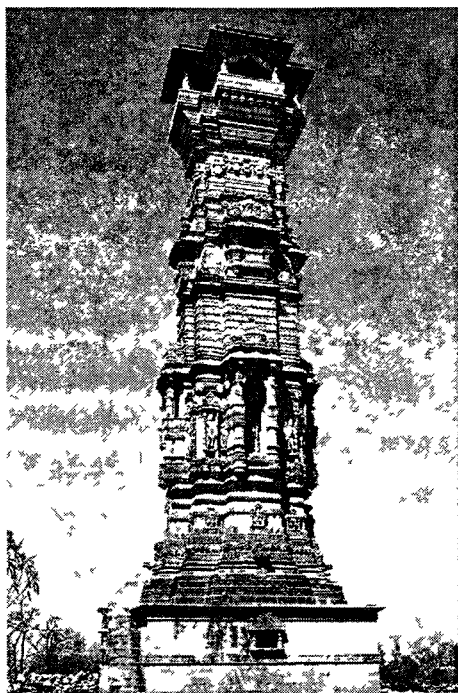
У подножия горы шумел базарами старый город, население которого при первой вести о приближении врага спешило укрыться в крепости и в горах за ней. Много раз спасала она людей от страшной резни, от надругательств врагов, от неминуемой гибели.

В 1303 году с севера долетела весть о том, что на Читтор движется огромная армия султана, что жители всех городов на ее пути разбегаются и прячутся в горах, что разграблены лавки купцов и ремесленников и никто не в силах остановить этот поток.

Взоры мирных жителей Читтора, как всегда, с надеждой обратились к раджпутам. Крепость стала готовиться к бою.

Как горный обвал, обрушились на город враги. Сам Ала уд-дин был во главе своего войска, чтобы не дать ему дрогнуть, не дать отступить.

Много битв изведаль народ Раджпутаны, но таких, как эта, не было. Месяц за месяцем шла осада, но каждая атака разбивалась о неприступные стены крепости, о великолепную оборону

Башня Победы в Читоре (XV в.)

раджпутов. Гора над городом побурела от крови, разжиревшие шакалы спали днем на виду у всех, как собаки, отяжелевшие от еды, грифы даже не взлетали на деревья, а вразвалку, медленно покачивая крыльями, бродили между телами убитых воинов.

Раджпуты не сдавались, Ала уд-дин не отступал.

Над горами Мевара стояло раскаленное лето. В крепости не хватало воды и пищи. Не было дров, чтобы сжигать тела погибших. Пришел июль и принес с собой скудные дожди муссона, выпитого пустыней. Они не могли даже прибить горячую пыль на камнях, не то что наполнить водоемы.

А враги не уходили. Их беспрестанные атаки отнимали последние силы. Их армия пополнялась свежими подкреплениями. Надежды на спасение не оставалось.

26 августа 1303 года ворота крепости вдруг открылись. Подняв обнаженные мечи, ринулись раджпуты вниз, в свой последний бой. Они бросились на армию осаждавших и скрестили с ними оружие в кровавой рукопашной схватке.

А в это время над крепостью стали подниматься и медленно растекаться по горам клубы черного дыма. Это раджпутки, по давней традиции, предали себя огню, чтобы не сдаться врагу.

Ни одного живого раджпута не захватили враги в плен, ни одной раджпутки не застали в живых, когда ворвались в крепость...

...И вот в середине XX века продавец говорит мне, что в его лавке есть оружие времен осады Читора. Той осады! Хотя я и не поверила ему, но все же купила саблю, на клинке которой были выгравированы фигуры воинов-раджпутов. Несколько позже мне сказали, что это сабля XVII века, но меня это нисколько не разочаровало — и в XVII, а в XVI, и в XV, и в любом другом веке оружие раджпутов не знало отдыха. И каждый клинок в этих лавках древностей мог делить славу с теми клинками, которые покрылись тогда кровавой ржавчиной на каменистых склонах гор...

...Читор после своего падения несколько раз переходил от одного правителя к другому.

И делийский трон — тоже.

С 1526 года Дели стал столицей империи Великих Моголов.

Великие Моголы были самыми сильными из мусульманских правителей Индии. Расширяя границы своей империи, они не

хотели терпеть вблизи от столицы независимые раджпутские княжества. Правда, многое уже изменилось к тому времени в положении этих княжеств. Правитель Амбэра, небольшого княжества на севере Раджпутаны, которое граничило с делийскими владениями, предпочел сойти с дороги войны и сдался царствующему императору Акбару. За это ему был пожалован титул военачальника и дано право командовать частью могольской армии, а его сыну и внуку — чины офицеров. При поддержке двора Моголов его княжество возвысилось и укрепилось. Отсюда императоры Дели могли двигаться теперь для завоевания других раджпутских земель.

И тогда Акбар взглянул в сторону непокоренного Читора — вечной угрозы мусульманскому господству. На этот раз, зная о всех трудностях осады этой крепости и желая действовать наверняка, император оснастил войско высокими штурмовыми башнями и большими передвижными щитами, которые прикрывали атакующих.

С наступлением прохладного сезона, в октябре 1567 года, армия Моголов двинулась на Раджпутану. Помня уроки осады XIV века, Акбар тоже сам возглавил поход, чтобы поддержать дух своих бойцов. Быстрым маршем они пересекли земли северной Раджпутаны и ворвались в княжество Мевар.

Читор, как всегда, встретил врага во всеоружии — раджпуты и все, кто был способен помогать в бою или обслуживать воинов, перешли в крепость, многие жители столицы укрылись в горах. Сюда по сухим каменистым склонам, по колючим кустам и низкорослым лесам — в излюбленное пристанище тигров, леопардов, пантер — враг не заходил, здесь было безопасно. Отсюда можно было вести партизанскую войну, изматывая армию противника и разоряя ее обозы.

Началась хорошо подготовленная и продуманная осада крепости. Раджпуты держались стойко за тремя рядами ее стен. Проходил месяц за месяцем, а крепость не сдавалась. И неизвестно, смог бы Акбар сломить их железное сопротивление или нет, если бы их позиции не были ослаблены изнутри. Правитель Мевара — рана Удай Синг был малодушным человеком, недостойным гордого имени раджпуты. Узнав о приближении Акбара, он, подобно женщинам и купцам своей столицы, укрылся в горах, а во главе обороны крепости оставил двух военачальников. Таким образом, дух раджпутского войска был подорван с самого

начала и не мог сравниться с воодушевлением нападавших, во главе которых стоял их император. К тому же раджпуты узнали, что враги подвели под крепость глубокий подкоп. И когда Акбару удалось убить стрелой, пущенной с высоты штурмовой башни, одного из двух главных военачальников, руководивших обороной, раджпуты дрогнули. В начале пятого месяца осады крепость Читор пала.

Не желая видеть, как откроются ее кованые ворота и как раджпуты повиснут на копьях врагов, женщины повелели разжигать костер, чтобы успеть принять огненную смерть.

Увидев, что над крепостью медленно за клубился дым, Акбар облегченно вздохнул, — это была победа.

И снова, как в XIV веке, из ворот крепости навстречу врагу, навстречу гибели вырвались раджпуты, чтобы своей кровью смыть бесчестье поражения.

Так поют о Читоре в народных песнях, так рассказывают о нем в легендах, так вспоминают его до сих пор...

Но Акбар был достаточно умен, чтобы понять, что раджпутов одним оружием нельзя удержать в подчинении. Он стал приближать ко двору наиболее влиятельных и нужных ему князей и постепенно установил с Раджпутаной мир. Он добился даже того, что раджпуты стали служить трону.

Заключенный Акбаром мир старались поддерживать и следующие Моголы. Но к середине XVIII века сама их империя почти распалась, и княжества вновь обрели свободу. Во вред себе и своему народу использовали эту свободу раджпутские князья — начались междоусобные столкновения и мелкие споры. А потом начались годы самого страшного горя и позора — годы английских завоеваний Индии. Обманом и лестью, подкупам и интригами, посулами и прямыми захватами эти новые и самые коварные враги сумели за двадцать лет подчинить себе раджпутских князей и стать хозяевами в их владениях. Раны и махараны выпросили для себя только право сохранить свои престолы.

Как и прежде, в феерическом великолепии они выезжали из своих дворцов на слонах, покрытых золотой сеткой, ослепляя подданных блеском драгоценностей. Как и прежде, они устраивали царские охоты, и за их слонами вели на цепях дрессированных охотничьих леопардов. Как и прежде, в дни, когда родился наследник престола, они бросали народу золотые монеты и устраивали моления в храмах главного бога — покровителя рода — Солнца, Луны или Огня.

Но теперь они не смели и шага ступить без разрешения английских владык, не смели принять ни одного самостоятельного решения.

Романтическое название Раджпутана англичане сменили на протокольное и сухое «Раджпутанское агентство княжеств»

Народ княжеств, стонавший столько веков под бременем войн, грабежей, раздоров, набегов, поборов, согнулся теперь под игом колониального рабства. Европейские господа обирали князей — князья брали вдвое со своих подданных

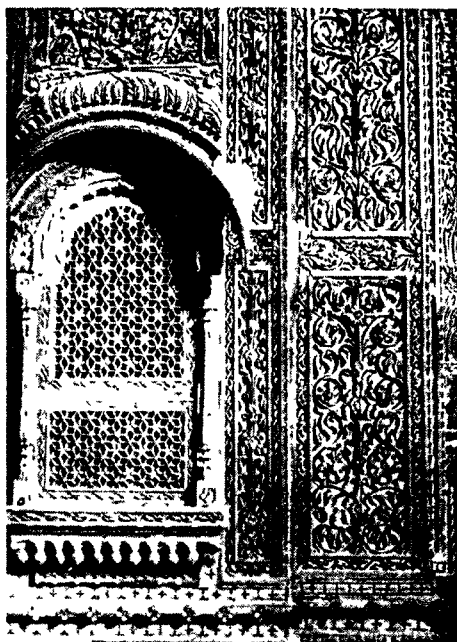
9. ДВОРЦЫ. КРЕПОСТИ. ТИГРЫ

Князю и богам жители страны должны были отдавать почти все, чем владели. И талант тоже.

Дворцы — это причудливое сочетание бесчисленных залов, резных колонн, внутренних двориков, павильонов, фонтанов, балконов и решеток, решеток без конца. Индия богата мрамором.

И он украшает все: им облицованы полы, лестницы и стены, из него вырезано тончайшее кружево, которым отделаны окна и двери и из которого иногда состоят стены бесконечно длинных галерей. Изнутри весь мир виден сквозь узор резных решеток.

Особенно густым мраморным кружевом бывают затянуты женские покои. Оно пропускает свет и дыхание ветра, но сквозь него не может проникнуть ничей нескромный взор — раны и махараны неусыпно стерегли целомудрие своих жен.

Фрагмент мраморной отделки дворца раджпутского князя

Я с удивлением увидела, как в одном из дворцов устроен зал для уроков музыки. В центре зала сидел учитель, объяснявший приемы игры женщинам, которых рядом не было и которых он вообще не видел во время урока. Они размещались за решетками на хорах, откуда наблюдали за движениями пальцев учителя и слушали его пояснения. Он на слух исправлял их ошибки, не зная, кому он объясняет и какая из его учениц наиболее талантлива.

Стены высотой 5—10 метров окружали дворы, где жены гуляли по мраморным плитам, покрывающим землю, или плескались в бассейнах.

Нало сказать, что системы внутридворцовых бассейнов — это настоящее чудо архитектурного искусства. Вода в них все время пребывает в движении — уклон их дна рассчитан так, что она течет, льется из одного в другой, пропадает в стенах, охладившись в их каменной толще, появляется вновь, бежит дальше, растекается по каналам в полу, собирается в водоемы, и так с этажа на этаж, по всем залам и покоем, по всем внутренним дворам и садам, а им и числа нет.

Вода, сквозняки, решетки, преграждающие доступ прямым солнечным лучам, и камень, всюду камень — вот то, что раньше заменяло собою установки по кондиционированию воздуха. Мне иногда становилось даже холодно в глубине каменных покоев, и я с удовольствием выходила на раскаленные плиты двориков погреться.

Как мало еще изучены секреты индийской архитектуры! Как оригинально, например, вентиляционное устройство дворцов и крепостей! При постройке этих грандиозных ансамблей в стенах, начиная с подземных помещений, выкладывались узкие и широкие, круглые и квадратные, маленькие, как щели, и достигавшие иногда высоты почти в человеческий рост вентиляционные трубы, которые соединялись под определенными углами, разветвлялись, вновь сходились и так пронизывали всю толщу стен и глубину горы, в которую уходили покои, чтобы повсюду обеспечить приток свежего и охлажденного о камень воздуха.

Помню, какое впечатление произвел на всех рассказ гида о Гвалиёрском форте (невдалеке от Раджастхана), когда он показал нам вентиляционные трубы в зале для самосожжения раджапутков и сказал, что эти трубы направлены так, чтобы сильный ветер из них мог мгновенно раздуть костер. Этот костер раскладывался на полу в круглом углублении диаметром около трех

метров. Копоть на потолке и на колоннах вокруг этого углубления держится до сих пор. Ее мрачный покров молча свидетельствует о бесчисленных трагедиях далекого прошлого.

В форту Гвалиора как-то особенно ясно чувствуешь минувшее. Он не совсем обычен, этот форт. Он занимает всю плоскую вершину обширного холма, возвышающегося над городом. Она обнесена стена-

Раджпутская крепость в Гвалиоре

ми, которые уходят отвесно вниз, охватывая собой, как каменной облицовкой, срезанные склоны вершины. Дворец поднимается над землей только на два этажа, а основная масса его помещений устроена под землей, в толще холма. Холм был весь изрыт подземными ходами, и, говорят, отсюда был ход даже в Агру — город, до которого сейчас на машине надо ехать от Гвалиора часа два.

Своды подземных ходов давно обрушились, и посетители должны верить на слово, что все это было. Впрочем, поверить не трудно, когда видишь всю грандиозность и четкую планировку подземных построек.

— А вот здесь, — объяснял гид, — раджпутки ждали исхода сражений. Взгляните сквозь эту решетку в окне, видите? Там флаг. Когда враг врвался в крепость, он прежде всего срывал флаг раджпутов и поднимал свой. И вот тогда женщины сразу спускались в зал костра. Вот через эту дверь — видите? (Вниз, прямо в толщу стены и в темноту уходили крутые каменные ступени.) А вот эта дверь, взгляните, пожалуйста, была единственной, через которую можно было попасть в женские покои. Видите, она узкая и низкая. И в какой толстой стене она проде-

лана! Сюда войти можно было только по одному и наклонившись. Вот так. (Тут гид вышел в соседнюю комнату и вошел обратно. Его голова появилась из-под низкого свода раньше его самого.) Голову вошедшего женщины немедленно срубили мечом. Вот здесь, у двери, они стояли по очереди, держа поднятым отточенный меч.

Он рассказывал обо всем этом так, словно сам бывал здесь в ту кровавую эпоху. В его голосе слышались гордость и восхищение мужеством раджпуток.

Позже я его спросила, из какой он касты.

— Я раджпут, — ответил он, — студент. Я зарабатываю на жизнь здесь, в форту. Я знаю все это очень хорошо. В нашей семье знают даже все имена тех, кто погибал в этой крепости. И подробности всех наших побед.

Он так и сказал — «наших».

Людей Запада стала в последнее время очень тревожить проблема «короткой памяти».

В Индии же благодаря прежде всего кастовой системе весь опыт предков передавался внутри каждой семьи от поколения к поколению. И в том числе военные навыки и опыт. Поэтому и раджпуты помнят, именно помнят, то, что переживали их деды, прадеды и многие поколения предков на протяжении столетий. Видимо, с разрушением каст и, соответственно, преемственности, традиций и в Индии может появиться проблема «короткой памяти». А пока еще, когда они говорят «мы», в это понятие часто входит жизнь семьи и в XX, и в XV, и даже XII веке...

Точно так же дело обстоит и с навыками в любых художественных профессиях. И снова иллюстрацией тому может служить Раджастхан. Особенно его города.

Удивительно красив, например, город Удайпур. Он так хорош, что кажется выдуманным. Он лежит между холмов, как белая окаменевшая пена. Здесь почти все дома белые. Махараны Удайпура построили здесь беломраморные дворцы и окружили их белыми стенами.

Здесь рыжие холмы отражаются в гладкой воде большого искусственного озера. Страшно себе представить, как оно создавалось, как тысячи согнанных сюда людей вручную разбивали, разрыхляли, растаскивали в корзинах затвердевшую горячую землю, создавая ложе для будущего озера. Сухая земля выпила их пот, вода смыла следы босых израненных ног, и как вечный

памятник их труду осталась для грядущих поколений вот эта чаша, полная прохладной влаги, в кольце сухих гор.

К озеру каждый вечер выходят жители Удайпура на прогулку. Тихие лодки легко скользят по его поверхности. Вода отражает темнеющее небо, храм на вершине одной горы, белый дворец на вершине другой и совсем белоснежный — на острове посреди озера. Один вид воды приносит несказанное облегчение.

Меня тоже повезли кататься на лодке.

Опускаешь руку в воду, она мягко струится между пальцами, весла плещут неторопливо, на берегу начинают зажигаться огни. Ах как приятно погружать руку в воду все глубже и глубже! Как прохладно!

— Осторожно, мэдам. Здесь есть крокодилы!

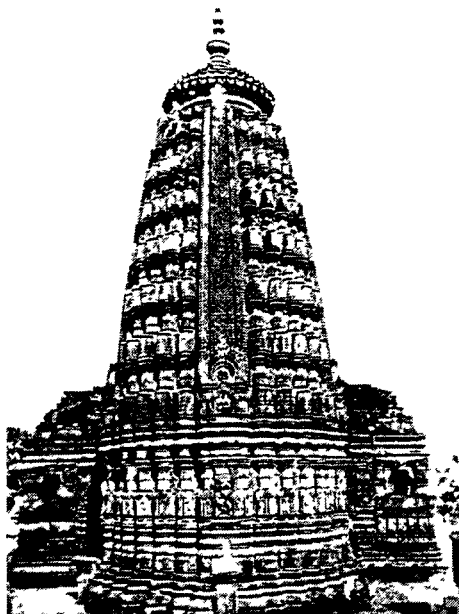
— О!

— Я не хотел испугать вас, простите. Но все же лучше руку в воду не опускать. Ведь бывают всякие случаи...

— Тогда лучше поедem в отель.

В отеле все было залито электричеством. Как почти все отели в индийских княжествах, это бывший дворец махараны. Мраморные лестницы, мрамором устланные полы, из мрамора узорные решетки окон, балконов, галерей.

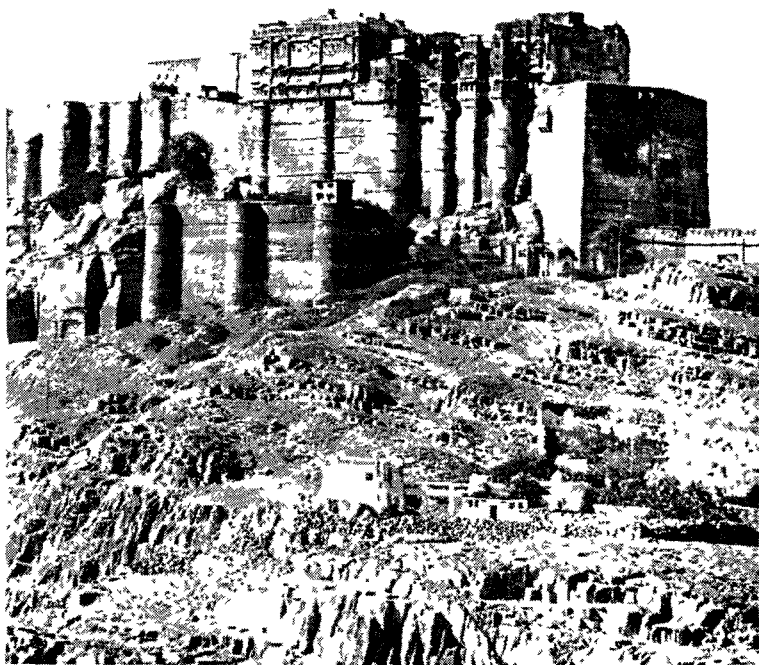
Не зажигая в своем номере света, я вышла на балкон и долго смотрела сквозь решетку на Удайпур, блестевший огнями под горой, на игру отражений в темном озере, на блеск миллионов огромных ярких звезд над горами. Под балконом тихо переговаривались садовники, поливавшие цветы. В траве свистели цикады, где-то в саду плескался фонтан.

Крыши-башни храмов богато украшены резными фризами (г. Удайпур, XI в.)

Этими решетками, этими звуками был ограничен еще совсем недавно мир раджпутских принцесс, живших здесь до того, как княжества были слиты с Индией. А это свершилось после освобождения страны. Совсем, кажется, недавно, а как много черт старой жизни ушло навеки. Эта жизнь была одновременно гордой и алчной, красивой и напыщенной, утонченной и жестокой. Она вся была в плену древних и порой невыносимо тяжелых традиций, а считалась независимой.

Все же и здесь кончился феодализм. Но остались его пережитки. Еще таятся тени прошлого в стенах дворцов, крепостей, храмов.

Части крепости на горах Раджастхана

В старом дворце Удайпура несметное множество покоев, залов, каморок — и проходных, и спрятанных в толще стен, и обширных, и маленьких, как камеры. В стены уходят низкие коридоры и узкие лестницы с крутыми ступенями, а своды комнат украшены мелкой резьбой по камню и инкрустированы

бесчисленными кусочками выпуклого цветного стекла и зеркал. Это, как мне кажется, чисто раджпутский способ украшать жилище. Решетки окон разбивают свет и рассеивают его повсюду, и он загорается в глубине синих, оранжевых, фиолетовых стеклянных линз, как в драгоценных камнях.

Во дворце сквозь решетчатые железные двери, запертые на тяжелые замки, вам покажут большое изображение солнца, отлитое из чистого золота, — это образ покровителя рода удайпурских правителей — Солнца, к которому этот род возводит свое происхождение.

(Этот образ удивительно похож на изображение солнца в нашем народном орнаменте — брови, глаза, улыбка на его лице, волнистые лучи — все совершенно такое же. Или как на тереме князя Владимира в декорациях Федоровского к «Руслану и Людмиле».)

Сцена боя (резьба по слоновой кости)

Туристы смотрят на светлое лицо солнца и спрашивают, правда ли, что оно из чистого золота. Гидом здесь работает какой-то прежний служитель дворца. Он весь преисполнен почтения к своему махаране и помнит все о жизни обитателей дворца.

— Да, из чистого золота, — со сдержанной гордостью отвечает он.

За краткостью этого ответа скрываются легенды о богатствах Солнечного рода, о тех богатствах, которые трудно охватить умом и невозможно описать словами. В его словах все время сквозило снисходительное презрение к этим туристам, которые и во сне не смогут увидеть того, что он видел наяву.

— А слоны здесь есть?

— Остался только один. Хотите взглянуть?

Одинокый слон грустно топтался на соломе в полумраке своего высокого стойла. Двор, как и дворец, был пуст. Я заплатила гиду и простилась с ним.

В Альваре есть огромный дворец, пристроенный к горе. По его бесчисленным залам и коридорам медленно бродят экскурсанты, выходят на балконы, опять скрываются в полумраке и прохладе покоев. Перед главным фасадом дворца — тихий сад, где цветут деревья. Возле дворца — пруд, облицованный каменными плитами. Вода в нем темно-зеленого цвета, как будто подкрашенная. К ней сходят широкие ступени, а по углам стоят крытые беседки с тонкими колоннами. Они отражаются в тихой изумрудной глубине.

Около пруда большая платформа из каменных плит. На платформе, на многочисленных колоннах расположен второй этаж под сводчатой каменной крышей. Там библиотека. Под ней, между колоннами — мраморная низкая платформочка вроде скамейки, а на ее поверхности высечены углубления в форме следов человеческих ног — пары мужских и пары женских. Считается, что это следы стоп махараны и его любимой махарани.

Люди приходят, сбрасывают у входа под колонны обувь, почтительно приближаются, сложив ладони, к этим следам, бросают на них лепестки цветов, сыпят красный порошок. Спросите у них: считают ли они махарану равным богу? Ответят, что нет, не считают. Любили ли они его, когда он правил здесь? Был ли он добр к ним? Нет, но все же он правил ими, значит, был для них как отец. Махарану следовало почитать, как же его забыть?!

Так создаются в Индии бесчисленные мелкие культы следов стоп реальных, мифических или обожествленных личностей. Изображений таких следов в стране великое множество. К ним приходят на поклонение, часто даже не зная, кому они, согласно поверьям, принадлежат. Религиозное чувство народа издавна таково, что позволено одновременно почитать огромное множество богов и, больше того, прибавлять к этому множеству любое количество новых объектов почитания.

Так, в Гвалиоре (названия-то какие красивые — Альвар, Гвалиор!) есть храм матери махараны. Это настоящий храм, при котором есть и жрецы. В нем беломраморное изваяние сидящей

женщины, которое воспринимается как изображение деви, то есть богини.

Он весь из резного мрамора — белый в темной зелени парка. Люди приходят, молятся, платят жрецу, кладут к подножию цветочные гирлянды. Это тоже вполне реальный, сложившийся культ. И сколько их, таких культов!

Когда едешь по Раджастхану, всюду вспыхивают, как белые и розовые факелы, небольшие храмы из мрамора и песчаника. И беседки в парках при дворцах. И сами дворцы.

Как будто они сами собой возникли, подобно сталагмитам, из этой каменной земли. И они всегда удивительно красивы — смотришь не насмотришься.

Каких только чудес из камня не создали раджастханские труженики, работавшие под солнцем, прикрыв бедра лоскутом ткани и навернув на голову свои огромные тюрбаны! Из поколения в поколение они носили на головах плоские корзины с землей, песком и камнями, сидели, скорчившись, на земле, стучали молоточками, обрабатывали резцами каменные плиты. Незаметным для окружающих, скромным был их труд, но в результате становились реальностью бесчисленные строения такой красоты и выразительности, что теперь только немеешь, глядя на них...

Есть вблизи Альвара озеро, называемое Селизёр.

Приехали мы туда к ночи и остановились во дворце над озером, который по примеру других дворцов стал теперь отелем.

Этот дворец — чудесный образец раджпутской архитектуры — небольшой и симметричный. Каждый его уголок по-своему неповторим.

Сквозь тонкие колонки его беседок над водой мы смотрели, как догорал закат за горами и умирал его отблеск в воде, потом пошли к табльдоту ужинать, а когда вышли опять на террасу, то все уже охватила ночь, глубокая, черная, звездная ночь, которая падает в Индии сразу, как только скрывается солнце. Воды совсем не было видно, — ни отблеска, ни ряби — ничего, что выдает ее присутствие. Но зато в неровную впадину между горами были насыпаны звезды, сиявшие под нами в черной пустоте. И над нами, и под нами. Как в космосе. Из окон дворца сквозь узорные решетки лучился теплый свет, там смеялись, говорили, готовились ко сну.

Дворец был похож на блестящее и причудливое ювелирное изделие. А вокруг царили ночь и тишина.

— Пойдем прогуляемся по берегу. Очень уж красиво это звездное озеро.

— Хорошая мысль.

Но не успели мы спуститься во двор, как нас остановили.

— Простите, выход из отеля запрещен.

— Как?!

— Пожалуйста, прочтите, что здесь написано.

На стене висело большое объявление, где было ясно сказано, что после наступления темноты просят не выходить из здания, так как сюда заходят тигры, и администрация отеля не берет на себя ответственности за жизнь постояльцев, нарушивших этот запрет.

У нас как-то сразу пропало всякое желание пойти прогуляться.

Тигры. Они еще совсем недавно были истинными владыками этих низкорослых лесов в горах. Все, что написал Киплинг, правильно. И сейчас можно поехать на ночь в охотничий домик на том месте, где Маугли выслеживал Шер-хана. Говорят, что, если повезет, можно при свете луны увидеть, как тигры приходят к реке пить воду. Возможно, это и так, мы там не были.

Но в Раджастхане вы на каждом шагу столкнетесь с каким-нибудь упоминанием о тигре.

Наша преподавательница, учившая джайпурских студентов русскому языку, рассказывала мне, что один из ее студентов приезжал на уроки из пригородной деревни на велосипеде. И однажды, когда он ехал домой по темному шоссе, он увидел, что впереди что-то большое лежит на его пути. Сначала он подумал, что это павший вол или буйвол, и даже не встревожился. Когда же он подъехал почти вплотную и уже поздно было что-то предпринимать, он увидел, что это тигр, разлегшийся на прохладном асфальте. От быстроты реакции и решения зависела жизнь студента. Он сразу сообразил, что тормозить и медленно разворачиваться обратно у самых лап тигра не имеет смысла — это только пробудит подозрительность зверя. Тогда он нажал на педали и проехал чуть не по ушам тигра, который даже и головы не поднял, — так он был сыт и доволен жизнью. После этой встречи студент перестал приезжать на вечерние занятия.

Со мной такого не случалось. Была довольно своеобразная встреча с двумя леопардами, и о ней я сейчас расскажу.

Было это опять же в Раджастхане, в одном из дворцов-отелей, но я не могу вспомнить, в каком именно. Помню, что был он очень велик и только одна его часть была отведена под отель, а в другой жили или приезжали иногда пожить его владельцы.

Спускался вечер, пора было идти обедать. Не представляя себе четко, как попасть в столовую, я наугад двинулась по коридорам и комнатам в том направлении, которое казалось мне правильным. Туристов было всего несколько семей, и никто из них мне не встретился, а прислуга, видимо, *была где-то занята* — словом, спросить было не у кого. По убранству комнат я понимала, что иду уже по жилой части дворца, но решительно не знала, как отсюда выбраться.

Тем более что в комнатах был уже полумрак, и я шла почти наугад, как во сне. Открыв какую-то очередную дверь, я очутилась на обширной террасе и вдруг шагах в двадцати от себя увидела двух леопардов. Один сидел на корявом толстом суку срубленного дерева и был четко виден на золотом фоне вечеряющего неба, а другой, слегка теряясь в полутьме, стоял внизу на задних лапах и опирался передними о дерево.

Я не могу сказать, в какую именно долю секунды пролетели в моей памяти все рассказы о том, что махараны держат охотничьих леопардов и что иногда эти леопарды рвут даже людей. В следующую долю секунды мозг зафиксировал полную неподвижность зверей. Еще через мгновение он дал команду нервам успокоиться. Видимо, к концу первой секунды я подумала, но еще не поняла, что это, возможно, чучела. Постояв на месте секунд двадцать, я уже сообразила в чем дело и, остывая от страха, подошла к ним и посмотрела на них повнимательней.

Это было, без сомнения, произведение искусства. Напряженные позы леопардов, игра их мускулов, выразительность движений — все было воспроизведено так живо и так точно, что, даже стоя вплотную к ним и уже отдавая себе отчет, что это всего лишь чучела, я не могла избавиться от ощущения опасности, затаившейся в их телах.

Живых же леопардов и тигров я видела только в делийском зоопарке.

Мы сознательно пренебрегли два раза возможностью встречи с ними в естественных условиях. Один раз это было, когда у машины пришлось менять колесо посреди заповедника, где зап-

решалась охота на этих зверей. Мы стояли возле нашей безногой машины, опирающейся на домкрат, как на костыль, и тихо болтали, глядя, как за горами исчезает солнце. Стало темнеть. Из-за деревьев вышло стадо коз, которых торопливо гнали пастухи. Один из них подошел к нам и сказал:

— Вам не надо здесь задерживаться. Сейчас они придут.

— Кто «они»?!

— Тигры, леопарды. И пантеры здесь тоже есть. Видите, уже почти темно. Скорей уезжайте.

Тут его позвали другие пастухи, и они быстро погнали свое стадо к деревне.

Наши мужчины поспешили с ремонтом, и мы быстро уехали с этого места, куда почему-то «они» так любят приходить во мраке.

И правда, в километре от этого места мы увидели, как в свете фар вспыхнули при дороге чьи-то глаза и какая-то темная тень мягко отпрянула в сторону, но кто из «них» это был, рассмотреть не удалось.

В другой раз мы остановились закусить на траве, возле небольшого деревенского пруда у подножия горы. Дело тоже было к ночи. Не успели мы дожевать свои бутерброды и бросить остатки шакалам, жалобно стоявшим невдалеке, как подошли крестьяне и тоже предложили нам поторавливаться, потому что с наступлением темноты к этому пруду приходят на водопой тигры.

И снова мы малодушно погрузились в машину и оставили это интересное место. Так по собственной вине мы «их» и не повидали.

10. ЗНОЙ И КРАСКИ

Поезд со стуком и скрежетом мчался в индийской ночи. В одноместном купе, на котором было написано «Только для леди», я чувствовала себя действительно в полном одиночестве. Эти купе изолированы от всей вселенной — это отдельный сегмент вагона. В левой и правой стенках есть двери, ведущие наружу, а сообщения между сегментами нет. И когда поезд идет, ни вам никуда нельзя выйти, ни к вам никому невозможно подойти.

Меня тепло и сердечно проводили друзья в Удайпуре, дали мне с собой в дорогу много круто наперченных пирожков, соленых орешков и каких-то клецок, пропитанных сладчайшим сиропом.

Когда мы с нагретого солнцем перрона вошли в раскаленный солнцем поезд, все стали беспокоиться, что в купе очень пыльно, и тотчас вызвали свипера. Появился свипер с длинным веником под мышкой и с тряпкой в руке. Он стал энергично колотить тряпкой по кожаному дивану, по столику и окну, поднимая такую пыль, что мы потеряли друг друга из виду. Меня на ощупь вывели на перрон, и свипер вслед нам послал веником последний поток пыли. Выскочив из купе, он получил с меня рупию, благодарно приложил ее ко лбу и ринулся в соседнее купе. Меня же водворили снова в мое, напомнили, чтобы я не забыла съесть пирожки, много раз справились, удобно ли я себя чувствую, проверили, запираются ли двери и окна, — словом, проводили как надо.

И только когда поезд оставил далеко позади огни волшебного города Удайпура, когда во мраке за окнами закружились мириады звезд, и я доела последнюю порцию перца, приготовленного в форме пирожков, я обнаружила, что у меня с собой нет питьевой воды. Вот об этом мои друзья забыли.

При таком открытии звезды померкли в моих глазах.

Понятия «ночная прохлада» в Индии летом не существует. И особенно в Раджастане. Если днем в тени 47 градусов по Цельсию, то и ночью не намного меньше. А в поезде и того жарче, потому что он никак не может остыть от солнечного перегрева. Горячим было все вокруг — стены, обивка дивана, решетки на окнах.

Пыль, поднятая свипером, уже осела на свои места и тоже была сухой и горячей.

Я опустила на окне раму с металлической сеткой, еще одну — с металлической решеткой и третью — со стеклом, надеясь, что вдруг получится чудо и там снаружи не только темно, но и прохладно. Но в окно упруго хлынул жар, как из домны, смешанный с сажой и мелким песком.

Тогда я закрыла окно и включила вентиляторы под потолком. Они завyli и бешено завертели свои лопасти. Снова поднялись клубы осевшей было пыли, и завертелся горячий воздух, обжигая кожу. Не выдержав, я выключила вентиляторы,

расстелила на диване простыню, обессиленно повалилась на нее и стала обреченно ждать, когда с последней каплей пота из моего тела испарится жизнь.

«Вот так, наверное, умирали путешественники в пустынях, — вдруг ясно поняла я. Горло стало как пробка, язык — как наждак, губы — как подошва от старых детских сандалий. В висках стучало, а в ушах медленно нарастал шум. Кровь ощутимо густела в жилах, сердце ворочалось в груди с трудом. Надо же было еще эти пирожки есть, о господи!»

Шли часы. Я старалась не думать о той воде, которая была в резервуаре для душа, вот тут, рядом, в душевой кабине. То была страшная вода, в ней, застоявшейся и подогретой, должны были кишеть все микробы, какие есть на свете. И, вероятно, кишели. О ней надо было забыть, необходимо было забыть, как будто нет ее вообще, и нет душа при этом купе. и даже двери в душевую нет...

Когда я открыла кран душа, сверху упало несколько теплых ржавых капель — там действительно не оказалось воды.

А поезд мчался в ночи, стучал, гудел, лязгал — делал свое дело.

«Хоть бы станция скорей! Но нет, не будет. В Раджастанхэ станции редки. Что делать? Ну что делать? Не доживу до утра. Честное слово, не доживу. Сердце совсем останавливается», — думала я в тоске.

Чтобы отвлечься от своих мук и тяжелых мыслей, я стала изучать обращение железнодорожной администрации к пассажирам, висевшее в рамке на стене. В нем меня просили проверять почаще запоры на дверях, не открывать решетки и сетки на окнах, не выходить по ночам на полустанках, не впускать тех, кто будет проситься спать на полу моего купе, не впускать вообще никаких случайных попутчиков, не брать от них ничего съестного и не курить предложенных ими сигарет. Там было еще что-то, но и этого оказалось достаточно, чтобы я слегка оживилась.

«Вот это да! — подумала я озадаченно. — А я-то никаких этих правил не соблюдала до сих пор».

И я твердо решила больше не выходить из вагона и никого к себе не впускать.

И в это время поезд подошел к какой-то небольшой станции. Я выглянула. Всюду царилась тьма. Где-то впереди виднелось

окно, освещенное карбидной лампой. Перрона не было видно — вероятно, его вообще здесь не существовало.

Это явно был такой полустанок, на котором не велено выходить. Но что-то влекло меня в этот мрак, влекло неудержимо. Что это могло быть? Ага! Нет! Это невероятно, это счастье! Где-то бежала из крана вода. Бежала, булькала, лилась. Вода! Вода! Но где? И какая вода?

А, да что об этом думать! Скорей, пока поезд не тронулся! Скорей открыть все запоры на дверях, схватить термос и вниз по подвесным ступенькам, вперед, через рельсы и камни, на слух, туда, где журчит струя воды — возврат к жизни. А то до утра ни за что не доживу.

Чисто животный инстинкт привел меня во мраке к какой-то будке, из стены которой торчал сломанный кран. Я пила, я захлебывалась водой, мочила голову, платье, руки, наполнила термос, снова пила.

Поезд тронулся без гудка.

И если бы в моем купе — в единственном — не горел свет, я бы не увидела даже, куда мне бежать обратно, куда карабкаться на ходу, за какие поручни цепляться. Но все кончилось благополучно. Мокрая, счастливая, я вытянулась на своей горячей простыне и заснула, предоставив саже, песку и пыли покрывать меня ровным слоем до утра.

Утром я себя не узнала в зеркале. Волосы в сочетании с присохшей пылью превратились в колючую серую кошму, лицо, шея и руки были покрыты бурой коркой песка и сажи, а там, где я отковыривала куски этой корки, светились пятна бледной моей кожи.

В душ, скорее в душ! Что бы делали пассажиры без душа в этих поездах?! Быстрее мыться, одеваться — ведь скоро Джайпур.

Батюшки! Да ведь ночью душ подарил мне только три ржавые капли. Куда ж я такая пойду? Сколько езжу по стране, первый раз воды нет в таком купе. Я просто растерялась. А поезд шел. А Джайпур был все ближе. Но тут я вспомнила про свой термос.

Воды в термосе мне как раз хватило на то, чтобы вымыться «под малое деколье».

К тем, кто меня встречал в Джайпуре, я вышла в платье с длинными рукавами и с брошкой у ворота, стараясь иметь вид непринужденный, как будто я всегда так хожу по жаре...

Раджастан! Красный, розовый, каменистый, мраморный, песчаный, пересохший, колючий и горячий Раджастан...

На торговых улицах города кипела жизнь. Кто-то сновал по лавкам, кто-то звонко стучал молоточками в мастерских, торговался с продавцами, жевал что-то возле дымных жаровен, приценивался к тканям.

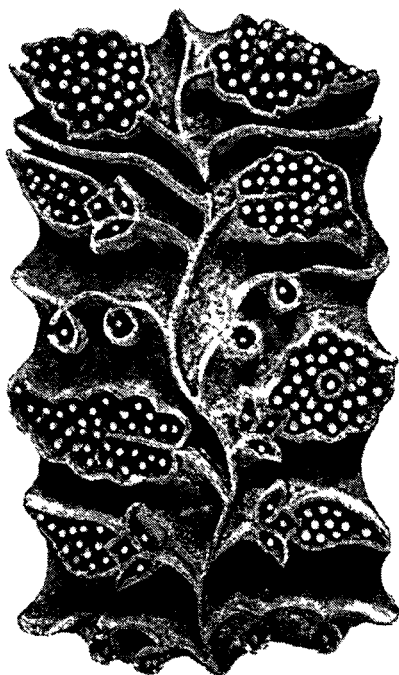
Вот, расстелив на длинном столе сари, молодой ремесленник набивает на нем узор деревянными штампами. С поразительной быстротой он меняет штампы, ударяет ими сначала по подушкам с краской, а потом с меткостью снайпера четко впечатывает один элемент узора в другой, создавая на ткани многоцветный орнамент.

Вот перед продавцом браслетов на корточках сидит молодая женщина, и продавец, раскатав в длинный жгут разогретую окрашенную смолу, разрезает его на куски и лепит из них браслеты

прямо на руке женщины. Один, другой, третий, пятый, восьмой... Рука уже почти до локтя украшена браслетами. Но ведь их можно надеть до самого плеча, было бы только желание выглядеть красивой. И женщина, смеясь, протягивает продавцу другую руку.

Вот производится окраска тканей классическим местным способом «завяжи и окрась». Жизнь этой окраски и ее своеобразие создали ей широкую известность — по всей Индии продаются шарфы и сари «завяжи и окрась».

У раджастанцев яркий и своеобразный костюм. Их можно сразу отличить в толпе индийцев. Мужчины

Деревянный штамп для ручной набивки ткани

ны носят нижнюю рубаху с вырезом ворота под горло и верхнюю — с глубоким вырезом на груди. Она собрана в талии, застегивается на пуговицы и схвачена поясом, что придает мужчинам вид подтянутый и молодцеватый. Отличительным признаком является и огромный тюрбан, на который уходит до семи метров ткани. По всей Индии носят тюрбаны и всюду по-разному. Жители страны сразу определяют по тюрбану, откуда кто родом. А я, как ни старалась вникнуть в эту науку, часто ошибалась. Но раджастанцев отличить как будто даже я могла.

Их тюрбан уложен на голове крупной «витушкой», и на одно ухо делается напуск, прикрывающий его плотным полукружием. В манере носить тюрбан есть какая-то лихость. В мочке уха обычно поблескивает маленькая золотая серьга-колечко.

К этому надо добавить необыкновенную яркость тканей, идущих на тюрбаны, и представить себе, как эти красные, шафранные, желтые или пестрые ткани сочетаются со смуглой кожей и завитками смоляных волос, и тогда сразу станет ясно, что раджастанцы — красивый народ.

А женщины носят широченные сборчатые «цыганские» юбки, кофты навыпуск и огромные квадратные шали, которые они накидывают на голову, заправляя углы за вырез кофты спереди и за пояс юбки.

Молодой раджпут в своем огромном тюрбане

Шали великолепно окрашены — яркие, пестрые и разнообразные, они, как большие цветные паруса, видны издалека и выделяются даже среди других, тоже ярких и пестрых одеяний индийских женщин. Часто раджастханки носят так называемые шали-солнца, на середину которых нанесено большое красное или желтое круглое пятно. Все это делает уличную толпу в Раджастане особо красочной и нарядной.

Судя по раджпутским миниатюрам и стенной росписи, раньше женщины носили не кофты навыпуск, а коротенькие кофточки-лифчики, которые отличались от подобных им кофточек из других областей Индии тем, что прикрывали только верхнюю половину груди, а нижнюю оставляли открытой.

Я видела и в наше время такой костюм — он очень подходит для жары. Тем более что юбка подвязывается ниже линии пупка, и таким образом весь торс женщины открыт малейшему ду-

новению ветерка. А от солнечных лучей укрывает шаль. Все очень хорошо продумано и предусмотрено. В эпоху, когда Великие Моголы заключали союзы с раджпутами, этот костюм даже вошел в моду при дельйском дворе.

А роспись! А стенная роспись!

Альвар — бывшая столица одного из многих раджпутских княжеств. Дивный город, как и все города в Раджастане. В лабиринте шумных улиц повсюду вспыхивает на стенах домов многоцветная роспись — скачут на конях раджпуты с мечами и копьями, выезжают на украшенных слонах махараны в раззолоченных паланкинах, охотники сра-

Туалет раджпутской принцессы
(миниатюра XVIII в.)

жаются с яростными тиграми, красавицы сидят на высоких балконах

Нигде в Индии я не заметила такого неукротимого стремления к росписи стен, как в Раджастанхоне

Я видела однажды, как раджастанцы превратили стену скучнейшего на свете здания — железнодорожного пакгауза — в истинное чудо искусства, покрыв его во всю длину яркой росписью, представлявшей собою не то праздничную процессию с неизменным изображением во главе ее махараны на слоне, не то выезд на охоту, не то выход раджпутского войска на войну. Мне не удалось рассмотреть ее во всех деталях — я видела ее с поезда, как только и можно было увидеть железнодорожный пакгауз, но не могу забыть своего удивления при виде этой длинной красочной ленты на фоне скучных казенных построек. И чувства благодарности к тем, кто подарил эту радость всем проезжающим мимо.

Почти возле каждой двери жилого дома, даже бедного и малозаметного, можно увидеть на стене какие-нибудь красочные изображения. По обычаю их наносят ко дню свадьбы и потом время от времени освежают и дополняют.

Такой живописью профессионально занимаются люди особой касты. Традиционные изобразительные приемы, которым несколько столетий, передаются внутри касты по наследству. Глядя на эти картины, можно со значительной степенью достовер-

Цветная роспись на наружной стене жилого дома
Раджастан г. Джайпур

ности узнать многое о жизни средневековых раджпутов. Их боевые доспехи, оружие, сбруя коней, убранство слонов — все отражено в этой росписи подробнейшим образом.

Занятно выглядят попытки отразить в ней явления современной жизни. Иногда вдруг над воинами с кинжалами и копьями дорисовывается самолет, а перед ними стреляющая пушка. Все, что выходит за пределы унаследованных и развитых с детства знаний и навыков, обычно изображается беспомощно и немного смешно. Самолет подобен наивной модели, склеенной из бумаги, а пушки — вазе, почему-то лежащей на колесах, из которой вылетает огонь в виде букета красных цветов на красных стеблях. Теперь на этих картинах можно увидеть и современных солдат в форме, и огнестрельное оружие, и автомобили, но все это по своим художественным достоинствам не может идти ни в какое сравнение с тем, что изображается в привычной технике.

В домах-мастерских ремесленников я подолгу смотрела, как в маленьких полутемных каморках рождаются на свет удивительные изделия — подносы, вазы, чаши, бокалы, — те изделия, которые теперь знает весь мир.

Уверенной рукой ведет мастер свой тонкий резец по металлу, мелко постукивает по нему молоточком, вычерчивает витиеватый растительный узор, населяет его контурами тигров, слонов, коней павлинов, воинов-раджпутов. А затем часть за частью заливает узор жидкой эмалью, зачищает, снова гравировет, снова заливает, уже другим цветом, и так долго, постепенно, — не по образцу, а от себя — создает он многокрасочный, гармоничный, неповторимый рисунок, заполняя им всю поверхность изделия.

Образцы многоцветных эмалевых узоров на ценных предметах утвари

Когда-то так украшали эфесы и рукояти мечей и кинжалов, а теперь изготавливают массу вещей, украшающих жизнь.

Очень искусно и тонко работают в Раджастанхоне и со слоновою костью — делают женские украшения, фигурки богов, вазочки, лампы. И та же техника — сидит мастер на полу, придерживает изделия пальцами ног и стучит-постукивает молоточком по резцу, под которым рождаются истинные произведения искусства.

Хотя в Дели я видела усовершенствования в этом процессе — применение электрического сверла вроде бормашины, но и при этом проявлялось — только на больших скоростях — все то же чувство, все то же безошибочное знание формы рождающейся вещи. Каждый из них берет кусок материала и «отсекает все лишнее». Ни лекал, ни образцов, ни рисунков. Пальцы знают совершенно точно каждое нужное движение, каждый нажим или поворот резца.

Джавахарлал Неру считал, что положительной чертой кастового строя является многовековая наследственность профессии внутри касты, в результате чего вырабатываются врожденные навыки, шестое чувство — *чувство профессии*. Кто знает, можете быть, это и так?

В Раджастанхоне создавались тысячи миниатюр. Десятки тысяч. Здесь это было не придворное искусство, как при Моголах, а истинно народное. Эти миниатюры были и остаются, собственно, уменьшенными настенными картинами — те же изобразительные приемы, те же персонажи, то же содержание.

Огромное множество миниатюр посвящалось жизни бога-пастуха Кришны. Вот темноликий Кришна играет на флейте, стоя под цветущим деревом, и смотрит в ту сторону, откуда из-за деревьев должна появиться его возлюбленная, пастушка Радха. Он еще не видит того, что видим мы с вами, — в верхнем углу миниатюры, в лесу, изображена Радха, уже спешащая на свидание. Ее волосы и плечи прикрыты узорным прозрачным покрывалом, взволнованно дышащая грудь стянута короткой кофточкой, широкая юбка расписана яркими цветами. Она в смущении опустила голову, но стыдливость не может сдержать ее порыва к Кришне. Она томится ожиданием встречи, и вам начинает казаться будто вы стоите в том же лесу за деревом и смотрите на них обоих, разделяя их радость. .

На другой миниатюре изображен Кришна, убивающий Кáнсу, жестокого правителя, дабы покарать его за все зло, содеянное им. Кришна проник в тронный зал, тащит за волосы злобного царя Кансу по каменным плитам пола, как низкороджденного, и занес над ним меч. Вокруг лежат убитые приспешники Кансы, повсюду разбросаны их отсеченные руки, ноги, головы. За стеной дворца, во дворе, лежит ногами кверху убитый Кришной бешеный слон, которого Канса выпустил против него. Все враги повержены, сила их развеяна в прах — добро в лице темноликого Кришны торжествует.

Десятки сюжетов кришнаитских мифов нашли отражение в этих живых и красочных миниатюрах.

Вся Индия знает, любит, воспевает Кришну. Он стал считаться богом, этот великолепный юноша, победивший зло. Приобретая власть и могущество, Кришна вынудил арьев признать его и причислить к своим князьям. Он правил наравне с ними и был почитаем не менее, чем они.

Будучи мудрым и отважным правителем и тонким дипломатом, он приобрел не только власть, но и огромное влияние при дворах многих князей Древней Индии. В «Махабхарате», как уже говорилось, Кришна воспевается как один из главных героев, который отличался такими достоинствами, что был обожествлен уже при жизни. Возможно, он некогда являлся богом бхиллов — древнейших обитателей раджастханских гор и лесов, и культ его просто менялся с годами, приспособляясь к новым условиям, *к новым пришельцам, к новым жрецам*. Возможно. Слишком мало знает наука об истории этого культа, об истории этого бога, который в Индии является не столько богом, сколько предметом безмерного обожания...

Стою у прилавка, перебирая миниатюры, смотрю, вспоминая все, что прочитано, увидено, услышано о Кришне... Вот изображены шалости юного бога — он утащил одежду у купающихся пастушек и, забравшись на дерево, спрятал ее в ветвях. Нагие девушки, стыдливо укрываясь в реке, молят его вернуть им одеяния, но он уже с улыбкой берется за флейту, зная, что волшебные звуки привлекут их всех к подножию дерева и он насладится созерцанием их красоты.

Вот лунной ночью он танцует с пастушками, умея так разделить свою любовь между ними, что каждой из них кажется, будто он танцует только с ней и только для нее. Художник так

и воспроизвел образ Кришны — столько раз, сколько пастушек изображено на миниатюре.

Вот он сидит с Радхой на берегу реки. В руке его неизменная флейта, а на голове — обязательный Султанчик из павлиньих перьев. Павлинье перо — знак бога Кришны. Оно на всех изображениях венчает его прическу или головной убор. Павлины да белоснежные коровы были свидетелями его игр и забав в лесах на берегу Джамны.

Можно часами перебирать эти миниатюры и видеть все новые и новые изображения этих бесчисленных легенд из жизни Кришны.

Всюду художники строили композицию так, что он — тем-ноликий среди светлых — находится в центре сюжета, в центре внимания, вокруг него разворачивается все действие миниатюры, хотя изображен он с той же мерой реализма, с какой и все другие персонажи.

Другая сюжетная линия творчества раджастханских миниатюристов посвящена жизни раджпутов. Здесь изображены бои, охота, торжественные процессии, сценки дворцовой жизни и, конечно, красавицы. Их круглые груди, полуприкрытые сверху короткими кофточками, всегда рисовались очень высоко — почти на линии плеч, так как высокая и полная грудь входит в число обязательных признаков женской красоты в Индии, их руки и ноги унизаны браслетами, ладони и стопы окрашены в красный цвет, широкие юбки плавно облегают крутые бедра, с очаровательно склоненных голов ниспадают прозрачные покрывала. Красавицы под цветущими деревьями, красавицы у фонтана, красавицы на качелях, дома, на расшитых подушках, на мраморных балконах...

Когда перебираешь много-много таких листов, в воображении возникает иллюзия движения, и вдруг делается ясно, что, несмотря на всю традиционную условность этих изображений, художники удивительно верно воспроизводили ритм и уклад той жизни, передавали внутренние связи между своими персонажами. Из всех школ индийской миниатюры раджастханская кажется мне самой жизненной. А сами миниатюры — самыми теплыми.

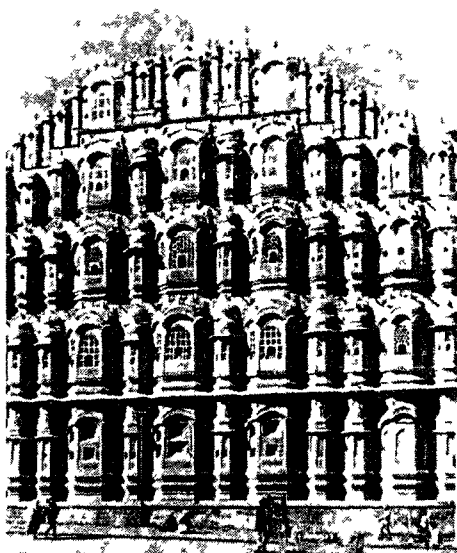
Джайпур — это город из розового камня под жгучим солнцем и синим небом. Я не говорю о новом городе, где современные коттеджи богачей тонут в зелени садов, — там неинтересно.

Там точно так же, как в любом индийском или неиндийском городе. Хороша старая часть Джайпура. Она жмется к подножию скалистых холмов. Там городские стены сложены из розового камня, ворота в них все разного вида и искусно украшенные. Там мимо стен идут груженные верблюды. Там у стен стоят лотки торговцев фруктами. Там возвышается уникальное строение — Дворец ветров, похожий на высокую плоскую пирамиду, состоящую из сплошных крытых балконов с узорными решетками. Это апофеоз архитектуры сквозняков — в этом плоском здании, таком плоском, как будто оно состоит из одной стены, все время гуляют потоки ветра, засасываемые бесчисленными балкончиками.

И так уже 200 лет — дворец был создан в середине XVIII века — ветры поют в нем, как струны невидимых инструментов.

Здесь же невдалеке находится и еще один комплекс строений — обсерватория начала XVIII века. Это что-то фантастическое, совершенно марсианское. В большом дворе, поросшем травой, застыли сооружения самых странных форм. Они возвышаются над землей, уходят под землю, лежат на поверхности земли. Это и узкая каменная лестница, поднимающаяся на 30 метров прямо в воздух и никуда не ведущая, — она служила стрелкой солнечных часов; это и выпуклые и вогнутые сферы и полусферы с нанесенными на них маршрутами движения созвездий, и какие-то арки, столбы, полукружия — все из камня и все под открытым небом.

Тишина, зной. Козы стучат копытцами по плитам каменных сооружений, жуют траву возле них. Тут, как нигде, ощущаешь присутствие прошлого, потому что здесь зримо представлены

Дворец ветров в Джайпуре

мысль и поиск, видишь, что звезды, которые сияют над Индией, были давно познаны и поняты. Здесь легко себе представляешь, как взгляд человека пылливо следил с земли за ходом планет.

За ходом планет

11. КТО ТАКИЕ ЭТИ СИКХИ?

Когда я вернулась в Москву после нескольких лет работы в Индии, мне не раз приходилось отвечать на вопрос — «а кто такие эти сикхи?».

Начну с рассказа о них.

Панджаб — северо-западные ворота Индии. Через эти ворота, с тех древнейших времен, когда еще и страны такой, как «Индия», не было, проникали на эти земли самые разные захватчики и завоеватели. Считается, что первыми были племена арьев, пришедшие сюда из Восточной Европы через Среднюю Азию, в III—II тысячелетиях до н.э., но, впрочем, не исключено, что до их появления здесь проходили через эти ворота и представители других этносов — возможно, из древних стран Передней Азии. Историческая наука наиболее полно описала относительно недавние имена и события, начиная с появления тут войск Александра Македонского (IV в. до н.э.), а затем — все с большей достоверностью — нашествия арабов, пытавшихся в X веке утвердиться на землях Индии зеленые знамена пророка. Вслед за этим были многочисленные завоевательные походы персидских, афганских и среднеазиатских правителей-мусульман. Они были почти непрерывные, начиная с создания в XII веке Делийского султаната и завершившись, напомним, утверждением в XVI веке империи Великих Моголов, основанной среднеазиатским тюрко-монголом Бабуром.

И непрерывно лилась кровь на землях северо-запада страны, жители которых первыми принимали на себя удары захватнических армий и упорно противодействовали внедрению в жизнь индийцев чужеродной веры и чужих законов и предписаний.

Много столетий длилось средневековье, в борьбе породив два закона и признавая только эти два закона — закон силы и власти и закон мужества и чести. Можно было жить, только будучи подавленным или не давая себя подавить. И те, кто не хотел

склониться перед силой и властью, жили в борьбе и погибали не сдаваясь. И о них складывали песни, которые и сейчас народ поет с гордостью и печалью.

И так же непримиримо разгоралась борьба за человеческие души. Религии чуждались друг друга, одна вера вставала на другую.

По многим землям прошли князья ислама, много разных религий они искоренили, много народов обратили в свою веру, а вот в Индии столкнулись с такой религией, которая обволакивала и поглощала все инородное, что в нее приносилось. Индуизм — наследие нескольких тысячелетий, религия, отягченная собственным многообразием, словно огромное дерево, усыпанное одновременно и цветами, и плодами, и шипами, и листьями, — индуизм оказался трудноодолимым. Он все впускал в себя, расступаясь и поглощая. На месте десятков обрубленных его ветвей вырастали сотни новых, да к тому же принимавших иногда форму того меча, которым их срубали. Все больше и больше индусов стало обращаться в ислам, поддаваясь посулам или уступая насилию, но по-прежнему оставаясь при обращении в чужую веру сыновьями Индии...

Как память о боевом прошлом Пенджаба здесь и теперь всюду можно видеть вооруженных людей. На любой базарной улице, шумной, веселой и яркой, сквозь суету видны лавки оружейников, а в их прохладной полумгле — поблескивание острых кинжалов и сабель.

Пенджаб лежал на границе с миром ислама, на стыке двух вер, двух культур. Феодалные правители стран, простиравшихся за западными и северными горами, испокон веков смотрели на Пенджаб как на желанную добычу и еще задолго до ислама разоряли его земли бесчисленными набегами. Когда же арабы донесли знамя пророка до Ирана, Афганистана и Средней Азии, тогда у правителей этих стран появилось оправдание любых вторжений и захватов. Слова их священного писания звали вперед и снимали любую вину, превращая солдат из наемников в фанатиков.

Мирное население Пенджаба все чаще и чаще должно было браться за оружие, чтобы отстаивать от врагов свои дома, поля и скот, города и храмы. Но не было равенства и не было единства в этих войсках. Кастовые барьеры были неодолимы, племенные и религиозные различия мешали взаимопониманию.

Люди неоднократно делали попытки сблизиться, найти синтез, сплав идеологий, который помог бы им соединить свои силы, который снял бы с их жизни проклятие кастового неравенства. И не только по Пенджабу — по всей Индии тогда перекатывались волны движения бхакти, мощного движения за право на полноценную жизнь, движения против высших каст, захвативших земли, имущество, права на обучение, законодательство, богослужение. На гребнях этих волн время от времени поднимались проповедники равенства, призывавшие всех объединиться в вере в единого бога и в безграничной любви к этому богу. Страна, истерзанная бесконечными внутренними распрями, обескровленная ударами захватчиков, силилась сбросить кастовые оковы.

И вот тут предлагал себя ислам — религия без каст, религия, обещавшая равенство всем, кто признает, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад — пророк его. В ислам обращались тысячи людей. И потому, что надеялись обрести равноправие, и потому, что некоторые правители силой обращали людей в новую веру, и потому, что обратившиеся платили меньше налогов.

А проповедники учили, что любой бог — это бог, что от имени бога ничего не зависит, что божественная сущность Аллаха и Вишну одинакова.

Очень большим влиянием в XIV—XV веках пользовались суфии — мусульманские проповедники, учившие, что бог — это добро, что надо погружаться в мистическое общение с ним путем размышлений, пения молитв и повторения его имени. Это было понятно и близко индусам, это было близко и учению бхакти. Суфии воспевали равенство и учили равенству. В Пенджабе, где вопрос равенства, единства, слитности был вопросом жизни и смерти, учение суфиев и учение бхакти привлекали многие сердца.

Умнейшим человеком своей эпохи был основоположник сикхизма Нанак, родившийся в 1469 году. Его детство и юность протекали в Пенджабе, в том самом Пенджабе, на который волна за волной обрушивались завоеватели. Нанак, учившийся и у муллы, и у брахманов, сделал целью своей жизни создание учения об истинном равенстве.

Он возгласил, что ему было видение: бог открыл ему, что

разница в вере не создает разницы между людьми и все равны вне зависимости от вероисповедания и касты. Он стал с жаром «проповедовать свое учение, разезжая по всему Пенджабу. Сначала его окружала небольшая группа приверженцев, которым он дал имя сикхов — учеников, но с годами она выросла в многочисленную общину, жадно впитывавшую учение своего гуру. Среди сикхов были самые разные люди — они слушали проповеди Нанак и исполняли вместе с ним молитвенные гимны. Были мусульмане, были и члены высоких и низких каст.

Нанак резко выступал против брахманской гордыни и против бесчисленного множества ритуальных обрядов, совершения которых брахманы требовали от всех последователей индуизма. Он выступал против поклонения изваяниям богов. Он отрицал брахманские предписания отшельничества во имя спасения души и утверждал, что мирская активная жизнь, жизнь среди людей и ради служения людям гораздо более угодна богу.

Все, чему он учил, было направлено на объединение людей, на то, чтобы они осознали, что все они похожи друг на друга.

Нанак был и хорошим поэтом. В своих стихах-молитвах он воспевал природу Пенджаба, труд людей на полях, их радость в дни урожая.

Он призывал людей размышлять о боге в предутренние часы, а дни свои отдавать полезному труду. Ритуал, который он выработал для своих сикхов, был прост, понятен и целесообразен.

Нанак ввел обычай совместных трапез — это исключало запреты межкастового общения. Сикхи ели все вместе, и с ними ел их гуру Нанак. Впервые в истории Индии члены высоких каст ели вместе с членами низких, да еще из одной посуды.

И еще одна неоценимая его заслуга состоит в том, что молитвы он стал произносить на народном разговорном языке панджаби. Не древний санскрит брахманов, не персидский язык двора мусульманских правителей и не арабский язык медресе, а простой, для каждого родной язык панджаби.

Допуская к молитве женщин, он открыл своей религии путь в глубины каждой семьи.

Великим человеком был гуру Нанак, которого современные сикхи зовут «гуру Нанак део», то есть «учитель-Нанак-бог».

После его смерти сикхизм стал разрастаться, как разгорающееся пламя. Следующий гуру создал особый алфавит языка

панджаби, укрепив пенджабскую обособленность. Движение вышло за рамки городов и стало распространяться по деревням.

Третий гуру стал выступать против затворничества женщин и против многоженства, начал призывать к межкастовым бракам и — неслыханное в Индии дело! — к бракам вдов. Строжайшим образом он воспретил сати — издавна распространенный в Индии обычай самосожжения вдов из среды высоких (главным образом воинских) каст.

Последующие гуру поощряли развитие торговли и ремесел, основывали города и строили гурдвары — сикхские молитвенные дома. Трапезная при гурдваре — лангар — стала местом проверки готовности принять равенство и истинного признания равенства. Она приобрела ритуальное и социальное значение: кто ест в лангаре вместе со всеми, тот истинный сикх, тот исповедует правильную веру.

В XVI веке, при пятом гуру, Арджуне, выстроили прославленный храм Харимандір, известный ныне под названием Золотого Храма, и город вокруг него — знаменитый Амритсар.

К началу XVII века гуру Арджун собрал все гимны и молитвы, сложенные предшествующими гуру, сам создал много новых и составил таким образом священное писание сикхов — Грантх, или Грантх-сахаб (т.е. «господин Грантх»), или Гуру-Грантх-сахаб. Эта книга была торжественно возложена на престол Харимандира, и с тех пор этот храм стал главной святыней сикхов, оплотом их веры.

Рост сикхской общины и распространение ее влияния стали воспринимать в Дели как угрозу трону Великих Моголов. Джахангир начал войну против сикхов и захватил в плен гуру Арджуна.

Не выдержав жестоких пыток, гуру попросил у своих тюремщиков разрешения совершить омовение, погрузился с головой в воду реки и оставил этот мир. Это случилось в 1606 году.

Горькая участь гуру Арджуна и нависшая над сикхами военная угроза заставили следующих гуру усиливать военную организацию общины и возводить по всему Пенджабу все новые и новые форты. Появились группы сикхов и в других областях Индии — всюду, где жили пенджабцы.

В XVII веке на трон Великих Моголов взошел Аурангзёб, правитель жестокий и коварный. Он был сыном Шах Джахана и своей матери Мумтаз-и-Махал — «Жемчужины дворца». О вели-

кой любви его родителей друг к другу пели песни и слагали легенды при их жизни. Это именно в память о любимой, в память о своей бессмертной любви воздвиг Шах Джахан мавзолей Тадж-Махал — одно из чудес света, «белый сон, застывший над водою», — памятник, и сейчас привлекающий в Агру миллионы паломников и туристов.

Кровью был залит путь жестокого Аурангзеба к трону. Он убивал своих братьев, и их детей, и советников своих братьев, и многих придворных и полководцев. Взойдя на престол, он заточил своего отца во дворец-темницу, окнами выходивший на Тадж-Махал, и предоставил ему возможность медленно умирать, глядя на мавзолей своей любимой жены, на это сияющее беломраморное чудо.

Аурангзеб был фанатичным мусульманином, нетерпимым ко всякой другой вере, и за свою жизнь разрушил много прекрасных индийских храмов и превратил в прах много сокровищ индийской культуры.

Сикхи заботили его с давних пор. Он наводнил Пенджаб шпионами, посылал свои отряды преследовать сикхов, жестоко казнил их девятого гуру, престарелого Тегх Бахадура, велел живо распилить его пилой посреди улицы Чандни-Чоук в старом Дели.

Привыкнув к мысли о равенстве и братстве в рамках своей общины, сикхи смело поставили вопрос о праве на власть и землю, вопрос о свободе. Они считали, что имеют право поднять оружие на всех своих угнетателей и поработителей-феодалов.

И вот на эту подготовленную почву, к этой бурлящей, такой разноликой и вместе с тем такой уже однообразной толпе вышел последний наставник, последний живой гуру, настоящий вождь — Говинд Раи.

Последняя четверть XVII века протекала в Пенджабе под знаком его славных дел. Его лозунгом, смыслом всей его деятельности было — поставить все силы на службу военизации общины. Он ясно понимал, что слабый не устоит перед ударами сильного, что его пенджабцам, его сикхам грозит тройной враг: Великие Моголы, афганские соседи, не раз уже налетавшие на Пенджаб, и собственные феодалы, боявшиеся сикхской вольницы, как огня, презиравшие сикхов за низкокастовость и оберегавшие от них, малоземельных, свои богатые угодья.

Красавец и рыцарь, поэт и дипломат, охотник и воин — таким предстает перед нами Говинд из рукописей и легенд, песен и поэм, таким изображают его тонкие миниатюры и народные лубки.

Почти всегда его рисуют сидящим на коне, и этот конь, горячий, мускулистый, как бы слит с седоком в одном порыве и тоже готов ринуться в бой и победить.

Яркий наряд, сверкающее оружие, сокол, напряженно застывший на руке, — все это неизменно присутствует во всех изображениях Говинда. Его образ так динамичен, что легко представить, как он скачет в клубах горячей

пыли во главе своего войска, как рубится с врагом, как он всегда впереди — неукротимый и зовущий вперед. Легко себе представить, как беззаветно была ему предана вся эта пестрая толпа пламенных и фанатичных воинов.

Когда смотришь на изображение Говинда, кажется, что он так и прискакал откуда-то в Пенджаб на своем стремительном коне и никогда не покидал седла. А был он не только воином, но и мудрецом, поэтом и дальновидным политиком. Он обладал той проницательностью, без которой невозможно правильно оценить и возглавить историческое движение.

Прозорливая мысль Говинда и его неукротимый дух помогли ему найти для общины сикхов единственно нужную по тому времени форму — форму боевого братства, массовой воинской дружины.

У подножия гор, в лесистой местности, раскинулся городок Анандпур. Тогда, в конце XVII века, это было небольшое мес-

Иконописный портрет гуру
Говинд Сингха

течко, удобное прежде всего тем, что от него было рукой подать до гор и лесов, всегда готовых укрыть тех, кто в этом нуждается.

Сюда созвал гуру Говинд в 1699 году всю общину сикхов на праздник весны — Байсáкхи. Многие тысячи преданных устремились в Анандпур.

Этому празднику Байсакхи было суждено войти в историю. Его отголоски гремели многие десятки лет, как отзвук обвала в горах, который порождает новые обвалы и лавины. В этот день была создана хальса — сикхская армия.

В этот день все собрались на площадь по зову гуру. Море разноцветных тюрбанов сомкнулось вокруг его шатра. Все затихли, готовые внимать каждому его слову. Из шатра вышел к толпе гуру Говинд — тот, кого любили, кому верили, на кого возлагали все свои надежды. Оглядев всех, он спросил у собравшихся:

— Есть ли здесь хоть один, кто готов отдать жизнь за веру?

Из толпы вышел сикх и без колебаний направился к Говинду. Гуру взял его за руку, обнажил меч и ввел в шатер. Через миг из-под дверной завесы и краев шатра потекла кровь и стала разливаться вокруг, заставив все сердца сжаться от ужаса. Но не успел утихнуть гул страха и недоумения, как гуру вновь появился перед толпой, держа в руке окровавленный меч, и снова спросил:

— Есть ли здесь хоть один, кто готов отдать жизнь за веру?

Еще один встал и, расталкивая сидящих на земле, направился к Говинду. Посмотрев в его глаза долгим взглядом, гуру взял его за руку и ввел в шатер. Взоры людей были прикованы к окровавленной земле, и все ахнули, когда новая лужа крови возникла из-под шатра и стала растекаться все шире и шире.

А гуру снова стоял перед ними и спрашивал:

— Есть ли здесь хоть один?..

После долгого замешательства и движения, прокатившегося волнами по всей толпе, встал еще один и был уведен за первыми двумя. Когда новые ручьи крови полились по земле, дрогнули души людей. Поднялся ропот, многие стали убегать, говоря: «Гуру собрал нас, чтобы убить. Мы не за смертью сюда пришли, а на праздник».

Но вот еще два смельчака вышли из мятущейся толпы и тоже были уведены в шатер рукою гуру. Когда смятение и ужас достигли предела и люди не знали, что все это значит и долго ли

гуру будет убивать своих верных учеников, Говинд вышел из шатра и вывел за собой всех пятерых, живых и здоровых, облаченных в богатые праздничные одежды.

И тогда все узнали, что убиты были козы, заранее спрятанные в шатре, и что это испытание было нужно гуру для того, чтобы выявить самых преданных, самых смелых, самых безупречных из числа своих последователей.

Говинд объявил, что эти пятеро, которых он возлюбил больше самого себя, станут ядром новой армии, боевой дружины, хальсы — «армии чистых», армии истинных сикхов. Под именем «панч пйэрэ» — «пять любимых» известны эти пятеро в истории сикхизма, и в каждой процессии сикхов даже в наши дни можно видеть пятерых, несущих мечи на плече и облаченных в праздничные шелка, — напоминание о том Байсахи.

По слову гуру принесли сосуд с водой, он мечом размешал в ней тростниковый сахар и дал этим пятерым испить воды, а затем сам испил из их рук и провозгласил, что таким будет отныне обряд посвящения в хальсу — строгим и простым.

Праздник возобновился. Сикхи, охваченные воодушевлением, тысячами проходили посвящение и становились воинами хальсы. И в основной своей массе это были джаты — основная народность Пенджаба.

Здесь же, в Анандпуре, было провозглашено, что истинный сикх должен иметь пять знаков своей принадлежности к боевому братству — никогда не стричь и не сбривать волос, усов и бороды, всегда иметь в волосах гребень, на правой руке — стальной браслет, а у пояса — кинжал и всегда носить под тканью, драпирующей бедра, плотные короткие штаны. Все эти слова на языке панджаби начинаются с буквы «к», и пять признаков известны как «5 к».

Так вырабатывался облик сикха-«кесадхари», то есть «сикха с волосами», и с тех пор все сикхи, проходящие посвящение, не стригутся и не бреются в отличие от сикхов-«сахадждхари», то есть «сикхов без волос», которые не посвящены в хальсу и не должны иметь «5 к».

Орденский знак сикхов —
членов хальсы

Сикхи-кесадхари

Всем сикхам Говинд запретил курить, жевать табак, пить и прикасаться к мусульманкам.

Он объявил, что сикхи отныне будут прибавлять к своему имени титул «сингх» — «лев», и с тех пор все сикхи мужчины неукоснительно придерживаются этого обычая. Женщины общины тоже носят мужские имена, но прибавляют к ним титул «коур» — «пьявица».

Сикхская армия стала при Говинде организованной силой. Он начал брать с сикхов дань оружием и лошадьми. С каждым годом росла боевая мощь хальсы.

В прежние годы отдельными группами сикхов руково-

дили выборные главы — масанды, выходцы из городской невоенной среды. Кое-где они стали претендовать на самостоятельную власть и противопоставлять себя гуру. Говинд подавил их и сосредоточил всю власть в своих руках. И тогда забеспокоились высокородные раджупуты, жившие в горах по соседству с землями Пенджаба. Они неоднократно нападали на сикхов, но проигрывали, и эти победы окрыляли Говинда.

Наконец сикхская армия встретила в бою с соединенными силами раджупутов и Моголов. Два старших сына Говинда Сингх были убиты, а два младших, укрывавшихся в городе Сирхинде,

были преданы его губернатором, захвачены Аурангзебом и заживо замурованы в стену

Тогда Говинд написал Аурангзебу, что Пенджаб ему все равно не покорится «Подожду землю под копытами твоих лошадей, но не дам тебе испытать воды в моем Пенджабе»

И Аурангзеб не испыт

Первое десятилетие XVIII века отмечено гибелью обоих врагов в 1707 году простился с жизнью Аурангзеб, а в 1708 году от смертельной раны, нанесенной рукой врага, умер в военном походе десятый гуру Говинд Сингх

Перед смертью он сказал своим сикхам, что больше не должно быть у них ни одного гуру и что высшим авторитетом будет теперь их священная книга Грантх, в которой собраны все мысли и указания их великих гуру

Когда его глаза закрылись, пенджабцы узнали, что незадолго до своей гибели он общался на берегах реки Годавари с никому не известным отшельником и после нескольких бесед с ним в тиши его мирного прибежища вручил ему указ, в котором повелевал всем сикхам подчиняться каждому его слову

Не успели тело Говинда Сингха предать огню, как этот отшельник, сменив имя Лачман Дас на имя Банда, а смиренный свой облик аскета — на обличье воина, ринулся словно тигр на виновный город Сирхинд, чтобы отомстить его жителям и губернатору за преданных врагу и погубленных детей Говинда

Волна крестьянских восстаний поднялась в Пенджабе Банда напал на имения богачей жег их грабил и распределял трофеи среди своих последователей и бедных крестьян Под знамена Банды собралось большое войско сикхов и неудержимо двинулось на Сирхинд

Мальчик сикх кесадхари

Вождь сикхов, держа в руке свою отрубленную врагами голову, продолжает сражаться (фрагмент современного многофигурного изображения)

Напуганный губернатор Сирхінда Вазир-хан объявил джихад — войну мусульман против неверных. Вооруженная мушкетами и пушками, организованная армия выступила против смешанных войск Банды, имевших только холодное оружие, палки да мотыги. Разгорелся бой, в котором победила неукротимая ярость мстителей и восставших — Вазир-хан был убит, его армия разгромлена, а Сирхинд разграблен и сожжен.

Богатые и владетельные бежали без оглядки, из охваченной мятежом страны.

Наследник императора Аурангзеба, его сын Бахадур-шах, был в это время занят войной с раджпутами.

Узнав о том, что творится в Пенджабе, он оставил Раджастхан, бросил против Банды огромную армию и объявил джихад против сикхов. Банда укрылся в горах, где стал громить гнезда раджпутских князей, вспомнив их нелюбовь к сикхам.

Бахадур-шах правил только четыре года и умер в 1712 году, но его наследники продолжали сражаться с Пенджабом. Хотя восстание было почти подавлено, Банда со своими стремительными отрядами еще много раз нападал на армию Моголов и исчезал в горах, как неуловимый барс. Ранней весной 1715 года против него выступили объединенные силы Моголов, пограничных афганцев и горных раджпутов. Они окружили его. Он велел запрудить головной канал, и вода затопила всю окрестность. Но это принесло ему не спасение, а гибель, потому что он сам потерял возможность маневрировать. Окруженные врагами, он и его воины тяжело болели, голодали и наконец сдались в плен в декабре 1715 года.

Много лет после этого хальса не могла собрать свои силы и восстановиться.

К середине XVIII века хальса все же окрепла, и ее руководители снова велели крестьянам не платить землевладельцам налогов.

Все чаще и чаще сикхи стали нападать на мусульман только за то, что они мусульмане. После всех перенесенных страданий они обратили свою ненависть против всех мусульман вообще. От былых общих выступлений и общих бесед и проповедей не осталось и следа.

С 1748 года начались нападения на Индию афганского правителя, Ахмед-шаха Абдали, который рвался к Дели через Пенджаб. Губернатор Пенджаба Мир-Манну быстро понял, что сикхи являются реальной и маневренной боевой силой, и стал даже дарить военачальникам сикхов деревни, покупая таким путем их поддержку в войнах с афганцами. Но в перерывах между походами Ахмед-шаха он по-прежнему преследовал и казнил сикхов, боясь усиления хальсы.

Все же в 50-х годах XVIII века сикхи так окрепли, что фактически стали безраздельно господствовать в Пенджабе. Ахмед-шах не прекращал своих набегов. Девятый в 1769 году стал последним — вскоре этот «демон захватов» умер.

При дворе Моголов к сикхам было двоиственное отношение: с одной стороны, они были заслоном от захватчиков, а с другой — угрозой владычеству Моголов.

Внутри самой хальсы многое успело измениться за эти годы. Братские связи и всеобщее равенство уступили место делению на владетельных командиров — мисальдбров и рядовых членов общины, часто не имевших почти никакого имущества. Мисальдары ссорились и стремились отнять друг у друга земли и скот. Тяжбы и противоречия подрывали единство общины, то самое единство, во имя которого она была создана.

В XVIII веке уже шла полным ходом английская колонизация Индии. Англичане зорко наблюдали за делами в Пенджабе и за отношениями сикхов с Моголами, афганцами и Кашмиром. Это был вопрос северо-западной границы, а с нею было связано слишком много политических интересов. Англичане стали поддерживать Моголов против сикхов, когда отряды хальсы стали совершать набеги на земли по ту сторону реки Джамны и на Дели.

В войнах с чужеземцами и с соседями, во взаимных распрях Пенджаб изнемогал.

В конце XVIII века на историческую арену вышел новый вождь, последний вождь независимого Пенджаба, Ранджит Сингх. Подчинив часть мисальдаров силой и примирив остальных друг с другом, он скрепил свой союз с ними тем, что женился на их дочерях. Воссоединив армию, он отбросил афганских завоевателей, снова ринувшихся на земли Пенджаба, и, объединив свою страну, провозгласил себя в 1801 году махараджей. За много столетий это был первый верховный правитель Пенджаба, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти феодального государства.

Он был прекрасным политиком и хозяином в своей стране. Жители многих областей Пенджаба раньше платили налоги захватчикам, теперь Ранджит стал получать налоги со всей страны сам. Он создал двор, реорганизовал суд и благоустроил города. Не желая ущемлять самолюбие своих властолюбивых военачальников, он называл двор дарбаром (то есть советом) хальсы и свое правительство — правительством хальсы. Он участвовал в праздниках каждой религиозной общины, показывая этим, что Пенджаб должен быть един, вне зависимости от веры, которую исповедуют его жители. Он послал многих юных солдат служить в англо-индийской армии, чтобы перенять опыт дисциплины и организации; создал пехоту в своей армии, ту самую пехоту, которую всегда презирали сикхи, называя ее марши танцами дураков; стал производить огнестрельное оружие и порох. Усилившись и окрепнув, его государство стало оплотом независимости пенджабцев и реальной силой, которую не могли сломить даже англичане.

Богатства Ранджита были сказочны. В его руки попал и легендарный бриллиант Кох-и-Нур — «Гора света», прославленный на весь мир. Когда-то он был найден в рудниках Голконды и оказался во владении Моголов. Когда Надир-шах вторгся из Персии в Индию, он отнял у Моголов этот бриллиант вместе с драгоценным Павлиньим тронном. После того как Надир был убит, алмаз Кох-и-Нур был захвачен Ахмед-шахом Абдали Афганским и оставался в руках его династии вплоть до времени правления Ранджита Сингха, который в 1813 году стал владельцем несравненного камня.

В непрерывных войнах протекала его жизнь. Был захвачен Кашмир и пограничные с Афганистаном земли, один за другим падали под натиском войск Ранджита вражеские форты. Одной из славнейших его побед было взятие города Мультана в 1818 году — города, где правили афганцы и через который шли караванные и военные пути в Пенджаб.

И особой доблестью отличались в этих битвах ниханги — орден сикхов, которые не должны умирать своей смертью, но должны искать гибель в бою. Этот орден возник еще при жизни гуру Говинда. По преданию, он был основан одним из его сыновей. Ниханги отказывались от семейной жизни, от всякой хозяйственной деятельности, от всего, что не было связано с боем или с подготовкой к бою. В битвах они шли первыми в строю хальсы, бросались в бой там, где все готовы были отступить, пробивали брешь в рядах наступающих врагов, устилая своими телами путь остальным сикхам к решающему и победному удару. Бывали случаи в истории сикхских войн, когда перед небольшими отрядами нихангов, налетавшими в слепой и безудержной ярости, в панике рассеивались превосходящие их по численности и вооружению силы врагов. Славным был путь нихангов до воцарения Ранджита Сингха, и новые лавры стяжали они себе в годы его правления; имена их вождей Пхулá Сингха и Сáдху Сингха знает каждый сикх в современной Индии.

Сложную политику вел Ранджит Сингх. Он привлекал к себе на службу и брахманов, и низкокастовых и гималайских жителей — гурков, и представителей одного из кашмирских народов, догра, и европейских офицеров — французов, англичан, итальянцев, венгров и американцев. Он шел на все во имя упрочения своей власти и своей армии.

В это время англичане поняли, что Ранджит успел отвоевать почти все земли Пенджаба и захватить многие из соседних с ним земель и что теперь он может обратить свои взоры и на Дели, и на остальную Индию. Ранджит стремился захватить побережье и выйти к Аравийскому морю, он искал в этом предприятии поддержки англичан, но они упорно отклоняли все его обращения о помощи.

В 1838 году его разбил паралич, а в 1839 году он умер.

Жизнь этого человека, его яркая натура, его безудержная страстность во всем, его ум и решительность — все это воспева-

Портрет Ранджита Сингха

ется современными пенджабцами так живо, как будто он правил всего каких-нибудь десять лет тому назад. Много книг, стихов и песен написано о нем и о годах его царствования. В памяти народа он остался как самодержавный властитель, умный политик и человек, любивший жизнь во всех ее проявлениях: он умел ценить красоту, хотя сам был лицом темен, ряб и одноглаз; он умел любоваться ярким блеском чужих нарядов, но сам носил скромные однотонные одежды; он был привязан к жизни, как к самой любимой жене, но без колебаний рисковал

собою в каждом бою; сам был гостеприимен и щедр, но равнодушно относился к дарам и подношениям... Убивая людей в бою, он ни разу не изрек смертного приговора тем, кто предстал перед его судом, — так о нем пишут, поют, рассказывают в Пенджабе.

После его смерти начался распад его государства. В армии участились раздоры между выборными старшинами и офицерами, судопроизводство больше не следовало букве закона, крестьяне отказывались платить налоги землевладельцам, потому что те произвольно завышали налоги и враждовали из-за земель и власти.

Шестилетний сын Ранджита, Далип Сингх, был наконец возведен на трон в 1842 году, а его мать стала регентшей Пенджаба. Но страна была уже обречена. Англичане стали стягивать войска к границам Пенджаба и возводить понтонные мосты на реке Сатледж. В последний раз сикхская армия сделала попытку отбросить врага — отряды сикхов перешли Сатледж и воззвали

к своему правительству, прося немедленно прислать подкрепление. Но им никто ничего не прислал. Мать Далипа и ее советники уже сговаривались с английским командованием о сдаче колонизаторам половины Пенджаба. Преданная высокими государственными чиновниками армия была разгромлена в неравной битве. Маленький Далип Сингх попал под «охрану» колонизаторов, и они стали воспитывать из сына непобедимого Ранджита своего преданного слугу и сторонника. Бесславно стал влачить свои дни сын славного отца: повторилась трагедия Орленка, сына Наполеона...

Каким я увидела Пенджаб, когда приехала сюда в первый раз? Что сразу врезалось в память? Золотые поля цветущей горчицы, залитые солнцем; каналы, широкие и узкие, много каналов, полных сверкающей воды; синяя кромка гор по горизонту; глиняные деревни в полях и форты, форты в городах, возле городов и у дорог.

Дома с плоскими крышами, почти лишенные архитектурного убранства, города с коленчатыми узкими улицами. Стены выходят из-за стен, стоят под углом к другим стенам, обрамляются невысокими балюстрадами по краю плоских крыш. Часто кажется, что проезжаешь не по улицам города, а по крепости.

Место работы хозяек — чистый угол двора

Только на базарных улицах, где-нибудь в центре города видны балконы, галерейки, резьба по дереву и камню.

Кирпич, кирпич повсюду. Почти все дома красные, но есть и побелка прямо по кирпичу. Старые здания от новых можно отличить по размеру кирпича — у старых кирпичики маленькие, а у новых — большие, толстые. В кирпичных стенах узкие дверные проемы, и за ними узкие крутые лестницы прямо в толще стен.

Внутренние дворики, как и везде в Индии, днем — царство женщин, а ночью — спальня всей семьи. Впрочем, спят и на улицах. Тихо. Темно. Луна плывет над углами и балюстрадами крыш, а на узких затененных улицах сплошь стоят чарпои, и на них мирно спит мужское население города, раскинув усталые руки и обратив к звездному небу бородастые лица.

А из фортов мне больше всего запомнился форт в Бхатинде, в маленьком городе на песчаном юге Пенджаба. Он грандиозен и выглядит непобедимым. Его стены метров сорок высотой расширяются книзу, а от этого кажется, что они туго упираются в землю своим подножием. В шербинах стен гнездятся голуби, летают под солнцем, воркуют. Внизу лежат большие осыпи кирпича. Пыль, сухая колючая трава. И внутри форта пусто, тихо. Говорят, в древности здесь протекала река Сатледж, и форт был обеспечен водой. Были в нем и подземные ходы, которые вели в город и к воде. Были, вероятно, и колодцы. А сейчас — зной, развалины, спекшаяся земля.

Если минуту молча посмотреть на все это, то без особого усилия можно представить себе, какая жаркая, напряженная жизнь кипела когда-то за этими стенами.

Воины средневековых фортов не знали пощады, знали они также, что и им не будет, пощады, и стояли в таких стенах насмерть, отбиваясь от врагов.

Единственным слабым местом фортов были ворота. Хотя они и кованые, и усажены железными шипами, и тяжелы, и огромны, но по сравнению со стенами кажутся непрочными. А ведь чтобы их раскачать, на них гнали слонов, и слоны с разбегу били головами по воротам и наваливались на них боками. Они насаживались на шипы и, зверея от боли и обливаясь кровью, бросались иногда и обратно, топча и подминая под себя эту воющую, ревушую толпу людей, которая безжалостно гнала их на приступ. А сверху, со стен, лилась горячая смола, сыпались же-

лезные стрелы, катились раскаленные камни, падали кобры, вытрясаемые сверху из корзин, летели горящие факелы. Все это жгло, слепило, пронзало, жалило, терзало.

Каждая пядь земли была в те далекие годы пропитана кровью. Каждый город, каждый камень в городе помнит ярость осаждавших и мужество обороняющихся.

У Пенджаба сложная судьба — горькая и кровавая. Народ хранит в легендах и песнях память о каждом событии прошлых веков, о каждой битве, о всех победах и утратах. Так умеют рассказывать о подвигах героев, живших 200—300 лет назад, что кажется, будто рассказчик был дружен с ними и знает не толь-

Сикхи пришли на свой праздник

ко их воинскую жизнь, но и каждого члена их семьи и рола. Все упомянуто в рассказе — рост, цвет глаз, костюм и украшения, привычки и манеры каждого из них, и перед слушателями встает нарисованное невидимой кистью яркое полотно той ушедшей жизни, той эпохи.

И всюду сейчас — в городах, в деревнях, на дорогах — сикхи — члены воинской религиозной общины.

В завершение следует сказать, что в XX веке — и особенно после освобождения Индии в 1947 году от британского колони-

ального гнета — сикхи, будучи, если только можно так сказать, генетически нацелены на победу в любой борьбе, будь это воинские сражения или конкурентные столкновения — стали упорно стремиться к получению образования, к занятиям, связанным со службой в армии, к разным видам технической и торгово-предпринимательской деятельности и т.п. И не случайно в Индии можно услышать, что многие пилоты, армейские командиры, инженеры и даже водители такси в северных ее областях — это сикхи.

12. НИХАНГИ — РЫЦАРИ СМЕРТИ

Мне сказали, что в дни праздника Байсакхи, праздника весны, все ниханги собираются для проведения воинских игр в Анандпур — священный для каждого сикха город, где родилась хальса, в Амритсар — столицу сикхов и в небольшой городок на юге Пенджаба Дамдамá, где десятый гуру, воинственный Говинд, долгое время скрывался от врагов.

Поскольку ближе всего был Дамдамá, или, как его почтительно зовут сикхи, Дамдамá-сахáб, то есть «господин Дамдамá», я решила поехать туда.

Двадцать миль по жгучей песчаной пустыне, где ветер, где нельзя дышать носом, потому что он сразу пересыхает и трескается до крови, и нельзя дышать ртом, потому что в горло, в легкие и даже в пищевод набивается песок, — по этой пустыне лучше всего было бы ехать в закрытой машине. Но закрытой машины не было, а был открытый «джип», и мы проехали эти двадцать миль, умножая своей скоростью напористый знойный ветер и причиняя этим себе двойные мучения. Проехали и прибыли в Дамдама, где кипела ярмарка и по песчаным улочкам сплошной массой двигалась толпа ярко одетых крестьян из окрестных деревень. Почти все — сикхи. В пестрых тюрбанах, ярких рубашках, в длинных дхоти (которые они надевают как юбку-запашку, завязывая углы узлом на животе) и, конечно же, с оружием: мечами, кинжалами, ружьями, палками, окованными медью.

И повсюду в толпе — ниханги. Тюрбаны, как башни, достигающие иногда метровой высоты, а в их складках — кинжалы. Спереди на тюрбанах сверкают вырезанные из стали символы

сикхизма — изображение различного оружия, а сверху нанизаны, как кольца на палец, одна над другой, чакры.

Чакра — древнейшее оружие Индии, о котором всегда говорят и пишут, что его можно увидеть только на храмовых скульптурах в руках каменных богов и что уже много столетий назад оно полностью вышло из употребления, — эта чакра, оказывается, не только хорошо знакома нихангам, но они ею пользуются как оружием в своих воинских играх. Это тяжелое плоское стальное кольцо, подобное диску с вырезанной серединой, и отточенное по внешнему краю как бритва. Его раскручивают на двух пальцах и бросают во врага. Чакра летит, вращаясь в горизонтальной плоскости, и при метком попадании (в шею) может начисто срезать голову.

Чакрой пользовался бог Вишну, как говорит предание. И она же была излюбленным оружием бога Кришны. В «Махабхарате» подробно повествуется о том, как он однажды срезал своей чакрой голову заносчивого царя Шишупалы — сеятеля зла, покарав его за несправедную жизнь.

Не думала и не гадала я, когда занималась «Махабхаратой», что встречу лицом к лицу с чакрой в реальной жизни, в наше время.

Ниханги, ниханги, рыцари смерти... Сколько их собралось в Дамдаме в дни Байсакхи? Трудно сказать. Мне показалось, что тысячи две, а впрочем, может быть, и три. Они группами бродят по дорогам Пенджаба, как цыгане, спят в больших крытых повозках или прямо на земле. По уставу своего ордена, они не должны иметь семьи и не должны нигде работать, все получая бесплатно от населения.

Вооруженные до зубов, с лохматыми бородами, в

Старый ниханг в традиционном
высоком тюрбане

огромных тюрбанах, из которых торчат рукоятки кинжалов, они вызывают боязливое восхищение в душах соплеменников и служат живыми памятниками собственной прошлой славы. Они приходят в деревни и говорят: «Мы голодны», и сейчас же жители выносят им требуемые продукты. Они презирают деньги, не имеют их и даже государственным транспортом пользуются бесплатно.

И горе тому, кто ослушается ниханга, возразит ему или хотя бы посмотрит на него косо, — можно заплатить жизнью за такую дерзость. Ниханги убивают без колебаний, потому что сами не боятся смерти.

Толпа на ярмарке в Дамдаме была переполнена нихангами. Всю первую половину дня они бродили по ярмарке, спали под деревьями, готовили пищу на кострах, пили свой знаменитый бханг — наркотический напиток из тертых листьев какого-то растения с водой. Они давали бханг и своим коням и собакам.

Собаки без нужды ошеривались друг друга, а кони возбужденно ржали и рвались с привязи.

После того как дневной зной стал спадать, вся толпа оживилась и двинулась к гурдваре и священному пруду возле нее. Я взобралась с кинокамерой на груды каких-то белых горячих камней и приготовилась снимать. Отсюда было видно все — и пруд, и дороги, и вход в гурдвару, и кишашую народом площадь.

Это было лучшее место под солнцем —

Ниханги живут вне деревень

увы, в буквальном смысле этого слова! — для того чтобы снять фильм о празднике нихангов. Солнце невыносимо жгло мою спину, но зато камера была надежно укрыта в моей собственной тени, и освещение было превосходным.

Наконец процессия нихангов двинулась вокруг пруда. Какое это было зрелище! Впереди на слоне в золоченом паланкине ехал их вождь. За ним в беспорядке скакали на опьяненных конях всадники, а следом валом валила толпа пеших нихангов во главе с обязательной пятеркой воинов. Процессия была окрашена в синий и желтый — традиционные цвета одежды нихангов, причем в самых разных сочетаниях. И вся была окутана рыжей пылью, сквозь которую сверкали острия копий и чакры.

Вероятно, именно так выглядела хальса в годы средневековья, когда сикхи собирались на бой, готовый разговестись на этой самой земле, где сейчас ниханги проходят в процессии

А над всем возвышались купола гурдвары, и издалека была видна картина под ее крышей, изображавшая сцену казни двух малолетних сыновей гуру Говинда — замуровывание их в стену. На картине враги с перекошенными от ненависти лицами торопливо клали кирпичи, а два мальчика, уже замурованные по пояс, спокойно стояли, молитвенно сложив руки, и вокруг их тюрбанов сияли нимбы святости.

Проходя мимо этого изображения, ниханги потрясали оружием и выкрикивали угрозы, затем на миг скрывались в гурдваре для молитвы, тут же выходили обратно и куда-то устремлялись прямо по скошенным полям.

Я кинулась вслед за ними.

— Не ходите, — говорили мне. — Разве вы не видите, что это опасно? Посмотрите, ведь даже другие сикхи следуют за ними в отдалении.

Действительно, все держались на расстоянии не менее трехсот метров от славной процессии. Но мне-то нужен был фильм. Такой возможности больше не будет, видимо, никогда в жизни. И я пустилась догонять моих нихангов.

Почти мило шла я за ними по песчаным полям, сквозь тучи пыли, пока мы не достигли нужного места. По знаку вождя процессия остановилась, и воины мгновенно выстроились квадратом вокруг недавно сжатого поля. Я как-то случайно очутилась в первом ряду и, оглядевшись вокруг, увидела только ряды колышущихся тюрбанов, бороды, да блеск стали. Так

женщина попала в ряды нихангов, да еще в момент их воинских состязаний

«Хорошо, — подумала я, — что надела сине-желтое платье да волосы догадалась прикрыть синей косынкой Ух! Как они на меня косятся Что-то будет?» Но раздумывать было поздно, я уже была тут и надо было снимать

Как они джигитовали! Они скакали с копьями наперевес и сидя, и свешиваясь, и стоя на седле, подхватывали копьями разложенные пучки травы, поражали на скаку любую цель По полю носились молодые неоседланные лошади, выпускаемые на состязания для «обучения примером» В разных концах поля ни-

ханги исполняли обрядовые воинские пляски, обязательные перед началом рукопашных схваток, затем, прошептав краткую молитву, преклоняли колени перед разложенными на чистых полотнах мечами и кинжалами, брали их в руки и вступали в поединки друг с другом.

В воздухе описывали сверкающие траектории стремительно летящие вращающиеся чакры и, куда ни посмотри, всюду сталь звенела о сталь, раздавались боевые возгласы, вздымалась пыль под босыми ногами воинов.

Одна из лошадей вдруг поскакала пря-

Ниханги с детства учатся владеть оружием и шитом

мо в мою сторону. «Эффектный кадр!» — подумала я, поспешно нажимая спусковую кнопку аппарата, не сообразив, что видимое в кадровом окошке кажется более удаленным, чем оно есть на самом деле. Отброшенная в сторону чьей-то сильной рукой я отлетела вместе с камерой метра на два, и в тот же миг копыта опустились на то место, где я только что стояла.

И до сих пор, прокручивая эту пленку, я восхищаюсь видом вздыбленной лошади на кадре и вспоминаю, как ниханг спас мне жизнь, как ни парадоксально это звучит.

А затем меня пригласил через посланца один из их вождей и милостиво позволил мне сесть на землю справа от себя. И сам подал мне стальную чашу с водой, поговорил со мной — по-английски! — о нашей стране, снял с руки стальной браслет и, надев на мою, сказал:

— Теперь ты моя сестра. И всегда своей рукой ты должна делать только добрые дела. Запиши, как ты можешь меня найти, если понадобится.

— Для чего, брат мой, вы можете быть мне надобны?

— Мало ли для чего. А вдруг тебя кто-нибудь обидит.

— Так что я должна тогда сделать?

— Немедленно напиши вот в эту гурдвару. И мне передадут.

— И что будет?

— Я сразу же приеду.

— Для чего?

— Убью, — спокойно сказал он так, как мог бы сказать «пойду пообедать» или что-нибудь в этом роде.

«А ведь и впрямь может убить. — мелькнула у меня мысль. — Для многих сикхов это не проблема, а уж для нихангов и тем более».

Поблагодарив его за желание оказать мне в жизни такую, я бы сказала, решительную поддержку, я сразу ощутила себя в полной безопасности — здесь, по крайней мере. И когда кончился праздник, я купила ему в лавочке подарок — несколько отрезков на тюрбан, и он сам довел меня до автобуса. Автобус — это был последний рейс из Дамдама. Я бы никогда не смогла протиснуться внутрь, если бы не мой брат. Он кончиком кинжала в ножнах только слегка прикоснулся к плечам тех, кто висел на дверцах, и они, оглянувшись и увидев, с кем имеют дело, осыпались на землю, как листья. Он вошел и ввел меня за руку за собой. Затем без слов, снова так же выразительно

попросил освободить мне место и, только усадив меня с удобствами, сложил руки, прощаясь.

— Так не забудь, как меня найти, сестра. Да славится Бог.

— Да славится Бог, — ответила я ему общепринятой сикхской формулой, и автобус тронулся.

13. ВСЕГДА В БЕЛОМ

Началось с того, что я спросила одного моего студента из Пенджаба, Сваран Сингха, почему он всегда одет в белое и повязывает тюрбан не так, как все сикхи, — не делает острого уголка над лбом.

— Это потому, мэдам, что я не просто сикх, я намдхари-сикх.

— Чем вы отличаетесь от них?

— Мы строгие вегетарианцы, а сикхи едят мясо, хотя и они

Студент Сваран Сингх

конечно, коров никогда не убивают и говядины не едят. Мы никогда не пьем алкогольных напитков, а некоторые сикхи-сахадждхари любят выпить. Мы не признаем никакого насилия, а сикхи всегда вооружены и любят драться. Они часто ссорятся, а мы никогда не повышаем голоса.

— Сколько же вас?

— Очень много. Наши старики говорят, что не меньше миллиона, хотя в газетах пишут, что только один лакх.

— То есть сто тысяч?

— Да.

— А где вы все живете?

— В Пенджабе. Но и в Дели тоже.

— А где ваш дом?

— В Пенджабе, конечно. Это наш родной, наш любимый край.

— А в Дели где?

— В дхарм-шалé нашей общины. Приходите к нам, мэдам, это недалеко.

И мы вскоре посетили их. У каждой религиозной общины в Индии есть свои дхарм-шалы, род гостиниц или караван-сараев.

В этой дхарм-шалé жили люди в белом. Здесь им готовили вегетарианскую пищу, и пить воду они могли только из колодца в этом дворе; если они уходили куда-нибудь, они брали воду отсюда с собой. Даже чай они не могли пить — это тоже был греховный напиток.

Община намдхари возникла внутри сикхской общины в начале прошлого века. В отличие от других сикхов, у которых после смерти последнего гуру, Говинда Сингха, живых гуру больше не было, намдхари начали свою новую династию гуру, которые наследственно возглавляют их общину уже больше ста лет.

Они были борцами за свободу: отказались сотрудничать с англичанами, не пользовались почтой, не покупали английских товаров, отказывались от официальных постов.

Движение их росло, ширилось и вызвало наконец жестокие репрессии. Англичане расстреляли группу намдхари прямой наводкой из пушек, многих арестовали, а вождей движения, и в том числе их руководителя — гуру Рам Сингха, сослали в Бирму, заключив там в тюрьму в Рангуне. Это было в начале 70-х годов XIX века.

Дальнейшая судьба Рам Сингха неизвестна, но среди намдхари живет поверье, что он бежал в Россию и до сих пор скрывается там.

Позднее многие спрашивали меня, не встречала ли я его где-нибудь в нашей стране. Некоторые говорили, что Россия — это их вторая родина, потому что там Рам Сингх нашел себе прибежище. Эта уверенность была трогательной, и мне искренне хотелось, чтобы Рам Сингх дожил до наших дней.

Вскоре мы получили приглашение в деревню Бхайни, или, как ее почтительно называют намдхари, Бхайни-сахаб, то есть «господин Бхайни». Это один из центров общины, и здесь должен был торжественно справляться свадебный обряд. Я решила ехать: упустить такую возможность было нельзя.

В Лудхиáне на вокзале меня встретила толпа сияющих чернобородых намдхари в белоснежных одеждах. Посадили в «джип»,

набились туда сами — по меньшей мере человек двадцать, — и мы двинулись, оглушительно клаксоня, подобные живой чернобородой пирамиде, по узким улочкам Лудхианы мимо велорикш, скутеров, верблюдов, велосипедов, мальчишек и коров в сторону шоссе на Бхайни-сахаб

Миль двадцать по шоссе сквозь сентябрьский зной Пенджаба — и мы на месте

Тишина Какая тишина! Людей вокруг много, но все равно тихо очень тихо Горячий ветер с сухих полей скользит в листьях огромных деревьев По песчаным улицам ходят люди в белом Разговаривают вполголоса, улыбаются Никакой спешки никаких резких движений Они съехались сюда для проведения молитвенного обряда

Вьются под ногами легкие песчаные вихри и, покрутясь бесшумно убегают Не слышишь собственных шагов по мягкому песку, сама говоришь, как и все, вполголоса Все как будто во сне

Где-то скрипит колодезное колесо, где-то поют молитвы Деревня — обычная пенджабская глинистая, плоскокрышная, вдоль улиц канавки для сточных вод Калитки и двери из сухого темного дерева со стертой старой резьбой

А около деревни возник городок из палаток и навесов Они разные — и серые, военные, и белые, и цветные, и многоцветные Меня ведут по деревне мимо палаток к моему палаточному дворцу, к моей шамиане

Этим красивым словом — шамиана — называется в Индии сочетание матерчатого навеса с матерчатыми стенами Тысячи ремесленников занимаются окраской тканей для шамиан и нашивкой на них разноцветных аппликаций Шамиана — это не только тень, это цветной полог, на котором выведены узоры для того, чтобы над вами и вокруг вас солнце высвечивало яркие ковры Когда вы входите в шамиану, вы оказываетесь внутри палитры, вы окружены красками со всех сторон, вы отгорожены ими от всего мира

Шамианы — это шамаханские шагры, это то, что бывает только в сказках и в Индии Может быть, они есть еще в каких-нибудь других странах, где я не бывала, — не знаю Но для меня они стали частью Индии

Идем по песку сквозь тихую, белую, медленно движущуюся толпу, поворачиваем за угол палаточного городка, и вот перед

нами длинный цветной забор из шамианной ткани. Мой спутник откидывает полог, как бы открывая калитку, и мы входим во двор. Полог падает, и мы уже окружены этим ярким, развеселым забором, а перед нами, посреди двора, стоит красота из красот, шамиана из шамиан, матерчатый дворец. На верхнем тенте, покрывающем значительную часть двора, узоры на красном фоне. На среднем тенте, который натянут под первым, фон для цветных аппликаций синий, а третий шатер под двумя первыми — желтый в узорах. Он-то и является двухкомнатным помещением для жилья. Здесь я должна буду провести несколько дней как гостя любезного хозяина — главы секты.

Мастера изготовители апптицированной ткани для шамиан

Входим, располагаемся в низких плетеных креслах вокруг стола, отдыхаем после дороги.

В шамиане полумрак, и кажется, что стало еще тише. Сваран встает и включает свет — оказывается, сюда проведено даже электричество. Освещенные изнутри узоры шатра стали плоскими, плотными, сомкнулись над нами. Маленький узорчатый мирок. Кажется, что ничего нет, не было и не будет вне этих переплетающихся и пересекающихся цветных линий и пятен.

Вдруг откинулась завеса, и — вот уж воистину как в сказке! — один за другим вошли несколько мальчиков, все в белом. Каждый нес поднос с чашами, чашками и чашечками. В одних лепешки, в других лепешечки, в третьих каша, потом овощи, затем горячее сладкое молоко и т.д. и т.п. Все сугубо вегетарианское, очень жирное, очень сладкое и удивительно вкусное. Все-го берем понемножку и едим, едим с огромным аппетитом.

— Вот ваша спальня, дорогая мэдам, — показал мне Сваран на дверь в соседнюю «комнату».

Я заглянула туда: на песке под нарядным покрывалом стоял чарпой. Он выглядел заманчиво. Но зато под потолком вокруг лампочки кружились, жужжали, метались обгоняя друг друга, самые разные по цвету, размерам и форме мошки, москиты, комары, бабочки и еще что-то, чему я и названия не знаю.

— А на воздухе нельзя спать? — осторожно осведомилась я. — Я боюсь, что здесь будет ночью немного душно.

— Конечно, можно. Где вы хотите, лишь бы вам было хорошо.

Откинув двери-завесы, мы вышли из-под всех трехпологов. Солнце скатывалось за золотой край безмолвных полей. Небо стало белым, серебряным, розоватым, золотистым и золотым, глубоким и бескрайним — закатное небо Индии.

В густой листве манговых деревьев сгустился мрак и оттуда слышались голоса засыпающих павлинов. С полей доносился оглушительный звон цикад, а с деревенской площади долетало пение — там продолжали молиться.

Сквозь резьбу листьев над головой замерцали первые звезды. Минута, две, три — и они уже рассыпались по всему небу. Поля за шамианой и небо почти в мгновение ока слились в черный океан и, как сверкающий планктон, всюду вокруг засветились мириады звезд, а среди них стали вспыхивать и гаснуть светляки.

Мои друзья зажгли яркие карбидные лампы, причудливо осветившие их чернобородые лица под белоснежными тюрбанами, и стали устраиваться на ночлег. Для меня поставили чарпой — один ряд со своими чарпоями, покрыли его вышитыми простынями, положили вышитую подушку и натянули над ним москитную сетку. Захотелось спать уже при одном виде этих приготовлений.

Я нырнула под сетку и заснула сладчайшим сном в теплой прохладе пенджабской ночи.

Разбудило меня пение. Тихое, мелодичное, многоголосое, оно лилось одновременно со всех сторон. Это намдхари пели утренние молитвы. Великие гуру сикхизма говорили, что лучшее время для молитвы — предрассветный час. Поэтому утроилось, удесятилось к рассвету число поющих. Люди пели в этой темноте и тишине, прославляя милосердие бога, в которого верили, и воспевая красоту родной природы.

...Бесчисленное множество разных творений
Создал он росчерком вечно цветущего пера, —
Кто же может их взвесить, сосчитать, измерить?
И как велик должен быть этот счет?
Как воспеть красоту Создателя и силу?
Какой мере равна Его щедрость?
Он изрек слово — и возникло все сущее.
И возникла природа и тысячи ее рек.
И как описать это диво — природу? *

Небо было еще темным, но уже что-то изменилось в нем, уже было ясно, что вот-вот звезды побледнеют и уплывут из глубины пробуждающегося света.

Молящиеся пели о том, как прекрасно утро в Пенджабе, как прекрасна пенджабская весна. Большой мудростью надо было обладать, чтобы прославлять в молитвах поля и реки своей страны, восхвалять скот, и урожай, и ветра.

А в это время небо над полями стало розовым и золотым, сквозь москитную сетку стало видно, как рассеиваются тени, как обозначаются краски листьев и цветов, как все больше алеет восток.

И тогда проснулись павлины и стали перелетать с дерева на дерево прямо на фоне восходящего солнца. Мне кажется, что никогда в жизни я не видела ничего более красивого. И фантастические контуры этих птиц на фоне сияющего рассвета, и их хвосты, отливающие всеми оттенками всех цветов, и синие шеи, и изящные головки с цветными хохолками, и легкость полета — от всего этого просто захватило дух, и я боялась только одного, что вот-вот изменятся краски, изменится свет, рассеется эта феерия и прервется райский воздушный балет.

* Перевод отрывка из 16-й песни «Джапджі» — сборника утренних молитв, составленного первым гуру сикхов, Нанаком (Перевод Н. Гусевой.)

Он вскоре прервался. Солнце взошло, и павлины спустились на землю, чтобы искать корм. А я села на свое чарпое и увидела, что вся моя чернобородая гвардия уже проснулась.

Мои сосед слева и мой сосед справа тоже сидели на чарпоях и дружно расчесывали свои черные волосы, спустив их почти до земли. Сваран улыбнулся мне из-под завесы волос и сказал, что после завтрака мы пойдем на свадебный обряд.

И снова, как вчера, не то десять, не то двадцать мальчиков принесли нам завтрак в шамиану, и потом мы пошли все осматривать.

Опять прошли через бесшумную белую толпу, неторопливо плывущую по песчаным улицам, и вошли в деревню. Здесь в дни праздников и торжеств бесперебойно работает так называемый гуру-ка-лангар, то есть кухня гуру, — прекрасный обычай сикхизма. День и ночь готовят пищу, и пекут пресные лепешки — чапати, и день и ночь кормят всех, кто приходит, чтобы поесть. Во дворе кухни и на прилежащих улочках сидело на корточках много людей. Прислужники раздавали тарелки из листьев и обносили всех лепешками и гороховой кашей с овощами и красным перцем.

Все ели так аппетитно, захватывая кашу пальцами и кусочками лепешки, что и мне захотелось присесть на корточки рядом с какой-нибудь крестьянской семьей и, не торопясь, погрузиться в смакование этой жгучей рыжей каши и одновременно в ленивое разглядывание всех мимо проходящих.

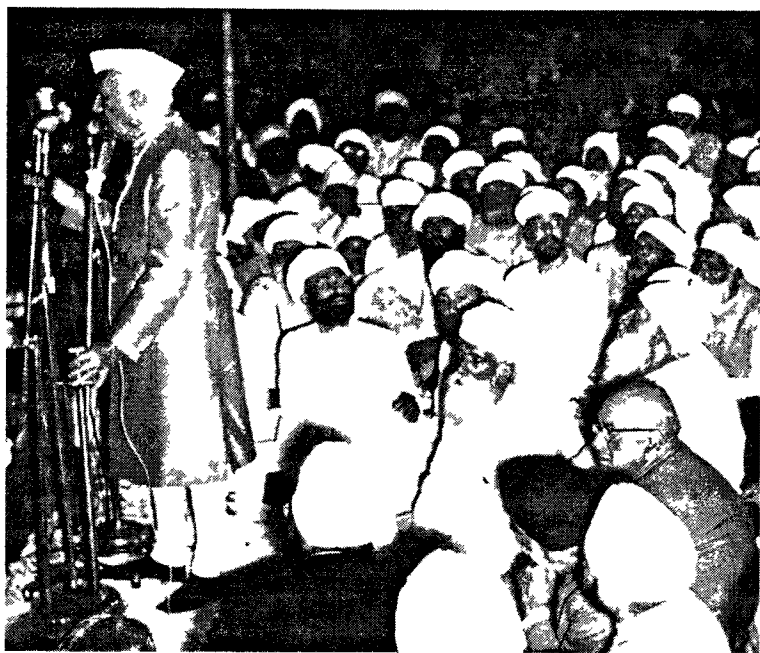
Заглянули через дверь и в самую кухню. Входить туда нельзя без омовения, а если кто из поваров выйдет, то и он должен омыться, прежде чем войдет обратно, — разумное предписание в условиях страны, где одна эпидемия спешила сменить другую.

В кухне был полумрак. По стенам метались красные отблески огня и тени полуголых поваров. Одни месили тесто, другие быстро — шлеп-шлеп! — расшлепывали на ладонях чапати, третьи переворачивали их на множестве сковородок, четвертые мешали кашу, пятые резали овощи, и все это делалось дружно, слаженно, в едином ритме. Снаружи через специальное окно подавали новые продукты.

Вся эта работа — четкая и быстрая — наглядно показывала, как была устроена походная кухня сикхов. Бессчетное количество раз во время быстрых военных передвижений приходилось быстро готовить пищу, кормить воинов и исчезать без следа, не оставляя после себя даже пепла костров.

Давно миновали те времена, но до сих пор даже у намдхари, этих мирнейших из мирных можно увидеть, как это нужно делать

Затем пошли на площадь, откуда доносилось пение и раздавалась музыка. Здесь шамиана была натянута как огромное кольцо — середина площади не была покрыта и тут, на круглом воз-

Джавахарлал Неру обращается к собранию намдхари

вышении, разжигали священный огонь, готовиться к обряду бракосочетания. Толпа разместилась тоже кольцом под навесом, а по его внутреннему краю, лицом к огню, сидели парами женихи и невесты. На этот раз было около пятидесяти пар, но бывают свадьбы и для ста пар одновременно. Где бы ни жили намдхари, а их можно встретить и в Африке, и в Индонезии, и на Филиппинах, и в разных других странах, отовсюду они должны приехать сюда, в Пенджаб, для проведения свадебной церемонии. Только здесь должны заключаться браки, в присутствии гуру — главы всей общины. Только здесь, на священной

земле предков, на земле, давшей Индии учение Вед и учение сикхизма, может начинаться жизнь молодой семьи.

В Пенджабе в 1863 году впервые был проведен обряд массового бракосочетания, получивший название «ананд», что значит «радость», и здесь из года в год он повторяется и по сей день.

Под навесом сидел и сам гуру, возглавлявший оркестр, — он первоклассный музыкант. Меня прежде всего провели приветствовать его. В ответ на мой поклон он подал мне кокосовый орех и апельсин. Все вокруг одобрительно заговорили, зашептались.

Держа в одной руке киноаппарат, а в другой огромный орех и апельсин, я прошла мимо всех собравшихся, совершив своего рода круг почета, под приветственные улыбки присутствующих, а потом вручила дары гуру моему милому Сварану, который благоговейно принял их из моих рук, а сама занялась съемкой.

Люди пели, пели не умолкая. Гуру играл, оркестр подхватывал его мелодию. Музыка и пение заполняли собой все, подчиняли себе, диктовали ритм движений, формировали ощущения и мысли. Даже мне хотелось двигаться в такт мелодии, а жужжание киноаппарата казалось недозволенным диссонансом.

Внезапно, словно сорванный с места силой музыки, из толпы вышел какой-то старик без тюрбана, остановился перед гуру и начал раскачиваться вперед и назад, кланяясь все ниже и ниже до тех пор, пока его длинные седые волосы не стали мести песок. К нему присоединились еще несколько человек, которые то покачивались на месте, то так же кланялись, метя волосами землю, то делали какие-то странные танцевальные движения, кружась, как в трансе и вскрикивая. Это длилось пять, десять, двадцать минут, полчаса, и я уже недоумевала, как они выдерживают под солнцем это напряжение поклонов и раскачиваний. И только я подумала об этом, как они один за другим стали падать на землю, оставаясь лежать неподвижно, как подстреленные.

Мой внутренний порыв броситься к ним, дать воды, оттащить в тень — словом, оказать, как полагается, первую медицинскую помощь — угас, когда я увидела на лицах всех окружающих полное безразличие к происходящему.

Мне объяснили, что это в порядке вещей, что так некоторые из намдхари почитают гуру и что с ними ничего не будет — отлежаться и встанут, как это всегда бывает.

«Не ожидала, что попаду на такие сектантские радения, — подумала я. — Надо снимать, не принимая ничего близко к сердцу».

И я снимала. И этих кружащихся, и лежащих, и женихов с невестами, и стариков, читающих нараспев «Грант Сахаб», и играющего гуру, и все это царство людей в белом.

А в это время перед гуру собрались те, у кого возникли тяжбы. По закону намдхари, тяжбы между членами секты должен разбирать глава их локальной группы, но, если стороны не удовлетворены его приговором, они могут обратиться к самому гуру. Решения гуру никакому обжалованию не подлежат, он олицетворяет собой божий суд.

Меня поразила быстрота, с какой он принимал эти решения. Ему устно докладывали дело, и через минуту секретарь оглашал через микрофон приговор. Странно было видеть это судебное разбирательство на брачной церемонии, но мне объяснили, что так полагается воспитывать молодые пары, готовить их к тому, чтобы они жили, не нарушая законов.

Старики у алтаря напевали молитвы, лили в огонь топленое масло, готовили ритуальный прашад — сладкую кашу из пшеничной муки. Потом обнесли сидящие пары прашадам, окропили их головы водой, дали вкусить освященного масла.

Когда кончился суд, все, кто вступал в брак, встали, и каждый жених повел за собою свою невесту, привязанную за край одежды к шарфу, переброшенному через его плечо.

Пока они четыре раза обходили священный огонь, я разглядывала эти молодые пары и думала о том, как все-таки странен для нас, европейцев, индийский брак. Вот этому красивому, и тому хромому, и этому худосочному, и низенькому — всем им невесты подобраны родителями, и никто не может возразить против этого выбора, ни девушка, ни юноша не могут произнести короткое слово «нет».

Почти все молодые сегодня впервые увидели друг друга. Девушки почему-то все очень печальны. бредут за своими повелителями, низко опустив голову на грудь. А женихи выглядят крайне индифферентно, как будто и не они женятся.

— Сваран, почему они все такие грустные?

— Нет, они не грустные, а серьезные. Ведь это серьезный момент.

Огонь обойден четыре раза, брак заключен, и расторгнуть его теперь сможет только смерть.

Все стали расходиться с площади.

Сваран объяснил мне, что намдхари очень гордятся своим брачным обычаем, так как у них не надо давать приданое, разоряющее семьи индусов, и выкуп за девушку, что часто ложится непосильной тяготой на плечи мусульман. У намдхари отменены и свадебные подарки — все эти яркие нарядные одежды и украшения, которые обязательны у других индийцев, потому что религиозный закон запрещает им нарядно одеваться и украшать себя. Поэтому вся свадьба стоит от 1 рупии с четвертью до 13 рупий.

(Интересная это цифра, «савá-рупия», то есть «рупия с четвертью». Всюду в Индии люди не любят круглых цифр, и особенно в ценах и мерах. Что-нибудь с четвертью считается лучшей единицей измерения и счета. Даже в храмах принято подавать богу не ровно рупию, а сава-рупию. В школах предпочитают принимать от 101 до 125 учеников вместо 100, акционеры складываются, скажем, по 101 или 125 тысяч рупий охотней, чем по 100, и т.д. Объяснить причины обычая мне никто не смог, но многие в Индии суеверно следуют ему...)

В Бхайни-сахаве прошло уже два дня в тишине и молитвах. Давно уже в Индии разработана и принята эта практика проведения молитвенных собраний вдали от тех мест, где в сутолоке протекает ежедневная жизнь. Давно найдены пути, по которым можно вести в нужном направлении. И силу этого воздействия можно в полной мере ощутить только тогда, когда сам с головой окунешься в эту атмосферу.

Все трое суток — и ночи, и утра заполнены тишиной, пением молитв, мягкой вкрадчивой музыкой и проповедями. Готовность к восприятию поучений духовных наставников, с которой сюда приезжают, удесятеряется в условиях этой отрешенности от забот и запросов навязчивой жизни.

Недаром в течение многих тысячелетий в Индии все великие вероучители, все основоположники новых религий проповедовали вне городов. Они странствовали, останавливаясь то в лесах, то в садах или пригородных рощах, сзывали к себе народ и в тишине подолгу и без спешки учили, объясняли, поучали, внушали...

— Скажите, Сваран, а ко мне в шамиану не может заползти кобра? Ведь вокруг поля.

— Что вы, медам! В этом святом месте не может быть никакого зла.

— Я вижу. Но ведь кобра может не понимать, куда она ползет.

— Нет, нет, не бойтесь. Даже если она придет, мы ее посадим в кувшин и унесем в поле.

— Кто будет сажать — я?

— Да, можете и вы. Надо протянуть ей руку, а когда она обовьется, ее можно спокойно стряхнуть в кувшин.

— А... они часто приползают сюда?

— Нет, не часто. Но здесь их много в полях

— Сваран, еще не пора уезжать отсюда?

— Нет, нет. После обеда мы пойдем с вами осматривать молочную ферму гуру, и он хочет поговорить с вами.

На молочной ферме скот оказался красивым, упитанным и породистым. Многие намдхари занимаются разведением и продажей скога. Все сикхи вообще относятся к коровам с религиозным почтением, но у намдхари это отношение доведено до апогея: в прошлом веке у них даже было крупное столкновение с мусульманами в княжестве Малеркотла из-за «недоброго» отношения мусульман к коровам.

Намдхари разводят высокопородистый скот

Их современный гуру недавно получил от правительства Индии почетный титул «Гопал ратан» — «Сокровище защиты коров», и все намдхари справедливо гордятся этим.

Аудиенция протекала под соломенным навесом. Гуру, красивый сероглазый пенджабец, принимал меня в присутствии своего брата, знающего английский язык, и его сына — мальчика лет десяти-двенадцати. Этого мальчика все члены общины почтительно называют

«тхакур-джи» — «господин хозяин» и оказывают ему всяческие знаки наивысшего почтения, потому что у самого гуру сыновей нет и тхакуру-джи предстоит унаследовать его сан.

Мальчик держался с достоинством, как взрослый. Видно было, что он вполне уже вошел в роль будущего главы общины и сознает необходимость участвовать в ее деловой жизни даже сейчас, в свои девять лет.

Несколько раз я встречала его в компании сверстников и видела, как он носится и играет с ними, как мальчик среди мальчиков, но, если кто-нибудь направлялся к нему, чтобы почтительно прикоснуться к его стопам, он сразу останавливался и позволял припасть к своим ногам.

В заключение рассказов о Пенджабе следует упомянуть о том, что многие пенджабцы отличаются от большинства жителей центральных и южных областей Индии более светлой окраской кожи и более высоким ростом. Оба этих признака считаются унаследованными от древних пришельцев на их земли — арьев, т.е. людей северной, или европейской, расы. Видимо, не случайно именно в среде пенджабцев возникло движение, называемое Арья Самáдж, лозунгом которого служат слова «назад к Ведам».

Дж. Неру и глава общины намдхари

14. ЗА ОБЛАКАМИ ПРОХЛАДНО

Однажды мы решили поехать в горы, в курортное местечко Найни-Тал. Когда-то здесь Джим Корбетт убил множество тигров-людоедов и написал об этом чудесную книжку.

Городок славился и как милый летний курорт, прохладный и веселый. К тому же окрестности живописны, а дорога красива. Словом, решили поехать — и поехали.

Закупили накануне продукты, все сварили, пожарили, приготовили, разложили по корзинкам и коробкам, разлили по бутылкам и термосам и отправились спать, дав друг другу честное слово вскочить в три часа утра по первому зову шофера.

Конечно, не спалось, как назло. В голове мелькали картины предстоящей поездки и разные мысли: а все ли взяли? А не будет ли жарко ехать? А не поздно ли выезжаем? А не лучше было бы выехать в час ночи? А не... А не...?.. Так что, когда шофер позвонил в дверь, мы спали крепчайшим сном.

Ночь сразу облила нас лунным сиянием, таким густым и материальным, какое бывает только в Индии. Все вокруг было заполнено, залито, насыщено белым светом, который взвешен во мраке, как серебряная эмульсия. Даже тени от деревьев, людей, домов видны сквозь слой лунного света, как сквозь легкую белую пыль.

Мы даже не могли сразу начать укладывать вещи, а застыли, как статуи в Летнем саду, любуясь этим чудом. Кто-то из нас, кажется, сделал попытку набрать лунного света в целлофановый мешочек, и я не берусь утверждать, что это была полностью абсурдная попытка. В Индии мы по своей глупости имели обыкновение спать по ночам, а не любоваться природой.

Но вот теперь мы стояли и смотрели и не могли оторваться. И тогда, словно щедрая добавка к щедрому дару, под луной показался косяк журавлей. Треугольник крупных птиц медленно пересек ослепительный диск луны и уплыл в океан лунного света, перемешанного со звездами.

— Вот это да! — выдохнул кто-то из нас, и мы, словно проснувшись, вспомнили, что ведь главной нашей целью является поездка. Все стали быстро совать в багажник пакеты, и корзинки, и термосы, и коробки, и все прочее.

Наконец все уселись, и машина выплыла за ворота прямо в реку лунного света. Мимо, как спящие киты, проплывали от-

ромные деревья, в ветровое стекло втекал мягкий ночной свет, освещаая руки нашего шофера Кéваля, спокойно лежавшие на баранке.

Так хорошо было откинуть голову на мягкую спинку сиденья и вспомнить свой прерванный отъездом сон...

...Вдруг оглушительный крик взорвал покой:

— Тростник! Сахарный тростник! Свежий сок! Прохладный сок!

— А вот бананы, бананы! Вот бананы! Лучшие бананы!

— Кока-кола! Орендж! Кока-кола! Кому орендж?

— У меня манго-альфóнсо! Только у меня альфонсо, только у меня!

Машина стояла в тени дома на улице какого-то городка. К стеклам прижалось не меньше двадцати измазанных детских мордашек, весело и изумленно смотрящих на нас.

Солнце освещало противоположную сторону улицы, из чего стало ясно, что ночь кончилась. Кéваля рядом не было. Оглядевшись, я увидела его в темной глубине чайной лавочки, где он пил чай и беседовал с какими-то двумя сикхами — видно, тоже проезжими шоферами.

А улица жила, кипела, двигалась, звенела, кричала, торговала, зазывала, жарилась на солнце и пряталась в тень деревьев и навесов. Все бурлило вокруг, мелькало разноцветными пятнами, было до краев налито жизнью.

Короткий вскрик «харрр» отогнал ребятишек, облепивших машину, и наш шофер Кеваль сел на свое место.

— Ну, я теперь не засну за рулем, — смеясь, сказал он, — выпил «чай на пятьдесят миль».

— То есть как это?

— А вы об этом еще не слышали? Мы, шоферы, заказываем в чайных лавках чай разной крепости, смотря по предстоящему пути. Вот нам до отдыха остался еще час, я так и заказал — чай на пятьдесят миль.

Через пятьдесят миль мы остановились в густой манговой роще, вышли на волю, расправили затекшие руки и ноги и стали готовить завтрак на траве.

Трава была низенькая и сухая, поэтому можно было не опасаться змей, и мы расселись вокруг разостланной скатерти, как божества в райских кушах.

Манговые деревья — это гиганты, развесистые, густые, щедро усыпанные душистыми плодами.

— Как здорово! — воскликнула я. — Приходи, срывай и ешь. Ведь манго растут даже вдоль дорог, для тени.

— Нет, — возразил Кеваль. — Каждое дерево помечено и кому-нибудь принадлежит. Всюду есть сторожа, и «приходить и срывать» нельзя.

— Ах вот как! А я-то думала...

— К сожалению, нет. За все, даже за плоды дикорастущих деревьев, мы должны платить.

Дары природы доступны людям только в джунглях. А джунглей-то уже почти нет. Есть кое-где на севере, на юге и на крайнем востоке Индии да вот там, куда мы едем, в предгорьях Гималаев. Есть и в гористой части штатов Раджастан и Мадхья-Прадеш, в тех местах, где жил Маугли и где все мы в детстве бегали вместе с ним, охотились, прятались и выслеживали злобного Шер-хана...

Дорога идет вдоль полей, где виднеются одинокие деревья, через широкий канал, мимо небольших деревенских храмов, мимо глиняных заборов, мимо, мимо...

Пересекаем территорию опытного лесоводческого хозяйства и начинаем подъем. Лес по сторонам напоминает леса в предгорьях Кавказа или в Крымских горах — сплошная масса узловатых колючих веток, много кустов. Снизу какие-то колючие травы.

Сравнительно невысоко начинаются повороты. Машина все время поворачивает то налево, то направо. Дорога в отличном состоянии, вся по внешней стороне выложена побеленными камнями, вьется, стремится все выше и выше. Вот уже по склонам сбегает плоскими ступеньками террасные поля. Некоторые из них в метр шириной, а некоторые в три-пять метров — в зависимости от крутизны склона. Каким трудолюбием надо обладать, чтобы вручную превратить склон горы в систему взаимно связанных террас и террасок и укрепить их стенки камнями, а иначе размоют и унесут урожай дождевые потоки!

Высятся, громоздятся вокруг нас горы, вершины выходят из-за вершин. Уже кончились низкорослые труднопроходимые леса, стоят высокие сосны, рослые лиственные деревья, а между ними поляны в цветах.

— А вот на этом месте мы видели тигра в прошлую поездку, — вдруг сообщил Кеваль.

— Где? Как это — тигра? Большого? Близко? — посыпались вопросы.

— Да, очень близко. Он перешел шоссе метрах в тридцати от машины, сел на этот каменный барьер, а потом прыгнул в кусты и ушел вниз.

— И вы не испугались?

— Не успел. Да и чего бояться? Ведь мы были в машине.

— Они иногда бросаются и на машины.

— Ну такое случается исключительно редко. Обычно они уходят.

— Кеваль, а здесь много тигров?

— Да, мэдам, есть.

— Вы их боитесь? («Господи! Какие глупости я спрашиваю!»)

— Да. Их все боятся. Но нельзя им славаться.

— Да как же ему не сдаться, если он на вас прыгнет?

— Надо его бить в живот.

— Как это в живот? Чем?

— Ножом, или палкой, или хоть кулаком. Когда он на вас прыгает, а он прыгает всегда вот так. — Тут Кеваль бросил баранку и протянул вперед обе руки с растопыренными пальцами, но, увидев, что машина вильнула к обрыву, быстро положил их обратно. — Когда он прыгает, то открывает свой живот, а живот у него длинный и мягкий. Вот тут и надо бить изо всех сил, и можно его убить.

— Кому-нибудь удавалось?

— Да. Мой друг из нашей деревни в Пенджабе недавно встретил тигра в тростниках и убил кирпаном.

— Что это такое, кирпан?

— Это наше оружие. Мы в Пенджабе всегда ходим с кирпаном. Это похоже на меч или кинжал. Сикхи всегда вооружены, такой у нас закон.

— И что же, тигр его не ранил?

— Ранил, ободрал плечо, но потом оно зажило.

Разговор исчерпался. Каждый старался представить себе, как пенджабский парень один на один сошелся в камышах с самым сильным и беспощадным зверем.

Облака, как раздерганная вата, цеплялись за сосны, ложились на склоны, повисали над долинами. Они висели под нами над глубокой пропастью, и от одного взгляда вниз кружилась голова. То тут, то там на горных склонах виднелись небольшие

селения. Кое-где на лужайках паслись буйволы, их пасли дети. Каково это детям пасти скот в местах, где так свободно бродят тигры! Бывает, они нападают и на людей, хотя Джим Корбетт пишет, что людоедом тигр становится только тогда, когда он серьезно ранен и после этого не имеет сил свалить более крупную и быструю дичь. Вероятно, так оно и есть, однако кто может дать этим детям гарантию того, что в окрестностях не бродит именно такой тигр, жаждущий легкой добычи? Пастухи со скотом стараются держаться подальше от зарослей, но ведь тигр одним прыжком покрывает 7—10 метров.

А машина петляла, налево-направо, налево-направо, все выше и выше. Въехали в облако — нас облил дождь, выехали из облака почти по вертикали, посмотрели на него сверху, стали обсыхать.

И вдруг в хороводе кружащихся вокруг нас горных вершин возникли белые и серые домики, красные черепичные крыши, улицы, заборы — Найни-Тал.

У въезда нас остановили, проверили документы и открыли шлагбаум — милости просим.

Улицы городка идут тоже террасами — все выше и выше. На них стоят двухэтажные деревянные дома. Вдоль всего второго этажа крытые галереи. Почти все эти дома — «отели», то есть небольшие частные гостиницы, где сдают комнаты на два-три месяца тем, у кого достаточно денег, чтобы приехать сюда, спасаясь от палящего летнего зноя равнин.

Комнаты обычно большие, с двумя-тремя кроватями, столом и стульями. Из-за того, что окна выходят на галерею, внутри полумрак. По вечерам зажигаются под потолком лампы под простыми стеклянными абажурами или без них.

Обедать все сходят вниз, в общий зал. Какими-то очень уютными показались нам эти отели, хотя в Индии понятия уюта вообще не существует. Для нас уют — это что-то мягкое, теплое, ласкающее тело и душу. А в этой стране не нужно ни мягкого, ни тем более теплого. Индийский уют заключается в том, чтобы окна были плотно закрыты ставнями, чтобы полы были цементными или каменными, а скамейки и стулья имели плетеные сиденья и чтобы в комнате как на полу, так и на стенах и шкафах было бы поменьше вещей, вещей и безделушек, которые немедленно покрываются здесь толстым слоем пыли. Так что уют уюту рознь.

Как и всюду в Индии, у каждого дома-отеля в Найни-Тале есть внутренний двор, где протекает хозяйственная жизнь — прислуга моет посуду, чистит овощи, гремит металлическими сосудами для воды. Со стороны двора второй этаж тоже обнесен галереей, но сюда «чистая публика» уже не выходит — отсюда в комнаты заходят уборщики.

С нашей галереи открывался вид вдоль главной улицы на озеро. Озеро было чудесное. Оно налито в выемку в горах как в чашу неровной формы. К нему сбегают косматые лесные склоны, и в нем отражается небо, которое здесь расположено как-то совсем близко к поверхности воды. В серый дождливый день нашего приезда озеро казалось наполненным ртутью, и в тумане его дальнего края не было видно. Вершины гор над ним тоже скрывались в рваной серой дымке, и нельзя было понять, как высоко они уходят в небо.

Горное озеро Найни Тала

Тут мы почувствовали, что проголодались, попросили в номер чаю и начали раскладывать на столе все, что привезли с собой.

Это было вкусно — пить изумительный индийский чай с кристальным и прохладным воздухом гор.

После завтрака нам показали верховых лошадей, роликовый скетинг-ринк, лодки, потом предложили пешую прогулку в горы. Желающих могут доставить на место и носильщики — вот

они, группами на углах улиц со своими креслами-люльками из клеенки, подвешенными к двум прочным шестам. К ним подходят желающие отправиться в горы на пикник. В кресла-люльки садятся женщины и маленькие дети, а мужчины берут верховых лошадей. Каждое кресло подхватывают два, а иногда и четыре носильщика, и все общество двигается по дороге, петляющей между густыми деревьями вверх по склону.

Незанятые носильщики сидят на земле, играют в карты, курят, хохочут. Их нехитрое оборудование — клеенчатые кресла да глубокие полуцилиндрические корзины для переноски грузов — лежит тут же, возле них.

Страшно смотреть, как эти невысокие коренастые парни взваливают на спину такие корзины, полные, например, каменного угля, или же какие-нибудь тюки, вес которых достигает 100—120 килограммов. Они привязывают к этому грузу широкую ремennую или брезентовую петлю, надевают ее на лоб и, согнувшись под углом почти в 90 градусов, начинают мерным, ровным шагом подниматься в горы, покрывая без отдыха по 15—20 миль крутой дороги. Это главный заработок горцев.

Жители деревень вокруг Найнн-Тала кормятся за счет этого курорта — переносят грузы разных купцов и поставщиков, носят отдыхающих по горам, сопровождают охотников, поставляют продукты на рынок и в отели.

Веселые, скромные, бесстрашные горцы, выносливые, стойкие в схватках с неласковой природой, суеверные и истово преданные своим богам, — на кого и на что могут они опереться в жизни, кроме самих себя? Ведь не на богов же, в самом деле, чьи храмы белеют в каждой деревне. Богов много, они разные. Добрые и жестокие, милостивые и карающие, насылающие болезни и спасающие от них — все они требуют жертв и поклонения, поклонения и жертв. Надо зарабатывать на жизнь, на богов, на жрецов, на налоги, на свадьбы подросших детей. И отец берет с собой на работу мальчика лет тринадцати-четырнадцати, чтобы учить его правильно крепить грузы на спине, правильно ставить ноги на неровных тропках, правильно дышать, карабкаться с грузом вверх по склонам.

Труд, тяжелый труд от зари до зари. Но никогда не услышишь от горцев жалоб или грубых слов, не увидишь недовольного или злого выражения лица. Чаше всего их лица очень спокойны. Как в равнинной Индии, так и здесь люди относятся к

тому, что дает им судьба, как к неизбежному. Труд так труд. Горе так горе. Радость так радость. Плохо это или хорошо — вот вопрос, который пытаются разрешить многие философы и социологи мира.

Дети Гималаев — древняя раса. Они похожи на тибетцев, но и индийские черты просматриваются в их лицах — десятками поколений смешивалась кровь долин и гор.

Смеются, играют в карты, не обращают внимания на дыры и заплатки на своих рубашках. Их круглые шапочки похожи на фески, рубашки и штаны сделаны из грубой домотканой материи, а когда холодно, они надевают кожаные башмаки с загнутыми кверху носами. Обычно даже в холод они босиком ходят

Отдых горных носильщиков

по горам, по каменистым тропам, по лесным неровным дорогам, по гальке и песку речных берегов и пересохших русл. Икры их ног так переразвиты, что достигают в окружности 50—60 сантиметров, и это очень странно — видеть ноги, верхняя и нижняя часть которых почти равны по своему объему.

Их женщины одеваются в длинные блузы и сборчатые юбки до щиколоток, а на головах носят прямые платки. Все это обычно темное и выглядело бы безрадостно, если бы не ворох ярких

и сверкающих бус, покрывающих в несколько слоев их шею и грудь. Здесь не редкость увидеть куски бирюзы величиной с грецкий орех, оправленные в старое темное серебро, и какие-то металлические бляхи, осыпанные кораллами, и сердолики дивного рисунка, и агаты, и неровно блистающие аметисты. А в ушах серьги, и серебряные и золотые, в несколько ярусов. В ухе часто пробито до десяти дырок от мочки до верхушки; и в носу серьга, круглая, большая, похожая на колесико от стенных часов. От вида всех этих украшений становится весело, и уже не кажется, что эти женщины в темных одеждах похожи на монашек. Они тоже приходят в Найни-Тал. То тут, то там на улицах сидят на корточках, продают из корзинок фрукты, ягоды, браслеты, гортанными голосами зазывая покупателей.

А отели переполнены. Приезжают и с маленькими детьми, и с детьми «на выданье». Сюда часто приезжают семьи, которым предстоит породниться, и привозят будущих юных супругов. Древний обычай, запрещавший жениху и невесте видеть друг друга до свадьбы, соблюдается уже не всеми. И в тех семьях, где на это смотрят легко, молодежь и встречается, и танцует, и ездит на пикники. Но все же обычно не вдвоем — это было бы уже вне всяких границ дозволенного — обычно присутствуют старшие или все собираются большой компанией. Молодежь радостно возбуждена — здесь родители смотрят сквозь пальцы на курортные вольности: верховую прогулку по улицам городка, катанье на лодке или посещение скетинг-ринка.

Пошли и мы на скетинг-ринк. И до сих пор забыть его не можем. На нас, в чьем сознании ощущение скольжения — будь то на коньках или лыжах — неразрывно сочетается с тишиной и легким холодным воздухом, скетинг-ринк произвел просто ошеломляющее впечатление. Это стены, крыша и дощатый пол, приподнятый над землей метра на два. И толпа людей, которая в несвежем воздухе этого помещения кругами носится на роликах по дощатому полу, поднимая пыль и оглушительно грохоча. Нам было просто трудно выдержать это зрелище дольше двух-трех минут, а все катающиеся выглядели вполне довольными и радостными.

Все говорили нам, что если бы не дождь... если бы не тучи... если бы была хорошая погода... Но и без этого мы поняли, какое счастье для жителей жарких равнинных городов приехать в горы и подышать высокогорным воздухом.

15. ЗДЕСЬ НЕРАЗРЫВНА СВЯЗЬ ВРЕМЁН

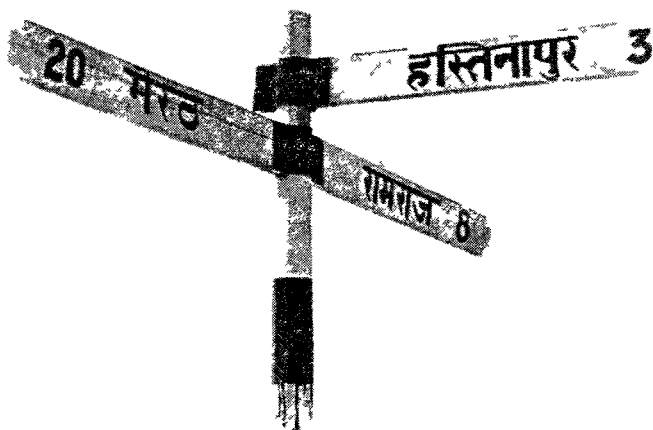
Едем из Дели через Мирút, или, в более точном произношении, Мератх, а дальше по Мирутскому шоссе. Глиняные деревни, конические хранилища для топлива — сухих навозных лепешек, маленькие участки полей, окаймленные узкими ирригационными каналами, группы оживленно болтающих женщин возле котодцев и солнечные блики на боках круглых медных кувшинов для воды, плакаты, призывающие к ограничению деторождения. Опять домики с плоскими крышами за глиняными заборами. беленькие храмы возле деревень, буиволы, лежащие в воде деревенских прудов, серое полотно раскаленного шоссе, стада тощего скота, бредущие навстречу, — все как обычно в любой обычной поездке по обычному индийскому шоссе. .

И вдруг!

— Стоите, Кеваль! — закричала я.

— Что случилось, мэдам?

Но я уже выскочила из машины, подбежала к дорожному указателю на развилке дороги и застыла перед ним, глазам своим не веря. На трех его стрелках черной краской было написано четко и ясно на современном хинди, что до Мератха, откуда мы ехали, 20 миль, до какого-то неизвестного мне городка Рам-раджа 8 миль, а до Хастинапура — до Хастинапура — 3 мили! Что это? Галлюцинация?

Дорожный знак до Хастинапура — 3 км

Мои ощущения можно было сравнить только с чувствами человека, который где-нибудь в Турции, например, увидел бы указатель: «До Трои столько-то», причем раньше, чем ее останки были обнаружены Шлиманом и раскопаны, то есть тогда, когда все знали, что нас от нее отделяют века, но что где-то когда-то она все же существовала, а где и когда — никто не знал.

Читаю снова и снова букву за буквой: до Хастинапура — 3 мили. А за дорожным знаком — столбы электропередачи и провода — наша эпоха. Три мили — это еще можно понять. А сколько тысячелетий?!

Минимум пять по всем подсчетам историков и астрономов индийской традиционной школы и по глубокому убеждению народа Индии.

Значит, от событий, описанных в великой эпической поэме «Махабхарате», меня отделяет пять тысячелетий.

Куда же указывает дорожный знак? В реально существующий Хастинапур или в глубину веков — в прославленную столицу царей «Махабхараты», подвигам которых посвящено множество эпизодов этой поэмы древней Индии?

Итак, в III тысячелетии до нашей эры здесь, где сейчас находимся мы, жили всесильные Кауравы, то есть потомки рода Кúру, который прославился своими великими подвигами во всех трех мирах: земном, небесном и подземном. Имя каждого царя из рода Куру бессмертно, ибо мудростью, справедливостью, отвагой и заботой о благе своих подданных было отмечено каждое их деяние — до тех пор, пока не началась черед неоправимых бед...

Святой отшельник-брахман благословляет воинов перед боем

— Поедьте, мэдам, нельзя так долго стоять под солнцем, — это голос Кевалья.

— Да, конечно, да, поедем, сейчас поедем, да... А знаете, Кеваль, куда поедем?

— Знаю. Вы мне сказали — в колледж возле Рамраджа.

— Нет, нет. В Хастинапур. Разворачивайте машину!

Побежала под колеса горячая река асфальта. Я откинулась на мягкую спинку сиденья.

Да, так что же случилось? С чего начались все несчастья рода Куру? Много несчастий и невероятно много приключений.

...Один из царей не оставил потомства, а потому всему славному роду Куру грозила гибель. И тогда к его двум женам был призван великий мудрец Вьяса, которого почитают создателем «Махабхараты», — черный, косматый и страшный. Когда он взошел на ложе первой из жен, она от ужаса закрыла глаза, и сын ее появился на свет слепым. Его назвали «Дхритара́штра», то есть «Могучий царь», потому что ему, как старшему в роду, предстояло править царством. Предстояло. Но он не правил. Не правил много лет — пока царил в Хастинапуре его младший брат Пáнду, который не был слеп. «Панду» означает «бледный». Это имя дали мальчику из-за того, что его мать, увидев приближающегося Вьясу, смертельно побледнела и родила в назначенный богами срок мальчика со светлой кожей...

Да, все так. А что же дальше? Картины эпоса мелькали перед моим мысленным взором, как кадры старого фильма.

...Оба царевича получили воспитание, предписанное древним законом всем сыновьям царского рода. Их научили справедливости и обузданию чувств, они стали воинами, а в час счастливого сочетания звезд вступили в брак.

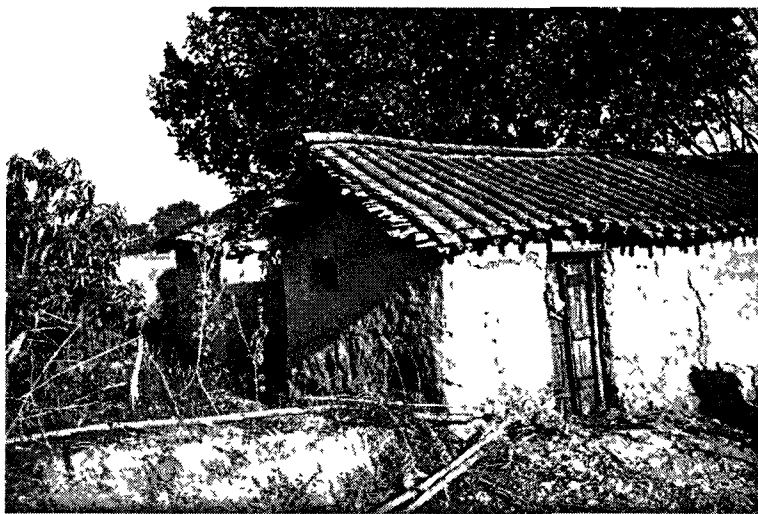
У слепого Дхритараштры родилось сто сыновей. Детей украшали многие добродетели, но старший среди них, Дурьодхана, был зол, коварен и завистлив, чем не раз ввергал отца своего в тяжкую скорбь.

А царь Панду совершил в своей жизни роковую ошибку: однажды на охоте он убил оленя в миг его любовного сочетания с избранницей. И вдруг оказалось, что это не олень, а отшельник, обернувшийся оленем, и отшельник проклял Панду, сказав ему, что он тоже умрет в миг свершения своей любви. Испуганный таким проклятием, Панду не приближался к женам много лет и поэтому не имел потомства. А это большое несчастье, особенно для царя. И тогда сами боги взошли на ложа его

юных супруг и подарили им пятерых сыновей, пятерых несравненных героев, которые со времен «Махабхараты» известны под именем Пандавов, то есть «сыновей Панду»...

Вот так все и описано в эпосе. И цари и их потомки — все они правили вот здесь, в Хастинапуре, на этой земле? Я оглянулась вокруг.

Машина ехала мимо маленьких селений, мимо ровных сухих полей, в ее стекла бил горячий воздух, а из-под колес взметались вихри мелкой песчаной пыли. На ветвях деревьев то тут, то там виднелись сгорбленные силуэты грифов — «санитаров индийских деревень».

Дом батрака — члена низкой касты

...Панду мудро правил страной вместо своего слепого брата и в царском роду все было спокойно. Но настал миг, когда сбылось предсказание отшельника: гуляя в ясный день в цветущем лесу со своими супругами, он, охваченный порывом страсти, приблизился к младшей из них и погиб.

Злой Дурьодхана, подобный коварной змее, таил зависть к добродетелям и славе юных Пандавов, но умело скрывал это, лишь изредка пытаясь известить своих двоюродных братьев хитрыми заговорами, но безуспешно...

Что же еще говорится в «Махабхарате»?

...Хастинапур — «Город Слонов». Он день ото дня становился все краше. Площади были всегда политы ароматной водой, каналы и фонтаны источали прохладу, сады цвели, и деревья круглый год приносили плоды...

— Подъезжаем, мэдам, — ворвался в мои мысли Кеваль.

— Уже? Так быстро?

— Да. Наверное, это где-то тут.

Действительно, три мили — не расстояние. Появились какие-то не то холмы, не то курганы. И слева, и справа. Некоторые с такими крутыми склонами, как будто под ними стены, остатки стен. Или мне только кажется?

«Улицы его были подобны драгоценным ожерельям от обилия прекрасных зданий и дворцов».

Холмы и насыпи каменисты, песчанны, сухи и покрыты колючими пучками травы и низкими кустами. Пусто. Только коршуны кружат в горячем небе да пыль вьется за машиной.

— Где же Хастинапур, Кеваль? Это он?

— Кто знает. Сейчас спросим у кого-нибудь.

Подъехали к небольшому поселку. Спросили в храме. Молодой жрец вызвался проводить нас к месту раскопок. Зашагали по песку и камням.

— И много уже раскопали? Многое нашли?

— Говорят, средств не хватает. Да и уверенности нет, что это именно тот Хастинапур. Видите, и реки-то нет.

— Но ведь она и уйти могла. Мало ли индийских рек меняют свои русла.

— Конечно, могла. Вероятно, и ушла. Ну вот, смотрите, это раскопки. А я прощаюсь с вами, мне пора в храм. Только осторожно — здесь змей много.

До змей ли мне было! Под ногами лежал глубокий раскоп открывавший остатки стен, сложенных из огромных кирпичей. Одни стены шли вдоль, другие поперек. Одни были выше, другие ниже.

Цепляясь за их выступы, я слезла вниз. Я ходила по дну раскопа, оглядывала каждый кирпич, стояла перед их изломами. Думала, что хорошо бы случиться чуду: этим камням заговорить со мной на пустынном кладбище древней культуры. Как хотелось найти на них хоть слабое подобие той естественной волшебной фотографии, так чудесно выдуманной и описанной И.А. Ефремовым в его рассказе «Тень минувшего»!

Ведь когда-нибудь обязательно изобретут способ проявлять все, что запечатлено в материи, но я-то не доживу до этого дня. А вот сейчас стою тут между стен какого-то из строений Хастинapura — может быть, дворца царей рода Куру?! — стою и плакать готова от бессилия преодолеть время. Один шаг отделяет меня от этих стен, один мой шаг и три (или пять?) тысячелетий.

...Благородные Пандавы всю жизнь свою посвятили борьбе со злом и несправедливостью. И победили...

Кеваль окликнул меня сверху:

— У вас будет тепловой удар, модам. И потом здесь правда есть кобры. Поедмте. Вас ждут в колледже, вы опаздываете на лекцию.

И я послушно поднялась из раскопа и поехала в колледж и, извинившись за опоздание, стала читать обещанную лекцию о сходстве русского языка с санскритом, языком древней Индии. Санскрит был языком индоарьев, или индоарийцев, пришедших в эту страну во II тысячелетии до н.э. Они принесли сюда наиболее древнюю из известных науке форм этого языка — ведийский, или ведический, санскрит. Ведийский. Это слово происходит от слова «веда», что значит «знание». Четыре сборника вед — четыре сборника гимнов, гимнов священных знаний, первоосновы мудрости...

— Наукой пока точно не установлено, какие исторические связи существовали между предками славян и предками индоарьев, пришедших в Индию из причерноморских и прикаспийских областей. Факты родства славянских языков, таких, например, как русский, украинский, белорусский, с санскритом поразительны. Иногда можно найти прямо на поверхности этих языков не десятки, а сотни слов, чрезвычайно близких санскриту или неотличимых от него...

Так говорила я своим слушателям, а сама вспоминала, какое потрясающее впечатление на меня, индолога, произвел один, казалось бы, незначительный факт. Приехала я в Белоруссию читать лекции по приглашению Общества «Знание». Дело было в Бресте. Пришла я по указанному в путевке адресу и остановилась, глазам своим не веря. — у подъезда висела табличка, а на ней — «Отделение республиканского общества «Веда». Да... Веда — знание... ведать... сведения... ведун и т.д. и т.п...

— Вот, например, — продолжала я, — санскритское слово «матри» близко к немецкому «мutter»: латинскому «mater» и

древнерусскому «мать», но слово «прамать», соответствующее санскритскому «праматри», встречается только в некоторых славянских языках, так же как и некоторые другие термины родства: санскритское слово «девар» — наше «деверь», санскритское «снуса» — наше «сноха (сношенька)». О многом говорит и целый ряд почти одинаковых наименований числительных: санскритским «два, две, двая, три, трая, трета, чатур, чатвара» соответствуют наши «два, две, двое, три, трое, третий, четыре, четверо». (Да неужто эти слова звучали там, откуда я только что сюда приехала?!) Заметное сходство сохранилось донныне в строении русских и санскритских глагольных форм, приставок, суффиксов, а также в тех смысловых изменениях, которые придают приставки и суффиксы именным и глагольным формам... (А ведь и кто-нибудь из Пандавов мог употреблять слово «параплавате», как мы употребляем слово «переплывает», или «уткрита» в смысле нашего «открыто», «вскрыто», или «вар» в смысле «вар», «варить», или «свара» в смысле «свара», «крик», или «суха» в смысле «сухо», или... или...)

— Это большая проблема, которой следует уделить первостепенное внимание именно сейчас, когда легко осуществить совместную исследовательскую работу русских и индийских лингвистов, — закончила я свою лекцию.

Затем я была приглашена на обязательную чашку чая в кабинет директора. Осмотрев колледж и отобедав с его преподавателями, разговор с которыми походил скорее на продолжение лекции — до такой степени их интересовало все о русском языке, — я, наконец, уехала домой, да и то только после того, как дала моим гостеприимным хозяевам обещание основать у них школу русского языка и приезжать давать уроки два раза в неделю.

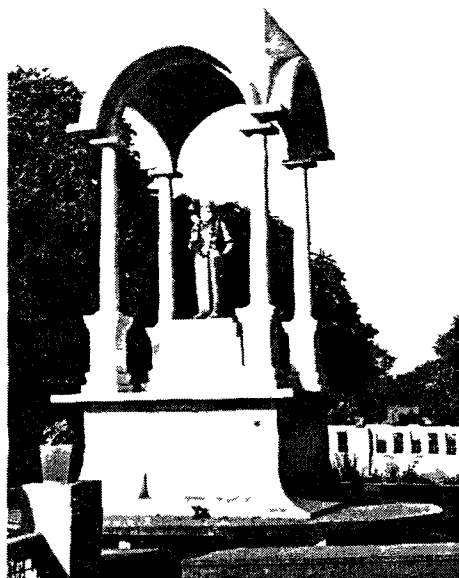
Я не смогла выполнить это обещание. Просто невысказанно, физически невозможно ездить по жаре дважды в неделю за 100 миль, хотя меня очень манила перспектива попутно завернуть еще не раз и не два в Хастинапур, герои которого и донныне близки каждому в Индии.

В городе Гургаоне, например, имеется колледж имени Дроны — древнего мудреца и воина, наставника Пандавов в искусстве боя. Перед колледжем стоит и памятник Дроне, будто он жил в этом или, самое большее, в прошлом веке.

Пожалуй, одна из наиболее своеобразных черт индийской культуры — удивительное умение помнить. И не только помнить, но и перебрасывать мостики из древности в современность. Когда встречаешь в газете или слышишь по радио имена героев эпоса, словно это имена всем известных современных политиков, тогда очень четко ощущаешь, что разрыва в культурной преемственности нет, что время в Индии одинаково несет на своих волнах и многие традиции прошлого и свершения настоящего. Народ, весь народ в целом, тысячелетиями хранит в глубине своей души заветы мужества и самоотречения, благородства и высокого патриотизма — заветы своих далеких-далеких предков, отраженные в эпических поэмах. И когда бы ни поднимался он на борьбу, когда бы ни требовалось ему объединить свои усилия против врагов и притеснителей, — всегда становился он под стяги этих заветов, этих светлых идеалов, отражавших самые высокие человеческие чаяния.

Есть в Индии места, где время как бы уплотнилось. Кажется, что, если бы мог произойти сдвиг во времени, все увидели бы слои минувших веков, подобно тому, как видят обнажаемые обвалами геологические пласты.

Таким местом является, например, город Мирут. Здесь, в Мируте, в 1857 году началось великое антианглийское восстание, называемое «восстанием сипаев», зарево которого охватило половину неба Индии. Именно отсюда, с этой земли, двинулись полки индийских солдат в поход против сил угнетения и зла, за правду, за победу справедливости:

Памятник великому воину Дроне

В Мируте стоит памятник героям восстания. Я не раз бывала там, сидела возле него на скамейке, в тени цветущих деревьев, разговаривала с людьми. Многие мирутцы приходят в парк к памятнику, гуляют, отдыхают, рассказывают гостям города о его прошлом, о двухлетней истории восстания и трагическом, кровавом его разгроме британской военной администрацией.

Крестьяне штата Уттар Прадеш

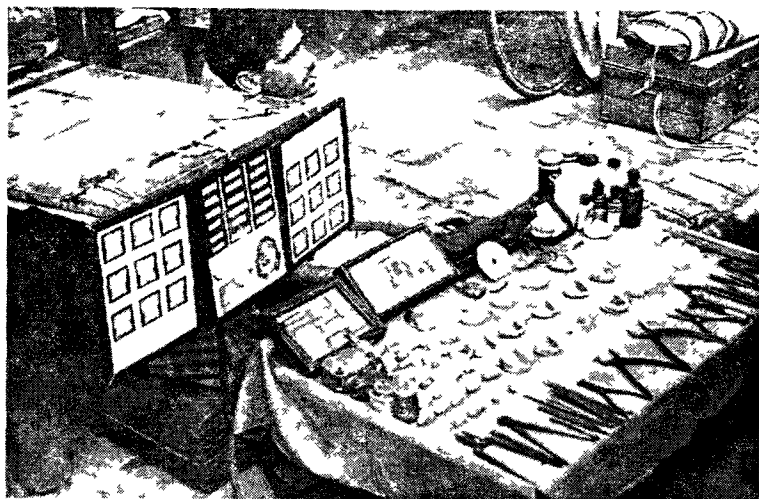
Рассказывают они и о другом, более позднем событии — о суде-расправе, о суде-демонстрации, суде, который, по замыслу судей, должен был показать миру, как сильна власть колонизаторов в Индии, а показал, как она слаба, — о суде над вождями коммунистического и рабочего движения, начавшемся в 1929 году.

Подсудимых привезли со всей Индии сюда, в небольшой городок, казавшийся тихим, незаметным, провинциальным и далеким от кипучей жизни таких городов, как Бомбей или Калькутта. Но громкое эхо этого суда прокатилось по всем уголкам Индии, по всему земному шару и потрясло основы несправедливости.

И когда я услышала, как один из мирутцев, вспоминая процесс, назвал его героев «Пандавами нашей эпохи», я несколько не удивилась: на земле Пандавов кому же и бороться за правду, как не Пандавам?!

16. СНОВА О СТОЛИЦЕ СЕМИ ИМПЕРИЙ

Как-то я спросила одного из друзей, приехавшего в Индию по делам Внешторга всего на несколько месяцев, но давно интересовавшегося культурой и историей страны и ее народа

Уличный дантист предлагает свои товар

— Как вы думаете, правильно говорят, что Дели — это не Индия?

— Да, конечно. Какая же это Индия? Вот Джайпур — это Индия, Гвалиор, Варанаси, Матхура — это Индия. А Дели — это почти европейский город. Ведь он населен чиновниками, которые получили образование в коттеджах европейского образца. К тому же они сыновья чиновников, некогда обученных англичанами. Тут кипит новая жизнь.

— Ну а разве новая жизнь уже не Индия? Мне кажется, что в лицо Дели нужно всматриваться и всматриваться. Это совсем особый город. Да и вообще, может быть, надо говорить не о лице, а о типах Дели. Вы же, наверное, не раз слышали такое выражение: «Дели — столица семи империй и могила семи империй»?

— Конечно. Оно есть во всех путеводителях.

— Империи возникали и рассыпались, а Дели оставался. Это немаловажный урок истории. Вот по этим улицам проходили ар-

мии махараджей, султанов и императоров. Здесь казнили и чествовали, здесь плакали и ликовали люди, здесь они боролись и побеждали. Вы бывали в кварталах, которые носят название Индрапрастхā?

— Ну как же. Там ведь много разных учреждений и издательств.

— А вы знаете, что значит само слово «Индрапрастха» и с чем оно ассоциируется в сознании каждого индийца?

— Никогда не задумывался об этом. А с чем?

— С «Махабхаратой» и с ее героями.

— Каким образом? Расскажите, пожалуйста.

— Хорошо... Когда стала невозможной совместная жизнь Пан-

Таксисты-сикхи в ожидании пассажиров

давов с их двоюродными братьями в Хастинапуре, царство было разделено и часть земель получили Пандавы. Обработанные таким щедрым даром, пять братьев повелели выжечь и расчистить дикие, непроходимые леса на берегах Джамны и воздвигли там дивный город. Этому-то городу, который, как повествует эпос, был подобен небесным чертогам и красотой своего убранства превзошел даже великий и славный Хастинапур, дали имя Индрапрастхā.

— Постойте, постойте. Значит, Индрапрастхā — первое название Дели?

— Да. А империя Пандавов, видимо, первая из семи империй.

— Поразительно. Просто дух захватывает, когда заглядываешь в их древнюю историю?

Мы с ним без конца ездили и осматривали, осматривали Дели. Сейчас Дели — столица уже не империи, а республики. И в республике, как и в ее столице, огромное количество всего нового наросло на огромное количество всего старого.

Дели живет своей — и очень индийской, и очень современной жизнью. Биение пульса и направление развития современной культуры в целом отражается, например, в непрерывно меняющихся экспозициях выставочных залов. Здесь на равных правах экспонируются полотна «традиционалистов» и полотна абстракционистов, скульптура всех без исключения направлений и произведения ремесленников, работы индийских учениц школы японского цветоводства — икэбаны и изготовленные народными мастерами традиционные украшения для статуи богов и т.д. и т.п. Не успеваешь повсюду побывать и все осмотреть.

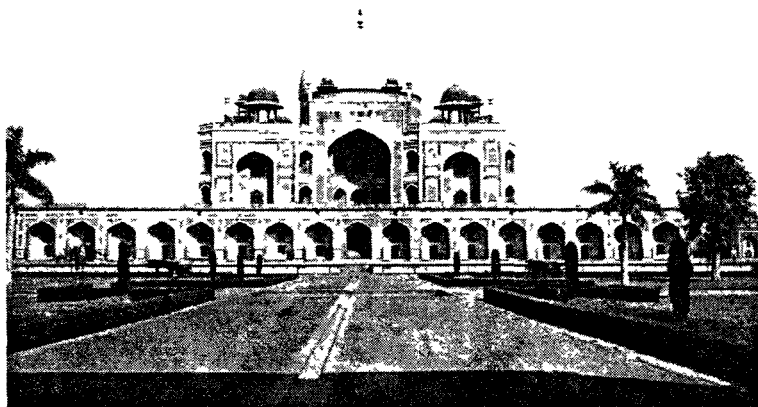
В Дели есть много кинотеатров, оборудованных по последнему слову всемирной моды и техники, где часто идут американские фильмы, но на одном из самых шумных перекрестков стоит маленький храмик, и в нем живет отшельник, не желающий расставаться с насиженным местом. По улицам города про-

Реклама одного из многих коммерческих фильмов на улице в Старом Дели

носятся машины новейших марок, в том числе машины индийского производства, но на этих же улицах можно встретить иногда абсолютно голого человека, отшельника, которому традиция трехтысячелетней давности предписывает «одеваться пространством». Над Дели проносятся индийские реактивные самолеты, а по его базарным улицам не спеша разгуливают священные коровы.

С каждым годом ширится вокруг Дели кольцо новых промышленных предприятий, работающих на уровне современной техники, но ни одно из них не может увеличить свою территорию за счет участка какого-нибудь храма или молитвенного

Мавзолей императора Хумаюна в г. Дели

дома, как бы необходим этот участок ни был для постройки нового цеха или прокладки подъездных путей.

В Дели легко увидеть соседство нового со старым и их борьбу, увидеть, как новое старается постепенно вытеснить все отжившее и устаревшее и как это отжившее цепляется за право на существование, опираясь на давние традиции, вошедшие в плоть и кровь народа. Жизнь Дели, как, впрочем, и жизнь любого большого города Индии, подобна волшебному кристаллу, сквозь грани которого можно рассмотреть все, что происходило и происходит в жизни всего индийского народа.

Дели! Чего только не видели и не слышали эти камни на протяжении долгой истории города! Следы ушедших веков остались в направлении улиц, в названиях ворот, в бесчисленных мавзолеях, гробницах, фортах и в руинах — руинах повсюду.

Под низкими сводами Аджмэри-гейт — занятно то, как прилепилось это английское слово «гейт» («ворота») к названиям ворот в древних крепостных или городских стенах, — проходит старая дорога в сторону Раджастхана, на юго-запад, в песчано-каменистый, раскаленный солнцем Аджмер. Сколько раз солдаты, кони, боевые слоны и колесницы двигались по этой дороге, сколько раз владыки Дели вели войны с раджпутскими княжествами!

Сквозь Кашмири-гейт уходит путь на север, к Пенджабу и Кашмиру. По этому пути и от Дели и — еще чаще — к Дели шли колонны воинов, и началось это в незапамятные времена..

Матхура-роуд (опять то же самое: английское «роуд» значит «путь», «дорога») ведет в город Матхуру — одно из мест, где задолго до новой эры начался процесс слияния культур разных племен и народов в единую индийскую культуру.

В Матхуре родился божественный Кришна — «Черный бог», юный пастух и герой, «возлюбленный всех женщин», умевший так играть на флейте, что даже из объятий своих мужей убегали они, лишь бы приблизиться к нему, взглянуть на него, услышать в лунную ночь его песню и потанцевать с ним под луной на лесной поляне на берегу реки... Донеде Матхура — цитадель кришнаизма — культа Кришны, и сюда приезжают из Дели сотни и тысячи людей, чтобы увидеть Кришналилы (или раслилы) — мистериальные представления о жизни юного бога.

Туглакабад — город правителей-мусульман Туглаков — XIV—XV веков. Сейчас он лежит в развалинах, но какие это величественные развалины! Площадь в несколько квадратных километров сплошь покрыта остатками разрушенных башен, стен, бастioned, дворцов и галерей. Огромное мертвое царство Или спящее. Можно целый день бродить по этим руинам и прислушиваться к прошлому. По словам арабского историка, здесь хранились все главные сокровища могущественных правителей Делийского султаната — первой из индийских империй, где царил мусульмане, — и стоял большой дворец из золоченых кирпичей, при свете солнца блестевший так ослепительно, что никто не мог долго смотреть на него. Здесь же, по преданию, был вырыт

большой резервуар, в который Гияс-уд-дин Туглак сливал расплавленное золото — добычу, захваченную в других царствах.

Невдалеке от развалин Туглакабада есть остатки круглого искусственного водоема. Называется это место Сурадж Кунд. На мои расспросы мне ответили, что это название должно переводиться «Пруд бога солнца» или «Пруд прекрасного царя» и что здесь задолго до Туглаков — за сотни лет — был цветущий сад и великолепные постройки и вся область, как гласят предания, была богата и населена радостными людьми, а правили ими справедливые цари. Были ли справедливы эти цари — сказать трудно. Полагаю, что справедливые цари — это несбыточная меч-

Часть руин крепости в Туглакабаде Южная окраина Дели (XVIII в.)

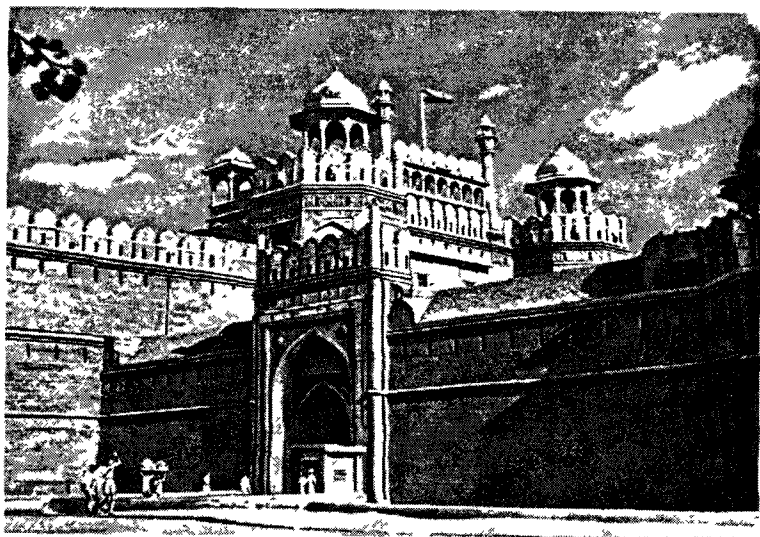
та человечества. Но страна цвела, и пруд был до краев полон воды, и было это до X века, очень давно...

Долго я бродила вокруг полуразрушенных каменных ступеней, сходявших вниз, смотрела на растрескавшиеся под солнцем камни на дне давно высохшего водоема, смотрела, как между стеблями сухой травы — и по дну и вокруг пруда — мелькают ящерицы, смотрела, как обезьяны качаются на ветках высоких деревьев у шоссе, поджидая, когда туристы бросят им из своих машин лакомства.

А туристов бесчисленное множество. В прохладный сезон все отели перенаселены. Всюду, от одного памятника старины к другому, непрерывным потоком текут автобусы, переполненные людьми, приехавшими из самых разных стран, и больше всего из Америки, чтобы увидеть это чудо, Индию, и сфотографировать все, на что только ни бросишь взгляд.

Не меньший интерес вызывают и новые здания, тесно соприкасающиеся с постройками XII, XV и любого другого из прошедших веков.

Столица семи империй и одной республики украшается современными произведениями архитектуры с большим вкусом.

Красный форт в Дели. Главный вход

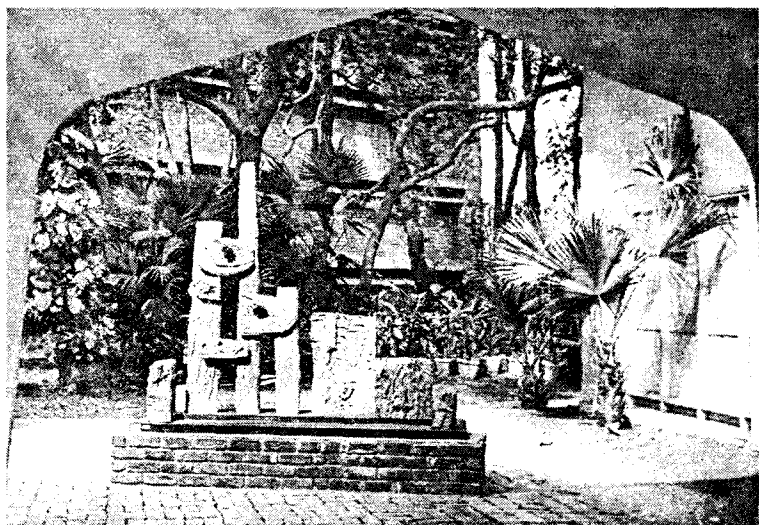
Лучшие архитекторы проектируют и отдельные здания и целые кварталы.

Описать все невозможно, да и нет в том необходимости. Мне, например, очень нравится здание «Рабиндра Бхаван» в центре Нового Дели. Тут размещены три академии: литературы, изобразительного искусства и музыки и танца. И их много таких прекрасных новых построек: здания Всеиндийского радио, Академии наук («Вигьян-Бхаван» — «Дворец Знаний»), Национального музея, министерств — «Криши-Бхаван» («Дворец земледе-

лия») и «Удьог-Бхаван» («Дворец промышленности»), отели «Ашóка», «Джанпáтх» и немало других.

Я не хочу превращать воспоминания о Дели в перечисление всего того, что там увидела и что врезалось мне в память, но не могу не рассказать о том, как символично выглядит недавно построенное здание — легкое с виду, но вместительное, расчлененное на разные, как бы самостоятельные части, которые вместе с тем соединяются то галереями, то внутренними садиками, то переходами, — здание, называемое «Индия Интернейшнл Сентр». Архитектор нашел для него очень выразительное место. Дом стоит в парке, в окружении древних мавзолеев, храмов и руин, говорящих о величии прошлого. Здесь останавливаются приезжающие в Дели ученые, здесь есть великолепно оборудованный лекционный зал, библиотека, холлы и кабинеты для занятий — словом, все, что нужно для спокойной работы, встреч и лекций.

Архитектор сумел удивительно гармонично и неназойливо соединить достижения современного зодчества с теми приемами, которые выработал народ Индии в течение столь многих столетий и в которых отражено и его стремление к красоте, и его умение приспособить дивные творения своей архитектуры к климату страны (а без такого умения все эти здания просто

Скульптура-модерн у здания Трех Академий в Дели

нельзя было бы использовать ни для жилья, ни для служения богам, ни для собраний).

И каким поистине бесценным памятником старины выглядит на фоне всей этой бурлящей и стремительно несущейся вперед современной жизни один маленький храм! Он совсем незаметный, но его знают все жители Дели.

Меня отвез к нему знакомый индийский журналист.

— Вы были когда-нибудь в Пурана-Киле, то есть в «Старой крепости»? — как-то поинтересовался он.

— Это возле зоопарка? Была, конечно. Грандиозное сооружение, к слову сказать. Когда смотришь снизу, кажется, что зубцы стен и башен касаются неба.

— Все это так, а вот за стенами вы тоже были?

— Да, но только там нет ничего древнего. Домики какие-то.

— А храм Кунти? Храм царицы Кунти, матери Пандавов, вы видели? Нет? В таком случае немедленно поедимте в Пурана-Килу.

Внутри крепости действительно стоял храм, белый, почти незаметный среди густых деревьев.

— Само строение, может быть, и не очень древнее, — сказал мой спутник, — но храм всегда отстраивают именно здесь. Это древнейшая традиция. На мой взгляд, первый из сыновей Кунти, ее добрый сын Карна, — самая трагическая фигура в «Махабхарате».

— Самая трагическая? Да почему же?

Угловая башня крепости Пурана-Кила
в г. Дели

Бог солнца Сурья. Он стал отцом Карны, трагического героя Махабхараты

— Помните, когда Кунти была еще молодой девушкой, один отшельник научил ее заклинанию, с помощью которого она могла вызвать любого из богов для того, чтобы он стал ее супругом?

— Помню. И она обратила эти слова к Солнцу, да?

— Да. И тотчас же перед ней появился бог Солнца и объявил себя ее супругом. Испуганная Кунти стала умолять великое божество покинуть ее и вознестись в свои небесные пределы, но бог объяснил ей, что не может нарушить силу заклинания.

Единственную уступку сделал он юной красавице — обещал вновь подарить ей непорочность после того, как она даст жизнь его сыну.

Тут в моей памяти снова замелькали эпизоды великого эпоса:

По прошествии срока у Кунти родился дивный младенец, сын Солнца — Карна́. Но она, вынужденная скрывать ребенка от людских взоров, положила его в корзинку и пустила по течению реки.

И вот один погонщик лошадей, которому боги не даровали потомства, извлек из воды корзинку и усыновил мальчика, сияющего божественной красотой. Сын бога вырос в его семье, но, несмотря на свои несомненные достоинства, не имел права помериться силой в воинских играх и состязаниях с другими юными воинами — сыновьями царей.

Царевна Кунти стала супругой «бледного» царя Панду, и все пять героев Пандавов, зачатые от богов, называли ее своей матерью. А Карна смотрел на них издали и сторал от унижения, зная, что может проявить не меньшую доблесть. Уделом его был

уход за конями и вождение колесниц. Только однажды он дерзнул вступить в соревнование с пятью несравненными сыновьями царицы Кунти, со своими братьями, и снискал всеобщую похвалу. Тут его увидел злой Дурьодхана, ненавидящий Пандавов, и сразу же сделал своим союзником в нескончаемой борьбе с ними. Когда должна была вспыхнуть последняя, решающая битва, Кунти охватил страх за жизнь Пандавов. Этот страх заставил ее пойти к Карне.

В ночь перед битвой она нашла его на берегу реки. Он молил богов о помощи. Кунти простерла к нему руки и воскликнула: «О, Карна, о сын мой, мой первенец!» Пораженный Карна онемел от неожиданности, а затем в недоумении спросил, почему досточтимая царица называет его своим первенцем. И тогда Кунти рассказала ему обо всем. Она в слезах стала умолять Карну не обращать оружия против Пандавов, пощадить ее сыновей, бесконечно дорогих ее сердцу: «Я, твоя мать, — закончила она, — молю тебя, не обагрй свои руки кровью родных братьев и не погружай мою душу в пучину бездонного горя. Сжался, пощади!»

И тут перед глазами Карны мгновенно пронеслась его жизнь, и всю боль сердца он излил тогда в словах, исполненных горечи и страдания: «Ты говоришь, почтенная, что ты моя мать. Почему же, скажи, ты раньше об этом ни разу не вспомнила? Где ты была, моя мать, когда меня, сына царицы и бога Солнца, меня, который был достоин по своему рождению самых высоких почестей, все унижали и оскорбляли? Где ты была, моя мать, когда я рыдал в одиночестве ночами и молил всех богов помочь мне? Поддержала ли ты меня, когда меня с позором изгоняли с арены воинских состязаний? Пожалела ли меня хоть раз, когда меня отвергали даже те, кто был ниже меня по рождению? Где ты была, моя мать, когда я страдал от незаслуженных обид? Ты вспомнила обо мне только сейчас, когда смерть от моей руки грозит твоим возлюбленным сыновьям, вся жизнь которых была праздником чести и побед. Ты пришла сейчас сюда, чтобы молить меня о пощаде, заклиная меня самыми святыми словами. Так выслушай же мой ответ, достойнейшая царица: я клянусь тебе, что от моей руки падет только один из Пандавов, а против других я не подниму оружия. Ты считала все-

гда, что у тебя пять сыновей — пягь их останется и после битвы. Пятым стану я, обрета место, предназначенное мне от рождения. Вот что я тебе обещаю и сдержу свое слово, верь мне. Прости меня, моя мать, и покинь наш стан, мы должны готовиться к битве».

И царица Кунги удалилась, горько оплакивая проступок своей юности и скорбя о тягостной жизни своего прекрасного первенца и о том, что он стал союзником жестокого Дурьодханы.

В час, определенные судьбой, разгорелась битва и длилась восемнадцать дней. Пал в ней блистательный Карна, был убит и Дурьодхана и многие тысячи других воинов. Когда огонь битвы угас и бог смерти собрал всю свою жатву, победители Пандавы воцарились в Индрапрастхе и многие годы правили страной счастливо и мудро, ведя свой народ по пути благоденствия..

— Да, действительно, это одна из самых трагических историй эпоса, — сказала я.

— А ведь он содержит тысячи самых разных эпизодов.

— Правильно вы называете свою «Махабхарату» океаном мудрости и красоты.

— И сильных человеческих чувств и страстей, — добавил мой друг журналист.

Мы побродили немного вокруг храма, в душистой тени цветущих деревьев, глядя на детей, бегающих по каменистым дорожкам Пурана-Килы. Каждый из них, думала я, знает «Махабхарату» чуть не с колыбели.

Потом мы пошли к храму Кунти. Старый жрец со своей семьей жил тут же, в домике, пристроенном к храмовой стене. У стены стояла его аспидно-черная буйволица, а у ее ног играли совсем маленькие дети.

— И не бойтесь, что наступит? — спросила я.

— Нег, что вы. Она их любит и знает. Хотите посмотреть храм? Сюда приходит много народа. самого разного. И помолиться, и просто так.

Изображения Кунти в храме, к моему удивлению, не оказались. Были, как и в других храмах, разные боги.

— Народ верит, что к кому бы ни была обращена молитва, она достигнет слуха всех богов, — объяснил мой друг. — Я люблю простую доверчивую душу нашего народа, но только она и

сразу себя раскрывает. Особенно в кварталах Нового Дели. Хотите, поедem в Старый город? Там вы острее почувствуете пульс народной жизни.

Я и сама любила эти поездки. Уже одно название «Старый город» обещало хоть слегка приподнять занавес над сценой истории.

Это город узеньких коленчатых улочек, лавок, лавочек и лавчонок, товары которых в виде реклам развешаны снаружи у дверей и над окнами на длинных палках, вбитых в стены.

Мы шли, а над нашими головами развевались вышитые шали и яркие покрывала, мужские рубахи и женские шаровары, висели майки и брюки, носки и босоножки, ожерелья и браслеты.

Особенно хороша горговая улица Чандни-Чоук. Она тянется на километр с лишним вместе с переулочками, убегаящими влево и вправо. Что ни дверь — то лавочка или просто ниша, в которой что-то продают.

Пройти почти невозможно — посередине улицы двигаются двухколесные повозки-тонги, густая толпа людей, велорикши, моторикши. Перешагиваешь через ноги людей, сидящих на земле, идешь мимо жаровен, на которых шипят в масле лепешки, коржики и какие-то румяные катышки, мимо тех, кто все это ест с тарелочек, сделанных из картона или зеленых листьев, мимо мальчиков-зазывал, оглушительно орущих в рупоры, мимо пестрых витрин, красочных кинореklam, мимо уличных фокусников — словом, идешь по несравненной, веселой, яркой, пыльной, кипучей улице Чандни-Чоук.

Мусульманка в традиционной одежде на базарной улице Старого Дели

В одном из переулочков я как-то остановилась перед ослепительно яркими литографиями с изображениями богов и героев мифов, эпоса и индийской истории — ими была завешана добрая половина стены какого-то дома. А рядом, на скамье, сидел, поджав ноги, продавец и бойко объяснял всем желающим содержание каждой литографии.

Торговая и трудовая улица Чандни-Чоук в Старом Дели

Правда, местные жители в этих объяснениях не нуждались; бабки и матери в каждой семье поют и рассказывают «Махабхарату» и «Рамаяну» по любому поводу.

— Вот тут, видите, — говорил продавец, — показано, как великие Пандавы выигрывают на состязании женихов руку красавицы Драупади. Вы знаете, кто такие были Пандавы?

— Да, да, конечно, знаю. Мне очень нравится эта картина, я ее возьму.

— А на той нарисован бог Вишну. Он всегда был за правду и, если видел, что на земле воцаряется зло, возрождался среди людей в виде разных аватар. Вы знаете, что значит «аватара»?

— Да, знаю, воплощение. Расскажите, пожалуйста, какие аватары изображены здесь.

— Это первая аватара — рыба.

На картинке из ярко-синей пучины вод вертикально поднималась розовая рыба и из ее широко открытого рта выходил Вишну, круглолицый, улыбающийся, с большими ясными глазами, нарядно одетый и украшенный драгоценностями и гирляндами цветов.

— А вот здесь Вишну в виде черепахи. Он спас все то, что утратили люди в дни потопа. О! Он всегда делал добро!

Меня очень привлекают красота и яркость, удивительная наивность и чистота литографий. В современной Индии они выпускаются миллионными тиражами. Им вручена историей эстафета традиционного обучения неграмотных людей методом «показа и рассказа». До появления типографий эту роль играли изображения на фресках, храмовых фризах и стенных завесах.

Продавец полюбовался Вишну и продолжал:

— А вот здесь, взгляните, он нарисован в виде карлика. Он...

— Спасибо, спасибо. Пожалуйста, заверните их мне аккуратно, чтобы не помять и не порвать.

— Хорошо, сейчас. Вы покупаете все?

— Да, конечно.

— Спасибо. Сейчас верну. А знаете, скоро придет час, когда Вишну снова появится на земле.

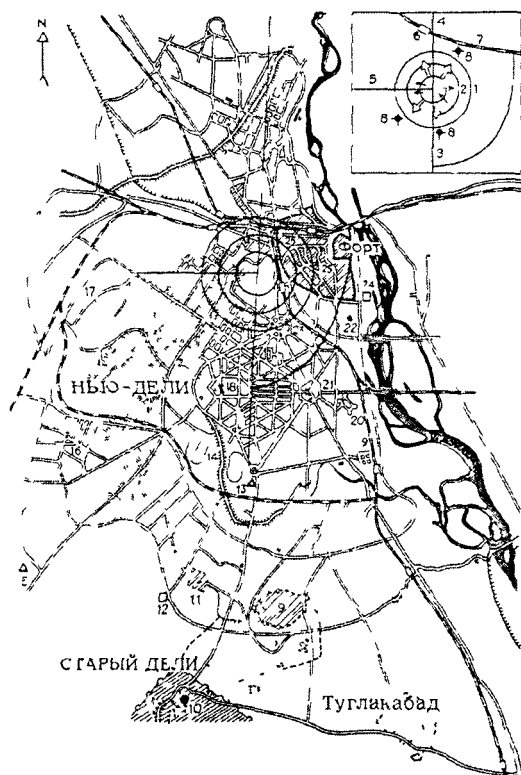
— Да?!

— Да. Но теперь он будет всадником на белом коне и опять избавит мир от зла. Слишком много зла повсюду, слишком уж много! И вьетнамцев убивали, и немцы воевали со всем миром...

Поистине незабываемы улицы Старого Дели! Да и дома здесь особенные: каждый не такой, как соседний, — то с галерейками, то без них, то с балкончиками почти у каждого окна, то с одним балкон-

Изображение Калки на белом коне.
Рисунок художников-читракаров
штата Орисса

Карта города Дели

чиком на весь фасад, то узкий и высокий, то низкий и широкий. У одних домов верхние этажи нависают над нижними, у других — отступают вглубь, у одних — множество дверей и лестниц, уходящих прямо в толщу стены, у других — одна дверь, ведущая в коридор, который выходит во внутренний двор. И все это стоит тесно-тесно, город застроен хаотически, улицы выбегают то к храмам, то к мечетям, переулки часто начинаются из-под арок, и это создает иногда такие световые эффекты, которые просто поражают.

Здесь нет особняков-модерн с их садами, двоинными воротами, с надписями «въезд» и «выезд», с их изолированной жизнью и обилием машин новых марок в гаражах. Здесь все все знают друг о друге, все живут шумно, многословно и просто. Когда в Новом Дели гаснут огни и во мраке светятся только традиционные фонари-шары над воротами, когда там наступает тишина, здесь, на улицах, продолжает толпиться народ, идет торговля снедью и фруктами, продавцы до утра сидят или спят возле своего товара, озаренного ярким сиянием карбидных ламп, с вокзала и на вокзал спешат люди...

Словом, надо ставить точку, потому что о Дели уже написана отдельная книга*

* Короцкая А.А., Сапожников Б.Н. Дели. Л., 1983

17. ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ — КАСТА?

Все всегда спрашивают: а что такое касты? Что такое кастовый строй? И задумываешься: как ответить? Как кратко и емко описать это явление, которое, подобно безудержно разросшейся лиане, оплело и опутало всю жизнь индийского общества, насквозь пронизало жизнь огромного большинства жителей страны.

Принадлежность к касте определяет все обычаи внутри касты рождаются, воспитываются, вступают в брак, дают имена своим детям, обучают их, сообщают им специальные знания, отправляют все ритуальные церемонии и, наконец, после смерти бывают преданы сожжению (а некоторые — погребению) — все это происходит и производится в соответствии с теми правилами, которые предписаны каждой касте древним религиозным законом.

Касту в течение многих веков определяла прежде всего профессия. Профессия, которая переходила от отца к сыну, зачастую не менялась на протяжении жизни десятков поколений. Профессиональное мастерство входило в плоть и кровь, всасы-

Дети учатся ремеслу у отца-мебельщика

валось с молоком матери, становилось неотъемлемой частью каждой личности у подавляющего большинства членов кастового общества.

Испокон веков в индийской деревне живут наряду с членами земледельческих каст члены ремесленных, без чьих услуг не могут обходиться крестьяне. Так, обязательной фигурой каждой деревни является горшечник. Целый день, от зари до зари, вертится на его дворе тяжелый гончарный круг, возле которого, как прикованный, сидит на корточках он сам — виртуоз своего дела. Методично бросает он на середину вращающегося круга ко-

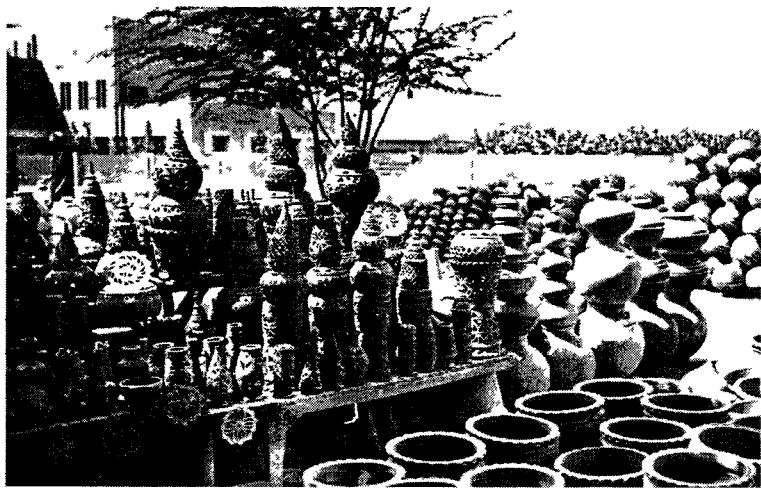
Сельский гончар за работой

мья мокрой глины, слегка касается их пальцами, неуловимым движением поворачивает кисти рук, похлопывает, поглаживает глину, и на ваших глазах, словно распускающиеся цветы, возникают из бесформенных комьев земли вазы, чаши, кувшины, чашечки — сосуды любой формы, размера и вида и любого назначения. Без кривизны, без неровностей, без щербинок — само совершенство.

Его сын тут же. В пять-шесть лет он будет помогать отцу раскручивать гончарный круг, месить глину, формовать и подавать ему комья-заготовки. А в десять уже сам сядет на корточки возле круга и станет повторять движения отца, станет сам создавать вещи и относить их заказчикам.

И так в каждой касте, в каждой профессии: сын принимает ремесло из рук отца.

Если деревня маленькая, то и горшечник один. И один кузнец. И ювелир. И ткач. А в больших селах и городах горшечники селятся целой улицей. И плотники, кузнецы — изготовители металлической посуды, ткачи, красильщики тканей, ювелиры, кожевники, стиральщики, мусорщики, брадобреи — они же массажисты и свахи. И все те, без чьего ремесла и умения не проживут ни пахари, ни торговцы, ни учителя, ни жрецы-брахманы.

Традиционная глиняная утварь Сев Индия

У каждого ремесленника, как и у каждого брахмана, есть исстари определенный круг семей, прибегающих к его услугам. Если это семьи из высоких каст, то и обслуживающий их ремесленник считается членом более высокой подкасты — группы внутри своей касты.

Давняя взаимная порука связывала семьи обслуживаемых с семьями обслуживающих. Ни та ни другая сторона не могла беспричинно порвать установленные связи и вступить в такие же деловые отношения с другими семьями. Если такое случалось, то сразу же вмешивался кастовый панчаят — выборное правление касты — и привлекал виновных к самой строгой ответственности.

И такие формы отношений, такие производственные связи служили в течение многих сотен лет основой, схемой, на которой строилась и в которую укладывалась вся многосторонняя жизнь любого поселения.

Каждая каста живет в соответствии со своей дхармой — с тем сводом традиционных религиозных предписаний и запретов, создание которого приписывается богам, божественному откровению. Дхарма определяет нормы поведения членов каждой касты, регулирует их поступки и даже чувства. Дхарма — это то неувловимое, но непреложное, на что указывают ребенку уже в дни его первого лепета. «Каждый должен поступать в соответствии со своей дхармой, отступление от дхармы есть незаконно — так учат детей дома и в школе, так повторяет брахман — наставник и духовный руководитель.

И человек вырастает в сознании абсолютной нерушимости законов дхармы, их непреложности.

Дхарма каждой касты диктует ей внутрибрачие — только девушка из твоей касты воспитана в такой же дхарме, как ты, поэтому только она может стать твоей женой и матерью твоих детей, — и редкая семья возьмет в жены юноше девушку из другой касты. Иногда допускаются исключения, и разрешается женитьба на девушке из касты, стоящей на одну ступень ниже по лестнице этой иерархии, — но даже в наше время такие браки не часты.

Свыше двух тысяч каст существует в Индии. Кастовый строй уподобляет индийское общество улью с горизонтальными слоями сотов. Каждый слой был столетиями изолирован от другого системой запретов взаимного общения и, главное, перемены профессии, и каждая ячейка каждого слоя изолирована от соседней ячейки запретами взаимных браков.

Высокие не должны общаться с низкими — ни есть вместе, ни пить из их рук, ни курить вместе, ни смотреть на их женщин, ни разрешать своим детям играть с их детьми.

Сложны были взаимоотношения между членами высоких и низких каст.

Так как же жили те и другие?

Не было запрета на то, чтобы пользоваться трудом человека, который относится к более низкой касте. «Всегда чиста рука ремесленника и товар, выставленный на продажу», — сказано в «Законах Ману», древнейшем своде традиционного права Ин-

дии. Так сама жизнь во все времена заставляла считаться со своими требованиями.

Именно необходимость «жить и тем, и другим» вносила свои коррективы в древнеиндийское обычное право, в устав кастовых взаимоотношений, в предписания, касающиеся осквернения и очищения.

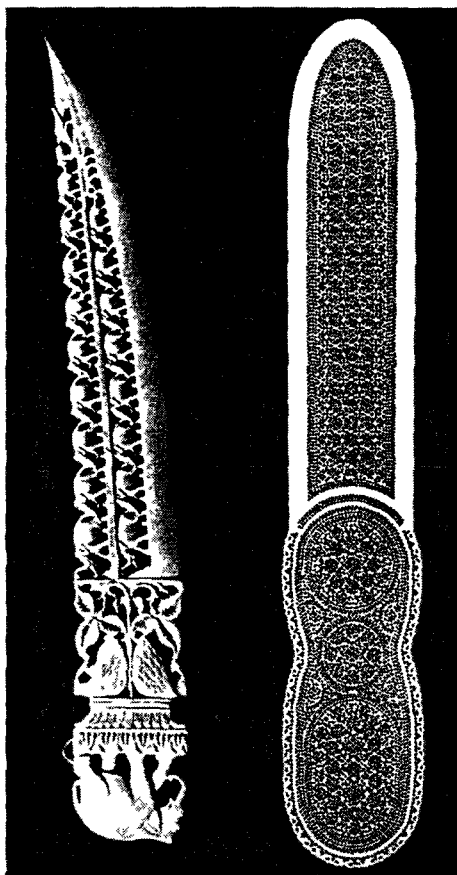
В середине I тысячелетия до новой эры в Индии начала развиваться особая ветвь литературы — начали создаваться трактаты, называемые дхармасутры, или дхармашастры, то есть «правила (руководства) законов жизни», и артхашастры. Эти трактаты были необходимым следствием исторических процессов, которые происходили в Индии той эпохи, и прежде всего процесса складывания крупных государств с вытекающей отсюда потребностью унифицировать и упорядочить жизнь их населения. До нас дошло много разных сутр и шастр, как полностью, так и в отрывках, и читать сейчас эти памятники давно прошедшей жизни бывает подчас интереснее, чем любой роман. Выдающееся место в их ряду занимает «Артхаша́стра»*.

Перед нами встают картины базарной толкучки яркой уличной толпы, споров из-за денег, скота или земли и принятия судьями решений в соответствии с указаниями дхармасутр. Как бы вновь оживают воины, цари, жрецы, придворные, купцы, гетеры, скоморохи, сборщики податей, пастухи, ростовщики, земледельцы и бесчисленные ремесленники. Ремесленники городские и сельские, принадлежащие царю и свободные, продающие и меняющие свои товары, платящие подати и избавленные от них, по-разному ценимые и по-разному живущие.

В течение многих тысячелетий ремесленник — ткач и ювелир, гравер и оружейник, резчик по камню и дереву, изготовитель художественного стекла и гончарных изделий, вышивальщик и плетельщик — оставался одним из главных созидателей индийской культуры.

В древний Вавилон и Египет, в Китай по Великому шелковому пути, в Римскую империю, в страны Юго-Восточной Азии по морю и суше вывозились из Индии предметы ее ремесла. Гранильщики камней прославили на весь мир алмазы Голконды, изделия резчиков по слоновой кости украшали дворцы правителей всех стран, златотканая индийская парча была оди-

* Артхашастра, или Наука политики. Перевод с санскрита. М.-Л., 1959.

Изделия из слоновой кости

наково желанным подарком для жен и возлюбленных всех знатных и богатых людей земли. Сказки, притчи и песни, восхвалявшие несравненное искусство ремесленников Индии, расходились с караванами, звучали на базарах, достигали и храмов, и дворцов, и лачуг.

Не знаешь, с чего начать, кого поставить в первый ряд, когда пишешь о ремесле Индии. Те отношения между работодателем и ремесленником, которые отражены в древних трактатах, сохранялись в течение долгого времени почти без изменений и в известной степени дожили и до наших дней.

Ремесленники селились отдельными поселками, улицами, кварталами. Они создавали нужные и полезные вещи, и они же украшали эти вещи. Рука

ремесленника была и рукой художника, придававшей нужным и полезным вещам гармоничную форму и наносившей на них орнамент, который радовал глаз.

По всей Индии умели и умеют изготавливать женские украшения, удивительно разнообразные по своей форме, набивные и вышитые ткани для одежды, горшки, вазы и чаши всех назначений, циновки и паласы для покрытия полов или постелей и для завешивания окон и дверей, декоративные и ритуальные фигурки, куклы из всевозможных материалов.

Почти в каждой области Индии, а иногда и в каждой отдельной деревне вырабатывались свои приемы и навыки произ-

водства, свои творческие традиции, свой стиль. Как в древней, так и в современной Индии люди знали и знают имена некоторых особо выдающихся творцов художественных ремесленных изделий и сразу узнают эти изделия среди десятков им подобных. Люди знали и знают также и те места, где делают лучшие парчу или хлопчатобумажные шали, златотисненную кожу или боевые доспехи, эмалированные сосуды или гравированное оружие.

Тут нам следует взглянуть на ту жизнь, которая существовала в Индии до прихода ариев.

Видимо, принадлежность к высокой касте стала прежде всего привилегией завоевателей — ариев, которые во II тысячелетии до н.э. (а возможно, и раньше) волна за волной проникали в северо-западные области Индии из соседних стран. Оседая в долине Инда и его притоков, захватывая здесь земли и впасть и растекаясь отсюда по долинам других рек к востоку и югу, они оберегали себя от слишком интенсивного смещения с местным населением целой системой всяческих запретов, начиная от самого важного — заключения взаимных браков — и кончая менее существенными — совместной еды, пребывания в одном помещении и даже взаимных касаний. Правда, совсем отгородиться не удавалось — были и смешанные браки, было и причисление местных князьков, воинов и богатых торговцев к высоким кастам, было и многое другое, что разрушало стены, возводимые между народами,

Характерная для северо-западных областей вышивка по войлоку

родами, кастами, но все же, в целом, система запретов общения и смешения развивалась и усложнялась и явилась, как уже было сказано выше, одной из важнейших основ религиозно-философской системы, известной под названием индуизма.

Вторгшиеся в Индию на своих боевых колесницах авангардные группы арьев с боями заставили большинство встреченных ими племен покинуть их цветущие города и тщательно обработанные орошаемые каналами земли. Местные жители часто сдавались им в плен или погибали, частично вытеснялись к югу или же уходили к лесным племенам. В «Махабхарате» описывается как арьи, расчищая для себя пути к новым землям, выжигали леса с помощью своего бога огня, Агни:

«Великий Агни, запыхав, стал сжигать лес, в гневе охватывая его со всех концов своими семью языками...» А в это время два великих воина носились вокруг леса на колесницах и убивали всех, кто выбегал из него, не давая возможности спастись

никому: «...у многих из них обгорела лишь одна часть тела, другие были обожжены целиком, у некоторых лопнули глаза, одни были совсем покалечены, другие же растерянно метались. Одни, охватив руками своих детей, отцов или матерей, пытались охранить их своей любовью, но сами встречали гибель. Другие, лишившиеся своего вида, тысячами взлетали в воздух, но снова падали в огонь и бились на земле с обожженными крыльями, глазами и ногами...»

Тут же перечисляются многие виды живых существ, гибнущих при сожжении леса, и в их числе ра́кшасы, на́ги и пи́шачи.

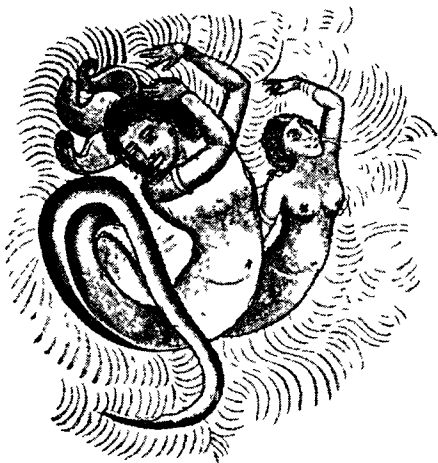

Современный туркмен, соответствующий по своему облику арийскому расовому типу (фото Ю Аригиропуло, 1950-е годы)

Кто они — звери или люди?

В древнеиндийской литературе *ра́кшасы* — демоны, растрепанные, черные, клыкастые и всегда повсюду сражающиеся с арьями.

На́ги — нечто трудно объяснимое: то ползают, шипят и кусаются, как змеи, то становятся брахманами и воинами-кшатриями и заключают браки с высокородными арьями. Словом «нагна, нага» («нагой», «голый») в сан-

Народ нагов Индийский рисунок

скрите обозначается кобра, т. е. голое, бесшерстное создание, но это же слово используется и для обозначения неарийских народов Индии, которые, видимо, тем и поразили нагрянувших к ним арьев, что ходили или совсем без одежды, или носили только лоскут ткани вокруг бедер. Слово «нага» встречается в массе эпизодов в «Махабхарате», возникавших в разные века и исполненных великой путаницы. Но из этой путаницы все же вырисовывается картина того, как арьи приносили в жертву Агни и другим своим богам представителей племен, называемых общим именем нагов, очевидно, военнопленных.

Превращение же части нагов в «высокородных» арьев ясно говорит нам о том, что арьи смешивались с коренным населением путем заключения браков и причисления многих его представителей к своему народу. Двусторонний характер носило это смешение — взаимный обмен культурными ценностями, хозяйственными навыками, обмен кровью — двойственным был его результат.

Оседая на индийской земле, арьи не только начинали поклоняться местным богам, но и воспринимали местные обычаи. И сейчас историкам в высшей степени трудно разложить по полочкам все известные нам элементы древнеиндийской культуры — какие из них арийские, а какие неарийские.

Люди Хараппы знали земледелие, строительное искусство, ремесла. Область их цивилизации или близких к ней цивилизаций распространялась на восток, вдоль Ганга и Джамны, и на юг, на территорию современного штата Раджастан, а может быть, и дальше.

Эти люди торговали с другими странами, плавали на кораблях, разводили скот, выращивали злаки на землях, орошаемых водою из рек. Говорили на языке, нам неизвестном, молились богам, имена которых до нас не дошли.

В XX веке начались раскопки и, словно в бездну, рухнули тысячелетия, отделяющие нас от далеких создателей древней культуры.

Многое было найдено во время археологических работ, и многое из найденного вновь и вновь зачеркивало эпохи, лежащие между нашими и теми далекими днями.

Орудия ремесла, обнаруженные при раскопках, говорят о высоком развитии прядильного и ткацкого дела. Значит, тканей изготовлялось немало, и они, вероятно, вывозились в другие страны...

Правда, время отнеслось к ним беспощадно, разрушив их без следа. Но даже при такой сравнительной недолговечности материала данные археологии свидетельствуют о том, что за три, а может быть и больше, тысячелетия до н.э. население Индии производило хлопчатобумажные ткани, окрашенные стойкими красителями. О более поздних эпохах повествуют литературные ис-

Арии научились обрабатывать хлопок у доарийских жителей Индии

точники, устное творчество, скульптура и живопись — фрески на стенах пещер.

Эти фрески, создававшиеся в глубине темных пещер при неизвестной нам системе освещения (некоторые полагают, что при масляных светильниках, другие утверждают, что дневной свет улавливался зеркалами и с помощью взаимно отражающих поверхностей передавался внутрь помещения), поражают мягкостью своих красок, богатством сюжетов, выразительностью каждой композиции, детализацией лиц, причесок, головных уборов и одежды всех персонажей.

Трудно сказать, из какой именно ткани делали изображенные на фресках одежды, но вполне вероятно, что из хлопкового волокна, потому что в климатических условиях Индии предпочитали носить именно хлопковые ткани, быстро впитывающие и испаряющие влагу человеческого тела. О тканях из индийского хлопка писали еще греческие историки середины I тысячелетия до н.э. (хоть и именовали его шерстью, которую индийцы собирают не с овец, а с растений), эти ткани вывозились из Индии в страны Римской империи и другие края. В «Артхашастре» упоминается около 10 областей, занимавшихся ремесленной выделкой тончайших хлопковых тканей.

А каких только узоров не увидишь на костюмах людей на фресках и миниатюрах! И каковы сами костюмы, этого воистину пером не опишешь! «Этих юных и прекрасных героев, сверкающих своими яркими, чудно окрашенными одеждами, вдруг увидел царь...»; «...тогда могучие воины, подобные тиграм (придя к царю), сели на золотые сиденья, на которых лежали дорогие покрывала, сверкающие, подобно огню, от драгоценных камней и кораллов»; «...этот воин сказал юной красавице, чтобы она облачилась в одежды из красного шелка...»; «...он был в гирлянде из цветов и голубой одежде...» — и такие упоминания о тканях встречаются без конца, почти в каждой главе великой «Махабхараты».

Богатые головные уборы царей и красавиц, конусовидные и всеобразные шапки или сложно накрученные многоярусные тюрбаны (их носят и в современной Индии, они были повсеместно распространены в этой стране вплоть до XX века), бесчисленные произведения других ремесел описываются в «Махабхарате»: украшенные золотыми и серебряными накладками колесницы и конская сбруя, покрытое гравировкой оружие с драго-

ценными рукоятками и в богатых ножнах, резные и инкрустированные троны и сиденья, всевозможная утварь, ковры и разные другие предметы убранства домов и т.п. А музыкальных инструментов, судя только по этому древнему эпосу, было такое великое множество, что их и перечислить невозможно. И многое восходит к эпохе Хараппы.

Складывались и расцветали государства и империи, разрастались города, приумножались богатства горожан и увеличивался спрос на предметы художественных ремесел.

Ману в своем трактате о праве в древней Индии говорит, что ремесленники всех категорий не должны платить налоги, но вместо них обязаны отдавать государству предметы своего ремесла. А в десятом разделе этого трактата, где перечисляются все средства существования, ремесло ставится на второе место после самого высокого из них — знаний, которыми по древнему закону должны были обладать жрецы-брахманы, «высочайшие среди живых существ».

В Ведах отражено деление арийского общества на четыре варны-сословия. Где и когда сложилось это деление, наукой еще точно не выяснено. Предполагают, что слово «кшатри» или «кшаттри» в доиндийский период жизни арьев обозначало любого мужчину племени, который был главой семьи, а значит, и ее защитником — воином. Считают также, что слово «вайшьям», происходящее от корня «виш» или «вис» («народ», «племя», «поселение»), может быть возведено к славянскому «вьсь» в том смысле, в каком оно нам известно из речевой формулы «грады и вьси» (веси). «Виш» или «вайшья» — главная масса производительного населения, в чьих руках сосредоточивались основные хозяйственные функции. О шудрах же спорят, считая их то арьями, то уже смешанным слоем населения, в которое входили и военнопленные, превращенные в домашних рабов, и просто люди из покоренных племен, выполнявшие для арьев, как и для причисленной к их высоким сословиям местной знати, разные тяжелые и нечистые работы.

Трем первым высоким сословиям предписывалось проходить обряд посвящения, после которого их называли дваждырожденными. Члены высоких каст, особенно брахманы, надевали после этого через плечо «священный шнур». Дваждырожденным разрешалось изучать Веда, но проповедовать их могли лишь брахманы. Шудрам строжайшим образом запрещалось не только изучать, но даже слушать слова ведических поучений. По «Законам

Ману» шудрам строго запрещалось давать остатки жертвенной пищи, вкушать кому-либо их пищу, так как она «отнимает свет священного знания» (IV, 218), совершать для них священные обряды, нести к месту погребения тело брахмана (V, 104). В этом кодексе указывается, что «та страна, которая населена главным образом шудрами, полная неверующими, лишенная дваждырожденных, быстро гибнет» (VIII, 22). Это свидетельствует о зачислении в сословие шудр целых народов, т.е. подтверждает мысль о неарийском происхождении значительной их части. Но в этом же интереснейшем памятнике предлагается, например, угощать шудру, пришедшего в дом. едой своих слуг, как и гостя-вайшью, или предписывается царю заставлять шудр работать наравне с «ремесленниками всех специальностей» (VII, 138), т. е. опять же вайшьями. Больше того, разрешается даже вкушать пищу тех шудр, которые являются исполщниками, пастухами, рабами, цирюльниками или нанимаются на работу (IV, 253). Такие уступки продиктованы самой жизнью — пришельцы-арьи вынуждены были вступать в необходимые деловые отношения с местными народами, так как слишком строгая взаимная изоляция просто остановила бы их собственное историческое и хозяйственное развитие на индийской земле.

Но все же одновременно со смешением шло и разделение. Все больше дифференцировались трудовые процессы, все большее число групп населения страны втягивалось в орбиту этой дифференциации — формировались касты. Касты целиком арийские, полуарийские, арийские на 30, на 20, на 10 процентов и вовсе неарийские. Таким же по своему этническому составу было и население отдельных областей страны, из которого в последующие века сложились те или иные народы Индии. С одной стороны, члены различных каст и население разных областей разобщались в результате многих запретов, с другой стороны, почти к каждому запрету законодатели добавляли оговорки и разъяснения, как эти запреты могут быть обойдены, если такая необходимость возникнет в процессе жизненной практики.

Да, человек всегда был связан со своей кастой сотнями нитей. Каста — это социальный организм, элементы которого были нерасторжимы в течение многих столетий. Застывшая, как в заколдованном сне, жизнь феодальной индийской деревни мало изменялась в течение столетий, существуя в себе и для себя в ритме, который не нарушался ни сменой правителей, ни расцветом и падением царств. Этот размеренный уклад был неотде-

Исполнители народного танца,
считающие себя потомками ариев.
Зап Индия

лим от каст, поддерживал касты, переплетался с кастовыми взаимоотношениями.

Джавахарлал Неру определял сложение каст в следующих словах: «Это была попытка социальной организации различных народностей, оформления фактического положения вещей... Она отвечала духу времени... Началу возникновения каст положило четкое деление на ариев и не-ариев... Деление на касты, которое должно было первоначально отделить ариев от не-ариев, оказало свое действие на самих ариев, и по мере роста разделения функций и специализации новые классы приняли форму

каст... Касты находились, должно быть, в состоянии постоянного изменения, затвердение пришло значительно позже»*.

18. НЕРУШИМА ЛИ КАСТА?

Даже войны не смешивали каст, так как были касты, из числа которых — и только из их числа — правители набирали свои армии, и были касты, члены которых не имели и не должны были брать в руки оружие.

Сложившийся в глубокой древности образ жизни кастового общества зафиксировался в религиозных канонах — в законах дхармы.

Даже одежда, несмотря на все кажущееся ее однообразие, разная у разных каст и заметно отличает члена высокой касты

* Джавахарлал Неру. Открытие Индии. Пер. с англ. М., 1955, сс. 85—86.

от члена низкой. Одни обертывают бедра широкой полосой ткани, ниспадающей до лодыжек, у других она не должна прикрывать колени, женщины одних каст должны драпировать свое тело в полосу ткани не меньше семи или девяти метров, тогда как женщины других не должны употреблять на сари ткань длиннее четырех-пяти метров, одним предписано носить определенный тип украшений, другим он запрещен, одни могли пользоваться зонтом, другие не имели на это права и т.д. и т.п. Тип жилья, пищи, даже сосудов для ее приготовления — все определено, все предписано, все изучено с детства членом каждой касты.

Вот почему в Индии очень трудно выдать себя за члена какой-нибудь другой касты — такое самозванство будет немедленно разоблачено. Только тот может сделать это, кто много лет изучал дхарму чужой касты и имел возможность практиковаться в ней. Да и то он может так преуспеть только вдали от своей местности, где ничего не знают о его деревне или городе.

И вот почему самым страшным наказанием всегда были исключение из касты, потеря своего социального лица, разрыв со всеми производственными связями.

Рыбачка. Вариант ее одежды типичен для женщин низкой касты (штат Махараштра)

Даже неприкасаемые, из века в век выполнявшие самую грязную работу, жестоко подавляемые и эксплуатируемые членами более высоких каст, те неприкасаемые, которых унижали и которыми брезговали как чем-то нечистым, — они все же считались членами кастового общества. У них была своя дхарма, они могли гордиться приверженностью ее правилам и поддерживали свои давно узаконенные производственные связи. У них было свое вполне определенное кастовое лицо и свое вполне определенное место, пусть в самых нижних слоях этого многослойного улья.

Но человек, отверженный кастой, не имел и этого. И он начинал зависеть от милости панчаята низших каст — примут его в состав своей касты или нет. И даже будучи принятым, он всю жизнь должен был страдать от своего неумения делать их работу, от своей непривычки жить их жизнью, есть и одеваться, как они, от тяжкого унижения при необходимости заключать с ними браки для своего потомства, воспитанного в дхарме более высокой касты,

Только глубоко вдумавшись во все это, поставив себя мысленно в положение человека, до мозга костей пропитанного предписаниями жизни кастового общества, можно понять мироощущение вот такого отверженного, вынужденного заискивать перед теми, презирать кого было для него так же естественно, как дышать, есть, пить, двигаться. И уж конечно, со стороны членов низших каст нельзя было ожидать теплоты, всепрощения и понимания к такому низвергнутому до их уровня вчерашнему господину и поработителю.

Многие исключенные из каст оставались жить вне рамок всяких каст. Эти внекастовые стояли еще ниже неприкасаемых — вне всяких законов, вне правил. Нищенство становилось уделом большинства из них, потому что в четком расписании жизнедеятельности кастового общества им не было места, не было применения их рабочим рукам. В горячие дни сбора урожая или посевных работ им удавалось наняться на работу за миску просяного отвара и сноп соломы, но и то не везде, так как в каждой деревне есть свои нуждающиеся и человеку из касты всегда окажут предпочтение.

Собирая волокнистые травы в джунглях, они плели циновки на продажу в города, они прибивались к племенам, они начинали бродить по стране с дрессированными животными, как

цыгане. — словом, приспособлялись к жизни, как только было возможно.

Заключая браки друг с другом, они, по сути дела, объединялись в новую касту — касту внекастовых.

Но все же, частично втягиваясь небольшими группами в состав низших каст, они были одним из источников пополнения этого слоя.

Другим, и основным, источником его пополнения являлись и являются племена. Теснимые Департаментом лесов, который ограничивал территории их подсечно-огневого земледелия, охоты и сбора лесных продуктов, спасаясь от полуголодной жизни в лесах, люди племен — носители древних расовых типов — приходили в деревни наниматься в качестве батраков, плетельщиков, изготовителей музыкальных инструментов и тому подобного, оседали в деревне, поселяясь где-нибудь вблизи, за ее окраиной, втягиваясь в ее производственную жизнь и постепенно превращаясь в одну из низких каст в составе ее населения.

Так существовал и функционировал в Индии кастовый строй — основа основ жизни ее общества. Казалось, нет такой силы, которая способна изменить что-либо в его устоях, подорвать эту незыблемую самодовлеющую структуру.

Но такая сила нашлась. Ею оказался капитализм.

Колонизаторы поддерживали кастовое деление, мешавшее единению народа в борьбе за независимость, но как ни старались англичане остановить поступательное движение жизни страны, им пришлось убедиться в том, что законы истории объективны.

Женщина с чертами австралоидной расы
(Современная Индия)

Более того, колонизаторы поневоле сами способствовали росту капитализма в Индии, будучи вынуждены строить в ней промышленные предприятия, железные и шоссейные дороги и вовлекая население в новую для него систему отношений.

Так, капиталистический рынок не может считаться с кастовой принадлежностью поставщиков товаров — и ремесленники индийских сел и городов получили возможность сбывать свою продукцию в обход древних, традиционных связей.

Капиталистическому предприятию не до того, чтобы учитывать касту пролетария, становящегося к станку и конвейеру, — и те, кого не могло прокормить наследственное кастовое ремесло, те, чьим делом в кастовом обществе был слишком тяжелый или унижительный труд, или те, кто лишился касты, впервые сами получили возможность отвергнуть древние кастовые законы и пренебречь приговором кастового панчаята, нанявшись на завод, шахту или стройку, туда, где бывают нужны рабочие руки и где обычно не спрашивают о принадлежности к касте.

Капиталистический город в своем безудержном росте и в кипении своей деловой жизни не может сохранить в неприкосновенности районы или улицы, населенные членами той или иной касты. Он не может помнить о том, что одни прохожие осквернят своим прикосновением других в густой толпе, спешащей по его улицам, он не может отказать этим «оскверняющим» в праве занять места в бешеном круговороте его транспорта, покупать в его магазинах, ходить в его кинематографы, отдыхать на скамейках его парков, — и поэтому, выходя из дому, житель большого города может, а часто предпочитает, забыть о своей касте.

Ему следует забыть о ней и в железнодорожном вагоне, и на людной дороге, и на митинге или демонстрации — словом, всюду, где старые отношения уступают — вынуждены уступать — место новым.

Кастовый строй никак не умещается в прокрустово ложе капитализма: то ноги надо подрезать, то голову. Ложе это жесткое, и границы его четко очерчены. Многослойный кастовый организм поступается то одной, то другой своей частью, чтобы уместиться в новые рамки жизни, но, поступаясь, лишается значительной доли своего динамического равновесия, и это сотрясает всю его структуру в целом.

Но не так легко полностью одолеть давние обычаи. Не так просто отказаться от традиций, вошедших в плоть и кровь. Я уже говорила, что только меньшинство членов кастового общества рискнет, даже в наши дни, заключить, например, внекастовый брак. И это тем труднее сделать, что браки все еще часто заключаются по выбору родителей, а от старшего поколения нельзя и ожидать таких новаторских тенденций. Только в крупных городах в наше время молодые люди иногда сами выбирают себе пару. Поэтому обычно любой, даже интеллигентный и прогрессивный, горожанин на вопрос о браке ответит, что все они борются за свободу выбора в браке и за пренебрежение к кастовым запретам, но пока:

— Я вступил в брак по выбору родителей и, конечно, в своей касте. С женщиной из другой касты я бы, вероятно, не ужился.

— Да почему же, почему? Чем члены вашей касты лучше членов любой другой?

— Да нет, не лучше и не хуже, конечно, но... видите ли... дело в том, что вся атмосфера другая. Не та, к которой я привык с детства.

Вот в чем главное. Этим все сказано. В одной касте принято то, а в другой — это. Человек другой касты вырос, не зная преданий моей касты, не зная генеалогических списков моей семьи и выдающихся лиц моей касты, не зная, какие из святых для нас самые святые, какие сладости и украшения принято у нас дарить в дни праздников и свадеб, — словом, не зная сотен мелочей, которые создают «атмосферу» моей касты. Ее нельзя подделать, она становится органичной частью жизни каждого человека, частью его дхармы.

Ко всему обязательному для всех индусов комплексу предписаний дхармы каждая каста или группа близких каст добавила еще какие-то свои особенные оттенки, и по этим-то оттенкам и можно догадаться о кастовой принадлежности человека. Даже в городе. А иногда даже вдали от родных мест человека.

«Каста всегда очевидна, как очевидна красота или уродство», — объясняли мне не раз.

И к этому еще прибавляется психический фактор — кастовое самосознание. Каждый твердо знает свое место в обществе, свое социальное гнездо. Низкое или высокое, плохое или хорошее, оно принадлежит ему по праву, по самому неотъемлемому из прав. Будучи членом определенной касты, он безоговорочно рас-

Человек-лошадь Тяжкий физический труд — удел многих членов низких каст

полагает целым рядом прав. И тоже неотъемлемых. И знает, что в случае нарушения кем-нибудь этих прав он может обратиться за поддержкой к кастовому панчаяту и члены панчаята вступятся за него, обязаны вступиться.

Он также твердо знает, как он должен относиться к членам всех других каст, и это отношение становится с пяти-шестилетнего возраста естественным, как дыхание. Все это тоже «атмосфера». И предмет гордости. Каждый член любой касты знает, что общество никогда не покушалось на его кастовые права, что

здесь он располагает любыми гарантиями, если только сам не нарушает законов касты. И, как это ни парадоксально звучит, члены даже самых низких каст действительно гордятся своей принадлежностью к касте, определенностью своего положения, своим правом на поддержку со стороны всей касты в целом, на ее участие во всех семейных праздниках и событиях и на право своего участия в делах каждого другого члена их касты. Одним словом, человек гордится тем, что имеет социальное гнездо, место и положение которого обеспечены общепринятым и общепризнанным древним законом.

Трудно, бесконечно трудно в Индии бороться с кастовым строем.

Не раз на протяжении истории страны влиятельные и властные вероучители поднимали свой голос против кастового деления. Не раз возникали религиозные общины, первой статьёй своей программы провозглашавшие неприятие кастового деления. И что же? Вероучители в конце концов умывали руки и принимали касты как непреложный факт, а религиозные общины кончали тем, что сами делились на касты.

Сикхам — воинской общине Пенджаба — практически удалось одолеть кастовые различия и продержаться на этом уровне почти четыре столетия, но к XIX веку касты снова стали заявлять о себе, следуя за экономическими и политическими сдвигами в жизни общины, и к нашему времени в той или иной мере реставрировались в среде сикхов.

Даже ислам, религия суровая и негибкая, даже он не одолел каст. Массами обращались индусы в ислам, и особенно члены низких каст, прельщаясь идеей всеобщего равенства и обещанной возможностью подняться в верхние слои общества, но, обратившись, не оставляли старых своих навыков и не в силах были расстаться с традиционными межкастовыми отношениями. Поэтому и в мусульманской общине в некоторой мере существуют и деление на касты, и многие кастовые обычаи.

Русский исследователь А.Е. Снесарев (1865—1937), много лет работавший в странах Востока, уделял большое внимание обычаям и традициям индусов, описав многое из виденного и понятого в Индии в своей книге «Этнографическая Индия». В числе материалов, собранных им в начале XX века, содержится и сделанный им перевод большого отрывка из книги индийского ученого-социолога Ш. Келкара «История касты в Индии» (1909), часть этого отрывка мы приведем здесь, чтобы показать отношение индийца к институту касты. «Тайна касты — тяжелая проблема для понимания иностранцев... Некоторые считают, что бессовестное духовенство вовлекло своих соотечественников в эту западню безумия, чтобы сохранить над ними свою власть... Совершенно естественно, что не какое-либо иное чувство, а лишь чувство насмешки должен испытать англичанин. Он может

Ученый брахман, астролог, жрец

вволю потешаться над абсурдами и противоречиями в столь устарелом и сложном институте... Американский миссионер, со своей стороны, также находит тему весьма полезной в целях побуждений своих соотечественников к сбору денег, дабы спасти двести миллионов душ от язычества... Попадают чудачки, которые смотрят на этот вопрос и с философским интересом, но последний мало чем отличается от интереса, переживаемого энтимологом при наблюдении жизни муравьев. А между тем сыновья Индии должны подходить к касте с совершенно иными чувствами. Для них это не тема, чтобы потешиться над абсурдами, им приходится быть серьезными... Те, кто наблюдает кастовые различия и их бедственные результаты, склонны даже думать, что корабль касты ускользнул от контроля... Все попытки, совершенные прошлыми деятелями, дабы сломить кастовую систему, не удались, но отсюда не нужно делать вывод, будто исчерпаны все возможные средства»*.

Только капитализм, только и единственно капитализм смог сделать то, что было не под силу ни учителям веры, ни правителям, ни политическим деятелям, — подорвать основы каст и положить начало их распаду.

Но вместе с капитализмом в жизнь каст вошли новые явления, способствующие их сохранению. Применяясь к классовой структуре нового общества, касты стали на путь укрепления межкастовых, так сказать, видовых связей, то есть связей между близкими по профессии кастовыми группами, входящими в состав того или иного класса капиталистического общества. Помимо традиционных панчayatов касты стали создавать свои руководящие организации, в ведение которых вошли вопросы распространения образования среди членов касты, повышения их жизненного уровня, их трудоустройства, предоставления им гражданских и политических прав и т.д. Во многом деятельность этих организаций смыкается с деятельностью профсоюзов и даже подменяет ее. На эти кастовые организации стремятся в дни выборов опираться как отдельные политические деятели, так и целые партии или крупные политические организации, нуждающиеся в привлечении на свою сторону избирателей из состава наиболее многочисленных каст.

Кастовые организации бывают чрезвычайно влиятельны, объединяются одна с другой, вырабатывают общую полити-

*А.Е. Снесарев. Этнографическая Индия. М., 1981, с. 100—101.

ческую платформу и иногда становятся базой новой политической партии, выражающей интересы того или иного класса или общественной прослойки.

Наряду с этим они стремятся приспособить весь организм касты в целом к новым условиям и к требованиям современности. Поэтому в их программу входит борьба с обветшалыми обычаями и изжившими себя древними предписаниями. Выступая в качестве борцов за отказ от старых традиций, сдерживающих поступательное движение общества, они играют прогрессивную роль, помогая членам касты вступить в более широкие общественные контакты, повышать свой социальный статус, расширять свой кругозор, обретать большую политическую активность.

Весьма своеобразную роль «борцов» против кастовых ограничений играют многие миллионы отшельников-садху, живущих на подаяние. Никто из любой касты не должен им отказывать ни в милостыне, ни в проявлении внимания к их проповедям и поучениям.

Никаких слов не хватит для полного описания этих странных противоречивых явлений, но это жизнь Индии, это ее культура, и никто не должен удивляться такому многоцветию ее проявлений, ибо в корне этого многоцветия и бесконечного разнообразия лежат многотысячелетние исторические процессы.

Следует рассказать здесь и о совершенно особой категории жрецов, которые бывают и брахманами, и небрахманами, но вызывают всеобщее уважение, иногда смешанное и со страхом. О них часто

Отшельник шиваистской секты алгари должен пребывать в непрерывном движении; звон подвесок на его теле говорит, что обет не нарушен

говорят, что не следует относить их к числу жрецов, но все равно это своеобразные служители богов и их прославатели. Такие люди именуются садху. Они считают себя отшельниками, но огромное их число живет в городах. Это неработающие люди разных возрастов, существующие за счет милостыни. Их насчитывается, по подсчетам переписей, до 8 млн человек. В подавляющем своем большинстве это мужчины, многие из них ведут странствующий образ жизни, собирая подаяния иногда с молитвами, а иногда и молча, и все верующие считают своим религиозным долгом подавать им.

Разные группы садху посвящены разным богам, и на их лбах, телах и руках нанесены отметины, указывающие, какому богу они служат. На праздники, посвященные их избранным богам, они приходят толпами, являя собой очень живописное зрелище. Иногда проходят по улицам целыми процессиями. В их числе есть и совсем удивительные для европейцев голые садху

Обнаженные нага-садху идут к Гангу для священного омовения
Город Варанаси (бывший Бенарес)

Эти нагие отшельники именуются нага-садху. Они не только просят милостыню, но и сидят иногда на улицах, занимаясь проповедями, слушать которые собирается немало желающих.

И немалой загадкой еще являются некие хиджры, которые то причисляют сами себя к числу жрецов и служителей бога, то отказываются от этой роли. Поэтому мы не берем на себя ответственности оценить их с такой точки зрения, но описать их или хотя бы вкратце остановиться на этой довольно загадочной группе все же необходимо

Прежде всего следует сказать, что основным их отличием являются отклонения от нормы в сексуальной сфере — в эту многомиллионную общину входят гермафродиты, бисексуалы, евнухи и т.п. Они включены в кастовое индусское общество и даже пользуются в нем определенным уважением, будучи непременными участниками всех религиозных праздников и многих обрядовых действий. Эта группа, безусловно, может быть прослежена с глубокой древности, вероятнее всего, с эпохи цивилизации Хараппы, т.к. в литературе брахманизма о хиджрах упоминаний нет. Но зато есть в эпической поэме «Махабхарате», в которую вошло множество сюжетов, очень далеких от жизни и поведения арьев.

В одном из рассказов поэмы* повествуется о великом герое-воине по имени Арджуна, третьем из братьев-Пандавов, который должен был по жизненным обстоятельствам скрывать свой мужской пол. Он самопроизвольно превратился в женщину, или же в некое ее подобие. Скрываясь от врагов при дворце одного царя, он взял на себя роль учителя танцев и проводил свои дни на женской половине дворца среди царевен и их подружек, нося женские одежды и украшая себя кольцами и браслетами. Потом, по истечении заданного срока, он внезапно на глазах испуганных девушек превратился в могучего воина и ринулся в бой, не успев снять свои развевающиеся покрывала. Следует сразу подчеркнуть, что и он, и его братья, описанные в поэме как весьма светлокжие и как выдающиеся герои, на самом деле происходили на 3/4 из среды местного темнокожего населения и лишь на 1/4 были генетически связаны с арьями.

Вот этот факт служит подтверждением нашей мысли о древнейшем, доарийском, существовании хиджр в аборигенном об-

* В книге «Вирата Парва»

шестве Индии, об их вероятном облике и одной из областей их занятий, а именно — о танцах. Численность хиджр в современной Индии не определена, но она не уменьшается и даже прирастает. Они пополняют свои ряды за счет новорожденных, у которых определяются половые аномалии, а узнают они о таких появляющихся в среде разных каст детях через народных акушеров, поддерживая с ними постоянную связь. В подобных случаях родители отдают хиджрам таких детей добровольно, каким бы странным это не казалось нам. И это выглядит как принесение богу своего рода жертвы. Бывают случаи, когда при отказе родителей хиджры силой захватывают младенцев и навсегда скрывают их в недрах своей общины.

По роду своих занятий хиджры делятся на три нечетко разграничиваемые группы, а точнее, на четыре: высшие занимаются танцами, приходя (будучи приглашаемы!) в дома на свадьбы и праздники, средние поют и пляшут на улицах и рынках, низшие исполняют грязную работу по домам, а нижайшие занимаются криминальными делами или приводят клиентов к проституткам, которые часто живут в их же колониях (при больших городах эти колонии насчитывают по нескольку сот тысяч человек).

Все хиджры имеют женский облик и оформляются «под женщин» — отпускают длинные волосы, носят женскую одежду, много украшений и пользуются обильно косметикой. Иногда это в сочетании с четко выраженным мужским лицом и мускулистым телом производит странное впечатление.

О древности этого института, вероятно, говорит и то, что они считаются почитателями и служителями богов — а главное, богинь, — включенных в индуизм из числа темнокожих или черноликих божеств, которым поклонялись доарийские жители Индии, создав их, как говорится, по своему облику и подобию. Они обязательно танцуют во дворах и на площадях в дни праздников, посвященных богу Кришне (т.е. «Черному») и богиням, таким как Черная Кáли, посвящая им свою странную сексуальную жизнь и свое искусство, также восходящее к доарийской старине. Видимо, поэтому их и причисляют к индуистским жрецам, хотя у многих это вызывает серьезные сомнения.

На этом можно завершить этот краткий рассказ о жрецах индуизма, как и о кастах, проявляющих себя так по-разному в религиозной жизни.

19. ЖИВУЧЕСТЬ ПЕРЕЖИТКОВ

Пришли арии в Индию и расселились сначала по ее северо-западным землям. Здесь в 1400—1200 годах до н.э. была завершена Ригведа, в последних гимнах которой уже упоминаются некоторые географические точки северной Индии.

Продвигаясь постепенно вдоль течения рек Ганга и Джамны, называли они эти новые области Арьявартой, т.е. обиталищем арьев. По путям своего распространения они все шире и шире смешивались — вынужденно или добровольно — с местными жителями, и в течение всех дальнейших веков, на всем историческом пути развития индийского общества, параллельно смешению шел процесс взаимопроникновения и соединения разнородных явлений социальной и духовной культуры, свойственных тому и другому пласту населения: смешивались обычаи, религиозные воззрения, бытовые навыки, внутригрупповые и семейные отношения и т.д. и т.п.

И многое-многое из этих явлений так укоренилось в каждодневной жизни индийцев, что дошло и до нашего времени, но в значительной своей мере в виде так называемых пережитков.

Во время работы в Индии мне довелось наблюдать некоторые из них в окружающей нас жизни.

Пережитки феодализма. Пережитки рабовладельческих отношений. Пережитки родоплеменного строя. Пережитки матриархата. Каких только пережитков не находят в жизни индийского народа! Но самое интересное, что все эти пережитки действительно существуют и разгуливают среди современных явлений жизни рука об руку с ними, как их ровня.

Был у нас свипер, то есть уборщик, метельщик, которого звали красивым и мечтательным именем Кришанлал. Был он мал ростом, имел длинный нос, длинные ресницы и застенчивые глаза. На его губах всегда играла улыбка Моны Лизы — лукавая, грустная и непонятная. А еще он имел обыкновение тихонько петь тонким голосом какие-то печальные песни, когда передвигался на корточках по полу, подметая его или вытирая.

Среди наших свиперов он был главным, и когда он сердился на них, то, бывало, и бил кого-нибудь. И ничего. Те молча все сносили, признавая его авторитет. Но вместе с тем в нерабочее время они над ним подсмеивались и намекали на разные его неудачи и беды.

Мне нравился Кришанлал, и почему-то всегда он казался мне несчастным. И только много позже, когда я узнала его историю, я поняла, почему жалела его.

Он рано потерял родителей, и, в соответствии с древним обычаем, отца заменил ему брат его матери (пережиток номер один: в глубокой древности, когда семьи возглавлялись женщинами и счет родства велся по материнской линии, брат женщины считался, так сказать, юридическим отцом ее детей).

Итак, этот дядя воспитал своего племянника наравне со своими детьми. Когда мальчик подрос, дядя, опять же в соответствии с древним обычаем, нашел ему жену (пережиток номер два: испокон веков в Индии рядовой человек не имеет права сам жениться — он должен стать мужем той девушки, которую найдут для него родители).

Дядя взял на себя все свадебные расходы и внес выкуп за девушку (пережиток номер три: в низких кастах обычно за девушек вносится выкуп, чем как бы покупается в семью работница, а в более высоких пытаются повыгодней пристроить девушку за образованного мужа и обычно стараются прельстить его большим приданым).

Так Кришанлал женился.

Неизвестно, по каким соображениям дядя подобрал для маленького и невидного племянника крупную здоровую девушку, которая скорее была под стать ему самому, так как он был высок и широкоплеч. Не прошло и полугода, как члены местной касты свиперов (пережиток номер четыре, и самый крупный повсеместно еще соблюдается деление на касты) узнали, что жена Кришанлала стала одновременно и второй женой его дяди (пережиток номер пять: от глубокой древности, от времен группового брака сохраняется и иногда вступает в силу обычай иметь несколько жен, да еще к тому же завязывать брачные отношения с женами других мужчин семьи).

Вскоре она вообще предпочла дядю своему мужу, и Кришанлал снова остался один. Он уехал из деревни и стал работать в Дели.

Прошло несколько лет. Дядя, накопив денег, снова женился и племянника и снова выбрал для него высокую цветущую девушку. И снова члены касты узнали, что жена Кришанлала после свадьбы ушла к его дяде.

Бедный Кришанлал подал жалобу в панчаят своей касты в той деревне, где жил дядя (пережиток номер шесть: выборный совет касты — панчаят — доныне строго следит за поведением всех ее членов и карает их за нарушение обычаев и кастовых предписаний).

Панчаят разобрал жалобу, признал ее справедливой и повелел дяде вернуть жену племяннику.

Дядя не посмел ослушаться панчаята — никто не смеет — и вернул жену. Кришанлал был счастлив несколько недель. Но вдруг его дядя надумал приезжать из деревни и предъявлять свои брачные права на его жену у него в доме.

Члены панчаята — выборного совета деревни

Старших полагается уважать, старшим полагается уступать — Кришанлал терпел довольно долго такое положение вещей, и неизвестно, сколько времени просуществовала бы эта странная семья, если бы жена опять не сбежала вместе с дядей в деревню.

Вскоре Кришанлал попросил отпуск на несколько дней, сказав, что едет судиться с дядей, и уехал. Панчаят вторично велел вернуть жену, но дядя на этот раз отказался.

Тогда панчаят повелел членам касты объявить ему бойкот (пережиток номер семь: до сих пор, особенно в деревнях, члены разных каст так прочно связаны узами взаимного обслуживания, что вне этих рамок человек не может найти применение своему труду. Если объявляется бойкот, для него наступает гражданская смерть).

Не выдержав бойкота, дядя переехал в другую местность, увезя с собой всех своих жен.

Тогда Кришандал опять попросился в отпуск и уехал на неделю.

И тут мы получили по почте удивительный документ — коллективное письмо всех наших свиперов, в котором они просили не давать больше отпусков Кришандалу, потому что он ездит в деревню для того, чтобы продавать свою жену (пережиток номер восемь: муж, недовольный своей женой, может по древнему обычаю вернуть внесенный за нее выкуп, перепродав ее кому-нибудь другому). Они писали нам, что мы должны запретить ему заниматься такими делами и что они вообще «против того, чтобы продавать леди».

Когда Кришандал вернулся, мы стали осторожно расспрашивать его, чем же дело кончилось. Он отмалчивался, глядя в сторону из-под своих длинных ресниц, и улыбался лукаво и печально. Так мы и не выяснили ничего.

Месяца через два его жена вдруг вернулась к нему, да еще привезла с собой новорожденного сына. Радости Кришандала не было пределов — ведь неважно, чей это сын, он будет его сыном, если это сын его жены, да, видимо, к тому же и его родного дяди (пережиток номер девять: опять же со времени группового брака сохраняется в индийских семьях отношение ко всем детям семьи как к своим собственным, и ответственность за них поровну делит все поколение отцов и матерей).

В первый раз я увидела, что Кришандал поет весело и живо, а когда говоришь с ним, смотрит прямо в глаза и улыбается уже не как Мона Лиза, а во весь рот.

Возле двери дома стояла жена с ребенком на руках — все могли это видеть, — и он ощущал всю полноту жизненного счастья.

Гром снова разразилась над его головой, когда сыну исполнилось месяцев восемь. Однажды Кришандал не вышел на работу. Свипер, которого мы послали к нему, прибежал и сказал,

что он лежит, посыпавшись пеплом, и не хочет больше вставать, а жена опять ушла к дяде и ребенка забрала.

Он потом встал, бедняга, и начал работать, как всегда, — ну что ему еще оставалось делать? Но в знак печали он больше не прибирал у себя в комнате, не надевал чистой рубахи и не стригся.

И уже с тех пор в часы уборки в доме слышались только жалобные, стонущие песни, которые на всех нагоняли тоску.

Я ему очень сочувствовала — он казался мне мухой, попавшей в липкую сеть пережитков, проникших в современную жизнь из давно минувших веков.

В следующий свой приезд в Индию я узнала, что жена опять вернулась, сын растет, и наш Кришанлал ведет счастливую полноценную жизнь.

Наконец-то!

20. ЭТА СТРАННАЯ ОДЕЖДА

Жители Индии, по-видимому, не знали шитой одежды почти до рубежа н.э. — они драпировали свое тело полностью или — что гораздо чаще — частично самыми разнообразными способами и в самые разнообразные ткани: но что это было, сказать невозможно: то ли набедренные повязки, то ли широкие пояса, то ли какие-то юбочки и шарфики. Многие фигурки, найденные в раскопках в долине Инда, изображают обнаженных людей, на которых нет ничего, кроме пояса, ожерелий и браслетов. Лишь на одной из них четко различим широкий шарф или край плаща, переброшенный

Каменные фигурки. Точно переданы мужская и женская набедренные повязки (г. Матхура, VI в н э)

Женщина из касты наяров
(штат Керала)

через левое плечо и украшенный узором из трилистников. Узор виден очень четко, но, конечно, нельзя определить, вышивка это, набойка или роспись ткани от руки.

Здесь, вероятно, зафиксирован, как и в древнеиндийской (а затем и традиционной средневековой) скульптуре, распространенный в доарийской Индии обычай ходить большую часть года полуобнаженными.

Арьи же, пришедшие сюда из более северных стран, в своей ритуальной, а затем и в правовой литературе, — как, например, в уже упоминавшихся «Законах Ману» — строго предписывали ношение одежды.

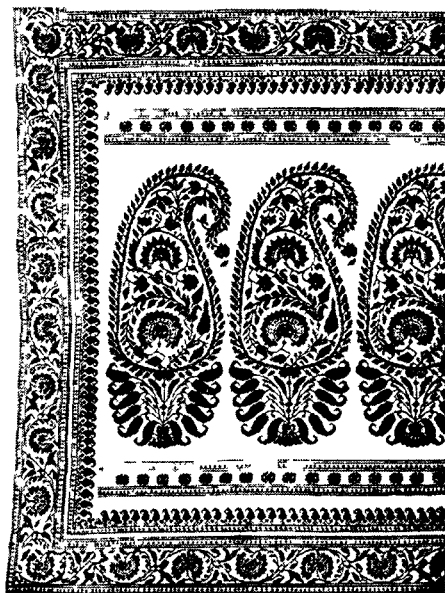
Вероятно, в результате распространения почти по всей Индии общественных и религиозных установлений арьев население страны стало считать обнажение тела настолько недопустимым, что даже муж был лишен права во избежание греха видеть свою жену обнаженной. И только у некоторых каст одного из исконно индийских народов — малаяли, живущего в штате Керала, на крайнем юго-западе страны, — частично сохраняется обычай, предписывающий женщинам ходить с открытой грудью. В среде этих каст сохранились до нашего времени и пережитки

древнейших матриархальных отношениях, в силу которых женщины занимают в семье и в обществе главенствующее положение. До недавних пор они сами выбирали себе мужей, причем если хотели, то не одного, а нескольких. Мужья не имели права ни на имущество жены, ни на ее детей, и отцом детей считался брат женщины.

Все остальное население страны потребляло и потребляет ткани в огромном количестве, причем любит, как правило, орнаментированную одежду и яркие краски. Поэтому так разнообразны в Индии способы орнаментации тканей, и так досконально индийцы изучили все растительные, животные и минеральные красители, которые только можно добыть в их стране.

Орнамент обычно рассчитан на то, что ткань не будут резать, что ею будут драпировать тело, отчего цвет и рисунок только выиграют, подчеркнутые мягкими длинными складками, ниспадающими от талии до земли, обвивающими ноги и бедра или спускающимися с плеч и облегающими грудь.

Сари — основа женского костюма в Индии. В древности, как об этом говорят храмовые фриз и изваяния, а также не изменявшаяся в течение многих веков одежда профессиональных танцовщиц южноиндийских храмов — исполнительниц древнейших форм танца, — сари состояло из двух частей: длинного широкого полотнища, которым женщины искусно драпировали ноги, наподобие шаровара, выпуская спереди из-под пояса один его конец, заложенный в мелкую складку, и шарфа, или покрывала, которым они или прикрывали плечи и грудь, а иногда и волосы, или стягивали только грудь, то навязывая его на

Фрагмент узора на дорогом сари
Вост. Индия

спине, то пропуская его концы под пояс, то просто набрасывая на себя, все это в соответствии с обстоятельствами. А обстоятельства могли, да и сейчас могут быть, разными — присутствие мужчин или старших родственников, выход на улицу, участие в религиозных церемониях и процессиях, прием гостей и т.д.

В большинстве областей Индии роль покрывала играет так называемый паллав, т.е. тот длинный конец сари, который теперь, когда сари состоит из одного сплошного полотнища ткани длиной в 5—9 метров, женщина перебрасывает через плечо после того, как задрапированы должным образом бедра и ноги. Паллав обычно покрывают орнаментом сплошь, четко контурируют его края, украшают конец кистями и т.п. Когда женщина идет, он колышется и развеивается за ее спиной; она покрывает им голову, когда того требует обычай; она закутывается в него, как в шаль, если погода ветреная и холодная.

Когда поживешь в Индии некоторое время, внимательно приглядываясь ко всем особым чертам, характерным для людей разных областей страны, когда всмотришься попристальней в их одежду, то увидишь, что вся она такая разная, что даже удив-

ляешься, как эта разница сразу не бросилась в глаза.

Оттенки, сочетания тонов и их соотношение с кофточкой «чóли» и украшениями рассказывают о вкусе хозяйки и ее настроении, о времени года и времени дня, о достатке семьи, о принадлежности к той или иной национальности, к той или иной местности и даже к той или иной религиозной общине или касте. Так, наличие у жен-

Женщина в сари
из двух частей

Женщина в обычном сари

щины орнамента на сари, украшений на руках, ногах, на шее, в ушах и т.д., наличие «тилака», или «тики» — пятнышка на лбу — говорит о том, что женщина замужем, и муж ее жив и живет в семье, тогда как отсутствие всех этих признаков является печальным указанием на вдовство.

Орнамент на ткани и ее окраска сообщают о месте, где ее произвели. Для Бенгала характерны мягкие шелковые ткани с мелким набивным рисунком неярких тонов. Для Мадраса — ровно окрашенные яркие сари: огненные, вишневые, индиговые, зеленые и т.п. с контрастной каймой, обычно затканной еще и серебряной или золотой нитью, и с ярким, построенным на контрастных же сочетаниях узором паллава. Варанаси славится переливчатыми сверкающими парчовыми тканями и шарфами. Даже не верится, что их вручную ткut ремесленники в маленьких полутемных мастерских, сидя на полу и спустив ноги в земляную яму, где размещены педали станка. Штат Уттар Прадеш известен помимо набивных сари набивными хлопчатобумажными скатертями и покрывалами, на которых изображе-

Наиболее широко распространенный в Индии способ надевания сари

ны всевозможные сценки из городской и деревенской, прошлой и современной жизни — процессии махараджей, выезды вельмож на охоту, болтовня женщин у колодца, разные сюжеты из легенд и мифов, а иногда по всему изделию наносятся изображения деревьев, птиц и зверей или переплетающийся многоцветный растительный орнамент, который завораживает глаз своим сложным и чистым ритмом.

Как же надевают сари?

А его не надевают, его монтируют на себе, укрепляя на главной детали — очень тугом пояске нижней юбки или просто на пояске, закладывая складки вокруг талии, а затем перебрасывая свободный его конец-«паллав» через левое плечо.

На западе и северо-западе Индии женщины носят главным образом раскроенную и сшитую одежду — юбки и кофты, поэтому узор тканей обычно более расплывчат.

В штатах Раджастан и Гуджарат разработали совсем особый способ окраски тонких хлопчатобумажных тканей, известный под названием «завяжи-окрась». Его широко пропагандируют сейчас в европейских странах, потому что он дает узор из пятен

Одежда точно передана на этих глиняных фигурках (штат Мадхья-Прадеш)

с неровными расплывающимися краями, столь близкий модным абстрактным веяниям в искусстве.

В западных областях Индии на первом месте стоит вышивка — гладью, крестиком, петельчатым швом — аппликация из маленьких круглых кусочков зеркал. Великолепная гладь панджабских хлопчатобумажных покрывал «пхулька́ри», нанесенная сплошь на всю поверхность изделия яркой и блестящей

шелковой пряжей, прославил их не только в Индии, но и в других странах, где ими пользуются и как легкими одеялами, и как накидками на кровати, и как настенными коврами. Эти изделия умеют вышивать женщины каждой семьи в Пенджабе.

А что уж говорить о знаменитых шерстяных и пуховых кашмирских шалах, тонких, легких, широких и таких теплых, что они согревают человека даже, когда на улице всего 8—10 градусов тепла! Эти шали в отличие от пхулькари вышивают только мужчины. Ни один узор не повторяет другой. Техника вышивки иногда напоминает гладь, но чаще всего это короткие стежки, словно штрихи, нанесенные тонкой кистью или пером. Есть шали, покрытые узором сплошь. Есть — и таких гораздо больше — вышитые только на концах и по краю. Цветовая гамма чрезвычайно богата — вся палитра существующих в мире красок от белого до черного. (И тут, надо сказать, этой вышивкой занимаются мужчины, а не женщины.)

Шаль или широкая полоса ткани служит почти обязательной частью одежды многих мужчин в Индии, даже тех, кто носит сшитую одежду — рубашки и шальвары (многие горожане стали носить и брюки — в основном люди из среды служащих и лиц

Исполнение пенджабского женского танца — гидды

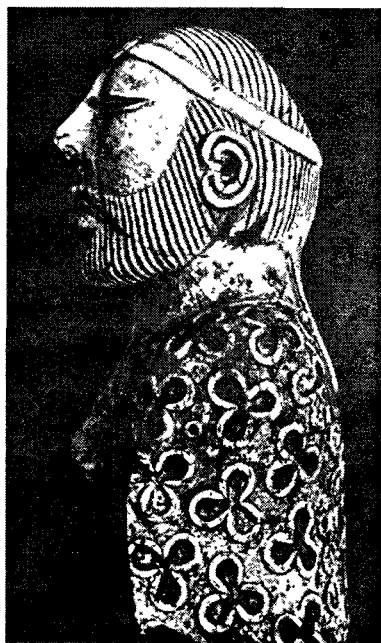
Богиня-покровительница
растения; на ней набедренная
повязка типа юбочки-запашки
(X в. н.э.)

реброшенной через левое плечо шалью (или частью сшитой одежды), украшенной розетками.

В завершение скажем еще раз, что мужское население городов частично восприняло сшитые костюмы европейского образца, но женщины продолжают во всей стране твердо придерживаться типов одежды, утвердившихся уже в начале новой эры.

интеллигентных профессий). Шальвары разного покроя распространены как части мужской и женской одежды в северо-западных и западных областях, но большинство мужчин в Индии носят набедренные повязки «дхóти» из отреза ткани длиной от 2,5 до 5 метров, по-разному драпируя ими бедра и ноги.

Древнейший тип несшитой одежды широко представлен на скульптурных изображениях самых разных эпох, начиная от известной статуэтки «жреца» из Хараппы (III тыс. до н.э.), с пе-

Фрагмент статуэтки жреца
из Хараппы

21. МУЖ — ЭТО ЗЕМНОЙ БОГ

Где и когда начинается воспитание доброты в человеке? В Индии мало кто знает известный анекдот о женщине, имевшей двухнедельного ребенка, которой сказали, что она уже на две недели запоздала с его воспитанием. Там не ссылаются на этот анекдот, там просто начинают воспитывать детей чуть не с первого дня их жизни.

И основное, чему их учат, — это доброта. Учат всем своим отношением к детям и друг к другу, учат личным примером, учат словами и делами. Терпеливость, которую проявляют в индийских семьях по отношению к детям, просто поразительна. Я не видела, чтобы на них кричали, чтобы их шлепали, чтобы сердились на них. Каким бы усталым ни чувствовал себя человек, как бы горестно он ни был настроен, он никогда не покажет этого детям. Ни отец, ни мать и никто вообще из старших.

Обуздание чувств — вот главная нить воспитания, главная линия личного поведения, главная тема многих проповедей. Одним из самых больших пороков считается неумение сдерживать свое раздражение, свой гнев, неумение проявлять мягкость в манерах, приветливость в обращении и приятность в речи. «Речь жены, обращенная к мужу, должна быть сладостна и благоприятна», — сказано в древних книгах.

Дети растут в атмосфере доброжелательности. Первые слова, которые они слышат в семье, призывают их к доброму отношению ко всему живому. «Не раздави муравья, не ударь собаку, козу, теленка, не наступи на ящерицу, не бросай камней в птиц, не разорь гнезд, не приноси никому вреда» — эти запреты, расширяясь со временем, принимают новую форму: «Не обижай младших и слабых, уважай старших, не подними нескромного взгляда на девушку, не оскорби нечистой мыслью женщину, будь верен семье, будь добр к детям». Так замыкается круг.

И все это сводится к одному — не делай зла, будь добрым и сдержанным в чувствах.

Сдержанность в чувствах, манерах, разговоре очень характерна для индийцев. Так же, как характерна их удивительная естественность. Это страна, где женщины естественны, как цветы. Никаких кривляний, аффектации, вызывающих движений и взглядов, никакого кокетства. Кокетничать позволяют себе

только девушки в колледжах. да и то так сдержанно, что это и кокетством не назовешь. А женщины настолько прочно замыкают кольцо своего внутреннего мира вокруг мужа, его жизни, его интересов, что для них просто перестают существовать все другие мужчины.

Европейцы, не знающие этой страны и этого народа, часто удивляются тому, что индийские женщины — «ну как бы вам сказать? — неконтактны, что ли, совсем не реагируют на присутствие мужчин, оно их как бы совсем не задевает». Очень верно. Именно не задевает.

Они любят красиво одеться — для мужа. Они холят свою кожу, свои волосы, сурмят глаза, окрашивают красной краской пробор в волосах, надевают украшения — для мужа. Они учатся петь и танцевать — для мужа. И если муж жив и здоров, если он предан семье — а это правило, исключения из которого очень редки, — женщина счастлива, она ничего больше не желает, ни к чему не стремится.

Муж дан богом, муж — это судьба, мужа нашли родители и отдали ему свою дочь в соответствии с древнейшими обычаями, мужа она ждала с детства, зная, что только его одного она должна любить, только к нему стремиться. Традиция говорит, что муж — это все, это вся жизнь, это бог на земле, это та половина женщины, без которой она не человек, не личность, ничто.

Бывают и у индийских девушек детские увлечения, но редко и недолго. Только в городах, в семьях европеизированной интеллигенции эти увлечения могут кончиться браком. Да и то не всегда. А правилом являются браки по выбору родителей, и именно этого выбранного не ею мужа девушка готовится принять со всей полнотой первого — и последнего — чувства, со всей преданностью и покорностью.

Роспись ладоней и украшений к свадьбе

Во множестве мифов, легенд и преданий воспевается беспредельная преданность женщины своему мужу. Основным образом, которому следует подражать, является Сита — жена эпического героя Рáмы, но славятся также и Дамаянти, Сáвитри, и многие другие.

Меня, например, образ Савитри всегда волнует не менее, чем образ Ситы. Будучи царской дочерью, она избрала себе в мужа юного Сатьяváна — сына слепцов, лесных отшельников — и стала сама вести с ними жизнь отшельницы. Она узнала о том, что над Сатьяваном тяготеет проклятие и он скоро должен умереть. В день, когда проклятие должно было сбыться, она пошла с мужем в лес за дровами, стараясь ничем не выдать своего ужаса перед неизбежным и страшным будущим, которое неотвратимо приближалось.

И когда предстал перед ними бог Яма, повелитель царства мертвых, и взял душу Сатьявана, она последовала за ним в его стремительном движении к югу, в мрачную обитель смерти. Она

Бог Яма возвращает Савитри душу ее мужа (индийский рисунок)

изранила ноги, лицо и тело о камни, шипы и ветви леса, но не отставала от Ямы ни на шаг. Трижды он останавливался и убеждал ее вернуться, и трижды своими добрыми разумными речами Савитри снискивала его похвалу, и он говорил ей: «Проси у меня в награду, чего хочешь, кроме души Сатьявана». И тогда Савитри попросила, чтобы ее отцу было подарено сто сыновей, чтобы родители Сатьявана прозрели и чтобы его отец, лишившийся царства, снова обрел власть и могущество. Яма исполнил все ее желания. А когда он остановился в четвертый раз и снова за чистые мудрые речи захотел наградить Савитри, он забыл поставить условие, чтобы она не просила вернуть душу Сатьявана. И тогда Савитри воскликнула, что только душу мужа просит она и никакой другой награды ей не нужно. Яма вынужден был отдать ей душу, и она поспешила назад к бездыханному телу Сатьявана и воскресила его, вложив в него душу. После этого они прожили много счастливых долгих лет...

До сих пор — и часто даже в городах — молодые впервые видят друг друга в день свадьбы.

Невеста наряжается к свадьбе.
Вост. Индия

Я бывала на многих свадьбах, и женщины семьи всегда приглашали меня взглянуть на невесту. Заходишь в комнату, видишь в окружении подруг и сестер ярко одетое и богато украшенное существо, с лицом, завешенным гирляндами цветов, дождем ниспадающих со свадебной короны. «Подойдите, посмотрите на нее», — просят все.

Подойдешь, откинешь цветы с ее лица и встретишь прелестное юное личико и глубокий взгляд, исполненный огромного внутреннего волнения.

На лоб вдоль бровей часто бывает нанесена

краской линия из точек, которая обводит глаза, спускается на щеки, обводит их мягкий контур и завершается на подбородке. В крыло носа продето тонкое золотое кольцо с жемчугом или драгоценными камнями, с пробора на лоб свисает золотая розетка, тяжелые сверкающие серьги бросают светлые блики на щеки, шея и грудь скрыты под блестящими украшениями, глаза смотрят серьезно и испуганно — трогательный и для наших дней слегка фантастический образ невесты.

Она не видит подарка, который ей приносишь, от волнения и усталости она не видит и не чувствует ничего вокруг. Наступил самый важный, самый ответственный момент в ее жизни — ее отдают мужу.

Отдают навсегда, безвозвратно, без права на расторжение брака. Ее растили и воспитывали только для этого, ее готовили только к этому.

Вот наступает вечер. Темнеет. Сейчас свершится воля богов и судьбы. Кого ей выбрали? Кому ее отдают? Ведь навсегда, навсегда!

Доносятся звуки музыки, дробь барабанов. Едет! Едет за ней!

Жених по обычаю должен приехать на коне в сопровождении своих родных и друзей. И обычно так он и приезжает. Поезд жениха движется медленно-медленно. Впереди идут оркестранты в ярких мундирах и тюрбанах. Музыка звучит непрерывно. За ними несколько друзей жениха движутся в танце (иногда, впрочем, танцоров и нанимают), затем в окружении нарядной толпы своих близких едет украшенный цветами и золотыми гирляндами жених в свадебной короне. Конь белый, с плюмажем и тоже весь украшенный и в раззолоченной наборной сбруе.

Перед женихом на седле часто сидит мальчик — младший его брат или племянник. Он является символическим участником свадебного обряда. Его присутствие означает, что в случае смерти жениха он станет мужем девушки и в дальнейшем обязуется также заменить ее детям отца.

Надо сказать, что это не только символ. Древний обычай братской полиандрии, когда несколько братьев становились мужьями одной женщины, доньше жив в Индии и иногда практикуется в среде так называемых низких каст. В среде же высоких каст сохраняется только обычай привозить с собой на свадьбу младшего мальчика семьи. В штате Керала и сейчас известна полиандрия, имевшая сравнительно недавно широкое

распространение, причем здесь она была распространена в основном в среде высоких каст.

Так появляется жених. Часто он держит в руке меч — тоже символ того, что он с боя возьмет невесту, победив всю ее мужскую родню. И так было когда-то — отбивали, умыкали, брали силой. Индийцы в большинстве своем не признают такой формы брака, но и запрета на нее нет. Иногда она встречается у некоторых племен и сейчас.

Над женихом несут зонт на длинном шесте. Зонт — знак царской власти, знак власти вообще. А вокруг процессии, и впереди нее, и в ее рядах идут люди-лампы, живые подставки, на головах которых ослепительно сияют карбидные лампы. Лампы нарядны, обвешаны блестящими и звенящими подвесками, они многоэтажны, они возвышаются на головах своих подставок, заливая светом все вокруг, они пылают во тьме белоснежными факелами. Людей-подставок не видно. И не должно быть видно. Лампы — это праздник. Залитая их светом нарядная толпа — это праздник. А худые босоногие ламповщики, всегда закутанные в серую ткань мужчины, женщины, мальчики к празднику отношения не имеют. Они рады заработать на всю свою группу несколько рупий и идут, незаметные, тихие, безликие, несут на головах фонтаны света. Их не замечают. Их нет, есть лампы.

Медленно-медленно идет ярко озаренная процессия. Вот она вступает на улицу, ведущую к дому невесты. Или к тому дому, который снят под свадьбу. В любом случае этот дом виден издали благодаря истинному чуду индийского декоративного мастерства — деревьям и кустам, униженным разноцветными лампочками. На фоне черного неба эти деревья подобны застывшим фейерверкам, искрам огромного костра, которые вдруг остановились в воздухе, оцепеневшим брызгам цветных фонтанов. Это так красиво, что и не расскажешь.

Двор обнесен оградой из многоцветной ткани, а ворота, тоже изготовленные специально для свадьбы, представляют собой арку, от земли и до вершины сплошь обвитую розовыми или белыми гирляндами из бумажных или нейлоновых розеток. Это похоже на ворота, ведущие прямо в рай.

Все пышно, празднично, нарядно, незабываемо.

Дробь барабанов все ближе и ближе. Уже за забором, уже во дворе. Уже по стенам комнат заметались отблески ламп. Он приехал!

Его встречают родители юной невесты, ведут к гостям. Все оживленно болтают, все рады и довольны.

Во дворе приготовлен пандал — специальный помост под навесом. Шесты навеса перевиты яркой фольгой и гирляндами цветов. Здесь они сядут рядом, и брахман проведет весь обряд, в котором будет много-много разных обязанностей у родителей жениха и невесты, а если нет родителей, то у старших братьев и их жен.

Надо будет по указаниям брахмана в должный миг и в сопровождении должной молитвы омыть ноги жениху и невесте, окрасить их красной краской, надеть ей на пальцы ног серебряные обручальные кольца, дать жениху и невесте вкусить теплого масла и т.д. и т.д. Для них сошьют особый шнур и свяжут их друг с другом. Они наденут друг на друга пышные гирлянды, и им поставят красные точки на лоб — знак счастья. Жених семь раз обведет невесту вокруг священного огня, или они вместе пройдут семь шагов — и обряд будет закончен.

Момент свадьбы — невеста навсегда привязана к жениху (инд. картинка)

Она войдет в его семью навсегда.

Мне могут сказать: ну хорошо, но ведь это описание свадьбы в зажиточных семьях, а как среди других слоев населения?

Свадьбы в любой семье в Индии — событие первостепенной важности, и каждый отец делает все, что от него зависит, чтобы отпраздновать ее достойным образом и не вызвать нарекания ни со стороны своей и новой родни, ни со стороны членов своей касты или своих соседей. Естественно, в среде разных социальных групп отдельные моменты свадебного обряда могут иногда заметно отличаться.

Была я как-то на свадьбе в «невысокой» касте дхангаров — козых пастухов в штате Махараштра. И тоже не забуду той огромной толпы ее участников, которую должны были принять и накормить хозяева. Когда мы приехали и увидели переулок, весь завешенный гирляндами цветных лампочек, то в нем была такая масса народа, что не только проехать, а и пройти, казалось, будет невозможно. У ног на земле стояли и тихо шипели ослепительные карбидные лампы — необходимейшая принадлежность каждой свадьбы, а между ними носилась такая туча детей, что было непонятно, как они не устроят пожара от этих ламп и даже не опрокинут ни одной.

Совершенно особенное впечатление произвели на меня здесь, как и всегда, наряды и грим многих участников свадьбы.

Вот перед нами родня жениха и невесты. Все они выглядят просто устрашающе — у всех лица, головы, плечи по обычаю осыпаны красным порошком, словно кровью политы. У отца жениха лоб густо смазан красной пастой и присыпан серебряными блестками, а у отца невесты лицо разделено пополам — левая половина выкрашена красным, а правая обычного цвета, хотя, правда, нос целиком красный. Они радостно сияют крупными белыми зубами и похожи на двух веселых людоедов. Но вместо того чтобы меня съесть, они венчают меня душистыми гирляндами и ведут к молодым. Те неподвижно сидят на стульях на высоком помосте под традиционным навесом. Все вокруг бесконечно счастливы, галдят, толкаются, смеются, прогоняют детей, которые тут же опять собираются стайкой, разглядывают жениха и невесту, разглядывают меня. На головах молодых возвышаются бумажно-фольгово-цветочные короны, вдоль щек свешиваются гроздья цветов, на шее висят цветочные гирлянды, бусы и подвески. Лоб молодой смазан красным, а над ли-

нией бровей до самых ушей идет, как принято, серебряная полоска. В нос уже вдето украшение замужней женщины — довольно массивная серьга, а шею обвивает традиционная «мангаль-сутра» — нитка черных и золотых мелких бусинок с двумя золотыми полушариями посередине — это брачное ожерелье, и оно заменяет в Индии обручальное кольцо. К краю сари привязан шелковый белый шарф, перекинутый через плечо жениха. На второй палец каждой ее ноги надеты гладкие серебряные кольца. Все это говорит о том, что невеста отдана мужу и принадлежит ему до гробовой доски без права сделать хоть один шаг по своему усмотрению.

И вот здесь подвергается серьезнейшему испытанию добродетель и сдержанность, привитые ей с детства. Как, впрочем, и те же качества ее новой родни, потому что индийская семья очень легко может обернуться самой страшной тюрьмой для женщины.

Только вошедшее в плоть и кровь умение сдерживать раздражение и нелюбовь могут помочь свекрови подавить в себе ревнивую неприязнь к жене сына и не очень обижать ее. Невестка в индийской семье является самым незащищенным существом. Традиция отдает ее в полную власть свекрови, а если она выходит за младшего в семье, то и женам старших братьев мужа.

До сих пор во многих случаях индийская семья состоит из родителей, их женатых сыновей с женами и детьми,

Жених и невеста из семьи скотоводов
Зап. Индия

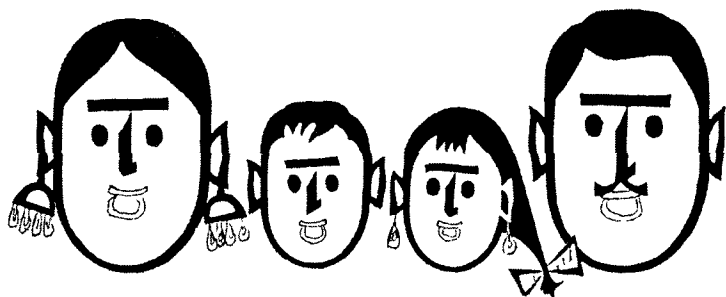
неженатых сыновей и незамужних дочерей. Все они живут вместе. Иногда человек по пятьдесят. Мужчины отдают родителям весь свой заработок, и свекровь определяет, на что и как надо тратить деньги. Если свекровь недостаточно добра, чтобы побаловать невестку подарком, та должна обходиться тем, что получила в подарок на свадьбу да привезла из родного дома. Если свекровь не считает нужным привлекать невестку к обсуждению бюджета семьи, к вопросам воспитания и обучения детей и ко всем другим проблемам жизни, невестка будет жить как бесплатная прислуга, проводя свои дни у очага, у детской кровати, у посуды и не имея права голоса ни в чем. Найдут нужным отослать детей к каким-нибудь родственникам, отошлют. Найдут нужным взять для ее мужа вторую жену, возьмут.

Только в свободной Индии был принят, например, закон о том, что вдова имеет право на часть имущества покойного мужа, а до этого вдова пожизненно должна была служить прислугой в доме родственников мужа. Все презирали, угнетали ее, так как по традиции считается, что в одном из своих прежних перерождений она так грешила, что боги наказали ее теперь, отняв у нее мужа. Если она возвращалась в родную семью, то и там обычно было не слаще, потому что те же попреки она слышала и от своих родных, и от жен своих братьев. К тому же, уходя в свой дом, она должна была оставить детей у свекрови, а какая же женщина пойдет на это? В случае любой горькой доли женщине помогает выстоять только бесконечная преданность мужу и умение все прощать, подавлять в душе естественный протест.

К счастью, к великому счастью, такие тяжелые отношения в семье не являются правилом. Кроткие, работающие, терпеливые невестки, особенно те, кто «сумел» родить сына, все же являются обычно радостью семьи. По-настоящему плохо приходится бездетным женщинам — их обычно довольно скоро заменяют новыми женами. Ступенью ниже тех, кто «умеет» рожать сыновей, стоят те, кто рождает девочек. Но поскольку принято иметь много детей, то с годами появляются и мальчики и девочки, и женщина-мать занимает в семье свое прочное место. Поскольку число жителей Индии превысило 1 млрд, в стране ширится пропаганда ограничения деторождения и раздаются призывы иметь не больше двух детей.

Но не только от жены требуется покорность мужу и безмерная преданность ему. Мальчики тоже растут в сознании того, что со временем станут мужьями. Все индийские религии предписывают соблюдение целомудрия до брака. И целомудрие почти всегда соблюдается в ожидании жены — той, которая подарит ему детей.

Чистота отношений в среде индийской молодежи поражает европейцев. Городская молодежь из интеллигентных слоев учится, а до окончания обучения древняя традиция воспрещает общение с женщиной, и этого запрета придерживается большинство молодых людей. Те же, кто не может учиться, а работает, живя в семьях, воспитываются в таком же духе — в ожидании своего брака.

Уличный плакат — призыв без слов к ограничению деторождаемости

«Вы, европейцы, любите и женитесь, а мы, индийцы, женимся и любим». Это верно. Так оно и есть. В большинстве случаев.

А в меньшинстве? — спросите вы. Ну что же, в меньшинстве бывает все.

Иногда на улицах встречаются юные существа, всем своим видом, каждым движением и каждым поступком стремящиеся показать, что они безумно «прогрессивны».

Навязчивый грим в западном стиле, наимоднейшие прически, развязная походка и — почти в обязательной комбинации со всем этим — пренебрежение к собственной национальной культуре.

Что же поделать, бывают и такие продукты — или отходы? — широкого обмена культурными ценностями между Востоком и Западом.

Такую молодежь нельзя обвинить в излишней скромности — буржуазное мешанство нигде в мире этим не страдает. Здесь у девочек считается шиком показать, что они умеют пить, курить, а иногда даже развязно садиться к мальчикам на колени. Поведение на грани распутства кажется им критерием личной свободы и эталоном независимости «на европейский лад». К счастью, их очень мало.

Их нравственное убожество особенно контрастно вырисовывается на фоне поведения нормальной учащейся молодежи.

Какая это замечательная молодежь! Почти каждый студент или студентка состоит членом какой-нибудь организации или какого-нибудь общества. Они переписываются с молодежью других стран, занимаются коллекционированием, спорят о развитии национальной литературы и искусства, издают множество молодежных журналов, газет и так называемых сувениров — журналов эпизодического характера, публикуемых по случаю того или иного события. Они собирают средства на проведение фестивалей, встреч, конкурсов, состязаний поэтов и музыкантов и т.п. Их жизнь наполнена до краев. Они воспринимают самих себя как будущее собственной страны, им до всего есть дело.

Присматриваясь внимательно к жизни индийской семьи, видишь, что нельзя сбрасывать со счетов ее бесспорно положительные стороны.

Молодежь, выросшая в атмосфере прочных семейных отношений и взаимной любви и уважения между родителями, продолжает развивать традиции добрых отношений в семье. Авторы книг об индусской семье всегда с ужасом подчеркивают традиционную невозможность развода по желанию жены. Но и разводов по желанию мужа почти не бывает. Не бывает, во-первых, потому, что каждый мужчина с детства приучен смотреть на свою будущую жену как на необходимую и неотъемлемую часть своего существа, без участия которой все дела жизни, согласно традиции, являются недействительными и бесплодными. Брак считается актом религиозным, и для обеих сторон в равной мере его расторжение в высшей степени нежелательно. Во-вторых, жена является матерью его детей и заслуживает поэтому благодарности и всемерной поддержки, так как потомство — это залог вечности, это гарантия совершения поминальных церемоний, без которых невозможно спасение души. Итак, как я уже упоминала, только бездетную женщину муж может отослать об-

ратно к отцу. В-третьих, общественное мнение, которое в жизни индийского общества играет огромную роль, всегда восстанет против развода и осудит и покроет позором семью мужа, если он его осуществит.

Все это не означает, что нет закона, разрешающего развод. Такой закон действует уже свыше 25 лет, но мало кто им пользуется, равно как и законами, разрешающими межкастовые браки, вторичное замужество вдов и т.д.

Вот так и получается, что индийская женщина, пока жив муж, обычно не очень печалится. А уж

если, как это теперь бывает довольно часто в городах, молодая семья ведет жизнь отдельно от большой семьи, то жене редко приходится скорбеть из-за плохих отношений в семье, так как плохие отношения с мужем немыслимы, а уж непочтение со стороны детей просто невозможно.

До освобождения Индии женщина знала только кухню и женскую половину дома. Только в среде безземельных батраков да бедных арендаторов бывали семьи, где женщина работала в поле наряду с мужем. За последние годы положение резко изменилось. Очень большое число женщин в городах стало работать. Женщина учительница, врач, адвокат и даже инженер теперь далеко не редкость. Не говоря уж о женщинах — общественных деятельницах. И это возвышает женщину в глазах мужа и в глазах общества, делает семью еще прочнее.

Но, несмотря на свою материальную независимость и свое собственное общественное лицо, индийская женщина помнит, что «речь жены, обращенная к мужу, должна быть сладостна и благоприятна».

Жених и невеста из средней касты
Зап Индия

Впрочем. Такое же требование предъявляет древний обычай и к мужчинам. Так что ссоры, сопровождаемые резкими взаимными упреками и злыми колкостями, а тем более грубые ссоры в индийской семье действительно очень редки.

В семейной жизни представителей некоторых групп населения, особенно в среде низких каст, сохраняются, словно законсервированные на многие века, остатки, или, как принято говорить, пережитки, многих обычаев, свойственных индийскому обществу в глубокой древности, которые почти не встречаются в современной жизни других его слоев.

22. ЭТО ПРАВДА, ЧТО ТАМ ТРИДЦАТЬ ТРИ МИЛЛИОНА БОГОВ?

Богиня плодородия. Бенгал
(терракота, I в до н э)

В течение многих лет, прошедших после моего возвращения из Индии, я в своих работах по этнографии не раз упоминала о том, насколько близкими и знакомыми казались мне молитвы индусов, обращавшихся к богам, чьи имена были так похожи на имена божеств славянского язычества. Да и не только имена, а и образы их и деяния, как и отношение к ним людей, а соответственно, и их отношение к людям.

Принимая концепцию Б.Г. Тилака, о чем я не раз упоминаю в данной работе, остановимся теперь на представившейся возможности проследить родство некоторых главных богов арьев с богами славянских язычников.

Прежде всего попробуем ответить на вопрос, вынесенный в заголовок данного раздела, т.е. «Правда ли?..»

Правда. И даже гораздо больше, чем правда. Потому что в понятие индуизма входят, по сути дела, сотни культов — и арийские, и доарийские, и все, которые образовались в резуль-

тате смешения тех и других или родились недавно и до сих пор рождаются, когда в Индии какое-либо событие или достойный преклонения человек становится объектом культового почитания.

Племена арьев пришли со своими богами и со своими традициями создания и передачи из уст в уста, из поколения в поколение преданий, мифов, жреческих формул и заклинаний — традициями, которые, много веков спустя, нашли письменное выражение в четырех сборниках Вед.

По памятникам ведической и эпической литературы можно проследить, как постепенно смешивались и сливались пришлые народы с местными, как модифицировались их религии, законы, образ жизни, как возникали новые понятия, представления, культы, общественные установления, как растекались они по всей стране, приспосабливаясь к местным условиям отдельных ее областей и снова изменяясь в соответствии с влияниями того или иного народа, его обычаев и законов. Так формировался и развивался индуизм, так возникал и расширялся его пантеон, обогащалась мифология, усложнялся ритуал.

Некоторые боги арьев, игравшие такую заметную роль в ведическую эпоху, начали утрачивать свое значение уже в середине I тысячелетия до н.э. Нет, они не исчезли окончательно — их помнят и почитают даже сейчас, но они отступили в тень, их

а) Бог Агни. Деревянная фигура. Юж. Индия.

б) Редкое изображение Агни: семь его рук — семь языков огня, три ноги — три сферы проявления его энергии, два лица — всеохватность огня.

контуры размылись, назначение стало неопределенным и неопределимым, от большинства из них сохранились только имена Эти имена и поныне жрецы-брахманы перечисляют в молитвах, но верующие уже не осознают образов самих богов.

Из древних арийских культов самым устойчивым оказался культ огня и поклонение богу огня — Агни. Здесь, я думаю, даже не потребуются фонетических разъяснений — достаточно сопоставить это имя со словом «огонь» («огни»).

Судя по тому, какое большое место отводится в Ведах культу Агни, которого называют и владыкой земли, и защитником людей и их жилищ, и посредником между человеком и богами, этот культ занимал важное место в жизни арьев и, очевидно, укрепился не в Индии, а значительно раньше. В качестве поедателя жертв — крови и мяса жертвенных животных — бог огня носит имя Кравьяд.

Изображений Агни в современной Индии почти нет. Мне, во всяком случае, их видеть не приходилось. Но он описывается в древних памятниках литературы как существо с семью языками, со знаменем из дыма и пламенеющим копьем. Говорится, что он был рожден в колеснице, влекомой четырьмя красными конями и имеющей колеса, в которых спицы из семи ветров. Этот образ идентифицируется с небесным огнем — Солнцем. Говорится, что у него была жена по имени Св́аха и три сына, от

которых родилось еще 45 сыновей. Самого же Агни называют сыном Бр́ахмы — бога давнего и практически народом Индии почти забытого.

В наши дни огонь почитается индусами главным образом как хранитель домашнего очага. Каждый день старший член семьи льет в огонь ложку топленого масла, «кормя его». В древности приносились кровавые жертвы. К огню обращаются с короткой молитвой по утрам. При исполнении свадебной

Редко встречающееся изображение двуглавого бога Брахмы

церемонии возжигают священный огонь, и брахман, а также родители молодой четы льют в него, сыплут и бросают то масло, то специальные ароматные вещества, то ритуальную пищу. И только тогда свадьба считается завершенной, а брак нерасторжимым, когда муж семь раз обведет свою жену, привязанную к нему за край одежды, вокруг этого священного огня.

На огне сжигают мертвых. В деревнях и городах Индии над водой — рекой или прудом — обязательно есть «шмашаны» — места сожжений. Сюда приносят покойников, омывают их тела и возлагают на погребальные костры. После прочтения кратких формул, обращенных к огню, богам и душам предков, главный плакальщик — обычно старший сын — обходит костер вокруг, держась к нему правым плечом, — правило, обязательное для обхода любого объекта культа, — и поджигает его.

Очевидность прямого родства имени Агни со славянскими словами «огонь, огни», не вызывает сомнений и не требует доказательств. Наши далекие предки тоже сжигали тела покойных на кострах и, наравне со всеми индоевропейцами, поклонялись огню, обожествляя его. Вошедший из язычества в христианство культ огня безусловно относится к сохранившимся издревле верованиям в спасительную, но иногда и губительную мощь огня и в его очищающую силу. Она от эпохи язычества сохраняется в деревнях до наших дней у многих славян: купальские «очищающие» костры, прогон скота между двумя кострами и т.п. Этот культ вошел в церковь не только в виде обычая возжигания огней свечей лампад, освящающих всякое обрядовое действие и охраняющих людей от нечистой силы, но и в удивительном обряде «пешного действия». Это действие исполнялось в церкви в конце Рождественских праздников и носило характер мистериального театрального представления. Сооруженные из дерева высокие «печи», украшенные резьбой, имелись в некоторых церквях еще в XIX веке. Языческая вера в очищение огнем и даже в воскресение через огонь (что связано, видимо, с обычаем древних славян сжигать на кострах тела умерших) отразилась здесь в игровом исполнении одного отрывка из Священного Писания. В этом тексте говорится о том, как халдеи бросили в печь христианских отроков, но те не сгорали, а молились, и ангел вывел их из печи невредимыми. В церковном «действии» участвовали два халдея в особых шапках, вводившие в «печь» трех отроков в белоснежных одеждах, и деревянный ангел, спускаемый на веревке. Отроки поют молитвы и, когда ангел достигает «печи»,

выходят невредимыми, вслед за чем все действующие лица мистерии участвуют в церковной службе, что и означало принятие «халдеями» христианства.

Четко обозначились и заметно расширились в течение веков функции бога Вишну, чей образ в Ведах сливался с образом бога солнца, со светом и, главное, с представлениями людей о существовании некоего всеохватного милосердия, как силы которая внемлет молитве каждого человека и всегда готова на нее откликнуться. Наиболее близко суть ведического Вишну можно выразить словами «бог для всех». Эта расшифровка закодирована в самом его имени: «виш» на санскрите значит «весь», причем это значение относится и ко «всем вообще», и к группе людей, живущих вместе или взаимно близко, как бы объединяемых общим поселением. С этим понятием совпадает и старославянское слово «вьсь», т.е. «весь», что входит, как уже говорилось выше, в известную старинную формулу «грады и веси». На санскрите «виш» — это «весь (народ), все». Не случайно поэтому Вишну считается в Индии самым «демократическим» богом и на молениях ему могут присутствовать члены разных каст. Повторим здесь, что от слова «виш» происходит и название третьего общественного слоя племен древних арьев — «вайшья», которым определяются все общинники племени в отличие от жрецов-брахманов и воинов-кшатриев. В состав этих «всех общинников» входили скотоводы, пастухи, земледельцы, охотники и ремесленники всех категорий, обслуживавшие племя, т.е. основной по своей численности пласт в составе арийского общества.

(Здесь следует вкратце сказать о том, что в нашей стране некоторые самодетельные пропагандисты неоязычества стали, по полному своему незнанию значения имени и функций ведического Вишну, уверенно трактовать его как якобы «Вышнего» бога, явно оперируя приблизительно сходным на слух звучанием этих двух слов. Это неверное толкование и доверять ему не следует, как и сопоставлению имени Вишну со словом «вишня».)

Из глубины ведических времен и до наших дней сохраняется в Индии восприятие Вишну в основном как бога справедливости, охранителя правды и дарителя милостей всем, кто не совершает злых дел.

Когда человечество погружается в пучину несправедливости и зла, в мире людей появляется бог Вишну, для того чтобы сделать правду и справедливость основой закона.

Много споров в науке о том, доарийский бог Вишну или арьи принесли его с собой на индийскую землю. В Ведах о нем говорится мало, он не упоминается в числе первых среди богов. Там сказано, что Вишну пересекает тремя шагами семь сфер Вселенной, и это понимают и как отражение трех состояний энергии: огонь — на земле, молния — в небе, солнце — во Вселенной, и как определение только солярной (т.е. солнечной) сущности бога, поскольку солнце проходит три стадии в течение дня: восход — зенит — заход. Иногда он ассоциируется в Ведах с богом Индрой. Иногда его называют «непобедимым охранителем», что уже несет в себе зерно того содержания, которое будет вложено в его образ в последующие века.

В «Законах Ману», в разделе, где поясняется, в каких органах и функциях человеческого тела проявляются те или иные божества, предлагается усматривать манифестацию Вишну в движении. И больше в этом памятнике имя Вишну нигде не встречается. Но постепенно в других памятниках древнеиндийской литературы он начинает занимать все более значительное место, все подробнее описываются его качества. В эпических поэмах, наконец, он играет уже ведущую роль — в «Махабхарате» перечисляются все его имена и все его деяния и воспевается его воплощение в виде Кришны, а в «Рамаяне» — в виде царевича — героя Рамы, чьим подвигам целиком и посвящено это произведение.

И безудержная народная фантазия создает особые пураны-былины только о нем. Надежду на его приход, с жадностью ожидаемый всеми слабыми, изнемогающими в борьбе с силой властных, алчных, беспощадных, можно свести к простой детской формуле: «Вот погодите, придет Вишну — он вам покажет!» И тысячи преданий, в которых переплетаются самые невероятные вымыслы с историческими событиями и фактами, повествуют о том, что именно сделает Вишну с жестокими и несправедливыми, когда воплотится на земле в разных видах и качествах.

В каких же именно?

Прежде всего в уже навеки присвоенном ему качестве всепроникающей благодати, существовавшей еще в форме Нараяны, т.е. «Пребывающего на воде (мирового изначального океана)». Считается, что эту форму, т.е. бога, спящего на кольцах змеи — олицетворения вечности, — которая качается на волнах океана, он принимает каждый раз, когда заканчивается очередной цикл развития мира и жизнь истребляет саму себя в огне и

дыме, чтобы вновь начать развиваться из первозданного яйца в глубине вод.

Воплощения Вишну называются в Индии словом «аватара». В большей части памятников утверждается, что их всего десять: рыба, черепаха, вепрь, человеко-лев, карлик, брахман-воин по имени Парашурáма, герой-царевич по имени Рáма, богочеловек Кришна, божественный мудрец Будда и Кáлки-всадник на белом коне.

Наиболее древние мифологические представления отражены в первых четырех аватарах, так как, очевидно, именно они хранят следы первобытного тотемизма. Позже возникли мифы, наделяющие аватар высокой сущностью всевидящих мудрецов и духовных владык. В Индии существует и такая философски-био-

Бог Вишну-Нараяна покоится на спине извечного змея Шешы

логическая трактовка аватар: рыба была наиболее ранним видом позвоночных, затем появились земноводные (черепаха), затем теплокровные животные (вепрь), затем нечто человекообразное, но еще зверь (человеко-лев), вслед за ним стала развиваться собственно человеческая сущность, которая была сначала весьма мала (карлик), а потом, хоть и выросла, но оставалась еще исполнена дикой силы и ярости (Парашурáма, который залил кровью всю землю, избивая воинов), затем постепенно начали расти человеческий дух и, с его высокими качествами, крепнуть и развиваться мысль, и это уже отражено в последних аватарах

Мне думается, что такая трактовка наиболее интересна и, вероятно, стоит ближе всего к истине, показывая, как в коллек-

тивной памяти человечества отразилась в символических образах его собственной истории, начиная от зарождения жизни в океане. С этим можно соглашаться и можно спорить, но все же это объяснение аватар, безусловно, привлекает к себе внимание.

Итак, рыба. Что же говорится в преданиях об этом воплощении Вишну? Какими мифологическими красками рисуется эта аватара? Что скрывает в себе простейший образ рыбы?

Некогда жили Ману — прародители человечества. И один из них обнаружил однажды в воде, принесенной ему для омовения, маленькую рыбку. Она попросила его человеческим голосом не губить ее, а помещать по мере роста во все большее и большееместилище воды. Так Ману переносил рыбу из маленьких сосудов в большие, затем — в пруд, в реку и, наконец, в океан, и рыба сказала Ману, что скоро настанет всемирный потоп, и он должен построить корабль и взойти на него, взяв с собой семена всего сущего на земле (по другим вариантам — также мудрецов и священные книги). И когда вода залила землю, губя все живое, огромная рыба, имеющая рог на голове, приплыла к кораблю Ману и велела ему змеем привязать корабль к ее рогу. И она носила корабль по волнам и оберегала его до тех пор, пока вода не схлынула и не очистилась суша для новой жизни.

Так в завуалированной и косвенной форме излагается мысль о том, что сначала была рыба, без которой немислимо зарождение жизни на суше, очистившейся от воды (не имеет смысла напоминать о том, что аналогичная легенда существует у многих народов).

Бог Вишну в образе рыбы
(рис. читракара из штата Ориссы)

Бог Вишну в образе вепря
(VIII в н э) Британский музей

великих эпох существования мира. Всего их четыре. Первая — сатья-юга, или крита-юга — эпоха истины, в которую люди жили за счет плодов земли; вторая — трета-юга, в которую принципы справедливости и равенства стали нарушаться, и люди начали стараться снискать милость богов жертвоприношениями; третья — двапара-юга, в которую справедливости и правды

Вторая аватара — черепаха, то есть земноводное. В этой форме Вишну погрузился в океан, чтобы спасти то, что погибло во время потопа. В качестве черепахи он служил опорой для горы, которой боги пахтали молочный океан.

Третья аватара — вепрь (млекопитающее). В этом виде Вишну извлек из воды сушу, которую туда вверг могущественный демон. Тысячу лет сражался с ним Вишну, затем, наконец, убил его.

Четвертая аватара — Нарасинха, т.е. человеко-лев, терзавший грешников. Это уже получеловек.

Эти четыре аватары индийская религиозная философия связывает с первой из так называемых юг —

Бог Вишну в образе человеко-льва
терзает грешника

вполовину убавилось, а ритуальных церемоний во много раз прибавилось, так как возросли алчность и стяжательство; четвертая — кали-юга, или современная эра, где осталась только одна четверть правды, а чем дальше, тем ее делается все меньше, и человечество погрязло в грехах и болезнях. Все юги вместе составляют, по подсчетам древнеиндийских философов, 4 320 000 лет. Затем мир гибнет, и через некоторое время все начинается сначала.

Во второй юге перед лицом могущественного царя асуров по имени Бали, чья сила стала уже угрозой для богов, появляется пятая аватара Вишну — карлик — и просит у него столько пространства, сколько можно покрыть тремя шагами. (Это образ уже человека, но еще как бы не полностью развившегося.)

Шестая аватара — Парашурама. Она описывается в эпосе в сравнительно поздний период — в середине и конце I тысячелетия до н.э.

Образ Парашурамы говорит уже о сословном делении общества, о формировании сословий брахманов-жрецов и кшатриев-воинов, которые враждовали друг с другом. Парашурама — брахман-воин, т.е. продукт той эпохи, когда функции патриарха-совершителя ритуальных церемоний и молений от имени всей своей семьи еще не отделились от функции патриарха-охранителя семьи силой оружия. Мужчина в ранневедические времена был одновременно и жрецом и воином. В поздневедической литературе мы уже видим четкое разделение обязанностей жреца-брахмана, в чьих руках сосредоточилась духовная власть и право поучать других и служить связующим звеном между миром людей и миром богов, и воина-кшатрия, правящего людьми, защищающего их и завоевывающего земли и богатства. Борьба

Бог Вишну в образе карлика.
Храмовая скульптура

Металлическая статуя Будды
(V в н.э.)

между светской и духовной властью отражена во многих памятниках устной и письменной литературы I тысячелетия до н.э. Парашурама — брахман, топором изрубающий тысячи кшатриев, является воплощением отживающей свой век касты жрецов-воинов, оформляющихся в мирное сословие проповедников Вед и советников царей-кшатриев. Только теперь уже советников, не имеющих права братья за оружие.

И вот седьмая аватара, Рама, царевич и кшатрий, великий и несравненный воин, жизнь которого воспета в «Рамаяне», встречается с Парашурамой и, судя по преданию, оказывает ему знаки глубокого уважения, умеряет его гнев и заставляет его принять как свершившийся факт установление власти кшатриев при условии, что они всегда бу-

дут почитать и охранять брахманов.

Описаниями восьмой аватары — бога Кришны — буквально насыщена «Махабхарата», ей посвящено совершенно необозримое количество памятников древней и средневековой индийской литературы на всех языках страны.

И о Раме и о Кришне я более подробно расскажу ниже, а сейчас закончим перечисление аватар.

Будда — девятая аватара — был включен, по общему мнению, в пантеон индуизма для того, чтобы принять в лоно этой религии реформаторское, во многом антибрахманское вероучение буддизма.

А десятой аватаре — Калки, по учению вишнуитов, еще предстоит появиться в этом мире.

Здесь вкратце расскажем о Раме, любимом герое всей Индии, объекте поклонения, воплощенном идеале царской власти, победителе зла, образцовом сыне, брате, муже.

Его имя входит в качестве составного элемента в названия многих городов и деревень, в имена людей и священных коров. Словосочетание «рамрадж» является приветствием и вместе с тем краткой молитвой, повторяемой много раз на дню по всякому случаю, и клятвой, и божбой. Словосочетание «рамрадж», постоянно встречающееся в газетах и в речах политических деятелей, означает царство справедливости, правильный способ управления государством, мудрую политику и переводится буквально как «царство (правление) Рамы».

Герой Рамаяны Рама (рис С Потабенко)

Предводитель союзного Раме обезьяньего войска по имени Хануман, которого народная фантазия наделила невероятной физической силой и даже способностью летать по воздуху быстрее мысли, тоже объект религиозного поклонения. Его изображения в шлеме, доспехах и с булавой в руке, обычно покрытые красной или черной краской, украшают улицы, стоят в часовнях и храмах как вишнуитских, так и шиваитских.

Предводитель союзного Раме обезьяньего войска по имени Хануман, которого народная фантазия наделила невероятной физической силой и даже способностью летать по воздуху быстрее мысли, тоже объект религиозного поклонения. Его изображения в шлеме, доспехах и с булавой в руке, обычно покрытые красной или черной краской, украшают улицы, стоят в часовнях и храмах как вишнуитских, так и шиваитских.

В Индии много храмов и специально посвященных Хануману, куда во вторник — День Ханумана — приходят толпы молящихся. Центральное место на алтарях этих храмов занимают фигуры Рамы и Сйты, а также одного из братьев Рамы — Лакшмана, тоже последовавшего за ним в изгнание. А сам Хануман чаще всего присутствует в этой скульптурной композиции как фигура с молитвенно сложенными ладонями, преклонившая колено у их ног.

Есть и храмы Ханумана, где живут священные обезьяны. Паломники их кормят и дают им деньги. Обезьяны ведут себя

Бог-обезьяна Хануман призывает к битве
(рис. С. Потабенко)

очень агрессивно, настойчиво требуя подачек от всех входящих. Поэтому гилы, приводящие экскурсантов, всегда берут с собой палку, чтобы не дать священным животным укусить кого-нибудь из туристов.

Перед входом в каждый храм, а в обезьяньи храмы особенно, продают на круглых металлических или картонных тарелочках или просто на больших листьях сладкие шарики из теста, творога или риса, порошок шафрана, цветы, кусочки кокосовых орехов и арахис. Молящиеся берут их, вносят в храм, с молитвой отдают жрецу, сидящему возле изваяния божества, а к подножию изваяния кладут деньги.

Иногда тут же ставят маленькие зажженные масляные светильники. Жрец со словами молитвы подносит божеству жертву, делая перед ним кругообразные движения рукой с тарелочкой. после чего, взяв часть продуктов, отдает остатки приносящему. и тот выходит из храма. В этом чаще всего состоит весь обряд почитания божества, и иногда можно видеть, как выстраивается у храма длинная очередь, медленно продвигающаяся для совершения описанной церемонии (мужчины — в одной очереди. женщины с детьми — в другой: даже в храмах они не должны прикасаться друг к другу).

Храмов, посвященных собственно Раме, в Индии почти нет. Обычно его изображение помещают в храмы Вишну, Ханумана или Кришны.

23. БОГ — ПОБЕДИТЕЛЬ ЗЛА

В дни осеннего праздника Дасэры разыгрываются сцены из великого эпоса Индии — «Рамаяны», эпоса, созданного не менее двух-трех тысячелетий назад...

— Двух-трех тысячелетий? — спросит меня читатель. — Вы так приблизительно оперируете тысячелетиями?

— Да. А что ж делать? Наука не в силах пока более точно определить датировку многих памятников индийской литературы, а они порождались самой жизнью народа.

...Рама, который почитается как аватара Вишну, был старшим, самым сильным, самым прекрасным и благородным из четырех сыновей, подаренных великому царю Дашарáтхе его любящими женами. Старшая из цариц была матерью Рамы, и по велению древнего закона он, и только он, должен был стать наследником престола. Отец его, царь царей земных, пресветлый и справедливый государь, ощутив, что близится неминуемая старость, что руки его слабеют и готовы выпустить бразды правления, принял решение возвести сына на престол еще при своей жизни. Узнав об этом, народ с ликованием стал готовиться к торжественному дню коронации юного героя, безмерно любимого всеми. В едином порыве радости слились все люди земли — воины и жрецы, пастухи и пахари, ремесленники и водоносы, метельщики и брадобреи. В честном воинском состязании женихов Рама завоевал руку царевны Сýты, самой прекрасной среди женщин земли, и привел ее в свою столицу, озарив всю страну светом нового счастья. Приближался день коронации, и не было предела всеобщему ликованию.

Но недолго продолжалась эта радость. По следам счастья шло горе, мера которого превысила всякие пределы. Младшая жена престарелого Дашарáтхи, побуждаемая демонами зла, бесчисленной армией которых в этом мире правил десятиголовый Рáвана, владыка ненависти, взбунтовалась против воли своего повелителя. Она вырвала у него обещание возвести на трон ее сына Бхáрату, а Раму, светлого героя, изгнать из страны.

Как только весть о том, что его отец дал своей младшей жене такое обещание, коснулась слуха Рамы, он, исполненный благородства, сам уступил Бхарате трон и добровольно удалился в изгнание на долгие годы.

Сцена из «Рамаяны» — брат Рамы
Лакшман отрубает нос злой демонице
(Сев Индия, V в н э)

Не будучи в силах вынести даже мысль о разлуке с мужем, ушла вместе с ним и Сита — пример всем женам, которые жили и будут когда-либо жить в этом мире, а вслед за ними обоими покинул дворец и самый преданный Раме из трех его братьев, Лакшман, решивший посвятить свою жизнь служению Раме. Над их головами сомкнулись своды непроходимых дебрей, колючие лианы заплели тропинки, по которым прошли их стопы. черная пелена горя накрыла страну...

— Послушайте, а вы уже видели, как подготовили площади Дели к празднику Дасэры? — спросили меня мои индийские друзья.

— Нет еще. Все как-то времени не выберу съездить.

— Да как же это можно? Ведь сегодня первый день праздника. Уже начнут играть «Рамаяну». Куда хотите поехать?

— Вот уж это не мне решать. Куда повезете, туда и поеду.

Начался спор. После оживленнейшего обсуждения было решено, что на день-два надо — «во что бы то ни стало!» — съездить в штат Пенджаб, где город Лудхиана славится процессиями и представлениями «Рамаяны», затем побывать поочередно на любительских спектаклях студентов и выступлениях разных трупп народного театра, затем посмотреть балет «Рамаяна» в Центральной делийской школе танцев, последние дни праздника провести на главной площади Дели, которая так и называется «Рам-лила-граунд».

«Ну и программа!» — подумала я про себя, с великим облегчением вспомнив, что сейчас стоит октябрь и поэтому можно хотя бы не опасаться теплового удара.

И вот мы в Лудхиане.

Лудхиана бурлила. Казалось, все до единого жители города были на улицах, украшая их флагами, гирляндами фольговых, бумажных и живых цветов, картинами, изображающими героев эпоса. Ни проехать ни пройти было нельзя. Мы, ведомые активистами местного отделения индийско-советского культурного общества, с трудом проталкивались, наверное, не меньше двух часов сквозь бурлящую радостную толпу, мимо стиснутых ею моторикш и велорикш, священных коров и быков, телег, колясок и автомобилей. Возбужденно орущие мальчишки в таком множестве вертелись под ногами, что казалось, вся толпа идет по их головам. Кто-то из сопровождавших меня друзей тащил мою кинокамеру, кто-то нес фотоаппарат, о съемке нечего было и мечтать.

Наконец, вырванная из тисков толпы чьими-то сильными руками, я очутилась на высоком помосте, нос к носу с многочисленной группой полицейских, оттеснявших зрителей от менее многочисленной группы участников готовящегося представления.

Вздохнув полной грудью и оглядевшись, я увидела то, ради чего приехала сюда: подготовку парада «Рамаяны», парада Дасеры. Вдоль всей улицы стояли помосты, или, вернее, платформы, смонтированные на шасси грузовиков, легковых машин и на повозках всех видов и родов. А на этих платформах, нарядно убранных и увитых гирляндами цветов, были воздвигнуты дворцы, троны, деревья и хижины — словом, все декорации «Рамаяны». А моторы машин скрывались под изображениями упряжек вздыбленных серебряных коней, или гигантских птиц, или каких-то фантастических существ. Все сверкало, пылало, блестело, переливаясь под солнцем всеми оттенками красок. И хотя до вечерней процессии было еще далеко, участники ее, одетые и загримированные, сидели по своим местам, чтобы толпы людей могли их созерцать.

И конечно, центром всеобщего внимания, сюжетным и эмоциональным центром процессии были Рама, Сита и Лакшман.

Я с удивлением увидела, что это три маленькие фигурки, тихо сидевшие на самой скромной из всех этих ярких бутафорских колесниц.

После того как я столько раз читала «Рамаяну», написала пьесу на ее сюжет и даже после того как эта пьеса стала идти на сцене Центрального детского театра в Москве, где взрослые артисты великолепно воплотили на сцене героев этого великого эпоса, я была поражена, увидев в Индии эти три почти незаметные фигурки среди блестящей плеяды остальных участников показа «Рамаяны».

— Да ведь это же дети! — удивилась я. — Дети, да?

— Да, да, их у нас в процессии играют только дети.

— Да почему же? Ведь остальные все вокруг них взрослые, разряженные, бородастые, большие, яркие, а этих, главных-то, почти и не видно!

— Нельзя, чтобы таких чистых героев играли те, кто ощутил прикосновение греха. В наших народных представлениях, в наших Рам-лилах, этих троих обычно играют мальчики, только чистые мальчики.

И тогда я обратила внимание на то, что вся толпа людей тяготела именно к этой платформе, на которой неподвижно сидели на своих не то тронах, не то стульях три тихих ребенка. Им нельзя было на вид дать больше восьми-девяти лет, да, видимо, больше и не было. Рассматривая с интересом и часто со смехом персонажей, сидевших на других платформах, люди становились серьезными и сдержанными, подходя к этой, главной. Боль того, такого давнего, изгнания, скорбь, рожденная проявлением высокого благородства, готовность на муки во имя самоотверженной любви — все, что, если верить легенде, миновало несколько тысячелетий назад, но не забыто индийцами и по сей день, заставляло сжиматься их сердца от искренней боли, восхищения и преклонения перед теми, кто воплощал для них в дни Дасеры главных героев «Рамаяны». К их ногам бросали полные горсти цветочных лепестков, с любовью всматривались в их лица, со слезами целовали края платформы и обвивавшие ее гирлянды цветов.

...Поселившись в лесной хижине, три юных отшельника мирно проводили свои дни. Но повелитель мрака десятиглавый демон Равана открыл их убежище. Один из его демонов, превратившись в золотого оленя, хитростью увел за собой Раму и Лакшмана далеко в лес, а исполненный коварства Равана умчал в это время беззащитную Ситу на своей воздушной колеснице в далекие пределы своего царства, на золотой остров Ланку. Истерзанные горем братья долго бродили по глухим лесным зарос-

лям в поисках похищенной Ситы, пока не встретились с народом обезьян. Заключив союз с их царем Сугривой и главным их полководцем, непобедимым и мудрым Хануманом, сыном бога ветра, они вместе двинулись дальше. К ним присоединился и могучий народ медведей, и вот все вместе они вышли к синим просторам океана. Вдали в лучах солнца маняще сверкала недосягаемая Ланка, но бездна вод казалась неодолимой. И тогда к Раме, погруженному в печальное раздумье, подошел Хануман и сообщил, что он, величайшая и сильнейшая из обезьян земли, умеет летать быстрее мысли и времени и сейчас же очутится на Ланке.

В следующий миг он уже опустился в саду Раваны и обещал Сите, тоскующей в заключении у жестокосердного демона, скорое освобождение. Он стал вырывать с корнем деревья в этом саду, бросил в лицо Раване вызов на бой, поджег его богатый город и скрылся в небе прежде, чем демоны успели понять, что им теперь уже не избежать встречи с противником, который во много раз сильнее их...

В антракте меня вывели на высокий помост на огромной площади Рам-лилы и поставили перед микрофоном, чтобы я сказала что-нибудь этому беспредельному морю людей, которое открылось передо мною.

Сначала я онемела от такого зрелища, а потом, набравшись сил и храбрости, сказала всем пришедшим на эту площадь, что сейчас, в эти самые дни индийского всенародного праздника, в далекой Москве наш народ тоже смотрит «Рамаяну», что она идет в театре, где многие тысячи зрителей уже смогли увидеть, как индийский народ воплотил в своей прекрасной легенде идеи

Десятиглавый демон Равана
(рис. С. Потабенко)

борьбы добра и зла и свою веру в торжество справедливости. Я сказала им, что я являюсь всего только автором этой пьесы на русском языке, а главная заслуга принадлежит постановщику Валентину Сергеевичу Колесаеву и, конечно же, актерам, сумевшим воплотить на сцене образы поэмы, бесконечно удаленной от них во времени и пространстве.

...И снова на помосте низкодушный Равана выпрашивал у Ситы хоть капелючку любви. Его мольбы сменялись угрозами, а за угрозами снова следовали униженные просьбы, но Сита была непреклонна, и перед ее взором стоял только образ ее Рамы, ее мужа, ее земного бога.

Сита — воплощение идеала женственности, образец для подражания, который с детства ставится в пример каждой индий-

ской девочке. Сита, нежная, верная и страдающая жена, стойко переносящая тяжкие нравственные муки, заставляла плакать не только женщин, пришедших на площадь, но и мужчин.

Когда на сцену ворвался Хануман и начал выкорчевывать сад Раваны, все стали неистово бить в ладоши, кричать, прыгать от восторга. Настроение толпы заражает, нельзя устоять перед его захватывающим натиском. Но как только я открыла рот, чтобы вместе со всеми закричать от восторга при виде Ханумана, мои спутники быстро зашептались о чем-то, а потом обратились ко мне:

— Нам пора уходить. Скоро утро, надо успеть на поезд в Дели.

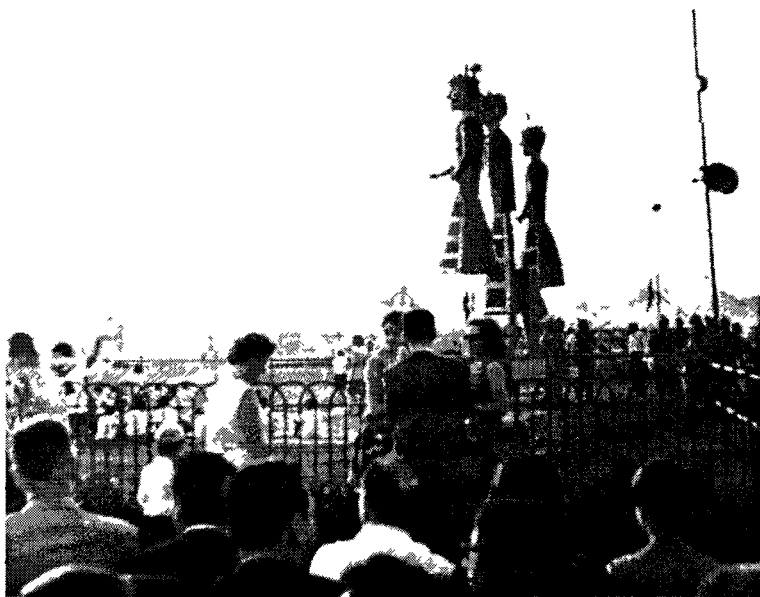
Чеканный сосуд из серебра — сцены из «Рамаяны» Наверху бог-обезьяна Хануман

— Ах, какая досада! Ну давайте подождем только пока на Ланке появится Рама.

— Нет, нет. Это будем смотреть уже в Дели. Скорей, а то не успеем.

К счастью, вокзал был близко, и дежурный задержал поезд, увидев, что мы бежим по перрону.

А в Дели-то, в Дели все население города, казалось, собралось к площади Рам-лила-граунд. Да там их к тому же две. Мы просто не знали, куда спешить, где будет интересней, еще надо было хоть на миг забежать в студенческие театры и во дворы, где тоже все, кто только мог, по мере сил играли, читали и распевали «Рамаяну».

Эти чучела демонов сгорят в конце праздника Рам-лилы
(г Дели. Рам-лила граунд)

На каждой из площадей возвышались, почти касаясь головами неба, огромные фигуры демонов — самого Раваны, его брата и сына, — сделанные из бамбука и наряженные в яркие бумажные костюмы. После завершения всего представления «Рамаяны» их предстояло всенародно сжечь, и толпа с нетерпением ожида-

ла мига, когда эти гигантские факелы начнут полыхать на ночных площадях.

И они запыхали. Мальчик, игравший Раму, туго натянув лук, пустил стрелу в грудь Раваны, а стоявший у подножия огромной фигуры электромонтер включил систему зажигания, и все демоны запылали, залив небо, толпу и весь народ блеском и сверканием, наглядно подтверждавшим, что правда восторжествовала.

Не успеет отзвенеть по стране Дасера, как наступает новый праздник — Дивали, или Праздник огней.

Как-то я сидела у окна в своей комнате за письменным столом и что-то писала, как вдруг под самым окном раздался громкий выстрел. А вслед за ним — целая очередь новых оглушительных выстрелов. По стенам комнаты и по саду замечались какие-то фантастические вспышки и отблески.

— Дивали! Дивали! — донеслись из сада радостные возгласы, и я поняла, что открылась серия фейерверков, которая будет длиться до утра.

Необыкновенное это зрелище — ночь Дивали в Индии! По всем балконам, заборам и по краям крыш трепещет пламя множества масляных светильников. Дома богатых людей и официальные здания сияют гирляндами электрических ламп. А над черной глубиной рек скользят тысячи крохотных лодочек, несущих на себе глиняные светильники. Нежные язычки пламени плывут во мраке, вздрагивая и отбрасывая в темную воду легкие и яркие отблески, как утверждение своей победы над ночью.

А что делается в садах и на улицах, даже не опишешь! Нигде в мире, вероятно, пиротехника не достигла такой высоты, как в Индии. Задолго до праздника самым ходким товаром в лавках является «потеха» — невзрачные на вид картонные коробочки самых разных форм и размеров, в которых скрыта неземная сила, порождающая в нужный час ракеты и фейерверки любого вида, любой силы и яркости.

Каждая из них имеет свое название, и вы можете выбрать, например, такую, которая будет огненной змеей долго извиваться по земле вокруг ваших ног, или такую, которая, подпрыгнув несколько раз как горящий шар, с треском взойдется в ночное небо и рассыплется там снопом разноцветных искр, или такую, которая будет метаться низко над землей в космах огненных прядей, — словом, любую, или, вернее, любые. И мо-

жете поджигать их одну за другой или все вместе и любоваться их игрой и час и два — насколько хватит желания (и денег на их покупку).

Вот что такое Дивали, который празднуется осенью в память того дня, когда великий и непобедимый Рама, одолев зло и неправду, вернулся в свою родную страну и потом правил в ней много лет мудро и справедливо...

Всем, кому посчастливится побывать в Индии, я бы от души посоветовала выбрать для этой поездки октябрь и ноябрь.

24. СВЕТЛЫЙ ОБЛИК ЧЕРНОГО БОГА

Кришна, тоже считающийся аватарой Вишну, ни в чем не похож на Раму, даже прямо противоположен ему почти во всем. Имя его «Кришна» означает «Черный», и он чаще всего изображается черным или темно-синим. Судя по всем легендарным и мифологическим данным, Кришна не был арьем по происхождению. Он вырос среди пастухов и стал всеобщим баловнем. Будучи озорником и затейником, он придумывал для других пастухов всяческие шалости, обрызгивал их красками и больше

Девушки-гопи несут бога Кришну и его подружек (инд. рисунок)

всего любил с их помощью таскать у своей приемной матери свежесбитое масло.

В дни весеннего праздника Хóли в Индии разыгрывают сцены из детства Кришны и раскрашивают друг друга во все цвета в память о его любимой забаве. С этим же праздником связано и много действий, с точки зрения прежней западной морали крайне непристойных. В городах женщины ведут эту игру красок в пределах своего дома или двора и обычно не появляются на улице, потому что повсюду толпами ходят молодые мужчины, выкрикивающие куплеты и песни, недвусмысленно повествующие о том, как Кришна любил юных пастушек и насколько сладостны были им его ласки.

Юный Кришна воспринимается уже и в качестве божества любви и считается покровителем размножающегося скота. С

Кришной-пастухом связывается в религиозном сознании народа представление о священном животном — корове.

Из всех пастушек он пламенной всего любил одну по имени Рáдха, и их любовное слияние воспевается в вишнуитской религиозно-эротической литературе как слияние человеческой души с божеством. Надо сказать, что в числе создателей этой ветви индийской поэзии было много женщин. Особенно прославилась поэтесса XVI века Мира Бáи, рано овдовевшая и излившая всю свою тоску о любви в прекрасных стихах, посвященных Кришне.

Ему, представляющему собой аватару Вишну, приписываются и разные подвиги в одолении зла, в борьбе за справедливость. Еще будучи мальчиком, он убивал и побеждал разных демонов и помогал народу жить счастливо.

Кришна и Радха (слоновая кость)

Кришна чаще всего воспевается именно в этих своих проявлениях. Нет числа памятникам поэзии, рассказывающим о нем, любимом и любящем, нет числа произведениям изобразительного искусства, главным образом — миниатюрам, посвященным его детству и юности, его играм с пастушками и встречам с Радхой.

Флейта у губ и павлиное перо на голове — вот атрибуты, по которым Кришну всегда легко узнать на картинках, фресках или миниатюрах, среди фигурок из дерева, слоновой кости, глины, металла.

О нем сложено и множество славящих его гимнов, называемых бхаджаны, которые верующие пели — и поют сейчас — и в храмах, и в домах или во дворах. За последние годы широко распространилось на юге Индии, в Мадрасе, движение за исполнение бхаджанов, стали создаваться особые организации, возглавляемые выборными лицами, причем во время этих выборов идет настоящая политическая борьба за голоса избирателей. В ней находит выражение рост националистических тенденций. Например, тамилы — исконные жители Мадраса — требуют, чтобы бхаджаны звучали только на их родном языке тамиль, а не на санскрите или каком-либо другом языке. Однако движение растет и ширится, и уже в самом городе Мадрасе бхаджаны можно услышать в концертах, причем приглашаются выдающиеся артисты.

У Кришны есть и еще один облик, нашедший отражение в «Махабхарате». Это принца темнокожего доарийского народа ядавов, воин, герой и великий дипломат, выступающий в эпосе в качестве главного друга положительных героев — пяти братьев Пандавов — и их опоры в борьбе с враждебными им их двоюродными братьями, Кауравами.

Беседа Кришны с одним из Пандавов по имени Арджуна, который перед самым началом битвы отказался убивать своих кровных родственников, составила одну из самых известных частей поэмы, называемую «Бхагавадгита» или просто «Гита». Кришна красноречиво и убедительно доказывает Арджуне одно — цель оправдывает средства. Для того чтобы принести плоды, дерево должно прорасти сквозь грязь, которая питает его корни. «Гита» вошла в мировую литературу как один из ценнейших памятников — она насыщена интересными риторическими приемами, неожиданными поворотами мысли, гибкими отвле-

Сцена из Бхагавадгиты — Кришна зовет к победе, проявляя свою божественную сущность (рис С Потабенко)

ченными построениями и философскими доказательствами, примиряющими непримиримые вещи.

Таков бесконечно многообразный образ бога Вишну в представлениях индусов, в их искусстве и литературе, образ бога, охраняющего добро и закон.

На Джамне стоит Матхура — город-сказка, город-легенда, город, насыщенный преданиями до такой степени, что кажется, будто их слова, материализовавшись, образовали стены его домов и храмов.

Матхура — город Кришны, самого популярного из всех индийских богов, Кришны-бога, Кришны-возлюбленного богинь и смертных женщин, Кришны-Леля.

Сильна народная любовь к этому многогранному, многоликому, противоречивому и, может быть, именно из-за этого такому привлекательному и по-человечески разнохарактерному божеству.

Итак, «черный» бог? Мог ли он появиться в Индии в эпоху нашествия арьев, светлокожих кочевников?

Видимо нет. Но судя по многим источникам, арьи поклонялись ему.

Очевидно, они рано встретились в Индии с сильным и распространенным культом некоего бога, которого местное население сотворило темнокожим по своему образу и подобию. Мы не знаем его давнего, исконного имени, но знаем, что он был известен в пантеоне арьев главным образом под именем Кришны (и еще под тысячей имен).

И дело, если судить по преданиям, было, возможно, так. Некий арийский правитель по имени Кánса воцарился в области

современной Матхуры, на реке Джамне. Воцарился в окружении местных народов и, пытаясь примирить их, решил заключить династический брак, отдав свою сестру по имени Деваки за одного из местных князьков. И забыл — или не знал? — о том, что у этих местных народов действовал обычай, некогда порожденный матриархатом, — обычай, по которому имущество и общественное положение мужчины наследовал не его сын, а сын его сестры. Но, узнав, приказал своевременно убивать детей от этого брака, чтобы дело не дошло до захвата его трона одним из них.

Легенда говорит, что Кансе было предсказание, из которого он узнал об ожидающей его опасности со стороны сына его сестры. И тогда прекрасная Деваки была заключена в темницу, а детей ее безжалостно лишали жизни. Но когда родился Кришна — избранник богов, жестокие стражи были охвачены сном, и отец мальчика беспрепятственно вынес его ночью из темницы. Когда он пришел на берег Джамны, воды реки расступились, чтобы пропустить его на другую сторону, и он унес сына к пастухам и отдал им на воспитание.

И вот с этого момента вокруг имени Кришны сплетается такая сеть мифов, притч, преданий и поверий, что и одну сотую их долю пересказать невозможно.

Тут следует уделить внимание некоторым деталям сюжета легенд о рождении и детстве Кришны. Сообщение о пророческом предсказании Кансе насчет захвата его трона племянником четко указывает на то, что Канса, бывший этническим арьем и знавший только практику прямой преемственности власти сыном от отца (что было свойственно патриархальным арьям), но мог примириться с возможным водворением на трон племянника.

К тому же этот племянник был порожден темнокожим Васудэвой, представителем доарийского народа ядавов, враждебность которых к арийским правителям преодолевалась с трудом.

Отец новорожденного Кришна видел, что мальчик унаследовал от него темную окраску кожи, и он, происходивший сам из правящей семьи ядавов и будучи царедворцем при Кансе, понимал, что скрыть своего сына от Кансы ему удастся только путем внедрения его с первых дней жизни в среду светлокожих арьев, где ребенок будет числиться их сыном, затерявшись в числе множества их детей.

Предание о пророчестве является просто выдумкой, «литературным приемом», поясняющим решение Васудевы спрятать своего сына, бывшего, по доарийским законам матриархальных ядавов, потенциальным претендентом на наследование власти брата своей матери.

Историки, видимо, никогда не узнают, как была достигнута дипломатическая договоренность Васудэвы с Нандой, вождем племени (или группы), занимавшегося на другом берегу Джамны традиционным для арьев скотоводством. Во всех преданиях и мифах о Кришне подчеркивается именно то, что его детство протекало в семье светлокожих приемных родителей среди пастушат, всегда изображаемых в виде заметно отличающихся от него детей белого облика.

Типичным приемом создания легенды о рождении Кришны служат указания на то, что другая жена Васудэвы родила белокожего ребенка, фигурирующего во всех вариантах преданий как брат Кришны и часто изображаемого рядом с ним как ус-

ловный символ примирения и объединения белых богов арьев и черных божеств доарийских народов.

Характерно то, что Кришна предстает почти во всех извещениях народной и профессиональной живописи в виде фигуры черного или, как условный вариант, синего цвета, а его брат, известный под именем Баладэвы (или Баларáмы) — обязательно в виде белой фигуры.

Об идее необходимости примирения разноэтнических культов свидетельствует и мифическое повествование о том, что бог Вишну, решивший сойти на землю в виде своей восьмой аватары —

Младенец Кришна у груди приемной матери Бенгальский лубок

Кришны, вложил два своих волоска, черный и белый, в лоно двух супруг Васудэвы.

Кришну часто называют богом женщин. И это верно. Все рассказы и песни о его детстве, все изображения сцен из его детства, а также фигурки Кришны в виде маленького голого ребенка-ползунка вызывают в сердцах индийских женщин прилив умиления и материнской любви. В доме каждой без исключения индусской семьи на домашнем алтаре вы найдете эти фигурки из бронзы или меди. Они бывают совсем маленькие, и их можно купить за бесценок на базаре, а бывают и большие, прекрасно выполненные и украшенные поддельными, а иногда и настоящими драгоценностями, и тогда их могут приобрести только очень богатые люди.

Помню, как в одном доме молодая хозяйка показывала мне свою коллекцию декоративных фигурок и свой домашний алтарь. А потом открыла дверцу маленького стенного шкафчика, и там я увидела игрушечный столик с едой на крохотных тарелках, а возле него кроватку, в которой на вышитой подушке и под вышитым покрывалом покоился маленький бронзовый Кришна. Она достала его из шкафчика, нежно покачала на руках и заботливо уложила опять в постель.

Религия ли это? Или потребность выражать себя при посредстве этих изображений?

В бесчисленных рассказах о любовных похождениях юного Кришны не скрыта ли вечная жажда женщины говорить о любви? В условиях индийской семьи о любви не поговоришь ни до брака, ни тем более после замужества. И возник образ юного бога, возлюбленного каждой женщины, властно призывающего ее страстной мелодией флейты и безотказно стремящегося на зов любви. Возникли рассказы о том, как он похищал одежду у купающихся пастушек, как целовал их под колдовским сиянием луны и вместе с тем был верным возлюбленным прекрасной Радхи, нежной пастушки, к которой стремился неустанно. Возникла особая ветвь литературы, известная под названием религиозно-эротической.

Во всех материалах — в камне и дереве, в роге и кости, в металле и глине — бесконечное множество раз повторяют ремесленники Индии образ бога-флейтиста, стоящего с непринужденно скрещенными ногами, с флейтой у губ и с обязательным павлиньим пером на головном уборе. Его вышивают, ткнут и ри-

суют на тканях, его изображают на стенах домов, этот рисунок лег в основу миниатюрной живописи.

В Матхуре, цитадели кришнаизма, и в близлежащем городке Бриндабáne ежедневно идут в течение многих столетий (а индийцы говорили мне, что и тысячелетий) религиозно-мистериальные представления — рас-лилы, или кришна-лилы. Мне не удалось выяснить, сколько именно трупп играют здесь эти лилы, но, видимо, довольно много, потому что каждый день даются представления то на площади, то у храма, а то и во дворе дома какого-нибудь богатого человека, который может оплатить выступление труппы.

В составе этих трупп только мальчики до 15—16 лет. Они исполняют и женские и мужские роли. Каждая труппа выступает в сопровождении своих взрослых музыкантов и певцов. Певцы распевом и речитативом излагают текст, а мальчики исполняют пантомиму.

Одевание, массаж и наложение грима начинается засветло, задолго до выступления. С приближением темноты артисты настраивают себя, как скрипки, на религиозно-театральное вдохновение, на экстатическое состояние, и, когда спускается вечерний мрак, они появляются при свете ярких ламп во дворе или на помосте, украшенном гирляндами цветов, уже внутренне воплотившись в образы кришнаитских мифов.

Не зная всех тонкостей этого процесса, я попросила мальчика, которому предстояло играть Кришну, сыграть при свете закатного солнца какой-нибудь этюд из предстоящей лилы, чтоб я могла заснять его на киноплёнку. Он отказался, объяснив мне очень серьезно и даже строго: «Я не могу, я еще не Кришна. Не просите меня, пожалуйста». И пришлось мне снимать лилу при лампах, что придало фильму характер таинственности и мистериальности, то есть того, чем, в сущности, и было полно представление. При свете дня этого, вероятно, не получилось бы, так что я осталась даже в выигрыше.

После 15—16 лет мальчики этих трупп становятся музыкантами или гримерами для таких же трупп или изготавливают фигурки Кришны на продажу.

Слово «бриндабан» значит «густой лес», но густого леса там сейчас нет. Есть редкий прозрачный лес вдоль дороги, в котором бродят павлины — птицы Кришны — великолепные яркие синие пятна на блекло-желтом фоне мелкой сухой травы. В

Бриндабана, как и в Матхуре, — храмы, храмы, храмы. В один из них — Золотой — европейцев не пускают, в других, маленьких или больших, я видела нарядные статуи Кришны и Радхи, а на стенах пучки павлиньих перьев.

В Бриндабанае есть прославленный Сад Кришны, воспетый во всей кришнаитской литературе. Я, признаться, ожидала от него большего. Он совсем небольшой и густо зарос колючими путаными кустами. Так и кажется, что под ними должно быть много змей. Сад обнесен высокой каменной стеной.

Многие верят, что Кришна приходит сюда каждую ночь, чтобы встречаться с девушками-пастушками. Рассказывали, что, если кто-нибудь не верящий в это останется на ночь в саду, утром его обязательно найдут мертвым. И якобы так и случилось с одним студентом.

В саду, у самого входа, растет невысокое дерево. На нем небольшая вмятина — говорят, что это след ладошки Кришны-мальчика. Люди приходят к этому дереву, молитвенно кланяются ему, обходят его вокруг и уходят, оставив возле него денежную лепту.

На стенах храмов можно видеть роспись — всевозможные сценки из жизни Кришны. В реке плавают черепахи. Они зеленовато-серые, с длинными лапами. Плавают, тычутся носами в мокрые ступени берега, просят еды. Паломники безотказно кормят их — так повелевает Кришна. И возле храмов, и внутри них, и на их галереях ходят и лежат коровы — стадо бога-пастуха.

А во время праздников, связанных с Кришной, в день его рождения и в веселые дни Холи, все улицы Матхуры заполняют такие плотные толпы людей, что пройти трудно. Богато украшенные волы везут повозки, на которых укреплены огромные щиты с картинами, повествующими о подвигах юного бога-героя, проходят факельные шествия садху, полуобнаженных или почти обнаженных отшельников, с раскрашенными лицами и с высокими пучками волос на голове, в лавочках все ночи напролет торгуют изображениями Кришны, играют лилы — все трупы актеров в эти дни нарасхват.

Особенно ярко протекает Холи в деревне Варсава (или Барсове) недалеко от Матхуры и Бриндабана. Это место рождения Радхи, и здесь протекают настоящие мистериальные игрища, воспроизводящие в очень наглядных символах древние обряды культа плодородия. В их число входит и широко распространен-

ный всюду в Индии, где проводится Холи, обычай осыпания всех присутствующих цветными порошками или поливания подкрашенной (обычно — красной) водой.

Меня очень тянуло посмотреть на тюрьму, в которой, по преданию, родился Кришна, но там сохранился только фундамент, на котором уже несколько веков возвышается мечеть. Сотрудники Матхурского музея сказали, что по соображениям этики нельзя производить раскопки на этом месте, хотя каждый индийский археолог страстно мечтает об этом.

Матхура — это такое средоточие древности, такое напластование столетий, что там сама почва состоит из обломков и остатков разных памятников. Говорят, что во время муссонов дожди постоянно вымывают из земли то старые терракотовые статуэтки, то осколки или головки каких-то каменных фигурок. Значительное количество этих находок попадает на базары и скупается туристами, а некоторые поступают в музеи, и в том числе в Матхурский.

Матхура — один из стыков арийской и доарийской культур, один из городов, где зарождался индуизм, не может не привлечь любого, кто хоть немного интересуется историей этой страны.

25. И ЕЩЕ О КРИШНЕ

На востоке Индии, на побережье Бенгальского залива, расположен штат Орисса. Штат — на стыке культур, порубежье истории. Он соединил на своей земле напластования тысячелетий и быструю поступь новой жизни, смесь всех древних верований и расцвет университетского образования, тысячи храмов и современные предприятия.

Ориссу можно с полным правом назвать самым выразительным штатом Индии, своеобразным демонстрационным залом, где так ощутимо сгустилось прошлое, что сталкиваешься с ним сразу, как только завернешь за угол своего комфортабельного современного отеля.

Широкий золотистый мелкопесчаный пляж сбегает в прозрачную воду Бенгальского залива. Местные жители говорят:

— У нас вода шелковая, а на западном побережье шерстяная.

Город Пури раскинулся на берегу. Невысокие его отели длинной цепью тянутся вдоль пляжа, и восходящее из-за моря чис-

тое-чистое солнце будит постояльцев, пробиваясь сквозь жалюзи и драпировки на окнах.

Так и меня разбудило солнце, я открыла глаза, увидела, что пора вставать, и сразу пошла к морю. Маленькие светлые крабики суетливо бегали по песку, длинные волны океанского прибоя набегали на пляж и с шипением сползали обратно, превращая его во что-то очень плотное и блестящее, в чем отражались, словно в зеркале, все купальщики. А в волнах, на мелководье, прыгали, будто забавляясь, темнокожие спасатели, высматривали и плавники акул, и тех, кто вдруг начнет тонуть. Их «форма одежды» — плотная набедренная повязка и высокие белые колпаки на головах — делали их забавными на вид. Но на личном счету каждого из них было много спасенных людей, и все прибрежные отели нанимали их на работу. Это были люди из касты рыбаков, и жили они, по-моему, с одинаковой легкостью на земле и в воде, плавая ловко и стремительно, как рыбы.

На закате они приносили к отельным пляжам раковины на продажу. Большие, тяжелые, играющие всеми оттенками неба и моря. И нельзя было не купить то за 10 рупий, а то и за 25, поэтому покупали все, в том числе и я. Один из рыбаков сел рядом со мной на песок и, разложив свой заманчивый товар, спросил:

— А хотите раковину бога Кришны?

— Ну, это зависит от ее цены.

— Всего двести рупий.

— Сколько?! Почему же так дорого?!

— Они редко попадаются. И ведь они священные. Приносят счастье. Она завернута налево от оси.

И он протянул мне обычную раковину, похожую на крупный бутон белой розы.

— Да что вы, право?! Их на рынке сотни. И цена им три — пять рупий.

— Нет, мэм са'б, нет. Это не те. У них завиток идет в другую сторону. Подойдите к храму, спросите, вам все скажут, что такие раковины, как моя, попадаютсЯ раз в десять лет. Они священные.

Но не было у меня таких денег, и я отказалась от покупки. Он посидел молча, потом вдруг спросил:

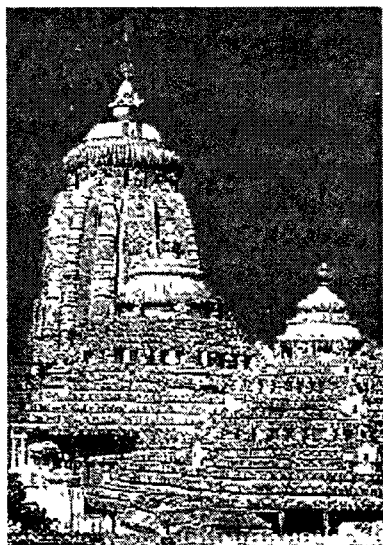
— А хотите, я вас познакомлю с читрака́рами? Они вам покажут, как они рисуют.

— Конечно, хочу. Но как это сделать? Они позволят вам привести меня?

— Да. В их касте у меня много родных. Мой дед был читракаром, но он женился на рыбаке, и его исключили из касты. Теперь мы рыбаки. Но времена меняются, мэм са'б, и наши семьи стали встречаться.

Читрака́ры... Я о них только читала, но ни с одними не была знакома.

Ч́итра — значит «рисование, живопись», а кара — «делатель, изготовитель». Короче — «художник». Издревле в литературе индуизма они упоминались в ряду низких каст ремесленников, хотя из века в век создавали произведения бессмертного искусства — фрески, миниатюры, расписные ткани. Здесь, в Ориссе, и именно в городе Пури, где с XII века стоит храм Кришны — Джаганнатха, то есть Кришны — Владыки мира, и куда со всей страны стекаются миллионы паломников, читракары издревле заняты изготовлением пата, или пати, — ярких картинок-лубков на темы преданий из жизни Кришны.

Храм Кришны-Джаганнатха
в г Пури (штат Орисса)

И на западе страны, и здесь на востоке, известны легенды о том, что он вышел из земли в виде черного или синего камня (не исключено, что такое преклонение мог вызвать камень метеоритного происхождения).

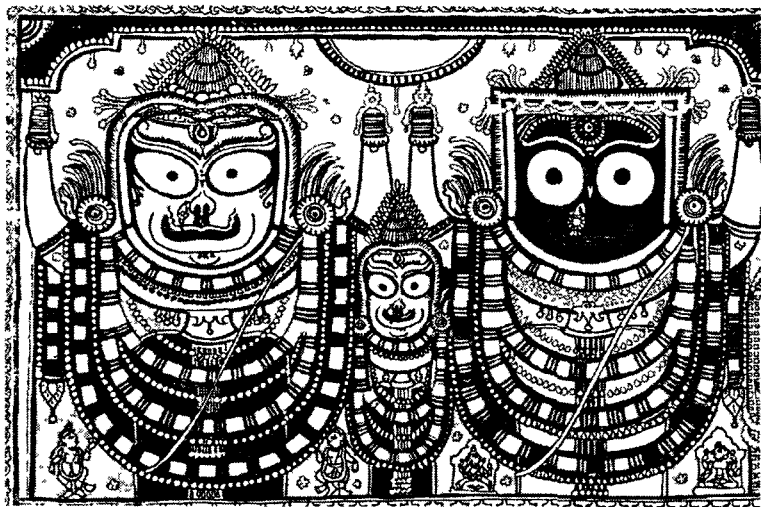
Повсеместно он изображается и воспевается в образе человека. а вот в Ориссе он бывает довольно странным: огромная плоская голова, по сторонам которой торчат две палочки (говорят, что это руки), с телом в форме приплюснутого колокола такого же размера. Иногда ему приделывают коротенькие ножки-подставки; на черном лице — большие круглые белые глаза и красная линия рта.

Вот так выглядит Кришна в образе Джаганнатха.

Однажды я взяла с полки у торговца эту фигуру, а он сразу же подал мне домик-храм с раздвижными дверцами, внутри которого был такой же Кришна и еще две фигуры.

— А кто это с ним рядом?

— Справа от него его сестра, Субхадра. Она всегда бывает желтого цвета. А возле нее брат, Балабхадра. Он обычно белый. И у них обоих, видите, глаза длинные, как лепестки лотоса.

Появление «разноцветных богов» — результат слияния арийских и доарийских религий. Кришна (черный), его брат Баларама (белый) и их сестра Субхадра (смуглая)

— Из чего сделаны эти фигурки? Они тяжелые.

— Из дерева. Разрисованное дерево.

— А в храме, куда не пускают иноверцев, они такие же?

— Да, конечно. Только большие.

— Я не хочу этого домика, дайте мне, пожалуйста, отдельные фигурки.

— Как скажете, мэс са'б.

И я их купила, все эти три странных изображения, называемых в лавках «набор Джаганнатха».

— А кто их расписывает, тоже ваши читракары?

— Да, да. Они все умеют делать. Особенно пата. Вы обязательно должны купить пата. Они все такие разные.

И вот настал день, когда мой друг с пляжа привел меня в дом-мастерскую чित्रакара.

На полу сидел пожилой человек и наносил рисунок на прямоугольный кусок ткани. Обменявшись приветствиями, я стала следить за его работой. На ткани ли он рисовал? Я потрогала лежавшие у стены заготовки, и они мне показались чем-то вроде кусков тонкого линолеума или особого картона.

— Это ткань или линолеум? — спросила я.

— Ткань, только мы ведь ее сначала готовим к росписи. Растилаем на циновке или каменном полу, покрываем слоем клея.

— Какого? Канцелярского?

— Нет. Обычно варим из семян тамаринда, на это накладываем еще ткань и снова слой клея, а потом сушим под солнцем.

— И все? Почему же фон белый?

— Нет, не все. Дробим в муку белый камень, вроде мела, смешиваем ее с тем же клеем и покрываем высохшую поверхность. Снова сушим, а затем наносим клей на обратную сторону. Когда все высохнет, зачищаем пемзой и полируем плоской галькой. Но это уже не мужская работа, это делают женщины семьи. Вот и получаются как пластинка. И тогда можно рисовать.

Он взял небольшую заготовку и точными линиями стал размечать рисунок.

— А чем вы работаете? Это же не карандаш.

— Нет. Это вартика. Мы смешиваем ламповую сажу с густым рисовым отваром и скатываем в палочки. Смотрите, жена сейчас готовит сажу.

Я увидела какое-то небольшое сооружение, тип которого дошел до нас, видимо, из бронзового века. На трех опрокинутых половинках кокосовой скорлупы стояла металлическая тарелка с водой, а под ней в выдолбленной каменной лампаде горело и страшно чадило растительное масло. Сажа столбом летела вверх и прилипала к холодному дну тарелки. Время от времени сидящая рядом женщина снимала тарелку и соскребала сажу, затем меняла воду и ставила снова.

— Чем вы разводите сажу?

— Клеем.

— Только контуры наносите черным?

— Нет, их мы делаем светлыми, а черным красим где надо.

— А другие цвета из чего?

— Для белого цвета толчем сожженные раковины и кипятим с водой, для синего берем индиго, а раньше для этого использовали лазурит, для красного тоже дробим и кипятим с водой красную охру или киноварь, ну и другого цвета камни у нас есть.

— А магазинными красками не пользуетесь?

— К сожалению, большинство уже стали пользоваться такими красками, но старые лучше.

За время нашего разговора на заготовке появился целый сюжет, где я узнала мальчика Кришну, побеждающего демона в виде зубастой змеи. Народная фантазия награждала этого юного героя небывалой силой и всегда обрекала на поражение всех его врагов. А их у него на протяжении всей его жизни было неисчислимое множество, как, кстати, и любящих его женщин. Этот прекрасный образ рыцаря побед и любви много столетий питал творчество поэтов и художников, народных сказителей и артистов.

В тысячах пата отражены все его деяния и приключения. В каждом штате Индии Кришну изображают по-своему, но в Ориссе связанное с ним народное изобразительное искусство расцвело особенно пышно.

— Я вижу в этом бамбуковом стакане много разных кистей. Вы их покупаете или делаете сами?

— Сами делаем.

— Из чего же?

— Да разные есть. Вот эти тонкие — из крыс.

— Из чего?!

— Из шерсти крыс. Их ловят наши мальчишки. Берем волосы только со спинки.

— А эти, пошире?

— С живота козы. А совсем широкие — из шерсти буйвола или с уха теленка. А когда расписываем стены, то пользуемся корнем дерева *киа*.

— Это что такое?

— Индийская сосна, вся закрученная, как винт. У нее корни из волокон, мы их разбиваем камнем. Для картин и для храмовых фигур нужны самые разные кисти.

В храме Джаганнатха существует сложный мистериальный ритуал, близкий и к религиозному, и к светскому театру. Рано утром под гром барабанов деревянных богов будят, символи-

чески омывают, поливая водой их отражения в металлических зеркалах, набрасывают на них красивые ткани, надевают украшения и цветочные гирлянды и показывают молящимся. Богам дают «завтрак», «обед» из 21 блюда и «ужин», а вечером под пение строф из кришнаитской поэмы «Гитаговинда» (XII в.) им предлагают отойти ко сну. Для всех церемоний существуют свои группы *севаков*, то есть «служителей (храма и божеств)».

И в среде читракаров есть тоже особые севаки, а глава касты имеет право изготавливать картины-портреты всех трех божеств к особо торжественным дням, когда верующие в течение двух недель не могут видеть деревянных идолов и должны поклоняться этим картинам. Это бывает раз в году, после того как в период полнолуния (май — июнь) богов везут в сопровождении торжественной процессии к купальной платформе на пруду и тщательно омывают там водой. Пока смытые краски восстанавливаются читракарами, боги считаются больными и видеть их нельзя. Вот к этому-то времени глава касты пишет специальные большие пата, на которых божества изображаются уже не в том виде, в котором их делают из дерева, а в форме четырехруких человеческих фигур — тоже черной, желтой и белой.

В сопровождении жрецов храма и музыкантов он несет свои три картины в храм, и там их прикрепляют к занавеси, за которой скрыты идолы, прошедшие церемониальное купание.

А когда их вновь открывают для обозрения, наступает всемирно известный праздник колесниц, во время которого сотни людей тянут за канаты три резные деревянные колесницы, высотой по 12—13 метров и со многими колесами, и заново окрашенные фигуры божеств торжественно перевозят на семь дней в другой храм.

К этому празднику, называемому *Ратха ятра*, стекаются со всех концов страны миллионы людей, приезжает масса туристов, и, соответственно, все читракары стремятся приготовить как можно больше пата и выручить за них как можно больше денег.

Я в эти дни умудрилась купить не только много пата, но и расписной ларец, и несколько глиняных ваз с теми же сюжетами, переданными в той же живописной манере.

На пата и в других произведениях искусства Кришна в образе человека ведет бои, пасет коров, танцует с девушками, играет на флейте — живет яркой жизнью молодого воина-пастуха, обожаемого и обожествленного индийским народом.

Я слышала несколько легенд, объясняющих странный вид фигур «набора Джаганнатха», читала эти легенды в книгах в самом разном изложении. Чаше всего в повествовании говорится, что, когда Кришна погиб от ядовитой стрелы и его тело сожгли на костре, сердце его не сгорело и было опущено в воды океана. Волны вынесли его на берег (в местном варианте мифа — на берег Ориссы), где оно превратилось в синий камень (вспомним о предположении насчет метеорита), которому стали поклоняться как синему Кришне. Потом он внезапно исчез, и вождю одного из племен (вариант: правителю одного из царств) приснилось, что камень вновь появится в образе бруска дерева. Его и нашли на берегу, но был он таким твердым, что мастера не смогли изваять из него Кришну. Тогда появился среди них сам Вишвакарман («Всделатель») — бог ремесленников и, запершись в храме, сказал, чтобы дверь никто не смел открывать раньше чем через 21 день.

Но жена правителя была нетерпелива, как все женщины земли, и нарушила этот запрет. И вот Вишвакарман исчез, оставив людям три недоработанные фигуры, которые и являются «набором Джаганнатха», без правильных форм лица, рук и ног.

Тысячи легенд, преданий и мифов окутывают образ Кришны...

А читракары Ориссы, работая без отдыха, воссоздают самые разные его облики. И не только на ткани, которая подготавливается так, как я уже рассказала, но и на газетах, бумаге, стенах храмов и хижин и т.д. Они изготавливают и расписывают маски, умеют делать даже микрокартинки размером в один квадратный сантиметр, которые можно

Типичная работа читракаров — одно из воплощений бога Вишну (штат Орисса)

вставлять в кольца, и картинки для вложения в письма и для настольных ширм.

Да и не только Кришне посвящают читракары свой труд. Они делают иллюстрации к великим эпическим поэмам Индии, рисуют многочисленных богов пантеона индуизма и разные персонажи фольклорных сюжетов.

И цветут краски на их картинах — яркие, накладываемые без оттенков и такие богатые по своим сочетаниям, что глаз не оторвать; синие Кришны в желтых одеяниях динамично двигаются на ярко-красном фоне, а на черном — сплетаются в танце нежные девушки в розовых и голубых сари, на желтом же или белом действует множество самых пестрых фигур — никакие ограничения, кроме вкуса самого читракара, не сдерживают полета его творческой фантазии.

Словом, эта отрасль народного искусства, поддерживаемая широким спросом со стороны всех, кто живет в Ориссе или приезжает в этот штат, продолжает жить и процветать.

26. ШИВА И ПАРВАТИ

В Индии иногда говорят: «Что ни храм, то вера» — и это до известной степени правильно, потому что любой жрец, брахман и небрахман, может начать возвеличивать любого из богов индуизма и даже объявить себя воплощением бога, собрать любую аудиторию и проповедовать, что только захочет.

И однако, несмотря на многоплановость и многообразие, в современном индуизме существует три главных направления (которые иногда именуют сектами): шиваизм, вишнуизм и шактизм, т.е. предпочтительное поклонение богам Шиве и Вишну и богиням, известным под собирательным именем Шáкти, — супругам богов, их женской энергии, стимулирующей проявление их силы и воли к действию. К ним некоторые исследователи, да и сами индусы, причисляют еще одно течение, четвертое, называемое смарта, приверженцы которого поклоняются всем богам.

Итак, вокруг трех центров, трех объектов почитания развились три главных течения индуизма.

Шива — древнейшее, исконно индийское божество. Веками накапливались мифы о его гневе и милосердии, о стойкости в обетах, о его великой производительной силе, о том, как воплощена в нем сама суть, как он созидает и, созидая, сам же разрушает.

Он — воплощение вечности: Махакála — «Великое Время»; он — владыка богов: Махадэва — «Великий Бог», или Махэшвара — «Великий Владыка»; он — воплощение вечного ритма движения материи: Натараджа — «Царь Танца»; он — олицетворение аскезы: Махайоги — «Великий Йог»; он: Нилакántха — «Сине-горлый» — и кроме этих имен имеет еще многие и многие другие.

Образ его, как в самих мифах, так и в их философской интерпретации и в индийском изобразительном искусстве, раздвоился, разтроился, размножился.

Почему он «Синегорлый»? Потому что в те давние-давние дни, когда боги и демоны занимались пахтаньем вселенского молочного океана, чтобы добыть амриту — напиток бессмертия (на санскрите «мри» значит «умирать», «мрити» — «смерть», «мрита» — «мертвый», а отсюда с отрицательной приставкой «а» образуется слово «амрита», т.е. «не подверженный смерти», «неумирающий»), в числе разных веществ, полученных при этом, оказался и страшный яд. Этим ядом хотели овладеть демоны, чтобы разрушить жизнь богов и людей, но Шива успел захватить его. Боясь, что демоны найдут яд всюду, куда бы его ни спрятали, он влил его в свое горло. Там он хранится, как в сосуде, до сих пор. Яд жжет горло Шиве, отчего оно посинело. Поэтому на миниатюрах, фресках и литографиях Шиву часто изображают с синей шеей, вокруг которой обвилась охлаждающая ее кобра.

Шива в образе Махайоги — отшельник, сидящий на шкуре антилопы. Ноги его скрещены, как у йогов. Эта поза известна под названием «лотоса» — колени разведены в стороны, а стопы, вывернутые пятками кверху, положены так: правая на ляжку левой ноги, а левая на ляжку правой ноги. Руки ладонями вверх лежат на коленях, лицо исполнено спокойствия, бесстрастные глаза задумчиво полуприкрыты. На лбу обычно третий глаз. Длинные волосы Шивы по древнему обычаю индийских отшельников свиты в жгут и собраны в пучок на макушке, и вокруг пучка,

Бог Шива в образе Махайоги

подобно ленте, тоже обвивается кобра* Кобры изображаются и в виде браслетов на его руках, и в виде пояса Часто на Шиве ожерелье из черепов или отрезанных человеческих голов, что служит символом его разрушительной мощи Такой образ Шивы-Махайоги иллюстрирует процесс самоуглубления божества, накопления им энергии для созидания или разрушения мира

Однажды, говорится в мифе, прекрасная Пáрвати, дочь Химавата — воплощения гор, называемых у нас Гималаями (слово

«Хима-алáя» на санскрите означает дословно «зимолечение», или «лежбище зимы»), увидела Шиву, погруженного в самосозерцание, и полюбила его. И тогда юный бог любви и желания, Кама, натянул тетиву своего лука, сделанную из гирлянды пчел, и поразил стрелой, оперенной прекрасным цветком, сердце Шивы. Охваченный гневом Шива испепелил Каму смертоносным огненным лучом, посланным из своего третьего глаза Но это не спасло самого Шиву от чувства любви и, увидев представшую перед ним Парвати, украшенную всеми добродетелями, он воспылал к ней страстью и стал ее супругом

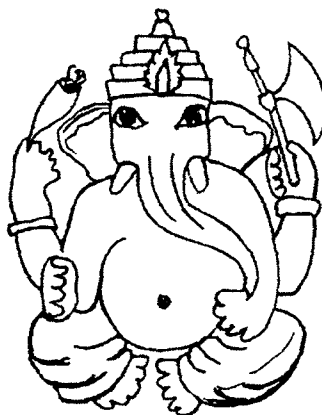
Дальше мифы о Шиве и Парвати переплетаются подобно лианам. В них повествуется о том, как несравненная Парвати родила Шиве сыновей Ганéшу (или Ганапáти) и Картикéю (или Скáнду)**. Первый сын прогневил Шиву, и тот отсек ему голо-

* Тут я не могу не вспомнить о том, что не раз мне приходилось видеть в Индии отшельников, чьи волосы поддерживает завязанная узлом кобра и заклинателей змей, тоже повязывающих кобр вокруг своих тюбанов, и я не могла понять, да и до сих пор не понимаю, почему такая сильная и упругая змея, как кобра, не может развязаться и уползти, а покорно, точно заколдованная, подолгу пребывает в завязанном виде

** В некоторых преданиях говорится, что он зародился в водах реки Ганга (или по истинному индийскому названию Ганги), будучи опущен туда огнем, в который Шива вверг свое семя, а вскормили его своим молоком шесть матерей — шесть звезд созвездия Крýтигики (Плеяд), и поэтому Сканду часто изображают с шестью головами

ву, но, видя горе Парвати, тут же отсек голову проходившему мимо сло-
ненку и приставил ее к
телу сына. Ганеша почита-
ется как бог-покровитель
искусств, наук и пред-
принимательской деятель-
ности — его изображение
в виде толстого человечка
с головой слона можно
постоянно видеть в науч-
ных заведениях, в магази-
нах, на фабричных воро-
тах и на домашних алтарях
в семьях почти всех без
исключения индусов.

Часто в Индии встреча-
ется изображение Шивы
«в кругу семьи», т. е. рядом
с Парвати, нежно держащей на коленях слоноголового Ганешу.
Тут же иногда присутствуют Картикейя и всегда неизменный
спутник Шивы — его любимый
бычок Нанди

Бог Ганеша, сын Шивы и
Парвати (копия рисунка на ткани)

Бог страсти Кама на слоне, составленном
из фигур женщин (инд. рисунок)

Об этом бычке следует ска-
зать особо, так как он символ
плодотворящей мощи великого
бога. В шиваитских храмах голо-
вой ко входу, или к «гарбагри-
хе» — святилищу, куда помеща-
ют изображение бога, — лежит
изваянный из камня Нанди, и
скульпторы не забывают пока-
зать, что это не холощенный бы-
чок. Напомню читателю, что в
знак благодарности за какое-ни-
будь радостное событие — чаще
всего за рождение сына, кото-
рого очень ждали, — Шиве да-

Скульптурная фигура Нанди, быка бога Шивы. Храм в Каджурахо. Камень XI в.

рят бычка, т.е. на ляжке животного ставят клеймо бога Шивы — изображение трезубца — и отпускают его на волю. Все, кто встречает такого бычка, стараются его накормить и напоить, так как это считается заслугой перед Шивой, и ни один индус во всей Индии не решится причинить ему какой-нибудь вред или, что является самым страшным грехом, подвергнуть его холощению и в качестве

вола использовать на работе.

Шива — созидатель жизни. И в этом своем качестве он предстает не в виде человека, а в форме фаллоса, который называется «шивалингам».

В храмах Шивы практически не бывает никаких других его изображений, кроме шивалингама, который обычно высекают из камня и помещают в глубину темной гарбагрихи, подвешивая над ним дырявый сосуд, откуда все время капает вода. Индусы верят, что этим они охлаждают Шиву, которого до сих пор жжет некогда проглоченный им яд.

Шивалингам изображается, как правило, в сочетании с «йони» — кольцом у его основания, символизирующим женское начало — шакти, стимулирующее пробуждение творческого мужского начала. По сути дела, название «шивалингам» относится именно к этому сочетанию, фокусирующему в себе обширную область индусской философии, трактующую вопросы возникновения материи, мира, жизни на земле и проявления созидательной энергии.

Здесь уместно вспомнить о том, что здание атомного реактора в Тромбее (на острове возле Бомбея) в точности воспроизводит форму шивалингама. Лучшей апелляции к чувствам и разуму каждого индуса нельзя было и придумать, так как именно

Шива царит над силами Вселенной, и от его воли зависит проявление их созидательной или разрушительной мощи.

Древнеиндийская философия говорит о том, что все сущее состоит из мельчайших частиц и что все эти частицы находятся в непрерывном движении, ритм которого обуславливает жизнь и изменение форм материи. А прекрасным способом выражения ритма, рассказа о нем является танец. И тут Шива оборачивается к нам другим своим лицом — лицом Натараджи — «Царя Танца».

Девочки возле Шивалингама на улице города

В этом своем качестве он изображается в позе танцующего человека. Одной ногой Шива попирает карлика, символизирующего скованность души неведением, другая его нога согнута в колене и поднята. В двух из своих четырех рук он держит барабанчик — ритм созидания — и огонь — силу разрушения, опущенные пальцы третьей руки указывают на поверженного карлика, как бы подчеркивая, что путь спасения лежит в избавлении от неведения, а четвертая рука с пальцами, поднятыми вверх, являет собой знак защиты и покровительства. Танцует Шива в кольце из язычков пламени, что свидетельствует о его

Изображение доарийского бога Шивы,
исполняющего космический танец

власти над космической энергией. Такова сложнейшая символика, воплощенная в образе Шивы-Натараджи с глубокой древности

Все его основные свойства совершенно очевидно связаны с исконными доарийскими культами Индии. С ними же, по всей видимости, связан и институт служения богу танцем, а также претворением в жизнь сочетаний мужского и женского начал.

Из источников известно, что в Индии, особенно в среде одного из ее народов — тамилгов, с начала новой эры (а возможно, и раньше) был распространен обычай посвя-

щать в храмы Шивы девочек, которых обучали там особым ритуальным танцам и «искусству любви», искусству тоже древнему, детально разработанному в Индии и описанному в ряде научных трактатов.

Эти девочки (в больших храмах их насчитывалось до нескольких сотен) становились «девадаси» — «рабынями бога». Танцы их, из которых наиболее популярен «бхарата-натьям», состояли из комбинаций быстро сменяющихся движений и поз, дополняемых условной мимикой. Язык всех этих поз и жестов известен под названием «абхинайя». Целые поэмы, гимны и молитвы можно создавать из определенных сочетаний движений

пальцев, рук, головы, глаз, бровей, поворотов тела, прыжков, притоптываний и проходов.

В развивающемся смешанном арийско-неарийском обществе Индии девадаси были причислены к низким кастам, и их занятие храмовой проституцией стяжало им на многие столетия скверную репутацию.

В средние века в северной Индии начал распространяться ислам, делийский трон несколько раз переходил от одного иноземного правителя к другому. Танцы девадаси отодвинулись на юг. Потом в стране воцарились европейские колонизаторы, и все формы национальной культуры почти прекратили свое развитие или полностью заглохли. Но и в эту тяжкую эпоху девадаси продолжали танцевать под сводами храмов, воспринимая и передавая от поколения к поколению древнее народное искусство.

И вот, после освобождения Индии все ее общество — и особенно интеллигенция — стало уделять большое внимание возрождению национальной культуры. Ценители истинной красоты обратили свои взоры к искусству девадаси, к искусству древнего танца бхарата-натьям.

Теперь оно покинуло пределы храмов, вышло на концертные эстрады, заняло свое место в кино. Танец бхарата-натьям преподают в школах, о нем пишут статьи и книги, его изучают женщины в весьма уважаемых семьях, он известен как одна из четырех школ классического танца Индии, он прославил индийское танцевальное искусство за рубежом.

И все же всегда перед началом выступления профессиональные исполнительницы бхарата-натьям приносят молитву богу Шиве, и часто его изображение в образе Натараджи украшает

Девадаси исполняет танец, посвященный богу Шиве (рис С Потабенко)

Богиня Парвати, супруга Шивы

сцену. Перед выступлением или в самом его начале они получают благословение от профессионального учителя, выполняющего и функции жреца, и под его же благословение подходят, завершив танец.

Вот основное, что связано в представлениях индусов с богом Шивой. Но нераздельна с ним Парвати, его женское начало, его Шакти.

Существует в древней литературе два основных варианта истории ее появления на свет. В них говорится, что Великая Богиня, Шакти, существовала — и всегда существует — как всеобщая сущность, всепорождающее и всеохватывающее начало, как сама идея Матери. Но вот на богов ополчились демоны. По первому варианту, к ней обратился отец богов, владыка всего сущего Брахма (божество, лишившееся постепенно конкретных черт и функций и упоминаемое во всех молитвах просто как имя, как идея Абсолюта). Он покоил-

ся в цветке лотоса, стебель которого выходил из пупа бога Вишну, спящего на кольцах извечной Змеи на водах мирового океана. Брахма увидел, что из пыли, скопившейся в ушах Вишну, образовались два демона, которые и стали угрозой для богов и для доброго начала в мире. Он воззвал к Шакти, прося ее принять конкретный облик и побудить Вишну сразить демонов, и она воплотилась в женщину, выйдя из глаз, рта, ноздрей, рук и груди спящего Вишну. Она разбудила его и, подвигнутый ею на бой, он встал и пять тысяч лет бился с демонами.

По другому варианту мифа, демоны долго сражались с богами, предводителем которых был громовержец Индра — одно из

верховных ведических божеств. Наконец, демоны стали одолевать богов. Как простые смертные пришли побежденные боги во главе с Брахмой к Шиве и Вишну и стали молить их о помощи. Соединенная энергия всех богов сотворила чудо. От лиц Шивы, Вишну и Брахмы и от тел Индры и других богов изошел великий свет, который слился в нестерпимое для глаз сияние, подобное пылающей горе. Все небо охватило пламя, пронизавшее три мира. И тогда вышла из него женщина. Из света Шивы образовалось ее лицо, из света Вишну — ее руки, из сияния Чандры, бога Луны, — ее груди, из света Ямы, бога смерти, — ее волосы, из сияния Агни — ее глаза и из света, исходившего от других божеств, — все другие части тела. Затем каждый из богов воспроизвел оружие, которым владел сам, и вложил в ее руки. Брахма же дал ей жемчужную гирлянду и сосуд для воды, а Сурья — бог Солнца — свои лучи.

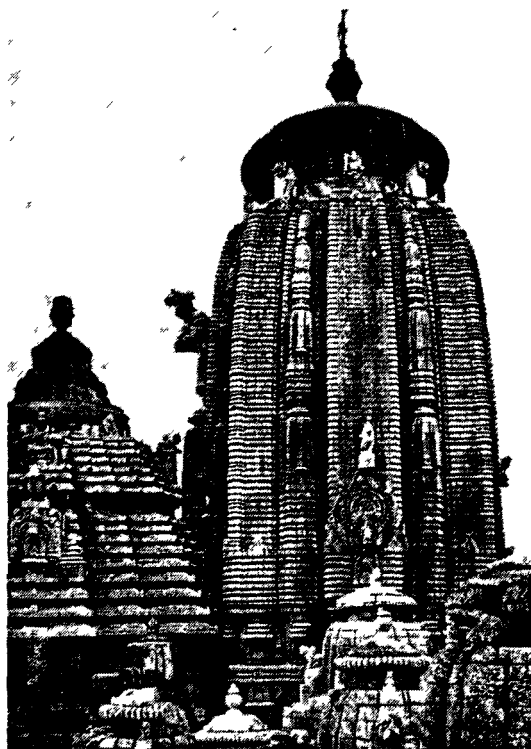
В таком облике богиня Дургá вступила в бой с демонами и победила, сразив их предводителя Махишáсуру. Спасаясь, он превращался то в быка, то в коня, то, наконец, в буйвола, и именно в этом виде был убит ею.

В Бенгале, древнейшем центре поклонения Шакти, широко распространены культы, утверждающие приоритет женского начала. В шактизме главенствует идея познания Абсолюта через познание женщины, идея слияния с самой сутью Шивы через слияние с женским началом, через осуществление акта оплодотворения.

Обо всех этих обрядах написано в древних книгах — тантрах, откуда идет и второе название практического шактизма — тантризм.

Одно из воплощений Шакти —
богиня Камакши

Храм Лингараджа в Бхубанешваре (штат Орисса)

В тантрической литературе есть тексты, говорящие, что главным для спасения души человека является знание принципа, называемого «каула».

Этот принцип объясняется по-разному, чаще всего так: Шива сказал, что знание каулы перевесит все другие заслуги человека. А каула — это сочетание во время ритуальных молений пяти следующих вещей: опьяняющих напитков, вкушения мяса, вкушения рыбы, вкушения прожаренного зерна и соединения с женщиной.

Европейцы до сих пор мало знают об этом течении индуизма, потому что индусы ревниво оберегают от чужого взгляда процесс отправления тайных культов.

По моим наблюдениям, богине Шакти в форме Дурги поклоняются главным образом члены высоких каст, тогда как культ Калиаммы — Черной Матери — более широко распространен в среде так называемых низких и средних каст.

Повсеместно встречаются ее храмы, обычно небольшие, иногда просто ниши, где помещают изображение черной женщины с высунутым красным или позолоченным языком, в ожерелье из черепов или отрубленных голов. Перед статуями Кáли всегда делается квадратная яма, заполненная песком или землей, — здесь забивают жертвенных козлят, ягнят и петухов. Богиня жаждет крови и принимает только кровавые жертвы от тех, кто обращается к ней за помощью.

Разные воплощения Кали — бесчисленные Аммы: «Матери» оспы, холеры, чумы и всех других болезней, «Матери»-покровительницы детей, скота, домов, «Матери» — кобры, тигрицы, волчицы, «Матери» всех и всяческих проявлений жизни, всех и всяческих явлений природы.

Таковы основные ипостаси Шивы и Парвати — созидателей и разрушителей жизни, карателей и покровителей людей.

27. ВЕЛИКАЯ МАТЬ — ДУРГА

Осень в Индии — совсем особое время. В северных краях это медленное погружение природы в глубокий сон, который слишком часто в литературе сравнивали с умиранием или погружением в небытие. Но в Индии именно осенние праздники исполнены яркости, радости и жизнеутверждения.

В октябре, напомним, по всей стране проходит подготовка к празднованию Дасеры, которое проводится торжественно и пышно.

Дасера значит «десятидневница», потому что этот праздник длится десять дней. Его же называют и Нварáтри — «девятиношница», потому что девять праздничных ночей лежат между этими десятью днями.

Дасера — это праздник, который призван утверждать в сердцах людей веру в то, что добро обязательно победит зло и справедливость восторжествует на земле во что бы то ни стало.

Этот праздник, родившись в сумеречной дали миновавших столетий — двадцати? тридцати? пятидесяти? — кто знает! — осенним паводком разливается и по сегодняшней Индии, утверждая: «Помни, что зло уступит — вынуждено будет уступить! — дорогу правде и добру, — помни, помни это всегда!»

Тот европеец, который попадает в Индию в дни Дасеры, и особенно тот, кто вдумывается, всматривается в жизнь народа этой страны, тоже бывает захвачен Дасерой, как мощным водоворотом.

В эти дни особо почитают всех богов и героев, которые боролись с демонами зла и побеждали их. В эти дни происходят торжественные моления перед изображением Дурги, Великой Матери, супруги бога Шивы, — идет Дурга-пуджа.

В Бенгале и Майсуре, как уже упоминалось, ее почитают превыше всех других богов, и там нет уголка, не охваченного Дурга-пуджей. В Дели же (впрочем, как и в других больших городах), главным образом колонии бенгальцев, отмечают его в своей традиционной манере и празднуют пышно, ярко, нарядно. Под пестрыми, туго натянутыми навесами-шамиянами собираются толпы мужчин в длинных белоснежных рубахах и дхоти. Приходят с мужьями и детьми женщины в лучших нарядах — в золототканых, вышитых и расписных шелковых сари. Кованые и филигранные, массивные и ажурные золотые украшения сверкают на их шеях и руках, блестят в ушах, оттеняют черноту волос. От одного этого зрелища создается праздничное настроение. Под каждой из этих шамиан на особом месте стоит изобра-

жение богини Дурги, древнейшей из богинь, сильной и карающей богини древнего матриархального общества.

Как и все боги в Индии, она выглядит домашней и уютной, несмотря на блеск своих уборов и на кровь демона, которого она беспощадно разит копьем.

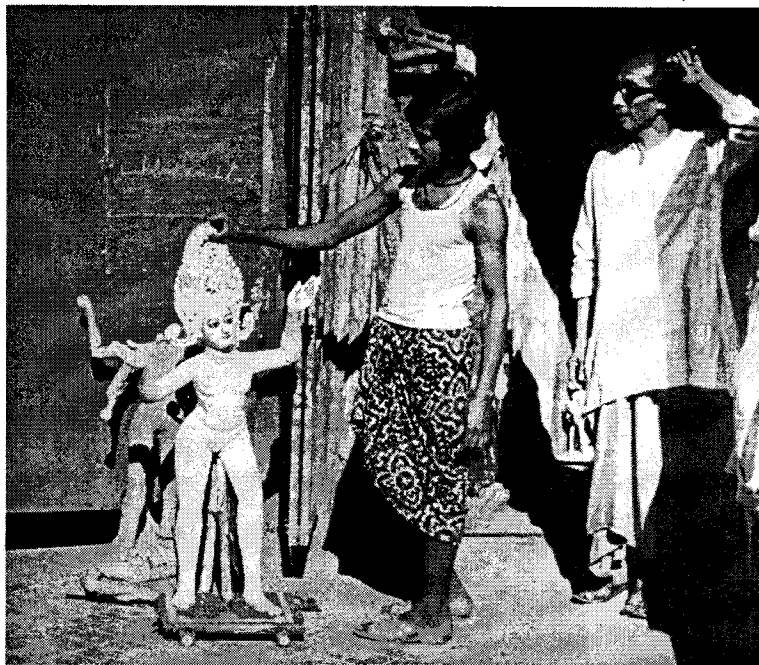
Статуи Дурги — это целые скульптурные комплексы, в которые входят фигуры, символизирующие доброе и злое начало. Центральное место занимает сама Дурга — многорукая, прекрасная, беспощадная ко злу.

В одной из ее правых рук — копьё, и она вонзает его в демона. Этот демон вышел на бой с Дургой в виде буйвола, но она рассекла буйвола ме-

Шива с супругой. Храм Дурги в Айхоле.
(Юж. Индия, V в. н.э.)

чом, и тогда демон появился перед ней в своем настоящем облике. На всех скульптурах изображен убитый буйвол, как-то удивительно по-мертвому, плоско лежащий у ног Дурги, и невысокий человек синего, зеленого или темного цвета, возникающий из его рассеченной туши. Кровь буйвола и кровь демона, текущая из пронзенной груди, всегда изображаются очень натуралистично. В мире богов кровь является гранью, отделяющей мир богов от мира людей, позы статичны и заданы раз и на-

Мастера готовят фигуры для скульптурной группы к дням Дурга-пуджи. (Бенгал)

всегда. Боги красивы, и лица их не выражают ничего. И сама Дурга, и окружающие ее небожители — меньшие по размерам, но тоже нарядно убранные фигуры (изображающие сына Дурги, носящего имя Картикейи, или Картика, и другого ее сына, Ганеши, бога с головой слона, и еще разных богов и богинь) — они воспроизводятся из года в год одинаково, в тех же позах.

У каждого из индийских богов есть свое животное. Дурге принадлежит лев. Он тоже присутствует в этих скульптурных

Богиня Дурга убивает демона

группах. Свирепый, напряженный, он яростно вонзает когти в тело буйвола или в самого демона. Его пасть и лапы окровавлены.

Лев и буйвол — это символы жизни на земле, это то, что люди знают, и поэтому умеют изобразить. Рассечение буйвола — это память о кровавых жертвоприношениях, да и не только память, а в известной мере и сегодняшний день, так как в Бенгале и во многих других областях Индии до сих пор приносят в жертву богиням козлят и петухов, а иногда и буйволов.

Поражаемый богиней демон тоже изображен по-земному, как воин, гибнущий на поле битвы. Иногда художники так по-мясницки иссекают буйвола и заставляют льва с такой яростной жадностью рвать когтями тело демона, что смотреть на это как-то тягостно.

Ритуал служения богине в дни праздника делится на определенные части. Вы можете прийти в храм утром и увидеть, как под многоцветным пологом шамианы сидят на коврах молящиеся (женщины отдельно, мужчины отдельно), а жрец с колокольчиком в руке стоит перед статуей Дурги и громко нараспев читает молитвы.

Придя позже, вы сможете присутствовать на церемонии «пушпанджали», что значит «цветы в сложенных ладонях». Жрец читает молитвы, а женщины держат полные горсти цветочных лепестков и после определенного восклицания жреца бросают эти лепестки в сторону Дурги. Это очаровательное зрелище, в особенности если солнечные лучи озаряют статую. Этот обряд изображает тот «цветочный дождь», который, судя по памятни-

кам древнеиндийской литературы, боги проливали с неба на торжествующих героев земли.

Древний обычай осыпания цветочными лепестками широко известен в Индии и сейчас — этот дождь из цветов орошает почетных гостей, любимых артистов, новобрачных. Это символ процветания и счастья. Богам же всегда приносят в жертву цветы и обильно украшают их изваяния и алтари цветочными гирляндами.

В дни пуджи по утрам молятся Дурге, по вечерам наслаждаются танцами, пением, декламацией и выступлениями театральных трупп или просто ходят, встречаются с друзьями, болтают, курят, смеются. Любимая богиня, как добрая и почитаемая всеми мать, присутствует на своем празднике, как в жизни своей семьи. Ее присутствие ощущается всеми, но никого не подавляет, и все чувствуют себя свободно и по-домашнему.

Так чествуют Дургу несколько дней и ночей. В последний же день праздника она должна умереть, и с ней умрут все боги, окружающие ее.

Один мой друг, бенгальский артист, сказал мне, что, если надрезать палец статуи в любой другой день, кроме последнего, из пальца покажется кровь, но в конце последнего дня крови не будет, так как богиня будет мертва. И многие верят, что это действительно так.

В этот день все статуи везут на грузовиках или несут на плечах к рекам и водоемам. Здесь, в Дели, их привезли на низкий берег Джамны вблизи железнодорожного моста.

Полиция города знает даты праздников всех религиозных общин и всех национальностей Индии, представители которых живут в Дели. Поскольку все эти группы и общины отмечают разные праздники, которые, как правило, сопровождаются массовыми процессиями по городу, полиция постоянно должна заботиться о перемене маршрутов автобусов, о направлении потока автомобилей по другим улицам и т.п.

И вот мы все пошли в процессии на берег Джамны.

Когда статуи достигли реки и были установлены на берегу вдоль воды, все стали собираться группами возле каждой из них и ходить от одной к другой, восхищаясь, сравнивая их и оценивая. Подпись под каждой статуей извещала, какой районной колонии бенгальцев она принадлежит. Это был смотр, соревнование художников каждой колонии. Ради восхищения или по-

рицания со стороны присутствующих каждая колония затрачивает ежегодно огромные деньги на уборы статуй — их окутывают златоткаными сари, готовят для них великолепные украшения из имитаций драгоценных камней.

Но вот забили барабаны. Жрецы разожгли благовонные курения в глиняных чашах. Один за другим из круга собравшихся стали выходить мужчины, брать в руки чаши и, медленно кружа их в воздухе, танцевать перед Дургой прощальный танец. В круг выходили молодые мальчики и мужчины средних лет, интеллигенты и рабочие, профессиональные танцоры и те, кто умел сделать только два-три танцевальных движения. Их лбы были окрашены красной краской, а глаза, не отрываясь, смотрели на светлое лицо грозной богини. Постепенно приходя в иступление от грома барабанов и густого дыма ароматных курений, обильно поднимавшегося из чаш, они все быстрее кружились в экстатическом танце, молясь богине, любуясь ею, служа ей в последний раз, отдавая себя ее требовательной женской воле. Чем-то доисторическим веяло от этих мужских танцев перед изваянием богини. Кто знает, как совершались эти служения несколько тысячелетий тому назад? Или даже, может быть, несколько столетий?

Стемнело. В черной воде Джамны отражались фары автомобилей, двигавшихся через мост, и огни светильников и ламп, зажженных возле статуй Дурги.

Они смешивались в водах Джамны, как смешивается в жизни Индии прошлое с настоящим.

Густые облака благовонного дыма окутывали статуи, завлакивали лица танцоров, поднимались к небу. Барабаны гремели все оглушительней, некоторые из танцоров падали без чувств, им на смену выходили новые.

Кровь буйвола и демона, красная краска на лбу танцоров и вокруг рта богини, иступление танцующих — все это связывалось в сознании какой-то нитью, уводящей в древнейшие времена культовых оргий, в которых оплодотворение завершалось убийством оплодотворителя. Не случайно в мифе о Дурге говорится, что она воспылала страстью к собственному сыну, красавцу Картикейе и потребовала его любви. Из почтения к матери он не посмел оскорбить ее прямым отказом и спасся, тайно улетев на павлине к своей возлюбленной. Разгневанная Дурга прокляла его и прокляла павлина, сказав, что он никогда не

будет наслаждаться соединением со своей парой. И с тех пор павлин, встречаясь со своей подругой, может только ронять слезы, и эти слезы приносят ему потомство — так говорит предание.

Память о древнейших формах кровосмесительной семьи хранит в себе этот миф.

Только перед одной статуей Дурги танцевали женщины. Это был настоящий танец жриц. Их было трое. Одна девушка, явно из буржуазной семьи, с современной прической и модно гримированным лицом, одетая в черное с серебром сари, тонкая и гибкая, танцевала долго, опустив в землю подведенные глаза и часто застывая в красивых арабесках, чем-то настойчиво напоминающих фрески на гробницах египетских фараонов. (Кто знает что-нибудь точно о древнейшей истории этого народа? Только догадки и гипотезы. И одна из гипотез говорит, что в эпоху Древнего Царства колонии индийцев, по языку родственных народам Южной Индии, были на восточном берегу Африки в V—IV тысячелетиях до н.э. А в другой высказывается предположение, что некогда цепь населенных островов связывала Индию с Черным материком. Кто сейчас может что-нибудь сказать с уверенностью? Исторической науке предстоит еще сделать много открытий.)

Другая женщина танцевала в таком восторженном исступлении, что вскоре потеряла сознание, а третья, не поднимаясь с колен, то склонялась до земли, то раскачивалась из стороны в сторону, делая круговые движения дымящимися чашами, которые она держала в руках. Три танцовщицы, три разных рисунка танца, три разных способа выразить себя.

Часов около восьми танцы стали замирать, и статуи, покачиваясь на плечах несущих их людей, двинулись к реке. Люди забредали в воду выше коленей и с силой бросали статуи вперед, в темную стремнину Джамны.

Богато убранные, сверкающие красотой изваяния с громким плеском падали в черную воду: за ночь вода размочит необожженную глину и увлечет с собой остатки мертвых божеств. Богиня ушла в дом своего свекра — так объясняется этот обряд. Ушла в небесную обитель, умерла для мира смертных. Путь реки ведет на небо, поэтому изваяния сбрасывают в реки.

В Джамне окончились все земные и небесные распри — упала в воду Дурга, увлекая с собой рассеченного ею буйвола и демона, нерасторжимо связанного с ней вечным боем добра и зла.

Упал за ней следом ее красивый сын, не пожелавший покориться ее жадной страсти, упали толстый Ганеша с головой слона и все другие боги и богини. За ними в воду полетели все чаши и горшки, все гирлянды и светильники, все ритуальные предметы — ничто не должно оставаться на земле после смерти богини.

Люди разошлись, и на темном пустом берегу не осталось ничего, что напоминало бы о ярком празднике, исполненном чувств и красок, который блистал здесь несколько минут назад. Только над черным блеском воды то тут, то там, на мелких местах, поднимались светлые руки Дурги, как бы простираясь к небу бессмертия, а вокруг плескались отражения огней экспресса Дели — Калькутта, пронесившегося по мосту.

Не успеваешь следить за буйным разливом праздника, просто физически не можешь побывать всюду, где проводятся торжества, процессии и выступления групп народных артистов.

28. ТЕЧЕТ РЕКА ДЖАМНА

Реки — средоточие жизни. Издревле возле них возводились города и поселки, к их берегам была привязана хозяйственная деятельность человека, по водам плавали лодки и корабли. Они перевозили людей и товары.

В Индии реки всегда были также и средоточием религиозной жизни. Культ водных источников достиг в этой стране небывалого развития. Повсюду в жарком климате омовение, полное или хотя бы частичное, необходимо, как дыхание. Но даже тут человек, завершив непосильную работу, не находил в себе сил, чтобы дотащиться до воды и смыть пот и пыль, разъедавшие кожу. Даже тут, в Индии, понадобилось прибегнуть к мерам, заставлявшим людей совершать омовения. Это было необходимо, чтобы сохранить здоровье народа в целом. И меры эти ввела религия.

Верующие доверчивы. И если жрецы возводят что-либо в закон и говорят, что невыполнение его есть тяжкий грех, верующие не нарушают этого закона. У этого правила практически не было исключений в истории человечества. Особенно в древний период истории. И вот, когда было провозглашено, что омовение тела ведет к спасению души, так как вода смывает грехи, а

божества — покровители рек обладают дивной силой переносить души умерших людей прямо на небо, омовение стало актом священным, который приравнивался к ритуальному принесению воды в жертву богам. Век за веком появлялись все новые и новые правила и предписания, превращающие омовение в действие высокой религиозной значимости, и люди наконец усвоили эти законы как непреложные. В сознании каждого закрепилось представление о том, что река священна. И не только река — каждый источник, ведь там есть частичка эманации верховной спасительной силы. Все это нашло свое широкое отражение в великой «Махабхарате», эпосе, который служит своеобразным поэтическим итогом многих и многих веков развития человека. В

а) Служанка носит воду с реки. Семье требуется много воды для священных омовений в доме

б) Воду в дом приносят женщины (деревянная фигурка)

нем содержатся перечисления тысяч названий так называемых тиртх — мест священных омовений на земле Индии. От одной тиртхи к другой шли знаменитые герои эпоса в своем непреклонном стремлении к спасению души, и в память их деяний к этим же тиртхам приходят паломники в современной Индии, страстно желая избавиться от всех грехов.

Джамна — одна из великих священных рек. Тысячелетиями несет она свои воды мимо Дели. Тысячелетиями на ее берегах бурлит активная жизнь народа, и наряду с этим течет тихая жизнь, особая, храмовая жизнь, — в молитвах и религиозных церемониях.

Арба с воловьей упряжкой

Много раз сменялись правители на делийском троне, но жизнь простого народа не менялась. Он продолжал упорно держаться веры своих предков, видя в ней единственную поддержку, единственное прибежище. Он тоже жил своей жизнью безымянных героев, созидателей, великомучеников и фанатиков, он сражался в армиях всех императоров, погибал в стихийных и бесплодных восстаниях, возводил дивные города и умолял богов о помощи во всех случаях, когда не мог помочь никто на земле, и из этого складывалось все его существование.

Вера предков была незыблема, и особенно вера в богинь-покровительниц. Она передавалась из поколения в поколение без

изменений и новшеств. Некоторые сменили ее, приняв другое вероисповедание, но те, кто остался в ее лоне, поклонялись со всем рвением детей, верящих, что мать спасет от любой беды. Слово «мать» прибавлялось к имени каждой богини, и таких богинь-матерей у индийского народа столько, сколько деревень на индийской земле.

Богини рек, прудов и колодцев, богини дорог и перекрестков, богини болезней и страхов, богини угрожающие и благие, милостивые и карающие царили в душах людей и в храмах, требуя безоговорочной веры и почитания, готовности приходить в ужас и приносить жертвы.

Древнейшие эти культы живы и сейчас. Простой народ стекается к храмам богинь, жаждая, веря, умолая и надеясь.

Я как-то приехала в храм богини Кáli на берегу Джамны. Цветные флажки на высоких шестах развеваются у ворот этого храма, выходящих на оживленное шоссе. Перед храмом во дворе крытый алтарь — часовенка с изображением богини, и перед этим алтарем взрыхленная земля — место, где приносят кровавые жертвы — режут козлят и петухов. В самом храме то же изображение богини — черная многорукая статуя в ожерелье из черепов и с высунутым языком — и масса мелких статуэток у ее ног и ярких литографий по стенам, изображающих других богов индуизма.

Страшные белые глаза горят — в пустые глазницы вставлены электрические лампы. Прихожане сидят на земляном полу перед жрецом, длинноволосым плотным мужчиной лет пятидесяти, и с непоколебимой верой исполняют все, что он велит.

Богиня Кали, жаждающая крови
(рис С Потабенко)

Подходят к нему поочередно, пьют воду, которую он наливает им в ладони, излагают в двух-трех скупых горьких фразах суть своей беды и, словно истинное озарение, словно божественную панацею от всех скорбей, повторяют слова короткой молитвы, которые он казенно выбалтывал привычной скороговоркой. Этот жрец считается великим святым, мне сказали, что ему уже сто пятьдесят лет и что он ничего никогда не ест.

Один из молящихся сказал нам, что нет того горя, от которого не смог бы избавить этот святой, что к нему приходят не только жители Дели, но и люди из других городов, и что лет десять тому назад он еще вкушал земную пищу, но только то, что откусывала от лепешки или плода змея, которую он якобы всегда носил вокруг своей шеи.

Я села на пол у ног богини Кали и долго следила за тем, как все новые и новые молящиеся подходят к жрецу, вносят посильную лепту, кладя монеты в металлическую тарелку на алтаре, и с жадной готовностью воспринимают быстрые слова его божественных откровений.

Я думала: может ли такая слепая, абсолютная вера способствовать выздоровлению, победе, преодолению жизненных трудностей? Не в том ли причина процветания таких жрецов, и таких храмов, и всех религиозных институтов вообще, что у простого человека жажда нравственной поддержки так велика, что он опирается на слова жреца и на мистический обряд как на реальную силу? А вера в то, что он обрел силу, — не помогает ли она ему преодолевать жизненные препятствия или даже болезни? Ведь нужен один такой случай, чтобы тысячи устремились к тому же источнику спасения.

Так и не иссякает этот религиозный экстаз в душах миллионов бедняков Индии...

Каждую религию в мире обычно нужно было принимать всю целиком. А те, кто не хотел или не мог принимать всю, становились сектантами. Часто их преследовали, сжигали на кострах — или они сами себя сжигали. Каждая религия требовала особого к себе отношения, особого расположения духа. А если не было такого отношения и расположения, то полагалось и полагается его изображать. Каждая религия в той или иной мере приучает верующих к лицемерию, и поэтому против каждой религии искренние люди поднимали бунт, призывали к чему-то, что более соответствовало их внутренней прямоте и правде. И рождались

новые вероучения, которые снова надо было или принимать целиком, или фальшивить. Троны религий постоянно раскачивались, и прежде всего их расшатывало требование принятия всей религии, всего вероучения в целом.

Не таков индуизм, этот сложнейший религиозно-философско-социальный комплекс.

Индуизм не система, а набор систем, не философия, а комплекс философий, это даже не вероучение, а механическое соединение самых разных вероучений, не догма, а целая россыпь догм.

Напомним читателю, что индуизм — это пласты верований, накопившихся за много тысячелетий у многих народов, населявших и населяющих Индию. Это и их философские воззрения, и этические понятия, и предписания, регулирующие отношения между разными общественными группами и между личностью и обществом.

Часто можно слышать, что индуизм — это не религия. И верно — это не религия, это шире, чем религия. В Индии индус, или хинду, — это тот, кто родился от родителей-индусов, не исповедует какой-либо другой религии, знает с детства «Махабхарату» и «Рамаяну» и предания Пуран, т.е. былин, знает также основных богов индуизма и придерживается в жизни тех обычаев, которые предписаны дхарме его касты.

Теперь спросим — а сколько их, этих основных богов? Одни говорят, что не больше тридцати, а другие считают, что их общее число, включая их бесчисленные перевоплощения, приближается к тридцати трем миллионам, о чем уже сказано выше.

Индуизм — это не столько религия, сколько процесс. Процесс расширения и приспособления разных догм к данному моменту истории и к укладу жизни каждой социальной группы, а иногда и каждой личности. Религиозных обрядов предписано и описано в индуизме столько, что каждый верующий может выбрать для исполнения любые. Если он не склонен к этому, он сможет найти в индуизме же предписанный путь жизни безо всяких обрядов, путь созерцания и размышления. Людям, по натуре своей склонным к экзальтации и проявлениям фанатизма, индуизм может предложить целый ряд культовых отправлений, невозможных без фанатического экстаза, а тем, кто склонен видеть в богах членов своей семьи или мало замечаемую принадлежность повседневной жизни, он говорит: «Боги — это вы,

они присутствуют в каждом проявлении вашей жизни, не уделяйте им специального внимания».

Индуизм никогда и ни от кого не требовал, чтобы его принимали целиком и безоговорочно. Отрицание одних богов во имя других — это индуизм. И даже отрицание всех богов во имя абстрактной идеи божества — это тоже индуизм. В древних религиозных гимнах проросли первые семена научной мысли. Затем они получили свое развитие в комментариях к этим религиозным гимнам. В религиозных же гимнах отразилось и зарождение атеизма. И все это вошло в понятие индуизма.

Религиозно-сектантские вероучения, отвергавшие те или иные догмы индуизма, тоже с течением времени вошли в состав индуизма. Он очень многогранен, многообразен, лишен единой формы, не может быть уложен в единую систему, и в этом его поразительная приспособляемость и гибкость, в этом залог его неистребимости в течение такого огромного исторического периода.

Бывала я много раз на пуджах — церемониях почитания божества. И в храмах, и в домах, и в молельнях, и просто на улицах. И всегда меня поражала та особенная атмосфера непринужденности в обращении со святынями, которая характерна для индуизма. Шла как-то Вишну-пуджа, то есть богослужение, посвященное Вишну. Это демократическое божество. В эпоху средневековья Вишну был знаменем антикастового движения бхакти. На его праздник обычно приглашают и слуг, и всех соседей. Мы все сидели — кто на стульях, а кто на полу — вокруг алтаря. Алтарем служила низкая скамеечка, к ножкам которой были привязаны зеленые побеги банана, здесь же стояла медная чаша с маленьким светильником, рисом и чем-то еще, лежали кокосовый орех и цветы. Рядом на полу стояли крохотные сосудики с цветными порошками, с жидкостями, сладким прашадом — жертвенной пищей. Перед алтарем на еще более низкой скамеечке сидел брахман, главный пуджари. Священный шнур был переброшен через его левое плечо. Лицо у него было самое светское — он улыбался, живо смотрел вокруг, разговаривал с присутствующими о совсем посторонних вещах. За его спиной на полу сидел молодой брахман — его ученик, младший жрец. перебирая листки санскритских молитв — мантр. Он их читал почти так же, как в наших церквах читают евангелие. Тот же речитатив, те же распевы на концах абзацев, те же интонации

Если закрыть глаза и не смотреть вокруг, то можно легко себя вообразить в русской церкви...

В разгар молитвы пуджари вдруг обратился ко мне и спросил на хорошем английском языке:

— Вы были в Агре? Я из Агры.

Мы поговорили об Агре, и в разговоре приняли участие почти все присутствующие, а младший жрец продолжал в это время читать мантры.

Отношение к богам самое домашнее. Все естественно, просто, как в своей семье, без выпренных чувств и слов. В любую минуту можно прервать молитву, в любую минуту начать снова — боги не осудят. Кто хочет — разговаривает, кто хочет — улыбается или смеется, а потом опять молится, никто не посмотрит с укором.

А однажды меня пригласили в храм Шивы на пуджу, которую устраивали специально для меня.

У каменного фаллоса — символа бога Шивы, называемого шивалингам, сидел пуджари, молился за меня. Прерывая молитву, деловито объяснял, что я должна делать: вот сейчас посыпать на изображение бога красный порошок, а сейчас — лепестки цветов, а затем — трилистную траву билва, посвященную Шиве. Опять молился. Из сосуда, висевшего над шивалингамом, тонкой струйкой тихо лилась вода и стекала по желобку. Время от времени кто-нибудь из присутствующих собирал ее в ладонь, плескал на губы, смачивал лоб, волосы. Все вдруг начинали о чем-то постороннем болтать, смеяться, втягивался в разговор и пуджари, отрываясь от молитв, он тоже смеялся, шутил, потом опять молился

Шивалингам, основанием которого служит голова Шивы (X в.)

как ни в чем не бывало. Затем в общем помещении храма меня попросили обратиться к присутствующим.

— Да помилуйте, о чем же я здесь могу говорить! — удивилась я.

— А о чем хотите. Все эти люди пришли послушать вас. Вот вам микрофон, расскажите что-нибудь о вашей великой стране. И что у вас знают об Индии.

И я выступила в этом храме, как много раз до этого приходилось выступать на митингах, в колледжах, на заводах. Слушали внимательно и задали потом много вопросов. И устроили для меня концерт. Тут же, в храме.

Как-то я купила на базаре литографии, изображающие богов и героев разных мифов. Лежали они у меня на столе. И вот однажды набилось ко мне в комнату множество хозяйских и соседских детей. Они мгновенно расхватили эти картинки и сели их рассматривать. Я слышала, как они тихонько называли имена всех без исключения персонажей, изображенных на этих картинках, споря о том, кто лучше и полнее произносит их имена и титулы. Они без запинки разъяснили мне содержание литографий. Национальная культура сохраняется в недрах семьи. Те традиции и взгляды, которые женщины прививают детям, остаются на всю жизнь.

Вот, например, отношение индийцев к животным.

В Индии вы нигде не почувствуете того, что животные имеют какие-то другие виды на жительство, чем люди. Раз и навсегда им выдана лицензия на право сосуществования. И не только животным, но и птицам и даже насекомым. Убить или не убить муху или муравья — это даже не вырастает для индийца в нравственную проблему, а просто не существует как проблема. Существует один, всем известный ответ — не убивать. Если проблема и была, то она давно разрешена древними мудрецами, и готовый рецепт поведения выдан людям на тысячелетия вперед. Не убивать! Жизнь священна во всех ее проявлениях. Слово «ахимса» значит «неубийство». Доктрина ахимсы господствует во всех индийских философиях. Есть к ней только одна оговорка, внесенная мудростью жизненной практики, — «без нужды». Не убивай без нужды.

Под этой нуждой понимаются две главные вещи — пища и жертва богам. В этом вопросе нравственная проблема нашла два разрешения: одно — не убивай ни ради пищи, ни ради жертвы

богам, а другое — убивай только ради пищи и жертвы. Сторонников первого решения очень много, а в древности было и еще больше — это буддисты, джайны и вегетарианцы разных толков в лоне индуизма. Но сторонниками второго решения являются почти все простые люди Индии, которые верят в любовь богини-матери к живой крови и плоти. Они приносят и приводят десятки и сотни тысяч петухов и козлят на заклание у подножий ее алтарей в дни праздников, посвященных ей. В другие дни забивают мелкий скот и птиц уже без религиозных побуждений, а просто для еды. Но не так уж часто.

При этом каждый, кто ест «ка́ри» из баранины или курицы, тут же смахнет муравья со стола на пол, постараясь не повредить его. И вот в этом уже Индия. В этом ее отличие от всех других народов. Здесь нельзя увидеть, как дети мучают животных, чем с таким упоением они часто занимаются в европейских странах. Животно-насекомо-птичий мир живет своей полнокровной жизнью рядом с людьми и вокруг людей, не испытывая перед ними страха. И это очень украшает жизнь.

Течет Джамна...

За храмом богини Кали стоит храм Шивы, а невдалеке от него — храм бога-обезьяны Ханумана, рядом еще храм, и еще, и еще. Шма́шан — место сожжения мертвых — расположен тут же, ниже по течению Джамны.

На этом печальном месте сооружено много невысоких каменных платформ. Некоторые из них под каменными же крышами, опирающимися на четыре столба, некоторые открыты небу. На каждой из платформ — куча золы. И то, что эти кучи не круглой, а удлиненной формы, и то, что в дотлевающих углях можно увидеть белые, рассыпающиеся кости, говорит о скорбном назначении этих платформ.

Умершего, обернутого пеленой и привязанного к носилкам, вносят на плечах в ворота шмашана, и как-то сразу становится очень ясно, что это последний этап, что сейчас уже ничего не останется от этого тела, которое пока еще хранит свой, единственный и неповторимый облик, свои черты лица, волосы — все, в чем билась его жизнь, что знали и любили другие люди...

Тело сносят к реке, окунают прямо на носилках в воду — последнее омовение, — потом отвязывают, сбрасывают верхнюю пелену, ее заберут себе служители шмашана, и перекладывают на длинные поленья на одной из платформ.

Отбрасывают с лица крап савана, и кладут к губам кусочек дерева, смоченный с воде, снова закрывают лицо, присыпают тело землей и воздвигают над ним высокое сооружение из толстых сухих дров, похожее на двускатную крышу. Обкладывают эту крышу сухими щепками и соломой и дают в руки главному плакальщику палку с горящим пучком соломы на конце.

И вот этот человек — обычно самый близкий по мужской линии родственник покойного — должен обойти костер и своей рукой поджечь его со всех сторон.

Европейцам странно видеть, что на шмашане люди зачастую не проявляют горя. Простота и естественность, свойственные индийцам во всем, и в том числе в отправлении любых религиозных обрядов, сполна проявляются и здесь. Они более или менее спокойно относятся к зрелищу пожирания плоти огнем, обычно не делают на шмашане скорбных лиц и не разыгрывают печали. Здесь можно видеть, как родственники быстро и деловито совершают все, что велит им долг по отношению к мертвому, и уходят, переговариваясь, или — что совсем уже странно — пересмеиваясь по какому-нибудь поводу.

Я спросила одного нашего друга, как это может быть, что на шмашане родственники могут смеяться во время сожжения тела близкого им человека.

— Вы это видели?

— Да.

— А сколько лет было этому человеку? — ответил он вопросом на мой вопрос.

— Лет шестьдесят — шестьдесят пять.

— Ну конечно, они должны были смеяться. Они радовались.

— Чему, помилуйте?

— Как чему? Тому, что старый человек достиг такой счастливой смерти, — скончался в окружении своей семьи, видя свое потомство живым. Там, наверное, были и его сыновья и внуки.

— Да, но они-то, живые, разве не испытывают горя, лишаясь своего близкого? У нас, например, дети и внуки горько плачут, погребая мать или отца, бабушку или дедушку, которых они любили при их жизни.

— Да? — сказал он. — Как странно! Просто неправдоподобно. Ведь это счастье — умереть, зная, что остаются дети и внуки.

— Вот если умирает кто-нибудь молодой, — продолжал наш друг, — тогда обязательно плачут родные, и главным образом мать и жена. Или муж.

И я вспомнила, как однажды группа сикхов принесла на шмашан умершую молодую женщину, и как зарыдал ее муж, когда стали обкладывать ее тело дровами. Он несколько раз поднимался с земли, подходил к покойной, поддерживаемый другими, стоял на подкашивающихся ногах возле костра и снова отходил и без сил опускался на землю, чтобы через минуту опять подняться и подойти к телу, которое сейчас, вот уже сейчас сгорит и рассыплется прахом у него на глазах и которое он никакими силами не может спасти от огня и этой окончательной гибели. Это было явное проявление горя, неподдельного, бесильного, тоскливого.

Но как эти же люди, способные так остро страдать от гибели одних своих близких, могут полностью абстрагироваться от чувства боли и печали в случае гибели других, это европейцам бывает трудно постичь.

Мне не раз приходилось наблюдать это спокойное отношение к смерти. И не только в случае, когда умирали старшие, оставившие потомство, но к смерти вообще.

Туманный догмат христианства о том, что смертью можно поправить смерть, не осушает слез, не заглушает нестерпимой боли, не помогает выдержать удар горя. А индийские философы нашли не одно, а несколько анестезирующих средств, заключили несколько соглашений с безысходностью. Одно из них — радость умирающего при виде круга своих потомков. Второе — то, что они не дают угаснуть одному из древнейших на земле культов — культу предков.

Я не раз присутствовала на шраддхах — поминальных церемониях — и видела, как легко индийцы вызывают в своей душе ощущение реального общения с душами усопших. Совершая множество мелких обрядов, кладя для душ предков на домашний алтарь кусочки плодов, цветы и ароматные вещества, читая молитвы, подобные одностороннему разговору с ушедшими навсегда, вовлекая детей в эти обряды, люди входят в круг иллюзорного контакта с теми, кого больше нет, с такой простотой, как будто этот круг вполне реален.

В одной книге я когда-то прочитала, что умерший человек до тех пор жив, пока его помнят на земле. Вот этого и достигают индийцы, сохраняя древние традиции совершения шраддх. К тому же у каждой семьи, кроме низкастовых бедняков, есть свой священнослужитель — брахман, хранящий генеалогические

списки, а вместе с ними и разные семейные предания об ушедших навсегда. От такого брахмана каждый член семьи еще с детства узнает о жизни и добродетелях всех родственников по восходящей линии, иногда до десятого колена, а если семья знатна, то и на много столетий назад. Предки этого брахмана служили домашними жрецами предков той семьи, с которой он теперь связан, а его дети и внуки должны будут выполнять эту функцию для детей и внуков этой же семьи. Поэтому уважение к домашнему жрецу и привязанность к нему всегда очень велики. Он гуру, духовный учитель, наставник, хранитель семейных традиций, посредник в общении с богами и душами предков, свершитель всех обрядов и церемоний. Без него практически немыслима жизнь индусской семьи. И вот он-то и является главным лицом, поддерживающим в своих клиентах с детства и до старости мысль о том, что умершие не умерли и что надо всю жизнь служить их вечным душам, помогая им пребывать в блаженстве. Все это память. Живая память о тех, кто ушел.

Кроме культа предков существует еще вера в переселение душ. Цикл возродений, «возвратов» на землю практически бесконечен. Эти возвраты могут быть карой и могут быть наградой. Если своими делами заслужите наказание в будущей жизни, вы будете возрождены в виде осла, собаки или червя и будете владеть жалкое существование во искупление своих грехов. Если же ваша жизнь праведна, вы сможете вернуться в облике еще более праведного человека и даже брахмана — «высшего среди живых существ».

Так сказано в священных книгах. В это верят. А значит, к чему бояться смерти, ведь она не навек.

У этой философии есть еще одна хорошая сторона — она настойчиво призывает к тому, чтобы человек вел себя на земле как Человек.

Что же касается примирения со смертью, то эта цель в значительной мере достигается. Хотя в идеале индийских философий должна быть достигнута другая цель — навсегда избавиться от перерождений, добиться того, чтобы душа стала совершенной и навеки слилась с Мировым духом, с Брахманом, который един, неделим, вечен, спокоен и незыблем и служит началом всех начал, основой всех основ, ядром всего сущего. Но считается, что это слияние может быть достигнуто путем такого сложного самоусовершенствования, такой неимоверно трудной

тренировки духа, такого подвижничества, что мало кто из смертных к нему способен. Поэтому такой путь предоставляется обычно избранным душам. Простые же люди стараются жить так, чтобы возродиться в виде какого-нибудь хорошего существа, и, умирая, верят в то, что вернуться. И их близких успокаивает та же мысль.

И течет Джамна...

29. НАШИ СЛЕДЫ В ИНДУИЗМЕ

Люди в старину привыкали прежде всего бояться своих богов, даже милостивых, так как отсутствие божьих милостей, по сути дела, равнялось насылаемым несчастьям. Поэтому отказаться от молитв и жертвоприношений, прекратить почитание богов и навлечь этим на себя их гнев было слишком рискованно. И боги шли вместе с людьми по всем путям их кочевий. Что же из древнейших верований тех индоевропейцев, что были предками славян, взяли с собою предки индоариев?

Об этом можно судить, сопоставляя богов, доживших у славян до эпохи христианства, и богов древнеиндийского арийского пантеона. Об этом можно судить по тем описаниям и упоминаниям, которые содержатся в Ригведе и других Ведах.

Считают, что Ригведа создавалась арьями на протяжении длительного времени, т.е. она является сборником гимнов, в числе, которых есть такие, которые возникли в неведомо давние времена, и такие, которые были сложены уже на индийской земле.

Уже упоминалось, что некоторые боги ведического пантеона, пройдя длинный путь изменений и развития в условиях Индии, дожили до наших дней в своих именах, а в приписываемых им функциях донесли до нас отпечатки глубокой старины (некоторых вытеснили боги местного доарийского населения, и они постепенно забылись народом Индии).

Снимая и счищая со слов позднейшие напластования, можно попытаться заглянуть в их сердцевину, добраться до разветвления их корней и до тех источников, которые питали их в глубине тысячелетий. Что общего или сходного можно найти в славянских или, сознательно сузив это понятие, древнерусских богах и богах древнеиндийских? И можно ли вообще найти хоть

что-нибудь сходное или общее в чертах мифологических представлений, в верованиях и обрядах?

Есть основания думать, что да, можно.

Неравномерность исторического развития народов-носителей древних индоевропейских языков и крайне недостаточная изученность этого вопроса позволяют пока говорить только о тех или иных фактах, которые реально существовали в этих языках на различных ступенях их развития. Выбираем совершенно сознательно древнерусский язык и санскрит. Напомним, что эпический санскрит, на котором написана великая поэма «Махабхарата», как и другие формы санскрита: классический санскрит — язык классической литературы древней Индии — и ведический санскрит — язык Вед, самых древних литературных памятников страны, является одним из наиболее богатых и развитых языков обширной индоевропейской семьи. И одним из самых древних, как и древнеславянский, о котором известный языковед А. Мейе сказал, что он продолжает «без какого-либо перерыва развитие общеиндоевропейского языка; в нем нельзя заметить тех внезапных изменений, которые придают столь характерный вид языкам греческому, итальянским (особенно латинскому), кельтским, германским. Славянский язык — это индоевропейский язык, в целом сохранивший архаический тип»*.

«Бог». «Небо». «Небеса». Это понятия, которые издревле воспринимаются людьми во взаимной связи. «Бха́га». «На́бха». «Набха́са». Это те же слова на санскрите. С тем же значением, с тем же смыслом и почти с тем же звучанием.

В науке высказывались предположения, что и имя славянского бога Сварога сопоставимо с другим санскритским названием неба — «сва́рга». Возможно, что и имена других богов «пантеона Владимира», или «Киевского пантеона», могут быть найдены в этом языке. Обратимся к некоторым примерам, хотя бы в порядке предположения.

Был у наших предков бог Перун, повелитель грозы и громов, бог небесных явлений, тот, которого Владимир велел поставить «вне двора теремного» над Днепром на вершине холма и которого затем, в дни крещения Руси, волоком поволокли вниз и ввергли в воды реки. Кто знает, сколько времени поклонялись ему предки славян до того, как он стал упоминаться в

* А Мейе Общеславянский язык М, 1951, с 14

летописях. Но в Ведах описывается бог Вáруна (произносится и Вáрун), тоже владыка неба, а также небесных и земных вод, брат огня. Его считают и хранителем западных областей земли — не значит ли все это, что, возможно, оттуда он пришел с арьями в Индию, что там, на далекой прародине арийских племен, он и Перун были некогда одним божеством и назывались одинаково? И хочется здесь вспомнить о том, что в болгарском и сербском языках есть мужское имя Парун и женское Паруна. Очень слабо исследован вопрос этих древнейших связей.

А имя славянского Стрибога, которого считали богом ветра, атмосферных явлений и открытых пространств, имеет корень «стри», означающий на санскрите «простира́ть», «распространя́ть», «расширя́ть». От этого же корня с приставкой «пра» образуется в санскрите и слово «праста́ра» (в переводе на русский язык «простор»).

Привлекательной является и возможность вспомнить о том, что имя древнеарийского бога Индры и в наше время существует в славянских языках как одно из мужских имен (в чешском, например). В древнерусских же преданиях встречаем мы повествования о подземном дивном звере Индрике, или Индре, который запира́л и отпира́л источники вод и регулиро́вал течение рек. Именно эту же функцию приписывали арьи своему Индре, говоря, что от его воли зависят разливы или высыхания рек. Славяне начали имя Индры, владыки весеннего разлива рек, связывать с образом зверя, очевидно, лишь после того, как стали наткаться в обвалах речных северных берегов на мамонтов, сохранившихся в слоях вечной мерзлоты. Давние представления о каком-то боге, дарующем воду из земли, приобрели после этих находок определенную конкретность, и в летописи уже попал Индра-зверь. В словаре В. Даля (т. 2.) приводятся такие слова из русской песни: «А у нас Индрик-зверь всем зверям отец». Песни с упоминанием его имени до сих пор живы в нашем народе.

Бога-Солнце славяне одаривали разными именами: Купала, Ярило, Хорс. Обращаясь к индо-арийским языкам, мы встречаемся с такими возможностями истолкования значения этих имен:

а) Купала. Праздник его у славян приходится на день летнего солнцеворота. Его имя соотносится с санскритским корнем «куп» — «светить, сиять» и является именем солнца.

б) В основе имени «Ярило(а)» лежит корень «яр», который в ряде индо-арийских языков и сегодня образует слова, означающие ярость, страстность, любовное иступление или горение. Все эти понятия без труда тоже связываются в нашем сознании с образом Солнца, особенно весеннего Солнца, и с представлениями, роднящими страсть с яростью и яркостью. Имя-эпитет Ярило является одним из самых впечатляющих и поэтических имен Солнца в наших народных песнях и преданиях.

И, наконец: в) имени Хорс можно найти соответствие в санскритском слове «х́арас» («хара, хари»), которое означает «огонь», «пламя», «наполненность энергией» и употребляется в Индии вплоть до наших дней в качестве синонима самого понятия «бог». А может быть, Харас соотносится с «кх́ала», что в санскрите значит «солнце», а в русском звучит как «коло» («колловрат»).

И много таких поразительных аналогий в древнем (и современном) русском языке и санскрите (как и современных индо-арийских языках). Завершая этот очень краткий обзор сопоставлений имен древнеславянских и древнеиндийских божеств, не могу умолчать еще об одном старорусском боге, игравшем в мифологических представлениях наших предков очень большую роль. Это — грозный и властный Род, творец мира, даритель жизни, повелитель неба и молний. Имя его в славянских языках толкуется по-разному, с ним связываются такие слова, как «красный», «сияющий», «сверкающий», причем ведь «красный» — то же самое, что и «родрый», «рудый», «рдяный», а в санскрите — «рудх́ира». В санскрите же имеется корень «рудх», означающий «быть красным». С ним можно соотнести и наше древнерусское «руда» в смысле «кровь».

Вместе с тем в мифологии древних арьев видное место занимал бог, носивший имя Рудры. Его имя переводится как «благостный», «бог гроз», «могучий», «рычащий», т. е. почти так же, как имя славянского Рода. К тому же в санскрите к корню «рудх» возводится и ряд слов со значением «сверкающий», что напоминает нам о вероятном родстве Рода с Рудрой и в области представлений о них, как о богах гроз, молний, огня. И мы имеем, таким образом, основание предполагать, что у древних предков арьев и славян это был единый образ бога-творца, бога-подателя жизни и разрушителя.

Древний корень «рд» соотносится со многими производными, такими, как «руда» — кровь, а также связанными с этим словами «родить, родство и др.». Эти слова в их широком составе указывают на оплодотворение, на размножение членов рода, т.е. кровной родни. Рудра — это тоже бог-оплодотворитель (это арийское имя доарийского Шивы).

Итак, в санскрите и древнеиндийских мифах мы находим то отзвуки имен многих и многих персонажей древнерусского язычества, то сходные описания их облика и деяний, то предания о том, как они, придя на индийскую землю, вступали в бой с местными богами, иногда побеждая их, а иногда отступая перед их силой.

Во всем этом отражаются картины далекой забытой истории, которые не сохранила ни память народа, ни его литература. Нет и археологических памятников, которые послужили бы подтверждением того или иного предположения о религиозной жизни наших предков той эпохи. Стоят в наших южных степях каменные бабы, называемые скифскими, но нет у науки твердых доказательств, что их ставили именно скифы. Судя по упоминаниям в русских летописях, славянские идолы изготовлялись и из камня, и из дерева, а иногда к деревянному туловищу их приделывали металлические головы. Так, у Перуна в Киеве была серебряная голова с золотыми усами. В Ведах тоже нет четких описаний идолов древних арьев. Возможно, и их делали из дерева, и поэтому в климатических условиях Индии они не могли сохраниться до нашего времени.

Судя по ведической литературе, арьи изготовляли из дерева всевозможные предметы, в том числе разную утварь и культовый инвентарь. Мне, например, в городе Пуне, в Институте ведической культуры показывали вещи, которые сотрудники института воспроизводят, придерживаясь описаний, сохранившихся в Ведах, и я с удовольствием увидела деревянные ложки, ковши и поварешки, которые ничем не отличаются от наших, известных каждому русскому человеку ложек, ковшей и поварешек. Индийцы только никак не могли понять, зачем на конце ручек у поварешек делается крючок, и когда я повесила эту ложку на веревку, как в наших деревнях, они вздохнули с облегчением. Видела я и серебряные головы, которые отливают в память святых и в день поминовения ставят на могилы и украшают. Возможно, раньше такие головы приделывались к дере-

вянным туловищам идолов? Определенного ответа на этот вопрос нет.

Заканчивая этот раздел, следует указать, что не знающие санскрита авторы публицистических работ о славянском язычестве иногда возводят слова «Сварог» и «сварга» к корню «врг», полагая, что буква «с» играет роль приставки (производя от этого корня такие слова, как «свергать» и др.). Они таким образом проходят мимо основного определения небесного света: «свар» — «сверкать, сиять», уводя читателя в сторону от указания на истинную суть бога Сварога и санскритского слова «сварга» — «небо».

Равным образом несопоставимы и часто встречающиеся указания на сближение богини Сивы и бога Шивы. Фонетическое схождение этих двух слов не приводит к их смысловому соответствию. Богиня Сива не является совпадением с богом Шивой: в русском языке, как и в санскрите, наблюдается чередование звуков «с» и «ш». Часто встречающееся написание имени Шивы как Сива означает только определение цвета этого темного доарийского бога Индии как «сивый», «цвета ртути». данное светлокожими арьями этому новому для них, встреченному в Индии богу.

Таким же заблуждением является и утверждение Н.К. Рериха, что приобретенное им под Петербургом имение под названием Извара было как бы пророческим указанием на то, что он будет приведен судьбой в Индию, где встретится с верой в бога Ишвару, что является одним из имен бога Шивы. На деле же слово «извара» означает по-молдавски «колодец» и не несет в себе пророческого предсказания. Подобных заблуждений в толковании мифологических терминов встречается в нашей литературе, к сожалению, очень много.

30. ДРУГИЕ ЧЕРТЫ БЛИЗОСТИ

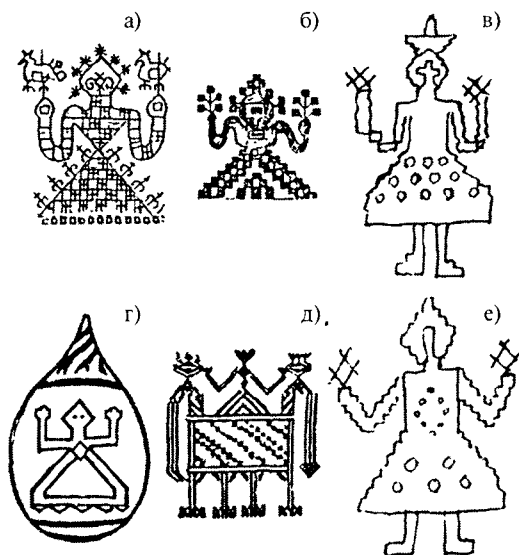
Сравнивая культуры предков арьев и славян, нам не надо привязывать себя только к формам языков, какими бы важными ни были эти свидетельства. Ведь к неизведанно древним эпохам восходят и верования людей, их представления о вселенной, о силах, управляющих жизнью и смертью, о природе. Как и у всех народов земли, здесь были свои боги, соответствовав-

шие этим представлениям, являвшиеся как бы их образным воплощениями. Восточные славяне были язычниками вплоть до проникновения на Русь христианства в X веке н.э., и в ряду их главных богов обнаруживаются и такие, которые были по своему облику и значению близки богам арьев. И если христианство у нас вытеснило в основном (но не во всем) старую веру, то арьи задолго до этого унесли с собой некоторых из тех богов, которым поклонялись и предки славян. И до сих пор в Индии люди поклоняются им или же знают, осмысляют их суть, а поэтому ученые могут располагать не только литературным материалом, исследуя проблемы древних религий, но и живущие доныне проявления их. Книга о язычестве славян — это обширная повесть, которая читается с неослабевающим интересом. Но мало написано о сходстве религий арийских и славянско-языческих.

Попытки сравнивать это язычество с религией арьев делались уже с начала XIX века, и русские ученые нашли много черт, позволяющих с полным правом проводить такие сопоставления. Возьмем, к примеру, праздники. И даже хотя бы один из них — переход весны в лето, когда великое светило Солнце начинает входить в полную силу, столь важную для всего цикла сельскохозяйственных работ, да и всей жизни природы в целом. Это особенно яркие даты в календарях многих народов, но славяне и арьи (как и в современной Индии) отмечают его в такой манере, которая сближает оба этих этнических массива как память о давних, вероятно, крайне близких или сходных (если не общих) обычаях.

Этот древнейший праздник весны вошел в христианство как Пасха, а с ним вошли и ритуалы многотысячелетней давности, магические ритуалы, призванные влиять прежде всего на плодородие, на размножение людей и скота, на цветение природы, которая к осени одарит людей урожаем плодов и злаков.

Что является, по давним убеждениям человека, носителем и хранителем его жизни? Кровь. Цвет крови — цвет жизни. Символ крови — красный цвет. Наглядным примером первопроявления жизни выступает яйцо. А яйцо, окрашенное в красный цвет, должно было служить сильнейшим заклинанием, укрепляющим силы жизни и вызывающим к ее возрождению. Не одно тысячелетие должно было уйти на то, чтобы опыт людей, итог их наблюдений за жизненными циклами привел к такой схеме, простой и вместе с тем сложной по своему содержанию.

Изображение женского божества. Совпадает обрядовое положение рук женщины.

а-в) Вышивка. Русский Север.

г) Рисунок на ритуальном сосуде. Индия

д-е) Вышивка. Сев. Индия

И вот наступает Праздник Весны и люди вспоминают о накопленном опыте своих предков. Как готовятся на наших землях к празднику Пасхи — известно всем. Прежде всего красят куриные яйца (преимущественно в красный цвет) и в Светлый день дарят их другу с наилучшими пожеланиями, в которых хранятся следы древних жизненно важных заклинаний: «Да рождаются детеныши у всего живого! Да цветут и опыляются растения! Да не померкнет солнце!»

А еще с такой же магической, заклинательной целью издревле принято готовить праздничную еду — сдобные выпечки (символ урожая зерновых) и сладкие блюда из молочных продуктов (символ плодородности скота). Все поздравляют друг друга, веселятся, ходят в гости.

А что в Индии? Есть ли сходство в обычаях, которые складывались на землях близких или общих у наших прапрапредков? И если да, то это будет служить еще одним подтверждением их давней-давней близости, а значит, и древних корней славянства.

Да, в Индии тоже отмечают сходный праздник, именуемый Холи. Это веселый День Весны, в который, как уже сказано выше, без меры и счета используют краски. И прежде всего красную. Но не куриные яйца подвергаются окрашиванию, а сами люди.

И нигде больше на этих землях между «нами и ними» нет такого способа проведения праздника весны, хотя в день мусульманского праздника нового года, Навруза (21 марта), тоже

прослеживаются древние обычаи приготовления ритуально-заключительных блюд — но без применения красок. Это не поддается прямому сравнению ни с нашей Пасхой, ни с индийским Холи, хотя в целом и восходит к общечеловеческим проявлениям культа Солнца.

Примеров сходства или даже одинаковости обычаев и ритуалов у славян и арьев много, и этому надо посвятить отдельную работу, так как писали об этом слишком мало.

Читатель спросит — ну а боги? Тут-то что-нибудь общее есть? Да, есть, и немало. Мы здесь говорим в основном об арктической теории, но ведь многие ученые из разных стран «приближают» предков арьев к периоду IV—II тысячелетий до н.э., считая, что территорией формирования арьев (индоарийцев) как исторического единства были только лесная и лесостепная зоны к северу от Черного и Каспийского морей и в Приуралье. Вопрос о том, где это единство начало оформляться, остается при этом открытым, но почти всеми признается, что именно с этих земель группы арьев двинулись в сторону Индии и Ирана. Это доказано и с этим нельзя не согласиться, хотя, видимо, все же следует отнести начало складывания этого единства к гораздо более глубокой древности и отодвинуть к северу.

В период же, предшествующий отделению арьев и их уходу, на указанных землях сложилось не только известное культурное единообразие, но и больше того — культовое единство, как четко определяет эти связи известный наш археолог Н.Я. Мерперт. И несмотря на то, что после разделения групп народов религиозные представления развиваются у каждого из них по-разному, они опираются все же на общие предшествующие традиции. Вот сюда и уходят корни современного сходства. Это «по-разному» особенно ярко выразилось у арьев, так как, придя в Индию, они смешивались там с местными племенами, воспринимая их культы, создав огромный совместный круг богов новой обобщенной религии — индуизма и так называемую ведическую культуру. Но не затерялись в их числе принесенные с собою древние боги, а скорее наоборот: многие из них заняли в пантеоне ведущие места.

И это были боги — мужчины в отличие от богинь, царивших во многих культах народов Индии доарийского периода. И в этом ряду богов мы ищем и находим языческих славянских богов или четкие их следы, как уже описано выше.

В круг языческих богов, доживших до христианства, в так называемый пантеон князя Владимира, или киевский пантеон, входили божества, имена которых тоже можно разьяснять или даже расшифровывать через санскрит, вероятно, близкие славянам арьи знали и этих богов.

А вот и еще одна возможная ниточка связи: язычники поклонялись некоему божеству под именем Мокошь. Многие пытались разьяснить его, но каждый по-своему, и даже пол этого объекта почитания до сих пор не установлен. А если и тут начнем искать общие корни или сближающие аналоги, то найдем в санскрите корень «муч, моч, мок» — мочить, мокнуть, истекать. В древнеиндийской религиозной философии есть и такое понятие, как «мокша» — истекание души из тела, освобождение ее от плоти. Этот термин определяет смерть. Мокошь — не было ли это божество, символизирующее смерть или, может быть, даже насылающее ее? И не его (ее) ли молили об отвращении гнева, принося ему (ей) жертвы в стремлении сохранить жизнь?

В завершение этих сопоставлений, необходимость углубления и продления которых давно назрела, вспомним еще лишь один пример. Мы знаем, что капищем назывались у славян места поклонения идолам, а вот как назывался сам идол — не знаем. Заглянув в санскритские словари, встретим там слово «капа», означающее «группу богов». Нам думается, что напрашивающееся сравнение даже не потребует глубокого аналитического разбора и разьяснения.

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И ИНДОАРИЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ И МАГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Восточнославянские языки

Берегиня — добрый дух, охранитель.

Ведать — знать.

Велес, Волос — высокочтимый «скотий бог», бог богатства. Возможно, его культ возник еще на севере как культ медведя, хозяина лесных зверей.

Аналоги в санскрите

Бхрь — поддерживать, одаривать; **бхáрана** — поддерживающий.

Веда — знание.

Вáла (бала) — волос. шерсть скота; **вáлин** (балин) — волосатый, шерстистый; 2) **бал** (вал) — сохранять богатство, питать, одаривать.

Вила — некий древнейший дух (точное определение невосстановимо). Иногда вил считают близкими русалкам. Иногда добрыми, иногда — злыми. Судя по терминам арьев, ви́лы были близки силам зла.

Волот — былинный богатырь, носитель непреодолимой силы.

Даждьбог — солнце: «солнце царь... еже есть даждь-богъ». Трактровка «Даждь-бог» как «Дай-бог» признается неверной.

Диви, Дивья — богиня.
Диво — диво, чудо.

Жива — богиня-подательница, мать жизни и здоровья;
Живот — жизнь.

Идол — изображение бога как объект поклонения жизни.

Индрок, Индрик, Индра — мифическое существо, освобождающее реки из плена (замерзания?); зверь, живущий под землей и прочищающий «все ключи источные» (Голубиная книга).

Вил — скрываться, разрушать; 2) **вила** — скрытно обволакивающий; 3) **вилая** — смерть, разрушение; 4) **вайла** — (от корня «вил») — живущая в ямах; 5) **вайлоsthана** — место захоронений (букв. — вилостан).

Вáлата (балата) — носитель, проявитель большой силы, мощности.

Дáкша — сияющий, жгучий бог, Солнце. Корень «даг, дах» — сжигать, производное от него «дакш» — огонь (в индоевропейских языках «г» и «ж» чередуются: даг-даж).

Дíва, Дíвья, Дíви — имена солнечной, небесной прекрасной женщины-богини; **диво** — чудесно рожденный, сошедший с неба.

Джив — жить, **джива** — жизнь; **дживату** — жизнь, **дживата** — живой.

Ид — принесение жертвы, молитва; **ида** — призываемый молитвой; **идас** — объект поклонения.

Индра — бог-повелитель громов, хранитель вод, освобождающий их от демона, который их сковывает (видимо, это память о замерзающих реках севера).

Капь, капище — место почитания идолов.

Карна (старорусск.) — птица горя, печали, плачущая о горе.

Кикимора, шишимора — злой дух, богиня смерти, чертиха, беспокоит по ночам детей, убивает их.

Кудесник, чудесник — владеющий заговорами, тайными словами, предсказатель. В. Даль: **кудесы** — чудеса, колдовство.

Крада — круг, кольцо вокруг погребального кургана.

Купала, Купало — божество солнца, огня. В июне самый долгий солнечный праздник Ивана Купала: жгут костры, прыгают через огонь — очищение огнем-солнцем. В. Даль: **купальница** — костер в поле; **купа** — костер. **Купала** (белорус.) — сноп соломы наверху купального костра. Поговорка: после купала не надо жупана — явно о «созревшем» солнце. Ночные эротические пляски — культ солнца (древняя путаница с корнем «куп» — купаться).

Лада, Лад, Лато — богиня любви, брака, красоты. Ее праздник — до июля, до вызревания колоса. Другие имена — **Латона, Лето**.

Ка́па — название группы богов (воображаемой или изображаемой).

Каруна́ — сожаление, страдание горю.

Шिशумара — злой дух, убивающий по ночам детей; смерть детей

Куд — говорить обиняком, не соответствующее действительности; **чуд** — помогать в достижении желаемого, добиваться (для другого).

Кранд — оплакивать; **кранда** — плач, горестное рыдание.

Куп — светить, сиять, быть ярким, возбужденным (по смыслу — солнце); возможен и вариант: **ку** — земля; **купапа** — солнце; **купати** — супруг земли (солнце?); **купала** — возможное словосочетание «охранитель земли» (солнце) по модели «гопала — хранитель стад».

Лад — играть, веселиться, желать; **лата** — обладающая красотой; женщина; стройная женщина; имя небесной красавицы.

Лель, Леля, Лелия — сын Лады, бог весны, молодости, любви. С его весенним праздником связаны обрядовые игры, девичьи хороводы. Его имя упоминают то в мужском, то в женском роде. Он же — **Люля, Люди**.

Мава, мавка — недобрый дух лесов и полей. Его сблизжают с русалкой. Мава обдуривает, «заводит» людей.

Макошь, Мокошь, Мокаша, Могошь — был идол в числе киевского пантеона. Упоминается то в женском, то в мужском роде. Приписываемые функции: богиня урожая, ночная пряжа, покровитель (-ница) мелкого домашнего скота, дающего шерсть. Изображений не сохранилось. Б. А. Рыбаков считает, что женские черты на одной из сторон четырехгранного Збручского идола является изображение **Макоши**.

Мара, Мора — богиня смерти; мор — вымирание; мора — мрак, тьма (В. Даль); **морена** — смерть.

Ний, Ния, Ниям — судья в аду, воздатель за грехи, мститель.

Ліла — 1) хороводные игры девушек, посвященные любви юного бога-пастуха Кришны; 2) народные спектакли, связанные с молодыми героями эпоса — Кришной и Рамой; **лал** — играть, танцевать; **лалана** — радостный, любимый; **лелья** — прижимание, слияние.

Мавь — связывать, запутывать.

Мókша — освобождение души от тела, истечение ее (от корня «муч-моч» — изливаться), т.е. смерть, **мокиш** — быть гневным, **мокшака** — освобождающий, развязывающий связи (пряжа, истончающая и рвущая нить жизни?). **Макха** в Ригведе «имя мифического существа; жертвоприношение (есть много терминов в санскрите, связанных с этим обрядом и произведенных от корня «муч» в его значении «убивать, отпускать, истекать»).

Мáра, мрьтью — смерть; **марана** — умирание.

Ниям — властвовать, замышлять, следить за нарушением предписания (религий), контролировать; **нию** — связывать.

Огонь (огни) — богом не считался, но был объектом уважения и почитания. Возносились молитвы и приносились жертвы огню земному и небесному. Считался (и считается до сих пор) очищающим и благотворно воздействующим на человека огонь костра, печи, свеч и лампад.

Почитался огонь погребального костра; в страхе молились огню, сжигающему строения и леса. Вплоть до XX века в деревнях добывали трением дерево о дерево «живой огонь», прося защитить от мора и других тяжких бед.

Перун — бог небесных явлений, гроз, громов. Главным днем его почитания было 20 июля (возможно, что и другие числа этого месяца), который в христианстве именовали днем Ильи-громовника. Первый бог киевского пантеона, высокочтимый и устрашающий, карал за нарушение клятвы — его именем князья скрепляли клятву.

Род — бог-осеменитель, производитель, источник жизни, покровитель процесса передачи в поколениях крови-руды как носителя жизни (родство-родить и др.). Был главнейшим богов до Перуна, «бога киевских дружин». С ним связан культ рожаниц-покровитель-

Агни — бог огня небесного и земного. Почитается огонь как сжигатель приносимых богам жертв, а также — тел умерших. Высоко чтут огонь свадебного костра, очага. Возжигают ритуальные светильники. Для многих обрядов добывают трением деревянных брусков «живой огонь». Переносят огонь очага в новый дом.

Вáруна — владыка атмосферных вод, гроз (позднее — океанов), держатель неба и земли, хранитель бессмертия, каратель за ложь и грехи; словом «**варуна**» определяется клятва воинов над оружием; **варуни** — западный.

Рúдра — бог осеменитель, даритель жизни, всевластное божество арьев, культ которого в Индии слился с культом аналогичного ему бога Шивы. Описывается как красно-бурый бог, что говорит о связи его имени с исходным корнем «рд» — рудый, родрый, рдя-

ниц женщин, детей, плодородия земных существ и растений.

Сварог — бог небесного света, отец солнца-Дажьбога.

Стрибог — бог просторов и ветра. В «Слове о полку Игореве» ветры именуются его внуками. Его идол был в числе богов киевского пантеона. Являлся одним из древнеславянских атмосферных богов.

Хоре — второй бог после Перуна в киевском пантеоне. Его признают богом солнца, производя его имя от «хоро» — круг и «коло» — кольцо, колесо; отсюда — болгарский танец по кругу «хоро», русский хоровод, а также древняя индоевропейская свастика (четырёх- и восьмилучевая) — знак солнца — русский коловрат. Варианты имени Хорса: Корш, Коре, Корша, Хорос и слово «корж» — круглая выпечка.

Чур — его изображал безголовый чурбан на границах земли племени или поля. Считался охранителем собственности: «чур мое (наше)». Второе значение «бес, вражий дух, отгоняемый заклинанием «чур меня», в эпоху христианства заклятье сопровождалось отрешиванием. **Чураться** — бояться.

ный, цвет крови-руды; рудхира — кровавый.

Сварга — небо. небесное сиянье (от корня **свар** — сверкать).

Стрь — глагольный корень со значением «распространять, охватывать, покрывать»; с приставкой «пра» значит «простирается», откуда образуется и слово **прастара** — простор.

Кхала — солнце; **гол** — солнечный шар; **гола** — круг, сфера (все три значения сближаются с «коло», со словом, видимо, более древний, чем «хоро»); **коло**-врат: слог «**врат**» связан в санскрите с «**врьт**» — вращаться, катиться, и «**врата**» — правильный, регулярный ход жизни, практики.

Чур — воровать, брать себе; второе значение — заставить исчезнуть (раствориться), избавиться.

Яга — ведьма, жаждущая смерти жертвы, стремящаяся сожрать кого либо, живущая в древнем погребальном сооружении — домике на столбах, в «избушке на курьих ножках»
Ездит в ступе.

Яма — могила.

Ярило — бог солнца.

Яга-яджна — жертва (Ригведа); **ступа** — погребальное сооружение, гроб

Яма — бог царства мертвых, конец.

Яр (в индоарийских языках) — страстный, горячий, пылкий.

Спросим себя: в других областях культуры тоже можно обнаружить общие или сходные моменты? Что могло сохраниться от древних эпох? Что менее другого подвергалось влияниям меняющейся жизни? Да, можно обнаружить такие моменты, например в народном искусстве.

В деревнях и городах, на наших рынках и выставках для нас и иностранцев показывают и продают самые разные глиняные фигурки и игрушки: и самые примитивные свистульки и довольно сложные по форме многофигурные композиции. Диапазон этих изделий очень широк. От Архангельска и Вологодской области до юга Украины, как и дальше на восток — всюду их делали деревенские гончары или просто «бабки-непрофессионалки» (лепя их не только из глины, но и из теста). Все они воспринимали свое умение от предков и передавали его потомкам. И мало что менялось в облике и раскраске этих фигурок с незапамятных времен.

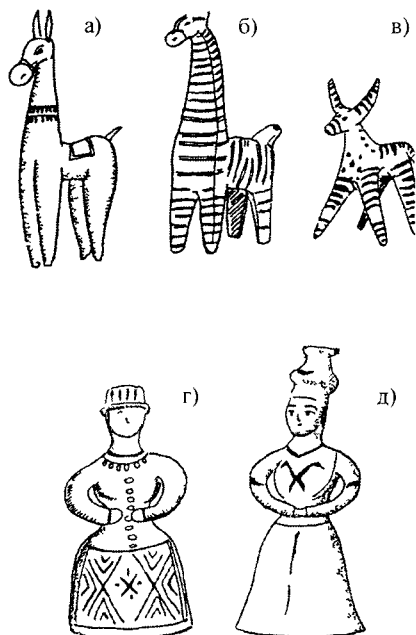
А с каких незапамятных времен? Вот тут снова можно подумать о возможности сопоставления с индоарийской народной мелкой скульптурой. Материалы наших археологических раскопок дают нам очень древние образцы обожженных глиняных фигурок. Но раскраска на них, как правило, не сохранилась, да и доходят они до нас обычно в осколках и обломках, не подвергавшиеся обжигу, и совсем рассыпались, растворились в земле, и мы уже никогда не узнаем, какими они были.

В поисках подтверждения их древности взглянем еще раз в сторону Индии. В этой «стране устойчивых традиций» нерушимо

дошло до современности мастерство народных ремесленников из глубины тысячелетий. От прадеда к деду, от деда к отцу — сыну — внуку — правнуку, век за веком передавалось умение работать, знание и навыки производства. И, несмотря на естественно-исторический рост производительных сил, эти навыки во многом сохранились, как у славян, почти в неизменном виде. Да ведь это же частично можно наблюдать и в нашей стране — какая-нибудь каргопольская бабуля изготавливает, «печет» своих бычков или кентавров (которых она называет «полканами») из глины и окрашивает их так, как это делали — в течение скольких веков? — ее прапрапредки. И Это вполне совмещается с таким занятием высоких специалистов, как запуск космических ракет.

В Индии, где из-за сложившегося в глубокой древности кастового строя, когда внутри каждой касты именно профессия должна была нерушимо передаваться от поколения к поколению, эта живучесть производственных традиций оказалась особенно прочной. Поэтому-то мы и можем там встретиться сейчас с фигурками, пришедшими из той эпохи, когда арьи жили бок о бок с предками славян и культура обеих общностей племен объединялась многими общими чертами.

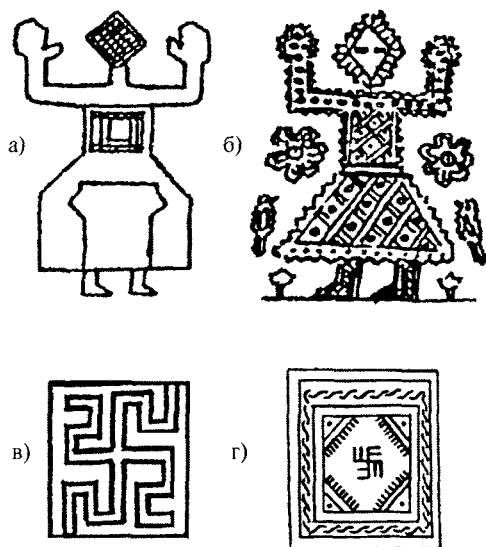
Следы былой близости выявляются и в других традициях, прослеживаемых в материалах и духовной культуре. Неоднократно уже публиковались данные о сходстве мотивов вышивки, издревле повторяемых при изготовлении носильных вещей, и ор-

Глиняные фигурки

а в, д — Индия

б, г — Россия

Традиционные мотивы вышивки:

а, в — Россия;

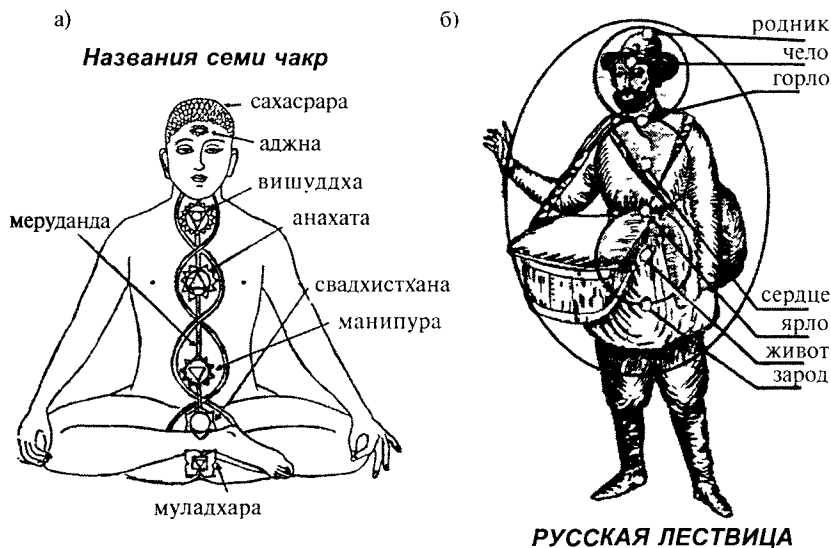
б, г — Индия

наментов, встречающихся в ювелирных украшениях, в резном деревянном убранстве домов, в росписи посуды и т.п. Эти мотивы не случайны — им приписывалось магическо-заклинательное значение, они посвящались природным явлениям, служили знаковыми системами для общения с силами, неподвластными воле человека, и играли роль оберегов от неблагоприятных воздействий на дела, здоровье и жизнь.

Большой интерес представляют также некоторые приемы и установления народной медицины русских и индийцев (по всей вероятности, не только индийцев, а и ряда других народов, но мы остановимся на сопоставлении, которому посвящается вся эта работа). Здесь прослеживается ряд сходных и даже общих черт в сфере, так сказать, человековедения. Всем известны, например, распространенные в Индии знания о чакрах, определяемых в теле человека. Воздействие на эти нервные сплетения лежит в основе физиологической тренировки, предписываемой в системе йоги.

В наше время вряд ли можно встретить собеседника, полностью не осведомленного о йогах, о рекомендуемых ими позах — «асанах» и о значении чакр. Но до самого недавнего времени мало кто знал о том, что с этими рекомендациями и объяснениями сближаются и даже совпадают те представления о роли нервных сплетений, которые издавна известны русским знахарям, спасавшим в течение долгих-долгих веков многих людей от самых разных болезней.

Интереснейшая и очень информативная статья была опубликована в выпуске 5-ом журнала «Мифы и магия индоевропейцев» (М.: Менеджер, 1997). Автор А. Андреев озаглавил статью «Русская лестница», напоминая, что словом «лестница» у русских определяются ступени развития, духовного роста человека. Рассказывая о том, как мистики пытаются проанализировать древние представления о связи учения о нервных сплетениях (чакрах) с установлениями разных религиозных направлений, он очень верно считает, что: «Пути и цели духовного роста представителей любой культуры — результат многотысячелетнего развития»... и в том числе — развития русского народа. Более того, он рассказывает о своей этнографической работе в деревнях близ г. Владимира, где он подробно познакомился с деятельностью знахарей и с их учением о строении человеческого тела. Он отыскал в старых русских лубках изображение «офени» — корабейника, на теле которого были обозначены «русские чакры», имеющие свои особые названия и почти совпадающие по своему расположению с чакрами йогической системы.

- а) По представлениям народных лекарей Индии, вошедшим в учение йоги, чакры — это нервные сплетения, воздействием на которые можно регулировать здоровье человека.
- б) Русская народная медицина знала те же точки, и умелые знахари могли на них воздействовать, но названия этих точек были другими.

Воздействие народных целителей на эти точки проверено веками и тысячелетиями, но игнорирование их понятий официальной медициной привело к тому, что эти знания были преданы забвению (но зато началось повальное увлечение йогой). Кто только не кинулся у нас в йогу — врачи, мистики, сектанты всех мастей, а равно и те, кто просто «интересуется» всем на свете.

Бесценные данные о «русской лестнице», приводимые автором, и названия ее точек, частично сходящиеся и с санскритом, не могут не привлечь внимания всех, кому дороги история русской культуры и память о нашем далеком прошлом.

Немалый интерес привлекают и взаимные сопоставления фольклорных произведений, и их отображения в художественной литературе.

Насколько нам известно, в трудах исследователей фольклора не было уделено должного внимания сопоставлению сюжетов таких поэм, как «Руслан и Людмила» и «Рамаяна» — великий памятник индийского эпоса, переведенный в Индии с эпического санскрита на языки многих народов этой страны и ставший также известным со второй половины XIX и в начале XX века и в Европе. А ведь схождения здесь не малые, и главное — почти совпадают и содержание поэм и качества, приписываемые их героям — как положительным, так и отрицательным.

Всмотримся в эти моменты. И Руслан, и Рама, славившиеся своими подвигами, вышли победителями из соревнования с другими витязями, претендовавшими на руку прекрасных и высокородных невест. Оба героя обрели юных супругов, но при начале расцвета своего семейного счастья лишились их (Руслан сразу после свадьбы, а Рама по прошествии некоторого времени). Обе юные супруги были хитростью и силой изъятые из объятий своих мужей: демонические персонажи Черномор и Равана похитили их. Оба демона уносят похищаемых красавиц по воздуху: Черномор летает на своей волшебной бороде, а Равана — на воздушной колеснице. Ни одна из жен не поддается на уговоры и соблазны похитителей. Демоны помещают и ту, и другую в одинаковые условия — в волшебные сады незнакомой местности (одну на горах, а другую на океаническом острове), в сады, долженствующие очаровать их дивными ароматами и неописуемой красотой. Но обе в тоске и печали ждут мужей, твердо веря, что они одолеют злые чары и спасут своих любимых. И, нако-

нец, верные и храбрые мужья, переборов множество трудностей и препятствий, побеждают демонов в жесточайшей схватке и, освободив милых жен, возвращаются с ними в свои столицы.

Казалось бы, Пушкин основал свою поэму на канве «Рамаяны», воспользовавшись так называемым странствующим сюжетом. Но почему мы не встречаем ее и в других произведениях русской литературы, где столь же близко изложен этот сюжет? Можно предположить, что в каких-нибудь не опубликованных произведениях нашего фольклора могло сохраниться предание о «полетном похищении» жен — тем более что, во-первых, в древности была распространена форма брака-похищения, и оскорбленные претенденты на любовь избранных ими красавиц вполне могли усматривать в удачливых похитителях черты союзников демонических сил, во-вторых, полеты разных персонажей сказок — то на птицах, то на коврах-самолетах, то на волшебных конях — упоминаются и описываются во множестве сюжетов. Следует признать, что отдельные элементы содержания обеих указанных поэм вполне могли войти в ткань преданий и сказок многих народов, но такое почти полное совпадение выявляется, пожалуй, только в этих двух произведениях. Следует ли нам исключать мысль о том, что и это сходство может быть связано со следами древнейшей культурной близости?

Не выявлено, где и когда слагался изначальный стержень содержания «Рамаяны». Известно, что эта поэма, текст которой окончательно определился уже на землях Индии, по своей, как бы мы сказали, «идеологической направленности, стала соотноситься с темой борьбы воинов-арьев с воинами местных доарийских народов, которым арьи и приписывали демонические черты и качества (что нашло свое отражение во многих произведениях древнеиндийской литературы). Но — не древнее ли этот сюжет?

31. ХРАМ ШИВЫ ПОД МУССОННОЙ ГРОЗОЙ

Пуна. Город золотой, незабываемый. Стоит на горах и в окружении гор. От Бомбея, от побережья, дорога идет в глубь штата Махараштра. Бежит вверх, вьется, огибает крутые склоны и стелится по пологим. Она пересекает рощи и поля и минует селения, где все дома прячутся от муссонных ливней под высокими черепичными крышами. Долины внезапно разверзаются прямо

под колесами, и тогда видно, что машина забралась уже очень высоко. Перевал, вниз, вверх, вниз, и вот первые сады Пуны, города зеленого, чистого, полного цветов, маленьких пестрых лавочек и чудесной погоды.

Меня поместили в один из центральных старых отелей. Три комнаты на меня одну, три комнаты, сумрачные, с окнами, затененными навесом внешних галерей.

От всего этого мне стало как-то невесело. И когда на следующий день пришли друзья из Индийско-Советского общества и сказали, что один из жителей города просит меня жить в его доме, я несказанно обрадовалась и тут же перебралась на новое место, в дом семьи Гхóдке.

Мы сразу подружились. Мой хозяин и его жена приняли меня как родную и стали называть сестрой, обижаясь, если я обращалась к ним иначе, чем «брат» и «сестра». А четыре их сына и две дочки тут же превратились в моих племянников и племянниц.

Меня водворили в отдельный дом с пятью комнатами. Я предпочитала пользоваться одной, где и спала и занималась, готовясь к урокам, а остальные отдала в полное владение ящерицам, которые с упоением носились по стенам, ловя мух, бабочек и прочих насекомых. По стенам тянулись узенькие цепочки черных муравьев, а иногда проползали большие серые пауки, которых я ужасно боялась, мысленно умоляя ящериц поскорее их изловить или хотя бы напугать. На стене, на плечиках висели мои платья, и не раз, встряхивая их перед тем, как надеть, я изгоняла из них всю эту живность, включая ящериц. Словом, все, что бегало по двору и саду, бегало и в комнатах. Хотя, правда, змеи не было ни одной.

Каждое утро меньшая из моих племянниц, четырехлетняя Сараю, прибегала звать меня к завтраку и очень огорчалась, когда видела, что я уже встала и не надо меня будить. За завтраком мой брат рассказывал семье о газетных новостях и расспрашивал меня о нашей стране, не уставая восхищаться каждым моим ответом.

Потом я шла проверять тетради своих учеников и до обеда не поднималась от стола. Учеников-то было тридцать, и мне надо было в 40 дней преподать им годовой курс русского языка!

Потом прибегал кто-нибудь из детей, а то и трое или четверо вместе, чтобы позвать меня к обеду. За обедом всем ставили

по металлическому плоскому блюду с горой риса и чашечками разных приправ к нему. Надо было видеть, как каждый лил эти приправы в рис и мешал его правой рукой (обязательно правой, левая рука нечиста — ею выполняют туалетные функции: гигиеническое правило, необходимое в условиях индийского климата). Все и всюду в Индии так едят. Но я при всей моей зависти к такой ловкости сама так и не научилась этому, а пользовалась вилок да ложкой и чувствовала себя белой вороной. Как и на собраниях или зрелищах, все сидели на полу, а мне подавали стул, и я возвышалась над всеми, словно для обозрения. Очень неловко, а на полу не могла просидеть и десяти минут: то нога онемевает, то в боку заколет, то спина заново, ну, словом, никак. Нужна тренировка.

После обеда я ехала на урок на четыре часа. Для меня это были «звездные часы», и пролетали они незаметно. Я любила, очень любила эту работу. Мне нравилась легкость, с какой индийские студенты воспринимают уроки, их интерес к нашему языку, милое произношение и та радость, с которой они открывали схожесть многих русских слов с индийскими: «у вас «сахар» и у нас «сахар», у вас «земля» и у нас «дзумля», у вас «деньги» и у нас «денги», — как замечательно!»

А уж когда я на уроках или лекциях начинала систематически прослеживать родство словарного запаса русского языка и санскрита и сходство их грамматического строя, тут радости не было предела. Нашей общей радости. Словом, я любила эту работу.

Вечером, после ужина, когда я сидела под лампой и готовилась к урокам, в комнату слетались и заползали все мухи, мошки, бабочки, мотыльки и жуки, какие только там водились. И когда вывелись однодневки, то их набилось ко мне такое множество, что утром пол оказался покрыт целым слоем их крылышек. А их самих съели ящерицы и, отяжелев, спали по углам, цепко держась своими лапками за поверхность стен.

Иногда моя старшая племянница, кудрявая красавица Налини, приходила ко мне, упрашивая меня немножко отдохнуть, а когда я ложилась, она опускалась на пол у кровати и разрисовывала мне хной ладони и пальцы рук. Какой это ни с чем не сравнимый отдых, когда в жаркий день по вашим пылающим рукам легко скользит тонкая кисточка, смоченная холодной жидкой кашецей из хны! Какое незабываемое удовольствие! И

легкий свежий запах хны, похожий на ночной ветерок, — как все это удивительно освежает, успокаивает, усыпляет.

За сорок дней, прожитых в этой семье, я так привыкла к каждому из них, так искренне подружилась с ними, что действительно воспринимала их как родных. И никогда не забуду их ласку, приветливость и доброту.

Мой брат и мои друзья-студенты много возили меня по Пуне и вокруг нее, многое мне показывали и со многим познакомили. Все, о чем я слышала, читала, что изучала, — все открывалось здесь передо мной, делалось близким, явным, ощутимым.

Сомавар — понедельник. Это день бога Шивы. Все истинные шиваиты в этот день посещают храмы, чтобы поклониться священному фаллосу — символу созидательной энергии бога.

Как и со всеми богами, с Шивой индийцы обращаются, просто, по-домашнему, доверительно делясь с ним своими чаяниями и прося помощи так, как просят ее у друга или родственника. Часто к нему обращаются женщины, жаждущие потомства.

Бог-оплодотворитель, великое начало всех начал — он должен помочь! — и тысячи паломниц стекаются в прославленные храмы, прижимаются животом к огромному каменному фаллосу, молят о зачатии. Жрецы бормочут мантры, собирают дары, приносимые богу, а иногда играют роль и самого бога, зарождающего жизнь в лоне женщины.

А вот на типографских бумажных иконах, которые продаются почти на каждой улице и которыми обвешана и оклеена изнутри каждая лавочка, всемогущий Шива изображается и по-другому.

Здесь он сидит на расстеленной шкуре оленя, шкурой же покрыты его чресла. Он погружен в великое безмолвное раздумье, он йог-отшельник, он созидает мыслью.

Лежит невдалеке верный бычок Нанди, а вокруг горы, горы, горы. Это Гималаи — престол богов, приют отшельников, родитель великой реки Ганга.

Ганг, или, точнее, Ганга, тоже изображается на этих картинках в виде водной струи, стекающей с головы Шивы и бегущей по траве. Как она попала к нему на голову, спросите вы?

Она была вызвана к жизни другим богом Вишну. Она низринула могучим потоком из большого пальца его ноги на землю. Увидев, что ее падение причинит много разрушений, Шива принял ее на свою голову, и она растеклась на несколько мирных потоков, разделенных его локонами.

Но Шива бывает и гневен, и тогда огонь его гнева может испепелить весь мир. Он дуалистичен, он созидает, разрушая, и разрушает для созидания. Когда он танцует бхайрав, танец гибели, трепещет вся Вселенная.

Таким знает Шиву народ Индии, такому Шиве молятся, таким он предстает и перед чужеземцами, покупающими его бронзовые изображения в качестве сувениров.

В один из понедельников мой хозяин и брат сказал мне:

— Дорогая сестра, хочешь поехать с нами в храм бога Шивы?

— О, конечно, — не замедлила я с ответом. — Когда едем?

— Все готово. Идем в машину.

Набились, как всегда, в машину так, что было даже непонятно, как это вообще можно поместить в ней столько человек, и двинулись в путь. Миновали сады и коттеджи Пуны, проехали по шоссе между гор — не помню, сколько миль, — и остановились. Направо до следующей гряды холмов лежало лессовое поле, налево громоздились каменистые невысокие горы. На ровном поле виднелись пальмы, пальмы, — и больше ничего.

— А где же храм? — не вытерпела я.

— Сейчас пойдем, сестра, не спеши.

— Далеко?

— Сколько бы ни было, бог нам поможет.

— Ну хорошо, пойдем.

К счастью, мы оставили в машине с шофером маленькую Сараю, потому что все, что разыгралось в дальнейшем, могло

Бог-разрушитель Шива является в столпе небесного огня (инд. картинка)

вообще лишить семью моего названного брата этой очаровательной девочки.

Мы двинулись прямо по гладкому полю, растрескавшемуся от жары и поросшему редкой травой. Под ногами носились на страшных скоростях сотни тысяч крупных черных длинноногих муравьев. Не в пример всем своим собратьям, которые всегда куда-то целеустремленно двигаются, эти метались как ошалелые во всех направлениях и, насколько я могла заметить, никого не ловили, ничего не собирали и вообще не занимались никакой полезной для себя работой.

Они взбирались на голые ноги людей, ползали по голеням, видимо, не сразу сообразив, куда это их занесло, и тут же сбегали вниз, чтобы опять метаться по земле, как по аду.

Сначала я пыталась их стряхивать с ног, но быстро поняла, что под солнцем это занятие утомительное и полностью бесполезное, и предоставила им носиться по моим ногам сколько угодно.

Разглядывая этих мятущихся муравьев, я не сразу обратила внимание на то, что солнце уже почему-то не печет и что даже стало как будто темнее, чем должно быть в предвечерний летний час. Взглянув вверх, я увидела, что из-за гор и холмов, да к тому же со всех сторон одновременно, на небо, клубясь, лезут густые тучи в тугих черных и белых завитках. Солнце старалось пробиться сквозь них и показать нам пальмы на фоне заката, но могло прорваться через их разрывы только двумя-тремя лучами, а от этого панорама становилась еще страшнее, так как подсвеченные снизу клубы туч делались похожими на дымы огромных пожаров.

— Не кажется ли вам, брат, что скоро будет дождь? — осторожно осведомилась я.

— Да, будет, — оглядев небо, спокойно ответил мне мой милый Гходке.

— Ну а как же мы? Ведь это будет муссонный дождь, — пыталась я все-таки выяснить наши ближайшие перспективы, зная, что слово «муссонный» само по себе объясняет индийцу многое.

— Да, сестра, благодарение богу, муссон начался.

На этом разговор оборвался, и мы продолжали свое шествие в неизвестное, но явно грозное будущее.

Шоссе давно скрылось из глаз, мы отошли, вероятно, миль на три. Впереди виднелась роща. Подойдя ближе, мы разглядели

белый конус храмовой крыши в густой зелени огромных манговых деревьев и флаг бога Шивы над ней.

— Ну вот, дорогая сестра, мы и пришли.

Я уже боялась даже взглянуть на небо. Я только заметила, что еще только что храм был ясно виден среди зелени, а теперь мрак сгустился так внезапно, что не поймешь, где храм, а где деревья. К тому же налетел сильный ветер и стал отчаянно трепать ветви деревьев. Поднялся ужасный свист и вой, да на все это сверху еще внезапно обрушился гром. Причем не наш, русский гром, который можно слушать, как музыку, и даже стихи под него слагать, а гром индийской муссонной грозы, сплошной, не прекращающийся ни на миг, сталкивающийся в небе сам с собой и с неимоверной силой ударяющий по земле и по вашим барабанным перепонкам. Гром бога Индры.

Нащупав во мраке руку своего брата, я вцепилась в нее мертвой хваткой и сказала себе, что мы погибнем только вместе. Он прокричал мне в ухо:

— Не бойся, сестра, бог всегда с нами!

— Где все остальные? — завопила я, но он уже не услышал. И вообще, больше никто уже ничего не слышал, кроме грохота, сотрясавшего самые основы всего сущего.

Рука, за которую я судорожно держалась, вела меня куда-то во мрак.

Какие-то ступени под ногами... Мы начали спускаться. И тут ударила долгая яркая молния. В моих глазах навеки запечатлелась картина, которая открылась перед нами.

Лестница крутыми ступенями уходила вниз, во двор храма. Двор был выложен большими плитами серого камня, а между ними пучками росла трава.

Ведический бог Индра, владыка гроз
(инд картинка)

Его окружали стены, сложенные из каменных, почти необтесанных глыб. Деревья, густые и черные, в ужасе метались по ветру. За двором беспокойно неслась черная вздувшаяся река, а на другом ее берегу хаотически громоздились темные скалы.

А посередине двора, среди этих туч, скал и хлещущих ветвей стоял храм. Белый, узкий, стремительно взлетающий кверху выпуклым конусом своей крыши, изящный, вычурно отделанный скульптурной резьбой, гармоничный, как сон о совершенстве, застывший здесь много веков тому назад.

Потом снова грянул гром, и сгустился мрак. И рука Гходке потащила меня вниз, по плитам двора, к двери храма и в храм. Здесь мы наконец перевели дыхание и смогли оглядеться.

Мы стояли в круглом небольшом помещении. В нишах по стенам мерцали глиняные светильники, освещавшие только самих себя. Каждый наш шаг гулко отдавался под холодными сводами.

А напротив входа в храм, в нескольких шагах от него, во дворе стоял в каменной нише огромный бог-обезьяна Хануман. Весь покрытый красной краской, озаренный пламенем больших светильников, пылающих как факелы, он казался воплощением огня, вспыхнувшего во мраке этой грозовой ночи. И ничего не было видно оттуда, где мы стояли, кроме безграничной тьмы и огненной фигуры огромной каменной обезьяны в позолоченном шлеме и с булавою в поднятой руке.

Оторвав наконец зачарованный взгляд от Ханумана, я обнаружила, что осталась одна.

— Брат, где вы? — воззвала я в ужасе.

— Здесь, иди сюда, сестра, — донесся откуда-то из-под земли голос Гходке.

Тут я заметила маленькую дверь в стене и проникла сквозь нее еще на одну лестницу, ведущую дальше вниз.

Держась обеими руками за каменные стены, я спустилась и обнаружила здесь всю нашу компанию. Они молились, стоя вокруг шивалингама, еле освещенного масляным светильником. На шивалингама капала вода, и было очень холодно в этом подземном святилище.

И очень тихо — сквозь толщу каменных стен и пола гром не проникал сюда.

А когда мы вышли наверх, то на нас обрушился еще и ливень.

Кто не был под муссонным дождем, тот не может себе представить, что это такое! Вы сразу попадаете на дно реки или озе-

ра и двигаетесь в толще воды, не задышавшись только благодаря чуду.

По дну такого озера, которое еще недавно было двором храма, мы быстро пробежали к лестнице, взлетели наверх и укрылись под сводом ворот

Ливень хлестал, выл, свистел, шипел, сверкал, мешался с громом и молниями. Сквозной ветер с воем неся в туннеле ворот, а мы сидели на каменных скамьях, мокрые, ледяные, прижавшись друг к другу (женщины на одной

скамье, мужчины на другой: Индия — всегда Индия!), и, стуча зубами, не чаяли выбраться отсюда. К нам присоединялись еще какие-то паломники, вынырнув из водяного мрака, — старая женщина и двое мужчин. У одного был на руках маленький ребенок. Он спал, положив голову отцу на плечо. Все были такие же мокрые, как мы, но все кротко улыбались и никак не выражали своего отношения к истории, в которую попали. Завязался тихий разговор

Из этого разговора выяснилось, что обратного пути нет, так как по полю несутся с гор потоки селя, промывшие себе в мягкой почве глубокие русла, и что надо пробовать добраться до шоссе кружным путем, горами, но во время дождя это небезопасно.

Когда Гходке перевел все это мне, я только тихо вздохнула

Посоветовавшись еще с полчаса, мои спутники решили все же попробовать добраться до шоссе полем .

Автор присутствует на почитании
Шивалингамы в храме Шивы

Гходке, сказав: «Мужайся, сестра, бог нам поможет», взял меня за руку, и мы двинулись в крошечный мрак под потоки дождя. С первых же шагов я уяснила себе, что в обуви идти невозможно, так как мы проваливались в грязь почти до колен и мои босоножки застревали на дне этих ям, охватывая ноги, как кандалы.

Я их содрала с себя и понесла в руке, но тут же с ужасом ощутила, что почва набита мелкими острыми камнями и что вывих ноги будет, по-видимому, самой легкой и безопасной травмой в данной ситуации.

Пройдя таким образом шагов сто из нужных нам трех или четырех миль, мы встретились с первым потоком селя, который с бульканьем и урчаньем неслись во тьме, поперек нашего пути.

Человек, у которого был ребенок на руках, молча вошел в эту черную бурлящую реку и сразу же провалился по пояс. Мы еле вытащили его обратно.

Потоптавшись в размокшей земле еще минут пять, мы решили вернуться в храм — единственное твердое и прочное место в этом хаосе из мрака, воды, грязи и катящихся камней. Вернулись. Мокрые, иззябшие, опять сели на ледяные каменные скамьи в потоке сквозняка.

— Хороший муссон! — сказал кто-то с удовлетворением.

— Да, хорошо, — подхватили все. А я подумала о возможности совсем разных подходов к одному и тому же вопросу. Умом я понимала радость моих друзей, но не могу сказать, чтобы я разделяла ее всем сердцем.

Вдруг во дворе храма возникла еще какая-то неясная фигура, оказавшаяся местным жрецом. Выяснилось, что он живет здесь со своей женой в комнатке в толще стены. Я прошла в их жилище. В отблесках светильника я различила сосуды для воды и пищи, очаг в углу, циновки на полу и старую женщину, сидевшую на корточках у очага.

Охваченная приступом малодушия, я прошептала Гходке:

— Брат, оставьте меня здесь до утра. Я обсохну и согреюсь. А утром приеду домой.

— Что ты, сестра! — воскликнул он. — Как я могу тебя оставить без своего глаза. Нет уж, я за тебя отвечаю перед твоей страной, всюду пойдем вместе. Скоро мы двинемся в путь.

Я бросила тоскливый взгляд на закопченные стены, на привлекательные циновки, на низко нависший потолок, на очаг,

где теплился огонь — о господи, огонь! — на весь уют простого человеческого жилья. ограждавшего людей от бушевавшей за стенами стихии, и — шагнула за своим братом в мокрую ночь. Но зато теперь он был вооружен керосиновым фонарем, а это уже значило для нас очень много.

Решили пробиваться через реку и холмы кружным путем. А до реки ведь еще был двор храма, залитый теперь водою. Спустились, стали переходить его вброд, как вдруг Гходке стиснул мою руку:

— Осторожно, змеи!

Вот этого только и не хватало!

И тут же в отблесках фонаря у самых ног проплыла одна змея, а у стены, пытаясь на нее взобраться, извивались в черной воде еще две, высоко подняв маленькие головки. От этого зрелища меня бросило в жар, и мне показалось, что вся вода вокруг кишит змеями, выгнанными ливнем из своих нор. Может быть, так оно и было, но мы быстро пересекли двор, стараясь не вглядываться в извивы черного нефтяного блеска у наших ног.

— Не бойся, сестра, — не забыл сказать мой Гходке, — это змеи бога Шивы. Он не допустит, чтоб они сделали нам зло.

— Да, да, конечно, я не боюсь...

— Идем. Вперед. Не бойся.

— Идем, идем. Только скорее.

Реку переходили по мосту вброд, так как он был перекрыт быстро катящейся водой. Мне до сих пор удивительно, что никого из нас тогда не смы-

Кобры — змеи бога Шивы
(Бенгальский лубок)

ло с моста. Потом карабкались на скользкие скалы, потом шли прямо, держась друг за друга и с чавканьем вытаскивая из жирной грязи одну ногу за другой. Шли во мраке и во мрак. Я решительно не понимала, откуда эти люди знают правильный путь и как они его находят.

Ливень стал слабеть и превратился в обычный дождь. Теперь наше шествие возглавляла та самая паломница, которую мы встретили в храме. Несмотря на свой почтенный возраст, она шла бодро и уверенно, как будто твердо знала эту невидимую во тьме дорогу, лишенную, на мой взгляд, всяких примет.

А тут и дождь кончился, и сразу нас охватило тепло индийской летней ночи. Стало даже весело шагать по колено в грязи. Старая паломница что-то рассказывала человеку с ребенком, и все смеялись. А удивительный его ребенок так и спал все время, так и не проснулся. Я уж думала, не задохнулся ли он под дождем, но нет, был живехонек.

И вдруг вокруг нас заплясали звезды. Десятки звезд. Они почему-то светились под ногами, сбоку, впереди. И казалось, что мы, как в невесомости, медленно кружимся во мраке вокруг собственной оси. Это мы вошли в рой светляков. Огромных. тропических, настоящих. И оттого, что они сместили представление о небе, которое должно держать звезды над головой, голова начинала кружиться. Можно было упасть, потеряв равновесие. Но мы не упали. Не знаю, почему не упали другие, но я потому, что меня вел за руку мой милый, заботливый Гходке.

Так мы добрались до шоссе, а там, грязные и мокрые, как отряд болотных кикимор, сели в автобус, и он привез нас к тому месту, где нас ждала машина. Увидев в окно, что мы проезжаем мимо нее, все загалдели, шофер остановил автобус, и мы высыпали во мрак и снова набились в машину, где безмятежно спала маленькая Сараю.

Гходке пригласил с нами и старую паломницу, привез ее домой, посадил в самое лучшее кресло и заставил всю свою семью поочередно поклониться ей в ноги. Разбудил и спавших мальчиков, и они тоже кланялись ей в ноги.

— Это за то, что она спасла тебя, сестра, и вывела нас всех на дорогу. Она нам теперь как мать.

Почтив старую женщину таким образом, ее посадили в машину и отвезли домой.

А за чаем я спросила:

— Как она нашла дорогу в этом мраке?

— А она много лет каждый понедельник ходит в этот храм поклоняться богу Шиве, — ответили мне.

Засыпая в этот вечер, я стала старательно подсчитывать в уме, сколько понедельников в году, сколько их в сезоне дождей и сколько миль она проходит каждый понедельник, одна, в любую погоду, при свете и во мраке.

Наутро же я простилась с милой гостеприимной семьей Гходке, с золотым городом Пуной и с горами Махараштры. Мой дальнейший путь лежал в не менее привлекательные области Индии.

32. КОБРЫ, ЙОГА И НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Каждый день в Индии преподносил мне новые уроки — уроки истории, религии, культуры.

Наг-панчамй — праздник змей. В этот день и заклинатели змей, и просто жители некоторых деревень, где сильно развит культ змей, идут в леса и приносят оттуда корзины, полные змей, выпускают их на улицах и во дворах, осыпают цветами,

Индийская кобра .

поят молоком, набрасывают их на шеи, обертывают вокруг рук. И змеи при этом почему-то не кусаются. Иностранцы любят приезжать смотреть на эти змеиные вакханалии и фотографировать их, но через закрытые стекла машины.

Наг-панчами длится целый день, а к ночи усталые от человеческих ласк змеи уползают к себе домой. Трудно поверить, что при этом змеи никого не кусают, но газеты обязательно сообщили бы о таком несчастном случае. Однако подобных сообщений я ни разу не видела.

Наг — это кобра. И только кобра. Все другие виды змей называются собирательным словом «сап». С коброй связано в Индии огромное множество мифов, преданий, верований, обычаев и просто рассказней. Кобра священна. На ней, воплотившей в себе идею вечности, покоится в волнах Мирового океана бог Вишну, покровитель добра и закона. Под сенью раздутых капюшонов многоголовой кобры сидел Будда во время проповедей, обратив ее перед этим на путь добра силой своего учения. Под огромной коброй изображается и могучий Баларама, брат бога Кришны. Кобры обвивают и шею всемогущего Шивы, охватывают своими кольцами его руки и голову. Словом, почти во всей индийской иконографии в том или ином виде присутствует кобра.

Каменный алтарь кобры близ деревни

Она присутствует все время и в жизни индийцев, особенно индийских крестьян. Нигде они не защищены от встречи с коброй, не только в поле и в лесу, но и дома. Если кобра заползет в дом человека, воспитанного в национальных традициях, ее не убьют, ее сочтут воплощением души какого-нибудь предка и будут умолять ее не приносить вреда живым и уйти из дома добровольно.

В газетах часто пишут, что наводнения или силь-

ные муссонные дожди выгоняют кобр из нор и заставляют их искать убежища в деревенских домах. Тогда крестьяне покидают деревни, оккупированные кобрами, и в складчину приглашают заклинателя змей, чтобы он вывел своих подопечных обратно в поле.

В народе широко распространен культ кобры. Почти возле каждой деревни где-нибудь под деревом можно увидеть каменные изображения кобр. Сюда люди приходят мо-

литься им и приносят жертвы — молоко, рисовые шарики, цветы. Здесь же неподалеку обычно бывают и змеиные поры, и к этим отверстиям женщины тоже приносят молоко, прося кобр не жалить детей, не заползать в дома и вообще быть милостивыми.

На крайнем юго-западе Индии, в штате Керала, у некоторых каст имеются в каждом дворе змеиные заповедники, где под кустами живут в норах священные кобры. Если семья переезжает в другой дом, то семейный жрец забирает с собой и всех кобр на новое место.

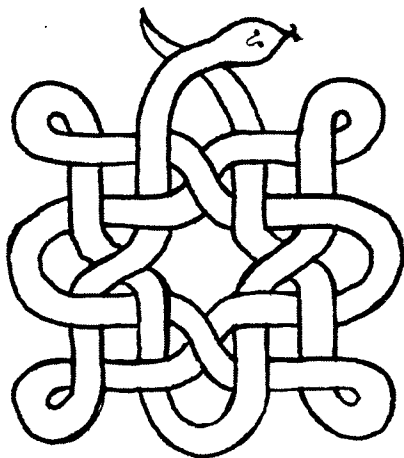
Удивителен тот факт, что домашние змеи никого из членов семьи не кусают, как бы велика эта семья ни была. Каким-то образом эти твари отличают своих от чужих.

В Индии можно услышать много рассказов о кинг-кобре — «королевской кобре». Ее всегда описывают как огромную черную змею, укус которой убивает на месте.

— Однажды, — рассказывали мне мои друзья, — мы ехали на «джипе» и чуть не наехали на кинг-кобру, которая спала на шоссе, протянувшись поперек как толстый канат. Мы остановились и ждали, пока она проснется и уползет.

— Да почему же вы через нее не переехали?

— Что вы! Как это можно! И потом она сразу могла вскинуться — и в кабину. Страшно очень.

Плетенка из кобры — заклинательный символ (янтра)

А однажды к нашему соседу-малайцу кобра заползла в ванную через выводную трубу для воды.

Сев в ванне, он вдруг перед своим лицом увидел раздутый капюшон и многообещающий взгляд змеиных глазок. Не растерявшись, он выскочил из ванны, схватил палку и убил гостью на месте. А потом приготовил из нее жаркое и приглашал нас в гости, но мы отказались.

— Вот замечательно! — восклицал он. — Завтрак сам ко мне явился!

Но это малаец. А в Индии змей, по традиции, могут есть только люди из лесных племен и члены некоторых низких каст. Больше никто.

Заклинатели кобр на улице Дели

Заклинателей змей можно увидеть во всех городах и многих деревнях. Это тоже члены специальной касты. Их много на всех ярмарках и базарных улицах и возле всех мест, посещаемых туристами. Они сидят на корточках перед своими круглыми корзинками, из которых торчат покачивающиеся кобры, и играют на дудках. Иногда кобры начинают выползать из корзинок и совершать попытки к бегству, но их тут же ловят и водворяют обратно.

Так я и не поняла, удалены у них ядовитые зубы или хотя бы железы или нет. Иногда они делают молниеносный бросок

головой к руке укротителя, но кусают ли при этом, мне не удалось разглядеть. Говорят, что заклинатели делают своеобразные прививки своим детям: втирают им яд в ранку на коже сначала микроскопически малыми, а затем все большими дозами и таким образом делают их невосприимчивыми к яду. Говорят также, что они умеют излечивать людей, укушенных змеями, пользуясь для этого какими-то своими средствами, секрет изготовления которых строго хранится в их семьях. И что они вообще умеют лечить самые разные болезни. Что ж, и это возможно.

В Индии можно в равной мере всему верить или ничему не верить. Сначала Запад увлекся «тайнами Востока», потом начал все критиковать, а теперь пытается осмыслить и проанализировать эти древние тайны с позиций последних научных достижений.

- Вы недавно вернулись из Индии?
- Да.
- А йогов видели?
- Да.
- Они очень тощие?
- Нет.
- Так что же, значит, упитанные?
- Скорее да.
- Они образованные?
- Да. Многие.
- Они действительно могут умирать и воскресать?
- Нет.
- А умеют подолгу не дышать?
- И да, и нет. Умеют владеть дыханием.
- И могут ходить по горящим углям?
- Да. . Некоторые.
- Они все время молчат?
- Нет.
- Гипнозом владеют?
- Да. То есть не все...

Не успеваешь отвечать на вопросы. Особенно трудно ответить на вопрос о том, что такое йога — религия, философия, морально-этическое учение или система физиотерапии?

Пожалуй, больше всего подходят три последних определения

Вкратце о йоге рассказать очень нелегко. Она входит в число шести традиционных школ древнеиндийской философии. Санскритский глагольный корень «юдж», от которого происходит слово «йога», имеет много значений и в том числе такие: «уметь сосредоточивать свое внимание», «заставлять (впрягать) себя», «использовать, применять», «сливаться, воссоединяться». В последнем случае добавляются иногда слова «с божеством или с волей божества». Хотя и тут известны варианты — «сливаться с изначальной энергией Вселенной», с «сутью материи», с «первичным разумом» и т.п. Так что говорить о йоге в основном как о религии нельзя — можно говорить о том, что неоднократно в истории Индии появлялись проповедники той или иной религии, которые включали ряд философских положений йоги в свои вероучения. Существовало и в самой философии йоги, как уже упоминалось, понятие о слиянии с Абсолютом, поэтому ряд проповедников этой системы отводили ему заметное место.

Философ и грамматик древней Индии Патанджали создал классическую работу «Йога-сúтра», которая до наших дней во многом служит основой учения йогов.

По давней традиции, унаследованной от неведомых нам веков, весь путь йога делится на два основных этапа — хатха-йога и раджа-йога. Первое название трактуется как «силовая йога» и как «йога насильственного отторжения духа от земных забот (в целях сосредоточения мысли)». А второе — как «йога полного овладения (телом и духом)», «йога владычества».

Йог (то есть человек, овладевший йогой) называется в Индии «йогин» или «йоги». Йогинам приписывают — особенно тем, кто овладел раджа-йогой, — великую силу духа, мистическое проникновение в суть вещей, умение влиять на те или иные состояния материи, умение предсказывать будущее, передавать свои мысли на любые расстояния и равным образом воспринимать чужие мысли. О них говорят, что они молча беседуют друг с другом.

До наших дней учителя раджа-йоги отбирают себе учеников из числа тех, кто в совершенстве постиг хатха-йогу, и обучают их своему «истинному искусству высокой духовности» обычно где-нибудь в отдаленных горных или лесных убежищах, называемых ашрамы.

— Скажите, — спросила я как-то у одного из йогов, — можно ли европейцу быть принятым в такой ашрам?

— Нет, — ответил он, — такие попытки со стороны европейцев делались неоднократно, но безуспешно.

— Да почему же? Ведь хатха-йогой овладевают многие и вполне могут выдать себя за одного из жителей Индии, особенно если хорошо знают язык.

— Нет, — убежденно возразил он, — это совершенно невозможно. Истинного учителя раджа-йоги не обманешь, он все о вас узнает раньше, чем вы успеете открыть рот, чтобы осквернить его ложью.

«Ну и ну», — подумала я и больше вопросов на эту тему не задавала.

Итак, оставив в стороне искусство раджа-йоги, остановимся вкратце на хатха-йоге, или физической, вернее, физиологической йоге.

Ее основой является тренировка каждого мускула и сустава, каждого органа и нерва с целью управления всеми процессами, протекающими в каждой клетке организма. Достижение нравственного и психического равновесия и успокоения нервной системы тоже входит в цели хатха-йоги. Иными словами, конечным ее результатом должно быть полное и гармоничное развитие человека и избавление его от подверженности различным заболеваниям и резким психическим колебаниям.

За последние годы в Индии заметно возрос интерес широких кругов общественности ко всем областям национальной культуры — интерес, во многом заглохший в годы английского колониального владычества, в частности к йоге. Таившаяся в «туземных недрах» теория и практика йоги стала после освобождения страны приобретать все более громкую известность не только у себя на родине, в Индии.

И именно хатха-йоге выпала честь привлечь к себе почти всеобщее внимание. В Индии и других странах с каждым годом издается все больше книг о хатха-йоге, публикуется много статей. На Западе возникают дискуссии о ее вреде и пользе, о необходимости ее внедрения или о категорическом ее запрете.

Как и во всяком новом деле, или, точнее, во вновь открытом древнем деле, авторы иногда доходили до крайностей в полемике и практике. Многие начали выполнять одно из самых сложных упражнений — стоять на голове, причем не меньше чем по 20—30 минут, забывая о своем возрасте и физическом состоянии, особенно о кровяном давлении, и нередко упражнения кончались трагически. Мера вещей в этом вопросе европейцам

известна плохо, а индийцы, естественно, могут только в письменной форме давать пояснения, да и то далеко не все.

В практике хатха-йоги прежде всего должен учитываться климат страны. Например, автор книги предписывает выпивать большое количество воды в течение дня (а сторонников таких предписаний среди учителей йоги довольно много). В климатических условиях Индии эта вода быстро выходит через потовые железы и испаряется с поверхности кожи, охлаждая ее и регулируя процессы теплообмена организма. А вот если кто-нибудь из нас решит методически, в соответствии с книжным руководством, пить по 10—15 стаканов воды в день, то попадет в больницу с тяжелыми отеками.

Питание, предписываемое учителями йоги, тоже не одинаково для всех климатических поясов земли, и если в Индии можно прожить (с йогой или без нее), питаясь плодами, листьями, корнями и семенами ряда съедобных растений, то в холодных краях на таком рационе никто долго не продержится.

Поэтому было бы весьма полезным подумать о том, как использовать некоторые из положений йоги для лечения тех или иных болезней. Это помогло бы изживанию модного и порой вредного и неразумного увлечения этой древней и рациональной философией, искоренило бы разные спекуляции на ней и внесло бы в арсенал физиотерапии ряд новых и нужных приемов лечения, безусловно приводящих к самым положительным результатам.

Однажды в Дели к нам пришел йог (хорошо упитанный мужчина с приятными и мягкими манерами, спокойным и приветливым выражением лица и прямым внимательным взглядом), занимавшийся врачеванием в одной из местных больниц.

Поскольку он появился почти сразу после нашего приезда в Индию, мы еще не смогли по заслугам оценить все, что он нам рассказывал, и вникнуть в излагаемые им методы йоготерапии. Запомнилось только, как он разъяснял нам, пользуясь своей традиционной условной терминологией, зачастую не совсем понятной, способы излечения параличей и некоторых неврологических заболеваний.

Он говорил, например, что те особые положения рук и, главное, пальцев индийских богов и святых, которые из века в век изображаются скульпторами, служат иллюстрациями к поучениям йоги о достижении нервного и психического равновесия. Пытаясь перевести его объяснения в ряд понятных нам ка-

тегорий, можно сделать вывод, что, так или иначе соединяя пальцы, мы направляем течение биотоков по одним или другим каналам, и это воздействует на те или иные центры мозга, гася их возбуждение и приводя таким образом человека в состояние покоя. Положение пальцев на скульптурах проповедников как бы призывает слушающих сложить пальцы так же, что поможет им успокоиться, отвлечься от земных забот и сосредоточиться на проповеди.

Рассказ о приемах, которыми йогины лечат, используя прикладывание пальцев или рук самого больного к разным участкам его тела в зависимости от характера его заболевания, мне

Две классические позы (асаны) йогинов. Пальцы рук образуют так называемые мудры — особые комбинации, изменяющие, согласно йогическим представлениям, течение потоков энергии в теле

записать, к сожалению, не удалось, да и понять его без «наглядных пособий» было трудно.

В Индии есть множество клиник йоготерапии, где иногда действительно достигают удивительных успехов в излечении самых разных заболеваний, используя, конечно, не только изменения положения пальцев, но главным образом весь комплекс лечебных поз.

Кроме клиник в собственном смысле слова существуют и институты йоги, где изучают эту систему и теоретически и прак-

тически. С клиниками и институтами связано много врачей, как получивших образование в колледжах по местной традиционной системе Аюрвёды, то есть системе древнеиндийской народной медицины, так и тех, которые обучались в медицинских колледжах европейского образца.

Остановимся для примера на одном из таких учреждений.

Центр йоготерапии в Бомбее — сочетание научно-исследовательского центра с лечебным заведением. Основал его индийский философ, практик йоги и автор ряда книг по системе йоги Свами Кувалаянáнда. Здание стоит на набережной моря, что дает возможность занимающимся всегда дышать чистым, свежим воздухом и несомненно улучшает условия практики хатха-йоги.

Здесь мы прежде всего узнали, что во всей системе йоги большое внимание уделяется этико-моральному воспитанию, или, вернее, самовоспитанию, то есть непрерывному самоконтролю и «обузданию чувств», результатом чего является улучшение не только физического состояния, но и социально-этических норм поведения человека. В «мозговом центре» этого заведения, который находится к востоку от Бомбея, в горном селении Лонавла, по дороге в Пуну, работают несколько врачей и философов, изучающих весь комплекс йоги. Здесь же живут и йоги, прошедшие курс обучения по традиционной системе у специальных учителей. Над этими йогами ведутся постоянные наблюдения — с медицинской точки зрения определяется эффект различных поз и упражнений, предписываемых в течение многих столетий системой йоги.

В практическом центре йоготерапии в Бомбее проводятся регулярные ежедневные занятия как в мужских, так и в женских классах. Мужчинам преподают мужчины, женщинам — женщины. Есть и групповые занятия, но все же основой служит индивидуальный подход к каждому. Ежемесячно врач осматривает студента (пациента) и меняет курс и дозу упражнений в зависимости от состояния здоровья человека и изменений, наступивших в процессе лечения его болезни.

Направление от врача предьявляется инструктору, во время занятий оно лежит на полу возле каждого студента, чтобы практический руководитель мог по мере необходимости сверять свои действия с этими предписаниями*.

* Автор пользуется случаем, чтобы выразить свою признательность Л.Д. Бони за сведения о практических занятиях в институте йоги.

И женщины и мужчины делятся на две категории. К одной относятся пациенты в полном смысле этого слова, то есть те, кто (немало среди них людей средних лет) ищет помощи и излечения от того или иного недуга, к другой — молодежь, отдающая дань моде. Последние стремятся сделать более красивой фигуру, выправить походку, улучшить процессы питания кожи, укрепить волосы и т.п.

В это учреждение принимают и иностранцев, как живущих в Бомбее, так и специально приезжающих сюда для прохождения цикла обучения йоге.

Поскольку йога предписывается не только больным, но и здоровым, то можно, завершив основной курс, продолжать пользоваться в центре услугами инструкторов, а можно впоследствии продолжать эти занятия и дома.

Статические и динамические позы йоги (в которых люди находятся от нескольких секунд до 20—30 мин), известные под названием «асана», составляют основу йоготерапии. С ними обязательно сочетаются ряд «пранаяма», то есть дыхательных упражнений. Йоги предписывают застывание, фиксацию тела в определенном положении с соответствующим этому положению дыханием и выполнение упражнений в медленном и плавном темпе, когда ни одно движение не повторяется больше одного раза. В этом основное отличие их гимнастики от европейской.

Необходимо подчеркнуть, что, когда человек постигает искусство асан, они не только не утомляют его, но, наоборот, приносят ощущение отдыха, непринужденности, отсутствия напряжения и действительно снимают нервные нагрузки.

Всего в системе йоги насчитывается 840 тысяч (8,4 *лакха*) асан. Предание говорит, что древние мудрецы, жившие за тысячелетия до новой эры, отобрали из этого океана асан только 84, считая, что для усовершенствования человеческого рода этого будет вполне достаточно. Практически же, поскольку 84 асаны тоже освоить чрезвычайно трудно, в широких слоях любителей йоги (и даже профессионалов) выполняется, как правило, не больше 20—30 асан, постижение которых требует большого внимания и старания. Современные учителя-йоги настаивают на 16 асанах. Некоторые же считают, что даже две-три из них, регулярно выполняемые, обязательно приведут к улучшению и усовершенствованию той или иной функции организма, и это повлечет за собой и улучшение здоровья в целом, так как в организме ни одна клетка не существует вне связи с другими.

Врачи-йоги строго предупреждают, что не следует вслепую, по учебникам или по совету друзей заниматься йоготерапией без предварительного прохождения тщательного медицинского обследования. Непродуманная практика йоги может привести к ухудшению состояния здоровья.

Как правило, после выполнения асан предлагается 5—10 минут провести в «позе мертвого» — лежа на спине с полным расслаблением всех мышц и думая о чем-нибудь отвлеченном и приятном (можно представлять себе, например, синее небо, поверхность моря и т.п.).

Вслед за этим по системе вышеназванного центра начинаются упражнения «пранаяма». Они направлены на выработку в организме устойчивых рефлексов, связанных с задержкой или усилением кислородного обмена, с замедлением или ускорением сердцебиения и с процессами кровообращения. Поскольку йоги считают, что любая болезнь возникает не как локальное поражение или заболевание отдельного органа или участка тела, а как следствие «общего неблагополучия» организма, то и «общему регулированию» всех естественных процессов и их поддержке они отводят большое место в своей терапевтической практике. Одним из главных упражнений является «уддияна»: полный выдох, за которым следует максимально глубокое втягивание брюшного пресса на 20—25 секунд с задержкой дыхания, с последующим постепенным расслаблением брюшного пресса, а затем — глубоким вдохом. Это повторяется несколько раз (пранаямы в отличие от движений динамических асан могут повторяться). После этой и любой другой пранаямы опять предписывается «поза мертвого».

Женщины, как правило, интересуются асанами, связанными с сохранением красоты и молодости. В описываемом центре, как и в других местах обучения йоге, предлагается комплекс упражнений для сохранения формы щек, молодой кожи на шее и т.д. (частично они описаны в журнале «Индия», издававшемся в Москве).

Надо сказать, что преподавательницы центра в женских группах благодаря своим регулярным занятиям йогой выглядят очень спортивно и молодо.

Преподавание йоги — удивительная профессия для индийской женщины. Предания упоминают лишь одно-два имени женщин, знавших это искусство. Поэтому очень отраднo видеть такое прямое и наглядное доказательство тех шагов вперед, кото-

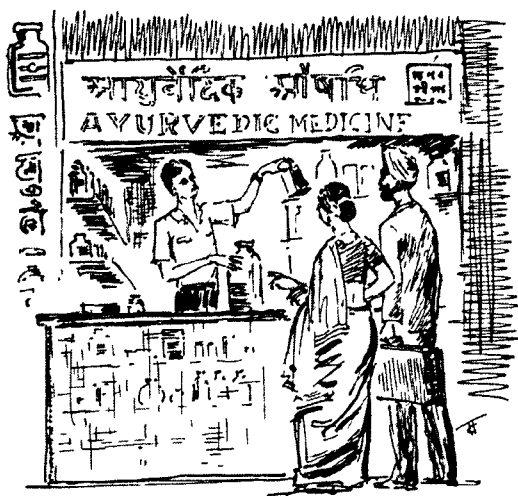
рые индийские женщины сделали по пути общественного прогресса.

В последнее время наши врачи начали уделять серьезное внимание изучению этой, возможно, одной из древнейших форм народной медицины, и хотелось бы выразить надежду, что дело не ограничится временным увлечением и ознакомлению с йогой будет отведено заслуженное место.

Медицина йогов вплотную граничит с Аюрведой, древнеиндийской системой народной медицины, занимавшей уже в I тысячелетии до н.э. почетное место в кругу таких наук, как математика, астрономия, поэтика, философия и т.п.

Пройдя путь развития, измеряемый тремя тысячелетиями, аюрведическая медицина достигла высокого уровня. И в ней тоже многое очень трудно объяснить. Каждый индеец, например, скажет вам, что на улицах, на базарах, в поездах и где угодно еще можно встретить дантиста, который тут же на месте удалит больной зуб бескровно и безболезненно, используя для этого только свои пальцы. И никаких заражений при этом не бывает. Как он это делает — наследственный секрет касты.

Массаж в Аюрведе играет огромную роль. И не только специалисты по народной медицине, но в каждой индийской семье все постоянно прибегают к массажу; чаще всего при головной боли, общей усталости и слабости и при болях в костях и конечностях. Массируют друг другу голову, сжимая ее ладонями и растирая кругообразными движениями пальцев, массируют руки и ноги, потирая их в направлении от пальцев к локтям и коленям, массируют все тело, но как — этого я не могу объяснить, потому что не знаю.

В аптеках Аюрведы всегда есть покупатели
(Рис. С. Потабенко)

Трактаты по аюрведической медицине представляют большой интерес. В них во всех тонкостях разработаны и вопросы медицинской этики, и хирургическая техника, и составы лекарственных средств.

Существует целый ряд предписаний, касающихся внутренних качеств, необходимых врачу, и его поведения. Человек должен был много лет не только «получать знания из уст учителя», чтобы стать врачом, но и воспитывать в себе определенные свойства ума и характера. «Нет лучше дара, чем дар жизни», — сказано в одном из трактатов. «Будущий врач должен, не щадя своих сил, тщательно изучить все стороны медицины так, чтобы народ назвал его подателем жизни», — говорится в другом. Повсеместно встречаются требования к врачу быть внимательным и деликатным: «Идя к пациенту, успокой свои мысли и чувства, будь добр и человечен и не ищи в своем труде выгоды». «Симпатия к пациенту, радость от его выздоровления и стремление лечить даже врагов — эти качества определяют поведение врача». «Пусть доброта станет твоей религией». «Пациент может сомневаться в своих родственниках, сыновьях и даже родителях, но он должен верить врачу, поэтому относись к нему лучше, чем его дети и родители».

Особо предостерегают авторы трактатов против зазнайства и излишнего самомнения. «Если ты сам сомневаешься в чем-либо, дружелюбно обратись к другим врачам и испроси у них совета»; «Будь скромн в жизни и поведении, не выставляй напоказ своих знаний и не подчеркивай, что другие знают меньше тебя, — пусть твои речи будут чисты, правдивы и сдержанны».

Все авторы трактатов подчеркивают, что человек, посвятивший себя медицине, должен и сам неустанно следить за своим физическим совершенством и, главное, содержать себя в чистоте: «Твои ногти и волосы должны быть коротко острижены, руки и все тело чисто вымыты, одежду носи только чистую и белую, украшений не надевай». Такие предписания отражают уже знание правил асептики.

Помощникам врача адресуются специальные указания, требующие, чтобы к уходу за больными допускались только лица, имеющие благородный характер, аккуратные, отличающиеся хорошим поведением и любовью к людям, знающие свое дело. Особо подчеркивается, что от медицинских сестер требуется знание разных диет, массажа, разных способов обмывания больных и умение изготовлять лекарства.

В трактатах содержатся советы глубоко и всесторонне изучать все отрасли медицины, а хирургу — особенно анатомию: «Даже все изучивший хирург может столкнуться с неожиданностями при исследовании тканей, выделений... внутренних органов, сосудов, нервов, суставов, костей, хрящей, развития плода в утробе, при извлечении из тела посторонних предметов, при определении язв и ран, разных переломов и вывихов и т.п. — что же говорить о недоучке».

Здесь привлекает внимание прежде всего перечень возможных болезней и повреждений, известных древнеиндийским хирургам, говорящий о всестороннем и глубоком изучении ими человеческого организма и о том, что они умели наблюдать даже развитие плода в утробе матери.

Хирургам предписывалось широкое ознакомление с теорией медицины, знание сопредельных наук и участие в дискуссиях. Но вместе с тем говорится, что «знающий только теорию дрогнет перед пациентом, как трус на поле боя». С другой стороны, тот, кто знает только практику, тоже не врач, и каждый из них подобен «птице с одним крылом».

Хирургическими случаями должны были заниматься только хирурги, а терапевтам следовало направлять таких пациентов к хирургам, не беря на себя смелость лечить их.

Крайне характерным для жизни индийцев является требование выяснить принадлежность пациента к касте. Это последнее обстоятельство крайне интересно с точки зрения учета врачами образа жизни каждой касты, возможности существования в ней укоренившихся наследственных заболеваний, влияния на здоровье членов касты предписанного ей рода занятий, жилья, одежды, пищи и пр.

Уже древнеиндийскими врачами было замечено, что нервная система играет большую роль в процессе излечения болезней или заживления ран. «Раны быстро заживают у людей молодых, сильных, с хорошим состоянием тела и со спокойным умом». Поэтому и рекомендовалось всеми мерами поддерживать в пациенте хорошее расположение духа.

Большой интерес представляет список предметов, которые использовались при операциях: инструменты, едкие вещества (очевидно, асептические средства), огонь, испытательные инструменты (зонды, шупы и т.п.), рога, которые ставили как банки, сосуды из тыквы, применявшиеся для отсасывания крови,

средства для прижигания ран, хлопок, мягкая ткань, лигатурные материалы, целебные листья, бинты, мед, топленое масло, свиное сало, молоко, растительное масло (все эти масла в горячем и холодном виде применялись для прижигания и покрытия ран и разрезов), освежающие напитки, внутренние лекарства, веера для обмахивания больного, холодная и горячая вода и т.п.

По одному этому списку видно, что предусматривалось все возможное не только для удачного проведения самой операции, но и для того, чтобы облегчить больному его страдания.

Больному перед операцией, особенно полостной, назначалась строгая диета или полное голодание. Судя по перечню производимых операций, древнеиндийские хирурги умели делать кесарево сечение и вызывать искусственные роды, удаляли камни из почек и желчного пузыря и т.п. В трактатах содержится предписание врачам прикрывать чем-нибудь рот или лицо при чихании, смехе и зевоте и указывается, что все инструменты перед операцией следует прожечь на огне.

Судя по всем этим предостережениям, у врачей древней Индии существовало представление — вероятно, чисто эмпирическое — о бактериях и других болезнетворных микроорганизмах.

Техника и приемы проведения операции описываются в этих трактатах со всей возможной полнотой. Не вдаваясь во многие подробности, упомянем только, что врач должен был все время уделять большое внимание состоянию пациента и делать все возможное, чтобы ювелирно точно провести операцию, начиная от разреза (который рекомендовалось делать твердой рукой, единым быстрым движением и так, чтобы форма его строго соответствовала не только цели операции, но и форме оперируемого места на теле, а также приводила бы к минимальной потере крови) и кончая приведением в чувство пациента, лишившегося сознания. Последнее следовало делать с такой быстротой, «с какой человек подхватывает падающую в глубокую воду дорожку ему вещь». Среди ряда других способов для этого рекомендуются массаж и масляные растирания жизненно важных центров.

В послеоперационный период пациента надлежало поместить в чистое помещение и окружить расположенными к нему людьми, «умеющими вести с ним занимательный разговор», но так, чтобы он не волновался и не кричал. Назначалась высокопитательная, но легкая диета и предписывалась особая осмотрительность по отношению к сильнодействующим лекарствам.

Была разработана и этика по отношению к умирающим. Врачам предписывается неустанно бороться за жизнь больного до его последнего вздоха, так как «человек иногда возвращается вспять от самых ворот царства Ямы» (то есть бога смерти).

Врач, который ясно видел, что больной не выживет, должен был до самого конца уверять его в том, что он поправится, а также стараться не причинять боли его родным каким-нибудь неосторожным признанием.

Труды древнеиндийских врачей и теоретиков медицины пользуются большой популярностью и в современной Индии. Они переиздаются как на санскрите, так и в переводах на новоиндийские языки. В Индии существует большое количество медицинских институтов, в которых производится подготовка врачей на базе Аюрведы (они так и известны под названием аюрведических), и специалисты, подготовленные в этих учебных заведениях, имеют дипломы врачей системы Аюрведы и право практиковать на равных основаниях с врачами, изучавшими европейскую медицину. Все фармакологические средства, используемые ими, добываются из трав, минералов и живых организмов, а поэтому в большинстве своем не имеют тяжелого побочного действия и охотно используются больными. Во многих городах Индии существуют аюрведические больницы, где проводится главным образом фармакологическое, психотерапевтическое и самое разнообразное физиотерапевтическое лечение.

И, возвращаясь к змеям, с которых началась эта глава, я хочу упомянуть о том, что их яд издавна примешивают ко многим аюрведическим лекарствам и считают, что он приносит большую пользу. Так что отношения индийцев со змеями сложны и многоплановы.

33. ИСКУССТВО СОЗДАВАТЬ ИЗОБРАЖЕНИЯ

За открытыми окнами ровно шумит муссон. Теплый и влажный воздух втекает в комнату. Аравийское море набегает на камни и отступает в темноту. Все в ночи полно плеска и бульканья, и мне кажется странным, что в комнате на полу нет воды и дом не погружен в морскую пучину. Дождь льет весь день и уже не первый. Льет днем, вечером, все ночи напролет. Спать трудно, влажные простыни прилипают к коже, подушка пахнет сыро-

стью, а стены — клеевой краской. Душ не облегчает, влажным полотенцем невозможно вытереться досуха. Остается одно — лежать, слушать шум воды, засыпая и поминутно просыпаясь. Я и лежу. И слушаю.

У моря мокнут жесткие ветви пальм, и в их листьях шелест воды как бы сгущается, доходя до громкого ворчания или жужжания. Лежу и угадываю по этому звуку, где стоят пальмы. Две почти под окном, а еще две ближе к морю... Да, муссон нужен земле Индии, нужен, необходим, но как же все-таки заснуть?!

Встаю, пью холодную воду, решаю зажечь свет и почитать. Сонно шарю рукой по стене — выключатель должен быть где-то здесь — и... задеваю рамку самой любимой картинки моей хозяйки. Стук, звон стекла.

Я мгновенно осознаю, что картинка разбилась вдребезги. Разбитое стекло могло бы и не сказаться на судьбе любой другой картинки, но не этой. Потому что это была картинка на стекле.

Зажженный свет осветил множество осколков. Мои попытки соединить самые крупные из них и воскресить хоть часть картинки не привели ни к чему. А ведь на ней было изображено семейство бога Шивы. Пока я жила в этой комнате, то изучала каждую фигурку на ней, каждый штрих. Яркая была картинка. Выразительная.

Белый круторогий бычок Нанди гордо попирает тонкими ногами острые пики Гималаев, имевшие форму крутых равнобедренных треугольников, одетых снегом. На его спине, покрытой как чепраком шкурой тигра, сидел, поджав под себя одну ногу, великий Шива. Высоко на его голове были закручены жгутом черные волосы, сдерживаемые узлом из кобры и украшенные сияющим полумесяцем, а в руках он держал трезубец и барабанчик. Он был горд, величав и спокоен — владыка гор, владыка мира, владыка времени. Его глаза прикрыты, взор устремлен в себя: он — владыка йоги. Непонятную угрозу таит в себе третий глаз в его лбу: он — владыка смертоносного луча. Полосами пепла украшены его руки, его лоб, его грудь: он — владыка всепожирающего огня, после вспышки которого от мира остается лишь пепел.

С обожанием смотрит на него сидящая рядом с ним Парвати, дочь Гор, его божественная подруга. Она держит на коленях их сына, толстого мальчика с головой слоненка. В гневе Шива отсек голову своему маленькому сыну, и только слезы Парвати

заставили воскресить мальчика, одарив его головой проходившего мимо слоненка. Так он превратился в слоноголового бога Ганешу, покровителя наук, искусств и жизненной активности.

И вот от всего этого сплетения древних легенд, порожденных богатой и красочной фантазией народа и нанесенного рукой народного мастера на стекло, остались лишь осколки. Что я завтра скажу Гите, хозяйке этой картины?

Проснувшись утром под влажной простыней и на влажной подушке, я прежде всего вспомнила об этих осколках. Надо было идти извиняться.

— Ну что вы, право, какие пустяки, — с улыбкой отклонила мои извинения Гита. — Давайте лучше пить чай. Обещаю вам, что в завтраке красного перца не будет. То есть почти не будет.

— Спасибо. Но все же я очень расстроена. А может быть, я найду в лавках такую же картинку?

— Не думайте об этом, пожалуйста. Да и нельзя ее найти. Их сейчас уже не делают.

— Как? Почему?

— Это старое искусство. Сейчас уже нет этих мастеров.

— И на базаре не найду?

— Нет. Да и не надо затруднять себя. Пойдемте лучше после завтрака покупать вам сари.

— Хорошо. Только все же съездим на базар. Видите, и дождь кончился на наше счастье. А вдруг найдем.

И оказалось, что я не зря настаивала. Пройдя мастерские ювелиров, откуда доносился тонкий перестук маленьких молоточков, лавки с тканями, где по полкам была «разложена радуга», длинные столы, где эту радугу наносили на расстеленную ткань деревянными штампами, гранильные мастерские, в глубине которых жужжали шлифовальные станки и яркими бликами вспыхивали самоцветы, — словом, пройдя мимо всего манящего, радующего глаз и душу красочного многообразия индийского базара, мы все же увидели то, к чему я стремилась: что-то похожее на две деревянные полки, и на них, одна к одной, картинки на стекле. Стекла блестели, картинки пылали яркими красками, их рамочки были украшены узорами из блесков и бисера.

— Видите, Гита, все-таки нашли. А вы не хотели идти со мной. Я же знала, что найдем.

— Да, хорошо, что пришли сюда. А я как-то никогда не заходила в этот угол базара.

Возле полок на циновке сидел мальчик лет десяти-двенадцати. Он широко улыбался, глаза его так и сияли.

— Пожалуйста, мэм са'б, покупайте. Только у нас есть все. Не ходите больше никуда.

Вскочив, он стал показывать свой яркий товар. Картинки так и замелькали в его тонких руках.

— Что желаете — героев или богов? Вот великая мать Кали, у нее, видите, язык красный, она любит кровь. А вот ангрези, англичанин, он бьет слугу, вот это слуга, на коленях. А тут...

— Подожди. Дай посмотреть, — строго остановила его Гита.

Рамочка к рамочке стояли они здесь, герои древних преданий, боги, добрые и грозные, жены, почитающие мужей, пейзажи, люди, священные животные, цветы... Глаза разбегались.

— Я не вижу здесь бога Шивы.

— Да вот он.

И перед нашими глазами сверкнула картинка с нижней полки. Да, это был он, величественный Шива, изображенный в момент своего гнева. Страшен его гнев, несущий смерть всему живому. Гибель от вселенского огня и от жгучей силы всепроникающего луча, посылаемого третьим глазом бога. Глазом во

лбу. Он испепелил этим лучом юного бога Каму, пославшего ему в сердце стрелу любви к прекрасной Парвати и нарушившего таким образом его погруженность в медитацию. А вот и Кама на картинке, спрятавшийся в цветах, и луч, который беспощадно высвечивает его, как луч прожектора.

— Вам эту, мэм са'б! Или обе? Вот еще бог Шива. Берете?

На другой картинке Шива танцевал в кругу языков пламени — все того же покорного ему вселенского огня. Четыре

Бог Шива с супругой Парвати

руки, разлетевшиеся в танце волосы, по-женски грациозная поза. Ритмом своего космического танца он заставлял мельчайшие частицы материи пребывать в непрерывном движении. Если они перестанут вращаться, материя погибнет — таково вкратце философское истолкование этого образа. В нем отражены научные и, к слову сказать, материалистические по своей сути представления древних индийцев о строении вещества.

— Нет, не этот Шива нам нужен. Другого нет?

Тут снова вмешалась Гита:

— Позови отца.

В проеме открытой двери показался мужчина.

— Намастэ, мэм са'б, намастэ. Зайдите в мастерскую, посмотрите товар.

Гита не скрывала своего удивления:

— Как? У нас в городе есть такие мастерские?

— Одна. Только у меня. Я еще делаю эти картинки. Остальные мастера давно занялись другим делом. В нашем квартале, во всяком случае.

В лавке-мастерской работала вся семья мастера. Нарезанные стекла стояли у стены. На полу сидели две женщины и растирали в ступках красители. Еще один мальчик, примостившись возле них, размешивал краску в металлической банке. Из горла жестяного бидона выглядывал пучок кистей. Молодой мужчина у открытого окна, склонившись над пластинкой стекла, тщательно наносил на нее красочный рисунок.

— Можно посмотреть, как он работает? — попросила я.

— Конечно, мэм са'б, пожалуйста.

Вечные сюжеты, порожденные неиссякаемой народной фантазией и умением концентрировать широкие идеи в наглядных изображениях, представляя их в наглядном, общедоступном виде, — все это породило самые разные жанры народного искусства. Картинки, бесчисленные картинки, нанесенные на ткани, стены домов и пещер, на бумагу или стекло, привлекают глаз и заставляют многое вспоминать и о многом задумываться.

О картинках на стекле я здесь пишу особо именно потому, что это искусство можно считать отмирающим или даже почти умершим в современной Индии. Но все другие материалы несут на себе бесчисленные изображения богов и героев, не давая тем, кто их видит, забыть о прошлом, о великом прошлом своей страны, своей культуры. И если сохраняются, скажем, фрески

Фреска на стене пещеры буддийского монастыря Аджанти (VI в н э)

на стенах буддийского монастыря Аджанти, написанные в первые века н.э., то впоследствии и вплоть до наших дней возобновляются в вышивках, в тканых узорах или в ручной, подчас такой наивной росписи, наносимой в деревнях на стены домов или на глиняные ограды, те сюжеты, которые всегда привлекают сердца, всегда служат напоминанием о тех богах, которые видят каждый шаг человека, или о тех великих героях эпоса, делам которых мы все должны подражать.

Таков, например, образ грозной, но и милостивой богини Кали, изображенной по мере сил и таланта простой крестьянкой на внешней стене ее дома,

таков же и Кришна, добрый пастух и вечный борец за счастье и справедливость, и многие другие, которых вы можете увидеть не только на иконах или в храмах, но и в каждом доме, в каждой лавке, на каждой улице.

Мне давно приходилось слышать об изготовлении картинок на стекле, но здесь я впервые увидела процесс росписи стекла.

Я думала, что расписывают лицевую сторону стекла, как это было принято при изготовлении картинок на слюде — более древнем виде традиционного искусства. А оказалось, красочным слоем покрывают, так сказать, «изнанку» стекла, нанося картинку в виде ее зеркального отражения и строго следя за тем, чтобы в обратном порядке накладывать все краски. Сначала, например, рисуют на пустом стекле черты лица, затем на просохшую прорисовку глаз, носа и рта наносят цвет самого лица,

затем — волосы, уши, украшения и т.д. Причем все это делается уверенно и быстро — мастер безошибочно удерживает в голове весь порядок обратного раскрашивания сложных многофигурных композиций. И надо сказать, что этот опыт пришел не из глубины веков, как почти во всех видах индийского художественного ремесла или народного искусства, а начал накапливаться лишь со второй половины XVIII века.

Индия знала производство стекла задолго до этого времени. Много веков ее ремесленники изготавливали цветные стеклянные браслеты, с внутренним и поверхностным узором и с наплавным орнаментом, браслеты вычурной формы, прелестные и нежные, как цветы. Умели они делать и многоцветные флаконы для духов и ароматных притираний. Но листового стекла Индия не знала. Может быть, потому, что окна здесь не стеклили — ни в жару, ни во время муссонов нельзя было преграждать доступ воздуха в помещение. И лишь в XVIII веке начался ввоз стекла из стран Запада — его пластины, вызывая всеобщее удивление, стали появляться на складах торговых факторий западного и восточного побережий Индии.

Прежде всего здесь стали изготавливать зеркала для знатных и богатых людей, а также стеклить окна в домах европейцев. Роспись на стеклах появилась, как считают, под влиянием европейских мастеров. Местные художники сначала стали делать портреты аристократов, но сравнительно быстро народные мастера занялись нанесением на стекло традиционных мотивов.

Изображение богини Кали на стене
деревенского дома (штат Бихар)

По дешевке скупали на складах битые листы, вырезали из них куски меньшего формата и рисовали все, что диктовала их фантазия, что любил и к чему привык народ. И стали появляться эти картинки в домах торговцев и помещиков, ремесленников и земледельцев...

— Вот и готово, — сказал молодой мастер. — Пусть подсохнет. Но только во время муссонов долго будет сохнуть.

— Скажите, — это я вспомнила о разбитой мною картинке, — а нельзя вам заказать сюжет?

— Спросите у отца, пожалуйста.

— Ах да, простите, — и я обратилась к старшему, — сделайте мне, если можно, бога Шиву с семьей на бычке Нанди.

— Хорошо. Какого размера должна быть картина? И мы быстро договорились с ним обо всем, уточнили композицию, цвета, размеры. Я была счастлива, хотя Гита упорно отказывалась от такой компенсации за нанесенный ее дому ущерб.

Сцена из Рамаяны, вожь обезьян Хануман
выслушивает указания Рамы
(картинка на стекле)

Здесь, в Бомбее, я видела довольно много картинок на стекле. Ими были украшены и интерьеры жилых комнат, и стены в храмах и молельнях. В этой части Индии постоянно изображался слогоголовый бог Ганеша — самое популярное тут божество. Жанровые сцены встречались сравнительно редко. Да и вообще такие картинки здесь редки — прав был мастер, умерло, видимо, это искусство и в городе, и в окружающих его землях.

Однако на юге страны и в ее вос-

точных и северных областях продолжают работать мастера, воспроизводя и развивая традиционные сюжеты и обогащая их новыми мотивами.

Боги и богини, принцы и герои, юноши и красавицы смотрели сквозь блеск стекла со стен многих домов, которые мне довелось посетить. Иногда старые, потускневшие, склеенные, иногда новые и яркие, они были интересны и привлекательны. На них изображались старинные костюмы, уборы и прически, в них нашли свое отражение представления людей о правде и кривде, о добре и зле, о героизме, любви, красоте и о вере в высшую справедливость. Мифы и предания как бы фокусируют, обобщают идеи, придавая им образы богов и героев. Эти конкретные воплощения абстрактных понятий известны в Индии всем и каждому — на примерах деяний и чувств мифических и легендарных персонажей воспитывались многие десятки поколений.

Во многих преданиях воспевается Кришна, который почитается воплощением в земном облике самого Вишну, бога добра, правды и закона. Он совершил множество подвигов еще будучи ребенком: спас стада священных коров от яда страшного змея, который жил в реке и отравлял ее воды, покровительствовал всему живому, служа образцом любви и заботы и т.д...

— А что здесь изображено?

— О, это известный сюжет. Ведь Кришна рос среди пастухов и охранял их от всякой беды. Но однажды бог Индра в гневе ниспослал на землю страшный ливень, угрожавший всем живым существам. И тогда Кришна сорвал с земли гору, поднял ее на мизинце и держал как огромный зонт, спасая от ливня пастухов и их стада. Видите, с какой благодарностью здесь смотрят на него люди и коровы. И как радостно прыгают телята.

— Да, вижу. Очень выразительная картинка. А на этой что нарисовано?

— Молодой офицер пришел к чужой жене на свидание.

— А может быть, она не замужем?

— Нет, что вы. У нее тика на лбу и пробор окрашен в красный цвет. Но это было давно — таких мундиров сейчас не носят.

— Очень интересно. А что изображено на этой картинке?

— Это красавица, пьющая вино. Видите, у нее в руках бутылка и стаканчик. Она танцовщица. Это тоже было давно. На

таких девушках хорошие мужчины не женились. Посмотрите, сколько на ней дорогих украшений.

— У вас богатая коллекция. Кто ее собирал?

— Мой дед. А я очень берегу все эти картинки. Вот тут, видите, великий герой Рама на троне, а рядом его верная жена Сита. Вы знаете «Рамаяну», поэму о Раме?

— Да, конечно.

— Ну вот тут изображена одна из последних ее сцен.

— Чудесная картинка! Скажите, а сейчас трудно их достать? Я бы хотела приобрести несколько.

— Я вам помогу их достать.

— Спасибо.

И я привезла их с собой в Москву. Правда, всего три. Но они прекрасно дополнили мою коллекцию старинных картинок на слюде.

Происхождение искусства росписи слюды точно не прослеживается, но известно, что оно было высоко развито на юге Индии, и художники создавали очень тонкие и многоцветные композиции, нанося краски на лицевую поверхность слюдяной пластинки. Сюжетами этих росписей служили в основном темы из мифов, а изображений бытовых сцен я встречала гораздо меньше. Сейчас этот вид искусства уходит в прошлое, и подборки таких красочных миниатюр можно увидеть только в музеях и в частных коллекциях.

В целом и те и другие картинки вызывают восхищение как одна из цветущих веточек широко раскинувшегося дерева индийского народного искусства, уходящего своими корнями в глубину веков.

34. ГОРЫ — ПРЕСТОЛ НЕБЕС

В Индии каждый вид колесного транспорта является умело замаскированной машиной времени. Как только садишься в нее, начинаешь пересекать прошлое — недавнее, давнее и очень далекое, — а затем опять попадаешь в наши дни.

Однажды я поехала в Карли, в пещеры Карли, расположенные вблизи города Пуны, недалеко от Бомбея — в заповедник буддизма, или, вернее, каменную кладовую, в которой давно нет ни книг, ни буддистов, а есть только камни, и они многое помнят и до сих пор хранят атмосферу тех давних-давних дней...

Буддизм — религия, отрицавшая касты, отвергавшая жертвы и умевшая понятно объяснить непонятную цель человеческого существования. Эта религия без бога возникла в Индии, стране многобожия и жертвоприношений, в VI веке до н.э.

Она запрещала поклонение идолам и предписывала поклонение мысли, возмущалась закланием животных во имя богов и учила любви ко всему живому, отрицала обрядовость и утверждала, что сознательные действия во имя личного совершенствования нужнее человеку, чем неосознанное воспроизведение им древнего ритуала.

Религия была нова, сильна, активна. Ее проповедники расходились по всей стране и воспевали повсюду имя Будды, имя Просветленного. И доказывали, что каждый может достичь просветления, даже женщины, которым индуизм закрывал путь к совершенству, к познанию древней мудрости Вед.

В Индии издавна верили в то, что горы — престол богов. Богиня Парвати, супруга всемогущего Шивы, бога-оплодотворителя, бога-создателя жизни, была дочерью гор. И поэтому издавна на горах и взгорьях стояли храмы, посвященные ей. Сюда приходили, чтобы молиться, приносить жертвы. Но вот постепенно на этих местах или вблизи них стали появляться поселения буддийских монахов. Десятки и сотни лет тратили они на то, чтобы выдолбить в толще горных каменных кручей свои кельи и храмы. Буддисты ничего не разрушали, ни с чем не боролись — они учили. купцов, крестьян — всех без исключения. И к их словам начали понемногу прислушиваться.

Статуя Будды Сарнатх V в н.э.

Учитель, проповедник, наставник — гуру — всегда в Индии почитался вторым отцом, давшим духовное рождение. Поэтому с равным уважением относились люди и к словам мантр — брахманских молитв, и к словам проповедей буддистов. Чем шире разрастались колонии буддийских монахов, тем шире разливались реки их проповедей, наконец превратившиеся в море, волны которого захлестнули Индию на несколько столетий, охватив, правда, лишь высшие ее сословия.

В те времена, когда то один, то другой правитель древнеиндийских царств начинал исповедовать буддизм, вероятно, небезопасно было сопротивляться его распространению. Поэтому индуизму пришлось потесниться. Потесниться, но не уйти с исторической арены, благо буддизм никогда и не требовал его искоренения. Буддизм говорил «не надо», но не говорил «нельзя». Брахманы по-прежнему бормотали мантры, орошали жертвенной кровью подножия мурти — каменных статуй своих богов, и по-прежнему члены высоких каст, за редким исключением, судя по преданиям, не выдавали своих дочерей за членов низких. Касты жили своей жизнью, буддисты — своей. Проповедники буддизма не отказывались учить членов любой касты и никогда не призывали к возмущению низших против высших. Буддизм то поглощал некоторые из древних культов, то примирялся с ними и никогда не противоборствовал им.

В III веке до н.э. мудрейший из правителей того времени, великий Ашока Маурья, имя которого и до сих пор не забылось в Индии, попытался объединить страну. Говорят, что, победно завершив битву с восточно-индийским царством Калингой, он внезапно был потрясен видом многих тысяч изрубленных тел. Ашока шел по земле, из которой при каждом его шаге выступала кровь, и вдруг понял, что зло может породить только зло. И тогда Маурья обратился в буддизм и стал учить людей добру и непротивлению. По буддийскому «восьмичленному пути спасения» он повел за собой тысячи своих подданных.

Сам ли Ашока пришел к своему решению, или его советником был какой-нибудь буддийский монах, умевший мыслить государственно и гражданственно, мы не знаем. Известно, что Ашока выработал новые законы, повелел высечь их на каменных столбах и поставить столбы по всей империи. Законы были едины для всех и объединяли всех. Буддизм стал знаменем им-

ператора, примиряя многих непримиримых и призывая «несовершенных к совершенству».

Сотнями и тысячами создавались прекрасные произведения зодчества и скульптуры, посвященные восхвалению новой религии и способствовавшие ее распространению в течение десяти столетий, которые зовутся эпохой буддизма: чайтьи — обширные молитвенные залы, ступы — реликварии, имевшие вид опрокинутой чаши, рельефные и скульптурные изображения самого Будды и разных сцен из преданий о его жизни и т.п.

Однако постепенно буддизм начал клониться к упадку.

Он уже не звал к совершенству дел и мыслей, он потерял живую связь с народом и со временем свернул на запутанные тропы отвлеченных философствований. Монашеские общины еще собирались для взаимных исповедей, как учил их Просветленный, и для бесед о сути просветления, но миряне не приходили слушать их проповеди и не вспоминали о «восьмичленном пути спасения». Объединенные империи снова распадались на мелкие враждующие царства, которые затем объединялись в новые империи, но уже под эгидой индуизма. Правители этих царств, руководимые советниками-брахманами, снова пышно справляли обряды торжественных жертвоприношений. Во многих местах буддийские монастыри были разрушены, а монахи изгнаны. Там вновь стали появляться храмы, посвященные богам индуизма, той религии, которая даже самого Будду причислила к лику своих богов, назвав его одним из воплощений Вишну. Так из двух гибких и сильных борцов один оказался более гибким и более сильным.

Учение Будды растеклось по чужим землям.

Из всех памятников буддизма, составивших одну из ярких страниц каменной летописи индийской истории и во множестве сохранившихся в Индии, на меня наиболее сильное впечатление производят пещерные храмы и жилища монахов. Их видишь уже издалека и кажешься себе муравьем, чья жизнь не длится даже мгновения. Черные отверстия входов, а за ними такие произведения искусства и труда, перед которыми меркнет многое, созданное людьми в другие времена.

Пещеры Карли, хотя и не самые грандиозные из пещерных монастырей, все же широко известны, и я давно стремилась побывать в чайтьях, о которых столько читала и слышала. Они

Скульптура у входа в буддийскую чайтью в Карли (I в до н э)

высечены над древним торговым путем, ведущим с побережья в глубь полуострова. Этот путь превратился сейчас в асфальтированное шоссе, по которому машины и автобусы подвозят туристов прямо к подножию горы, наполовину земляной и заросшей травой и кустами, а сверху, как каменным шлемом, увенчанной скальным массивом. В его толще и высечены пещеры.

Мы медленно шли вверх по земляным ступеням, укрепленным неровными камнями. По многим-многим ступеням. Все ниже и ниже уходили квадратики полей, озерцо, дома, дорога, автобусы.

Наконец дошли. У самого входа в большую чайтью, у величественного темного входа, украшенного пластичными каменными статуями, стоит невысокий, ярко окрашенный новый храм богини Парвати. На фоне серых спокойных скал он выглядит несколько кричаще и никак не гармонирует с ними. Но многие идут наверх только для того, чтобы почтить именно эту святыню. Что сейчас чайтья для индусов? Пустое и чуждое сооружение. Зайти в ее глубокую прохладу, чтобы опомниться от жары и — в храм Парвати, к своей, близкой богине. Сюда еще до буддизма приводили на заклание жертвенных животных, теперь их забивают внизу, под горой. Козы, идущие вниз, отличаются от коз, идущих вверх, к храму, тем, что их шеи украшены гирляндой желтых цветов, означающей, что они уже приняты жрецом в качестве жертвы.

А внутри чайтии вдоль стен строгие шестигранные колонны со скульптурными капителями. Оттуда, сверху, в древности смотрели на тихие собрания буддийских монахов, а сейчас смот-

рят на болтливых туристов каменные слоны и сидящие на них полногрудые красавицы и широкоплечие красавцы. Никто не знает, что за люди здесь изображены. Так их изваяли из камня древние художники, так они застыли на века, свесив со слоновьих спин свои ноги в тяжелых браслетах.

Прохлада, полумрак, тишина. Чайтья имеет традиционную форму опрокинутого килем вверх корабля. В глубине ее возвышается массивная ступа, а на гладкой поверхности ступы выбиты маленькие углубления для светильников. Они густо закопчены — может быть, еще с тех пор? В полу полукруглые ямки, очевидно, для круглодонных сосудов из пористой необожженной глины, в которых по всей Индии и сейчас держат воду: в любую жару можно иметь прохладное питье. И тогда, значит, монахи тоже пили здесь из таких сосудов.

Все вокруг наполнено тенями и полутенями. Они сгущаются за ступой, за колоннами. Слабый свет льется только через вход, солнечные лучи не проникают совсем. Когда здесь стоишь в одиночестве, забываешь о времени, и легко всплывают в воображении картины прошлого. Вот на этой низкой скамеечке, высеченной из камня перед самой ступой, кажется, сидит человек. Его ноги скрещены, а колени разведены в стороны. Пластично меняя сочетания гибких пальцев обнаженных рук, он подчеркивает каждым жестом значение своих слов. Его голова обрита, шафранный плащ перекинут через левое плечо, неосвещенное лицо совсем темное, но все присутствующие хорошо его знают. Он проповедует, он учит их мыслить, и они постигают мысль.

Они сидят перед ним на полу, рядами. Масса одинаковых. Головы обриты, шафранные плащи переброшены через левое плечо. Они молчаливы и сосредоточенны. Гулко плывут под высоким темным сводом чайтьи слова, подаренные Просветленным...

С громким смехом вошла группа молодежи. У одного — транзистор, сразу заполнивший всю чайтью мелодией новой песенки. Весело, беззаботно они принялись все разглядывать и обсуждать. Юные лица освещались улыбками, белые рубашки мелькали за колоннами, фосфорически светясь в полумраке.

Кончается XX век. Люди приходят сюда осматривать памятники своей старины, приезжают на отдых из душевного города.

Буддизм исповедует сейчас почти половина человечества, а в самой Индии, на родине этой религии, насчитывается только около одного процента населения, называющих себя буддистами.

Один из политических деятелей Индии, Амбедкар, связанный по своему происхождению с одной из каст неприкасаемых и возглавивший в 30-х годах XX века движение за выделение всех каст неприкасаемых в отдельную общину и даже за создание государства неприкасаемых, был активным поборником обращения низких каст в буддизм. Многие его последователи стали еще при его жизни объявлять себя буддистами и отказываться от соблюдения кастовых законов, но все же массового характера это движение не приобрело. В современной Индии оно не угасает, особенно в штате Махараштра, где деятельность Амбедкара приняла в свое время довольно широкий размах. Здесь рост буддийской общины превышает в некоторых областях тысячу процентов, хотя в абсолютном выражении эти цифры и невелики.

Поэтому к древним буддийским святыням не прекращается и паломничество верующих. Они благоговейно обходят справа налево ступы и изваяния Будды, в молчании сидят в пещерных святилищах, погружаясь в мысли о далеком славном прошлом своей веры.

Что же сказано в путеводителе о пещерах Карли? «Комплекс пещерных молитвенных залов, высеченный вручную в сплошном скальном массиве два с лишним тысячелетия тому назад. Украшен каменными скульптурами и колоннами».

Диву даешься, как они их высекли вручную. Жилые помещения монахов большие, с боковыми комнатами и каморками. И почти везде, где есть изображения Будды, есть и поздние добавки — изображения лингама Шивы, символа его плодородия, осыпанные красным порошком и украшенные цветами. В простом и наглядном этом сочетании отразилась титаническая борьба идеологий, длившаяся много столетий. «Комплекс» — написано в путеводителе, и этим все сказано. В комплекс входит и гениально рассчитанная игра светотени в каменных глубинах чайтхи, и беззаботный смех молодых хозяев страны, звенящий под ее сводами, и молитвенное настроение верующих, и торгующая кока-колой у входа, и следы давно минувших веков, и эхо клаксонов автомобилей, которые мчатся вниз по шоссе..

Никто не может точно сказать, что только то или только это характерно для Индии. Для нее характерно то, что она является огромным потоком, состоящим из сотен тысяч струй, которые все время меняют свою форму, сливаются и разливаются, оставаясь все же струями в том же потоке. И что в целом он поворачивает сейчас в новое русло, которое прямее и определеннее

прежнего, которое сжимает весь поток и выпрямляет извивы его струй, придавая им больше единообразия и заставляя соединяться в более крупные. А пока все, что рождалось в стране в течение тысячелетий, в той или иной форме, в том или ином объеме продолжает существовать, и рано или поздно его увидит всякий, кто внимательно всмотрится в жизнь народа.

В Махаращтре, например, много древних и непонятных богов со странными именами: Мхасоба, Кхандоба. Я была в храме Кхандобы по дороге из Пуны в деревню Джэзури. Говорят, что он XII века. Стоит на горе, венчая ее вершину. Наверх, по склону, ведут лестницы из разновеликих каменных ступеней, отполированных до железного блеска ногами паломников. Вдоль лестниц, то по одному, то по несколько, стоят ламповые столбы — высокие, из темного камня, конусовидные. Они, как шипами, густо усажены каменными толстыми крючьями с загибом кверху. Это и подставки для светильников, и ступени для тех, кто лезет ставить светильник на самую вершину столба.

Можно себе представить, как красива в безлунные ночи, в ночи поклонения Кхандобе, вся дорога, озаряемая огнями. И что за вид снизу. Лестницы проходят сквозь много арочных ворот, разных по размеру и архитектуре. Некоторые уже почти разруше-

Человек ставит светильник в каменное гнездо колонны

ны. То там, то тут сбоку ступеней в беспорядке каменные фигуры или рельефы на камне: боги и святые, связанные с культом Кхандобы. Стоят и маленькие бычки Нанди, и каменные овцы (или козы) — вероятно, изображения жертвенных животных. В камнях самих ступеней тоже видны рельефы каких-то грубо сработанных фигурок. Кто это? Неизвестно. Чьи-то имена, как часто бывает в храмах, когда-то были вытесаны на ступенях. сейчас они уже почти стерлись. Странно и своеобразно выглядит архитектурное убранство горы.

Ритма нет никакого ни в ступенях, ни в воротах, ни в столбах. Все поднимается кверху по склонам, как придется. Лестница принимает какое-то организованное направление только перед самим храмом. Там большие Нанди, с желтым порошком на лбу. Там, оскалив зубы, лежат каменные тигр и лев, украшенные спиральными завитками по всему телу. Там последние ворота с тяжелой окованной дверью, которая закрывается на замок. Она навешена недавно, после того как храм ограбили.

Двор храма большой, обнесен толстой стеной-галереей. Сам храм невелик и по виду похож на мечеть — купол, как у мечетей, и четыре башни вокруг него. На крытом крыльце хранится огромный железный меч в 40 кг весом и толстый грубый щит. Говорят, что девушек, которые дали обет безбрачия, венчают с этим мечом.

— Что бывает потом? — спросила я.

Никто мне сразу не объяснил. Рассказали через некоторое время, когда мы встретили группу танцоров-вагхья и танцовщиц-мурали. Мурали безбрачны, но принадлежат паломникам за деньги, подобно бывшим храмовым проституткам юга Индии, знаменитым танцовщицам-девадаси.

Вагхья-мурали обычно бывают из низких каст. Между собой они все состоят в многоженном и многомужнем браке, отражающем древнейшую форму семьи.

Они танцуют и поют о боге, о Кхандобе, которого не признают читпаван-брахманы, но который дорог всем исконным маратхам.

— Кхандоба — это Шива? — поинтересовалась я. И из многих ответов сделала вывод, что оба бога очень близки друг другу. Большинство считает Кхандобу воплощением Шивы, его аватарой.

Перед входом в храм Кхандобы лежит каменный Нанди с подчеркнутыми символами его плодородной силы. Совершенно

как перед храмами Шивы. Против входа, на другой стороне двора, большая фигура демона-ракшаса. Он поставлен здесь для напоминания паломникам о том, что его убил Кхандоба, непобедимый бог.

Какое поэтичное, хотя и несколько витиеватое, объяснение!

В первом приделе храма каменный Кхандоба на скачущем коне. На нем облегающий кафтан, высокие сапоги с загнутыми вверх носами, круглый колпак. Он очень похож на скифа.

На алтаре — в гарбáгрихе — статуя Кхандобы из камня. На ней — простая белая домотканая рубаша, присборенная у кокетки. Такую носят крестьяне на севере Махараштры и в Гуджарате.

Побежденный богом ракшас перед входом в храм Кхандобы

На голове — шапка. Лицо круглое, темное, с широко поставленными белыми глазами. Нос короткий, приплюснутый. И четыре руки, в правых — меч и трезубец, в левых — барабанчик и что-то непонятное. По сторонам от фигуры две его жены. Перед ним — три пары божеств, отлитых из серебра и нарядно одетых. Это жертвоприношения от одного из князей времен прошлого века. Были раньше и золотые, но их-то и украли. И тогда сделали из глины две статуэтки и поставили у ног Кхандобы. Там они и сейчас стоят.

Сюда веками приводили и продолжают приводить коз в жертву богу. Раньше животных и забивали здесь, но сейчас их увозят и делают это внизу, под горой. В храме оставляют только цветы, деньги, сладости, кокосы и бесчисленное количество желтого и красного порошка.

Существует обычай идти наверх в храм в мокрой одежде. Может быть, так легче выносить жару? Или воду приносят на себе, символизируя священное омовение в пруду храма, поскольку там, наверху, воды нет? Трудно ответить, никто не знает почему.

Кхандоба — бог маратхских скотоводов. В Махараштре разводят множество мелкого скота — коз и овец. Этим занимается крупная каста дхангаров. Некоторые из них живут в деревнях, а многие бродят по стране, как цыгане, с повозками, женщинами и детьми. И с собаками. Собаки здесь не презренные животные, как на севере Индии, а вполне уважаемые. Их часто изображают рядом с Кхандобой.

Дхангары за деньги ночуют со стадами на чужих полях — ведь после ухода стада поле бывает покрыто толстым слоем навоза (главного вида удобрения, применяемого местными крестьянами). Они также ткут и продают грубошерстные одеяла, продают и своих коз и овец. И это все составляет три основные статьи их дохода.

В Махараштре не так высоко развит культ священной коровы, как на равнинах. Видимо, решающую роль сыграли природные условия. На волах и буйволах пашут, их разводят, любят, украшают бубенцами и ожерельями, в дни праздников раскрашивают их самих и золотят им рога, но мне показалось, что сердцам маратхов козы ближе.

Сотни козых пастухов стекаются к храмам Кхандобы в дни ежегодных ярких и шумных его праздников. Огни костров, огни светильников на горе наполняют ночь блеском. Всюду пляшут танцоры, кувыркаются акробаты. Народ веселится от души.

35. ДРЕВНОСТЬ ЗАКОНОВ. АРМИЯ

Для начала напомним вкратце несколько существенных моментов, о которых говорилось в предыдущих очерках.

Так, в «Артхашастре», памятнике, равного которому нет в

мировой литературе, собраны в единый свод законы и установления, складывавшиеся в индийском обществе по мере становления и развития в Индии государственных образований. Помимо «науки политики», что вынесено в заглавие книги, в ней уделяется внимание устройству сел и городов, взаимоотношениям между разными слоями общества, правам и обязанностям членов разных каст — специфики индийского социального института, правилам дхармического, т.е. предписываемого религией поведения, обязанностям каждого члена семьи данного социального слоя и т.п. Особое внимание уделяется структуре армии и роли каст.

Остановимся еще раз на том, что в Ведах ничего не говорится о кастах, но лишь о четырех «варнах» (слово «варна» — «цвет», возможно, связано с расовым составом древнеиндийского общества в эпоху утверждения господства арьев). Верховной варной были брахманы — жрецы, советники царей и наставники в правилах дхармы. Их цветом считался белый.

Вослед за ними шли члены второй варны — воины-кшатрии. Из их состава выходили цари, их соправители, военачальники всех категорий и профессиональные бойцы. Цветом этой варны считался красный. Затем шла варна желтого цвета — вайшьи, т.е. «все вообще» (вспомним, от слова «виш» — «весь»). В их состав входили крестьяне, пастухи-скотоводы, ремесленники, торговцы. Четвертой варной были шудры — люди, занятые нечистым трудом или тяжелой наемной работой. Группа считалась низкой, «черной», в нее входили также «группы увеселения» — скоморохи, плясуны, проститутки и т.п.

Как уже говорилось выше, арьи, обратив внимание по приходе в Индию на свое физическое отличие от местного населения, стали особо подчеркивать (что отражено в литературе) тот факт, что у них красивые прямые носы: своих женщин они называли «су-насика» — имеющие «красивые носики»), а местных именовали «а-насика» — («не имеющие носика»), но, правда, проблема носиков не помешала появлению взаимного обильного потомства.

Слои трудового народа тоже смешивались очень широко, обмениваясь навыками хозяйства и обучаясь жизни в новом климате. Многих из пленных арьи зачисляли в новое сословие рабов, и в браки с ними практически уже не вступали, оставляя на их долю самую грязную и унижительную работу. Постепенно

из числа рабов и тех, кто отвергался (по разным причинам) обществом четырех сословий, сложилось пятое, ставшее известным как неприкасаемые, то есть такие, само прикосновение и даже приближение к которым оскверняет членов более высоких социальных групп.

Но следует помнить и о том, что кроме множества каст в индийском обществе существует многонациональность.

Население этой страны, численность которого уже превысила миллиард, насчитывает 14 крупных наций и 200 более мелких групп, именуемых племенами (хотя там есть «племена» по 3—5 млн человек). Языки у всех разные, но объединяющую роль играют языки хинди и английский, которые, наряду с родным языком, изучают в школах и колледжах. Эта мудрая политика правительства создает возможность общения всех со всеми и поддерживает классический лозунг общенациональной гордости «мы — индийцы».

И кого ни спроси (в Индии или за ее пределами) о национальной принадлежности, каждый коренной житель страны прежде всего ответит «я — индиец», а уж затем на дальнейшие вопросы уточнит, каков его родной язык.

Только после этого краткого очерка особенностей, характерных для индийцев, нам можно обратиться к вопросу о составе армии (от древности до наших дней), о процессе ее формирования и взаимоотношениях между ее отдельными частями, между царями, министрами и полководцами — все это напрямую связано с описанными социальными особенностями.

В «Артхашастре» поясняется, что царь должен назначать министров, «обладающих умом, честностью, мужеством, преданностью... так как пригодность человека создается из пригодности его к делу вообще и из его специальной пригодности» (разд. 4). И более того — власть военачальников-кшатриев, опирающаяся на правильные советы советников-брахманов, «непобедима... вооруженная в соответствии с науками». Служить царю не должны те, кто готов жертвовать жизнью лишь за вознаграждение, ибо это «наемные убийцы», а также те, кто лишен любви к родным, жесток и изменчив. В книге есть очень много рекомендаций, касающихся шпионов. Им предписывается следить за внутренними и внешними врагами — последний род шпионов должен «жить у врагов, на их содержании» (разд. 8). Не правда ли, как это напоминает так называемую в наше время «пятую

колонну»? О современности напоминает и совет провокационно вызывать ненависть населения к тем, кто почему-либо недоволен правителем, а потом покончить с ними «или тайной казнью, или возмущением населения», или поселением их в рудниках.

Военачальников относят к особо опасному разряду таких «недовольных», и с ними рекомендуется расправляться быстро. Но если царь проявляет свою низость, поскольку «низкий царь полезен только низким» (разд. 10), то этих недовольных легко могут привлекать на свою службу его враги.

В книге содержится и ряд указаний, как при помощи тайных агентов следует ослаблять и одолевать начальников воинских союзов и объединений. Из множества таких указаний (разд. 160—173) можем привести лишь несколько, совпадающих с приемами внутренней и внешней политики многих государств мира вплоть до наших дней. Так, шпионы государей (или сановных лиц) должны выявлять внутри объединения «те стороны, которые приводят ко взаимным разногласиям, вражде и ссоре...» и, используя эти стороны, подрывать сплоченность объединения (каким бы оно ни было — войсковым, политическим или кастовым), ослабляя его основы и разрушая его.

Есть и совет, как «привести в расстройство какое-нибудь уже налаженное дело, путем создания таких условий, которые не соответствуют данному делу», — как тут не подумать, например, о конверсии военных производств?

Рекомендуется использовать хитрые советы, чтобы размещать попеременно войска начальников объединений и приводить их к взаимным столкновениям с использованием оружия (у себя в СНГ мы видим не единичные примеры таких действий).

Для того «чтобы завоевать расположение той партии, которую необходимо привлечь на свою сторону, следует послать ей военную помощь и деньги»; следует также «разжигать страсти главарей объединений при помощи женщин, отличающихся красотой и молодостью». Эта рекомендация, как говорится, не требует комментариев: вся современная действительность, включая неимоверный размах телевизионной, печатной и киношной порнопродукции, говорит сама за себя.

Шантаж, подкуп, наветы, растление и любая подлость рекомендуется «Артхашастрой» для ослабления чужих военачальников и для распада войска, как чужого, так иногда и собствен-

ного. В конце 163-го раздела, именуемого «Война при помощи интриг», приводится даже такой совет: «тайные агенты должны сжигать внутренние хоромы, городские ворота и зернохранилища и убивать охранявших их людей. Затем с печальным видом они должны объявить, что поджоги совершены этими убитыми. Прочтя это, поневоле вспомнишь о множестве катастроф на земле, под землей, на море и в воздухе, которые произошли в нашей стране за последние годы. Прямых указаний на характер таких диверсий в книге нет лишь потому, что в древней Индии не было автотранспорта, самолетов и железных дорог, но плотины и шахты были, а поэтому есть много рекомендаций как устраивать подземные обвалы или как подрывать плотины, заливая водою рек армию врага. Здесь уместно вспомнить и о том, что уже в «Артхашастре» говорится об использовании «заграждений из проволоки с колючками» для поимки или задержания врага — как ее изготовляли не описывается, но упоминается, что она делалась из железа.

Для борьбы с вражескими военачальниками рекомендуется даже похищать их, а затем или склонять на свою сторону, или держать в заключении, или обменивать на своих, попавших в плен, или же убивать.

Из множества приемов подкупов и расправы как с чужими, так и со своими полководцами любого чина и звания следует упомянуть еще и о том, что особые шпионы должны усиленно распространять в войсках слухи о благоденствии воинов в другой стране, об их богатствах, наградах, почете к ним и уважении. Этим путем следует вызывать зависть к такой их жизни и стремление изменить своему народу. Вот почему в книге усиленно рекомендуется правителям быть щедрыми к своим воинам и оберегать их и от соблазнов, и, главное, от множества шпионов и подстрекателей, как внутренних, так и внешних, подрывающих любыми средствами сплоченность и силу войска: не только в физическом его уничтожении, но и в его распаде усматривается важнейший залог победы над чужим государством или над нежелательными политическими объединениями.

Воистину, века идут за веками, а столь многое из описываемого в этом древнем памятнике продолжает существовать в практической жизни наших современников.

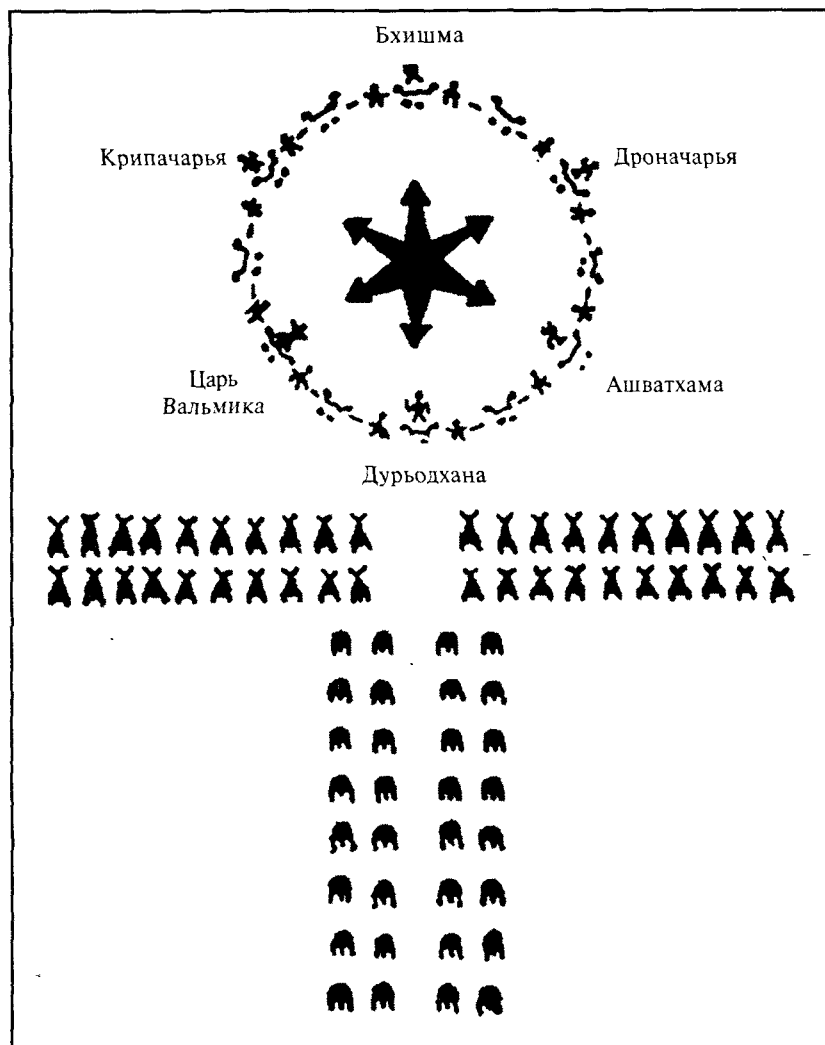
Описанные в «Артхашастре» и других старинных книгах армии, их состав, расселение в стране, их вооружение, приемы

боя, обязанности по их обслуживанию и многое другое, что относится к подготовке и ведению войны, — все это сохранялось в значительной мере и в эпоху средневековья, а во многом и в период завоевания Индии колонизаторами и существования так называемой англо-индийской армии (то есть вплоть до середины XX века).

По всей Индии и сейчас можно видеть как сохранившиеся и оберегаемые, так и лежащие в руинах форты и укрепления, сооруженные в средние века точно по указаниям древних трактатов. Хочется порекомендовать заинтересованным читателям обратить внимание на разделы 21—22, а которых не упущена ни одна деталь, обеспечивающая жизнь и боеспособность войска, начиная от наличия неиссякаемых и доступных водных источников и водных путей, а также устройства оберегаемых и, по возможности, секретных подъездных дорог, и кончая строгим разграничением обязанностей (а равно и предписаниями наказаний за их неисполнение) всех, кто отвечает за ту или иную сторону жизни армии. Особая забота должна уделяться охране границ царства и, соответственно, служащим там воинам.

С математической точностью предписывается соразмерность толщины и высоты стен оборонительных сооружений, размеров подземных (или высеченных в скальных породах) ходов и помещений, соотношений глубины и ширины рвов, складов для продовольствия и оружия и т.п. Под словом «крепость» в таких книгах обычно понимается охраняемое армией поселение, а поэтому в них описывается его устройство в целом с указанием кварталов и мест, где дозволено селиться людям из разных каст в соответствии с их профессиями, а неприкасаемые должны жить на окраине возле места сожжения трупов (уборка и охрана таких мест до сих пор входит в Индии в число их обязанностей).

Царю предписывается отвечать за всю охрану поселений и царства в целом, за наличие запасов «на несколько лет использования: масла, зерна, сахара, соли, лекарств, сушеных плодов, травы, соломы, вяленого мяса, дров, железа, кож, угля, сухожилий, яда, рогов, тростника, коры, строевого леса, оружия, щитов и камней. Он должен несвежее из этих запасов заменять свежим» (разд. 22). Интересны завершающие абзацы этого раздела: «Он должен создать войско, состоящее из слонов, коней, колесниц и пехотинцев, с несколькими начальниками. Ибо когда начальников несколько, то из-за боязни одного перед дру-

*Сарбатомукха व्यूहा**

В «Махабхарате» **Чакра**, или **Сарбатомукха व्यूहा** — круговой юеовой порядок, позволявший вести оборону со всех направлений

* Издательство сочло уместным привести в контексте данного раздела схемы построения войск в «Махабхарате», помещенные в книге: Lt Col. G.D. Bakshi. Lancer International, New Delhi — 110049

Шакта вьюха

В «Махабхарате» Шакта, или Баджра вьюха — Т-образное построение войск. Это наступательно-оборонительный боевой порядок, применявшийся для вторжения на территорию противника

гим они не поддадутся на подговоры врагов... Пусть он не допускает посторонних, наносящих ущерб городу и стране».

Как видим, во многих разделах памятника уделяется большое внимание вопросу о страшном вреде, наносимом стране и армии вражеской агентурой — шпионами, отравителями, диверсантами, подстрекателями и т.п., и предписывается строжайшее наблюдение за ними, а по выявлению их козней — немедленная их ликвидация или высылка.

Представляет интерес использование армией животных, а также и оружие, которое употребляли до позднего средневековья, а в рукопашном бою прибегают к нему и сейчас.

Для воинов-кшатриев не существовало запрета на питание мясом, за исключением говядины (так как корова издревле считается настолько священным животным, что «даже пыль из-под ее копыт целебна»). Скотоводы из сословия вайшьев разводили буйволов, коз, баранов и коней. Мясо трех первых шло в пищу, а коней особая каста специалистов обучала главным образом для боя, который вели или всадники или воины на колесницах. В особых разделах трактатов описываются типы сбруи и упряжи коней и методы выучки этих животных, а в «Артхашастре» раздел 47 целиком посвящен обязанностям надзирателя за лошадьми. Следует сказать, что древние арии имели уже на соседних со славянами землях (как и сами славяне) развитое коневодство в III тысячелетии до н.э., и кшатрии продвинулись быстро на восток именно благодаря использованию конных колесниц. Но в климатических условиях Индии лошади стали постепенно вырождаться, и со времен средневековья их использовали только для торжественных процессий, а в наше время — это некрупные лошадки, которых в городах запрягают в легкие пассажирские повозочки-«тонги». Но во II—I тысячелетиях до н.э., как и в I тысячелетии н.э., коней разводили в особых условиях, описанных в литературе. Так, в упомянутом 47-м разделе говорится о таких, которым могли бы позавидовать многие жители городов и сел, особенно из среды низких каст, имевшие (как и сейчас имеют) однокомнатные с земляным полом глинобитные хижины для семьи в 8—12 человек.

Итак: «Конюшню надлежит строить так, чтобы... ширина была вдвое более длины отдельной лошади, она должна иметь 4 двери и место для отдыха лошадей посередине... Стойла надлежит делать соответственно длине лошади, четырехугольными, с

полом из гладких досок, с яслями для корма»... Подробно описывается питание всех лошадей, особенно — «высших кровей», у которых «голова должна быть длиной в 32 пальца, 5 таких голов составляют длину всей лошади, 20 пальцев... высоту нижней части ноги, а высота всей лошади в 4 раза более», тогда как те же размеры для «средних и низших кровей» соответственно на 3 пальца меньше. Отдельно говорится о питании ожеребившихся кобыл, а также жеребят после первых 10 дней их жизни и до 6-месячного возраста, а затем до трех и четырех лет, после чего лошадь считается взрослой.

Поражает разнообразие корма, расписанное по дням, месяцам и годам: в него входит ячменная мука, растительное и топленое масло, наполовину сваренные зерна и бобовые, молоко, рис, трава, соль, сахар, мясо (!), мясной отвар («сок»), простокваша («для увлажнения компактной пищи»). Уставшим лошадям следует ставить клистир с растительным маслом, и маслом же увлажнять нос. Дважды в день следует купать лошадей.

При лошадях состоит их обслуга: ветеринары, кучера, конюхи, сторожа, изготовители корма (которые должны сначала пробовать пищу, а затем давать ее лошадям), поставщики травы, «лица, ухаживающие за конскими хвостами, гривами и пр., а также знатоки ядов».

В этом же разделе описываются нравы лошадей и зависящие от этого их роли в бою. Перечисляются 6 видов их галопа, 16 разновидностей хода, 7 видов прыжков и 8 видов рыси.

Следующие 48—49 разделы посвящены обязанностям надзирателя за слонами. Эти животные на протяжении всей многотысячелетней истории Индии играли в жизни ее населения очень большую роль. В наше время их продолжают использовать главным образом на горных лесоразработках, в парадных процессиях и для развлечения туристов, но вплоть до XX века они были важны и для армии, да и сейчас их используют для перевозок военных грузов.

С доарийской эпохи сохранилась наследственная профессия дрессировки слонов. Этим занимаются махауты — потомки древних местных жителей, группы которых стали считаться особой кастой, знающей только ей понятный язык, которым они пользуются «в разговоре со слонами». Когда люди из лесных племен выследят семью или стадо слонов, они по найму берутся направить животных в загоны и привязывают их за ногу канатами к толстым деревьям. После этого к обучению слонов приступают

Слон несет воина в хоботе Храм Солнца
Конарак, штат Орисса XIII в

махауты, используя себе в помощь уже обученных домашних слонов.

Из «Артхашастры» мы узнаем, что и в древности весь этот процесс был таким же. В книге описываются нравы слонов, говорится, что дикого слона можно держать в повиновении одной только силой и что он может оказаться и непригодным для работы, будучи от природы диким (представляющимся смиренным), злобным и обладающим всеми пороками.

И тем не менее почти всех их обуздывали, обучали и использовали как на тяжелых работах, так и в бою. Армейские слоны были «танками древности». Их бивни оковывали острыми металлическими наконечниками, а на лоб и бока прикрепляли пластины с железными шипами. Такой слон топтал колесницы, коней и чужих пехотинцев, срывал хоботом всадников с лошадей и слонов, вытаскивал воинов из колесниц, пронзал их окованными бивнями и шипами своих доспехов, а кроме того, нес на спине бойцов своей армии и запас их оружия. Причем надо помнить, что в сражениях участвовали десятки, а иногда и сотни боевых слонов, и от их числа, а также от степени обученности часто зависел исход битвы, чему есть много исторических примеров.

Поэтому в литературе уделяется такое внимание обязанностям надзирателя за слонами, так же как и всех, кто готовит пищу, ухаживает за этими животными, обучает или умиряет их.

Доспехи воинов, оружие и щиты, сбруя для коней и слонов, как и колесницы и повозки, изготовлялись, как правило, членами разных каст из сословий вайшьев и шудр. Но вещи из кожи, то есть из материала, связанного со смертью животного, — а это были части сбруи (другие части вырабатывались из ткани и металла), кожаные доспехи, щиты, поверхность которых делалась из кожи носорога, верблюда, буйвола, — могли

изготавливать только члены каст неприкасаемых, которые и обдирали туши и обрабатывали шкуры. Вплоть до наших дней подавляющее число членов каст, входящих в четыре вышеперечисленных сословия, традиционно считающихся более высокими, не занимается никакой работой, связанной с выработкой изделий из частей тела мертвых животных (кожи или костей).

Все это разнообразное множество кастовых групп изготовляло предметы, требуемые для армейского обихода.

Поединок Настенная картина

Оружие было двух видов — для дальнего и рукопашного боя. К первому виду относились луки, метательные диски с острыми краями, балисты, дротики и камнеметалки, а ко второму — мечи, секиры, кинжалы, кастеты, короткие копья, трезубцы, палицы и булавы. Разновидностей каждого типа оружия было множество. Кинжалы, например, делали не только из металла, но и из двусторонне заточенных коротких рогов антилоп. Более того — кинжалы могли иметь один клинок, два параллельно направленных клинка, которые были подобны прямому продолжению руки, и разнонаправленные клинки, которыми можно было бить вперед и в сторону. Мечи были разной длины и ширины, прямые, изогнутые и серповидные. И почти все типы этого вооружения применялись вплоть до недавнего времени, когда уже широко вошло в употребление и огнестрельное оружие.

К вооружению относились и зажигательные приспособления, «дождевальная машина» для тушения огня, катапульты, стенобитные приспособления, столбы с шипами, бросаемые или сбрасываемые со стен в ряды противника (это оружие называлось «носитель ста смертей»).

Были и личные и групповые защитные приспособления: многослойные тканевые жилеты, кольчуги, броня из железных пластинок, броня из толстой кожи, шлемы, наплечники, поручи и поножи, а также переносные прикрития для нескольких бойцов.

Надзиратели за военными складами и начальники оружейных ведомств отвечали за малейшие недостатки в изготовлении и хранении оружия, доспехов и упряжи для животных. С них строго взыскивалось за приемку негодных или испорченных ремесленниками вещей, за потери и пропажи со складов и арсеналов и за допущение вражеских диверсионных акций.

Все эти правила и предписания сохраняли свою силу в армиях индийских государств (а в этой стране неоднократно складывались и распадались большие империи, состоявшие из объединявшихся царств и княжеств) вплоть до самого недавнего времени.

Действовали и правила о порядке построения войска на марше (чему посвящены 148—149 разделы «Артхашастры» и многие описания в других памятниках). Так, подготовив двойные против расчетных запасы продовольствия, фуража и воды, погрузив их на мулов, ослов, рабочих слонов и лошадей и взяв запасы оружия, можно выступать в поход. Впереди должен ехать главный военачальник, с флангов конница и пешая разведка, затем воины на колесницах и боевые слоны, и со всех сторон — части, приспособленные к условиям местности. При каждой части должен находиться ее полководец.

Интересны указания о необходимости усиленно охранять свое войско: при переходе по безводной и трудной местности, при нехватке фуража, топлива и воды, при узкой дороге, при утомлении от атак врага, при приеме пищи и на отдыхе, при болезнях людей и животных. И это завершается решительным советом: «Вражеское же войско в этих случаях следует уничтожать».

В войнах между местными индусскими княжествами или между мусульманскими владыками, воцарявшимися в Индии начи-

ная с XII века, и князьями-индусами издревле сохранялось предписание брать с собой вместе с войском жен и наложниц правителей и военачальников, танцовщиц, «увеселительных женщин», евнухов-охранителей гаремов, прислужниц, изготовителей тонких яств и напитков и тому подобный персонал. Все это тормозило продвижение армии, мешало разворачиванию и действиям боевых порядков и не раз приводило такие войска к поражению. Эти неудобные предписания частично стали отменять в эпоху средневековья — прежде всего в северо-западных областях в армиях сикхов, оборонявших свои земли от войск захватчиков, приходивших из Ирана, Афганистана и стран Средней Азии, а затем и в других местных войсках, сражавшихся с английскими колонизаторами, начиная с XVIII века.

Англичане (а до них французы и португальцы), захватывая отдельные области Индии, уловили недостатки в построениях местных армий и в их боевых действиях, рассчитанных на другие приемы нападения и обороны. Широко применяя огнестрельное оружие, более мобильные и более единообразные по своему национальному, религиозному и социальному составу войска колонизаторов вели жестокие и успешные бои против местных армий. Французы захватили часть земель юго-восточной Индии, португальцы — часть западного ее побережья, а англичане подчинили себе всю страну. Успешной подготовке местных армий и ведению боевых действий сильно мешал кастовый строй: пищу для войск имели право готовить только повара из каст высшего сословия брахманов, ибо по традиции считалось, что ритуально чистыми являются кушанья, полученные из их «святых» рук. Среди всего множества других каст соблюдались строгие ограничения взаимного общения «по вертикали», то есть более высокие по положению могли принимать только от некоторых из числа более низких пищу, обработанную огнем (вареную или жареную) и таким путем как бы очищенную от осквернения. Курить можно было только вместе с себе подобными, воду брать из их же рук (или от брахманов). Члены же каст, относимых к неприкасаемым, не имели права прикасаться к продуктам, посуде или курительным трубкам, предназначенным для всех других каст. Они могли заниматься уборкой лагеря, чисткой конюшен, обдиркой и обработкой шкур мертвых животных и захоронением их туш. Им запрещалось и пользоваться общими водными источниками.

К этому кастовому разобщению внутри войск прибавилось и религиозное со времени воцарения правителей-мусульман. Заключая союзы с князьями-индусами, они создавали и общие армии, но совместно питаться, спать, пить и курить представители индуизма и ислама не могли. А поэтому в единой армии существовали отдельные соединения мусульман, поддерживавших ограниченные контакты с индусскими, а главное — с сикхскими подразделениями.

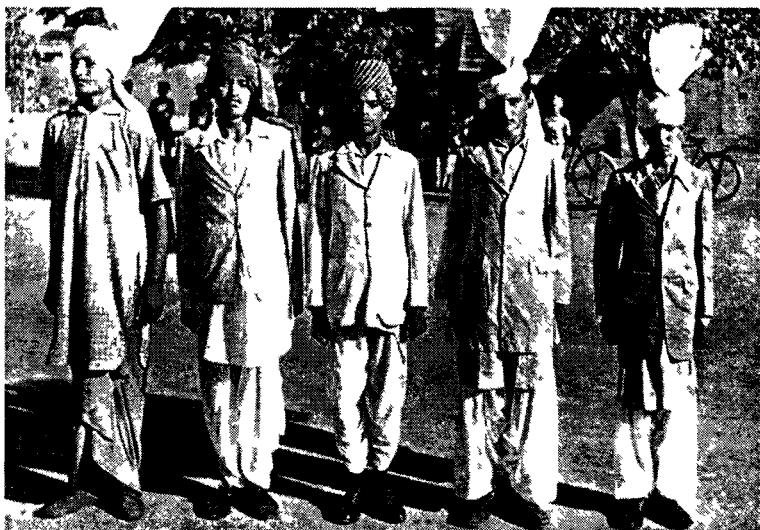
Английская колониальная администрация, создавая англо-индийскую армию, старалась сохранять эту дробность, мешавшую местным воинам, как и всему населению страны, объединиться в национально-освободительной борьбе. И, кроме того, в эту новую армию влились полки английских солдат, и почти весь офицерский корпус также был составлен из англичан. И вот в течение XVIII—XIX веков и первой половины XX века силами таких войск поддерживалась колониальная власть, безудержно грабившая и разорявшая страну.

В англо-индийской армии формировались отдельные полки из гуртов, сикхов, мусульман и индусов, но в современной Индии воинские части состоят из представителей разных народов и религиозных групп (хотя сикхов с мусульманами все же, как правило, не смешивают). При комплектовании войск учитывается кастовая принадлежность индусов. Несмотря на то что в Конституции Республики Индии запрещена кастовая дискриминация, но каст никто не отменял, да и сама такая отмена по приказу сверху просто немыслима — надо ждать, пока касты отомрут в процессе изменения жизни, что постепенно и происходит. Дискриминация же продолжается, несмотря на Конституцию, частично изменился только ее характер — официально никто не может отказать членам низких каст и неприкасаемых (которых Махатма Ганди стал называть хариджанами, т.е. «божьими людьми», и этот термин укоренился в прессе и документах) в приеме на работу, в учебные заведения или в армию, но практически дела, как правило, складываются так, что они не могут сравняться с членами более высоких каст в своих обязанностях и правах.

В независимой Индии армию стали комплектовать по новым правилам. Хариджанам были спецуказами даны некоторые льготы, но на деле их принимают на военную службу ограниченно, т.к. из-за своих трудных бытовых условий они недостаточно образованы, а даже при обязательном наборе в армию образование

требуется не ниже чем 8 классов школы. К тому же медкомиссии отбраковывают их из-за слабой упитанности и плохого здоровья. Работа их в армии — это уборка дворов, конюшен, казарм и офицерских домов, обдирка шкур палого или забитого скота, прокладка и ремонт дорог, строительство, починка кожаных изделий.

В англо-индийской армии командование обращало внимание не на касты, а на привлечение на службу «воинственных народов», т.е. тех национальных групп индийцев, на долю которых исторически выпадало больше войн и где со времен «Артхашастры» большую социальную роль играла традиционная прослойка воинов — кшатриев. К таким группам относились в основном народы северных и западных областей. В свободной Индии Министерство обороны стало привлекать в армию и «невоинственные народы», чем заметно расширило контингент. Англичане часто создавали национально смешанные полки, а в новое время более выраженным стало формирование по признаку национальной принадлежности. Но к 1960—1980-м годам эта черта начала сглаживаться, хотя многие считают, что воинский дух укрепляется близостью происхождения и взаимным подобием служащих при объединении их в армейские подразделения, вплоть до «национальных рот».

Новобранцы Разные типы мужчин из областей Северной Индии

На «добровольной основе» в армию после освобождения страны, т.е. в конце 1940-х и в 1950-х годах было решено принимать лиц в возрасте от 17 до 25—27 лет (в ВМФ — от 17 до 20 лет) и в ВВС (наземный персонал) от 16 до 20 лет. Две последних группы должны иметь 8—10-классное образование, так что на службу поступали члены зажиточных земледельческих каст и в меньшем числе члены средних каст городского населения, а в ВВС и ВМФ — много членов высоких каст, т.к. для приема в эти части требовался не только сертификат, но еще и проводилось специальное собеседование.

Офицерский корпус состоит из членов главным образом высоких каст, но с постепенным смещением в сторону средних, а также сикхов (к концу 1970-х годов сикхи составляли 1/5 часть армии). Офицерская элита социально связана с высшими слоями общества.

Взаимная порука прослеживается в армейских частях на трех уровнях — национальном, религиозном и кастовом. В последние годы в связи с ростом сикхского сепаратизма и террористическими действиями боевиков приток сикхов в армию уменьшился, хотя официального запрета на их прием в войска не было.

Офицеры получают образование в военных училищах, на специализированных факультетах колледжей, на профессиональных курсах и в военных академиях.

Форма индийских войск очень разнообразна и красочна. Сотни тысяч зрителей собираются вдоль главной улицы г. Дели 26 января, в День Республики, когда проводится ежегодный военный парад. Отдавая салют Президенту Республики, проходят самые разные части армии, от дружно марширующих медицинских сестер до громящей бронетехники. И неизменное восхищение зрителей вызывают всадники на верблюдах, предназначенных для действий в песчаных пустынях, а также проход военных слонов, хотя уже и не носящих тех боевых доспехов, что описаны в «Артхашастре».

И, возвращаясь к этому памятнику, следует в заключение сказать, что этих слонов продолжают обучать ряду действий и приемов, рекомендованных в древности. Итак: «Для слонов и конницы, а также для пехоты годится и ровная и неровная местность как для лагеря, так и для сражения... Лучшая местность для слонов — с пылью, грязью, водой, тростником, камышом... Действия слонов следующие: следование в авангарде, устройство спусков, стоянок и дорог, охват противника, переход вод-

ных рубежей... расчленение вражеских сил... уничтожение противника, сеяние страха и паники... захват противника, спасение своих, взламывание стен, ворот и башен» (разд. 154). Так что при недостатке танков у какой-нибудь воинской части слоны могут считаться действенными боевыми единицами и в наше время, но их редко используют сейчас во всех перечисленных целях.

36. СЛОНЫ ПРОДОЛЖАЮТ СЛУЖИТЬ

Былая слава боевых слонов не меркнет в памяти индийцев. И в эпосе, и в поэзии, и в памятниках правовой и религиозной литературы, как и в произведениях народной живописи и скульптуры, навсегда сохранились воспоминания о бесценной помощи, которую они оказывали войскам правителей, как и о тех боях, в которых без слонов, без их силы и ярости, не были бы одержаны победы над неприятелем.

Вспомним хотя бы то название древнего города, о котором шла речь выше, в рассказе о связи времен — «Хастинапур», т.е. «Город слонов». Становится ясно, что немалую помощь оказывали там слоны великого Кауравов как в их битвах, так и в процессе строительства этого города; именно рабочие слоны корчевали леса и подвозили бревна и тяжелейшие каменные блоки для возведения его стен и башен. Трудно было бы без их помощи возвести или вымостить мраморными плитами площади города в те далекие времена.

Да и не только в те далекие времена, а на протяжении всей истории Индии по многим описаниям известна и роль слонов и даже их боевые доспехи.

Из описаний путешественников-европейцев всем известно, как страшны нападения диких слонов на деревни и как трудно человеку спастись от разъяренного слона, крушащего все на своем пути.

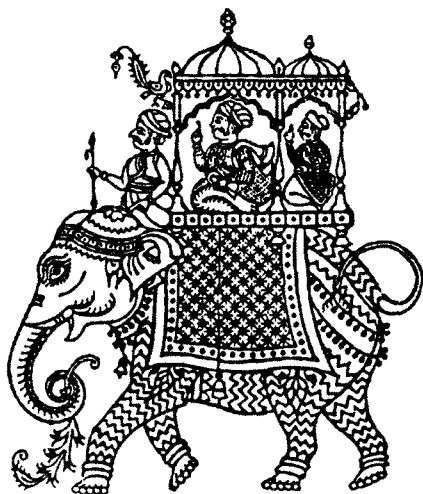
Немалоги умения и искусства требовал процесс приручения и обучения слонов, воспитания в них полного подчинения своему учителю и хозяину. Такой долгой и сложной дрессировкой слонов — как боевых, так и рабочих или участвующих в различных процессиях, — издревле занимается особая категория людей, известная как махауты. Хотя о них уже и говорилось выше,

следует все же остановиться на некоторых их специфических чертах

Пожалуй, трудно с уверенностью назвать их единой кастой, потому что они ведут, как правило, довольно замкнутый образ жизни, и не удалось получить полной информации об их нравах и внутриобщинных отношениях. В бытовых разговорах мне не раз приходилось слышать, что тот язык, на котором они общаются со слонами, не совпадает ни с одним из современных разговорных языков и что они столь тщательно скрывают его от всех окружающих, что якобы даже убивают того члена своей общины, который познакомит кого-либо чужого с этим тайным языком. Ну, убивают или нет, я сказать не могу, но похоже на правду то, что передача знаний особых командных слов, адресованных слону, может быть действительно чревата опасностью, ибо не вовремя и не к месту поданная ему кем-нибудь команда может или перевозбудить его или даже направить на опасные для окружающих действия. А такие действия могут привести даже к катастрофе, поскольку и в наши дни, как и в течение многих минувших веков, на слонах торжественно выезжают титулованные или сановные особы, возглавляя многолюдные процессии. В таких случаях слоны иногда группами проходят вблизи

и даже тысяч людей, собравшихся для участия в праздничных или религиозных церемониях.

Из всех обсуждений языка махаутов я вынесла впечатление, что его корни таятся в глубине многих столетий, если не тысячелетий. И поневоле думаешь, что не им ли составлены неподдающиеся до сих пор расшифровке надписи на печатях цивилизации Хараппы, на которых неоднократно встречаются изображения слонов. Я даже высказала однажды эту догадку в раз-

Торжественный выезд на слоне
(инд картинка)

говоре с индийским журналистом в штате Орисса, куда мы приехали на проведение великого праздника. Он же, по-моёму, не проявил к этой догадке большого интереса, будучи увлеченным собиранием материала для своей газеты, связанного с подготовкой торжественного проведения церемониального переноса статуй Кришны-Джаганнатха из главного храма в городе Пури в другой.

Поединок на слонах в древности (инд картинка)

Одно могу сказать с ответственностью — я не встретила в Индии никого, кто мог бы дать мне ясную информацию о закрытом языке махаутов.

Вообще-то надо сказать, что крайне трудно определить хотя бы приблизительно численность слонов, служивших в Индии человеку на протяжении крайне длительного периода истории. Можно подумать, что еще сравнительно недавно их широко использовали, поскольку при всех дворцах и резиденциях бывших правителей вы и сейчас увидите сохранившиеся обширные помещения для содержания слонов, так же как и руины «арен» для проведения гладиаторских слоновьих боев

Эти мощные животные продолжают вести в современной Индии и свою, так сказать, ритуально окрашенную и свою рабочую жизнь. Для проведения торжественных процессий их покрывают дорогими расшитыми попонами, украшают ценными

Слоны на лесных работах

налобниками, ожерельями и браслетами, расписывают их тела яркими символическими узорами и укрепляют на их спинах нарядные беседки для знатных участников церемонии. И обязательно на шее слона за его головой сидит махаут, держащий в руке «анк» — жезл с острием и крючком на конце, прикосновениями которого он направляет послушного ему гиганта и регулирует ритм его движений (словесные же его команды слышит только слон).

Рабочие же слоны — а их немалое количество используется и в наше время — заняты чаще всего на расчистке горных лесов и перетаскивании бревен. Можно видеть как на таких работах взрослых слонов сопровождают подраставшие слонята, которых приучают и подражать действиям работающих и, главное, запоминать подаваемые махаутами команды.

Для отлова диких слонов нанимают обычно людей из лесных племен, знающих повадки этих животных, хорошо знакомых с местными природными условиями и давно уже научившихся возводить из бревен ограды, в которых первые недели после отлова и содержат загнанных туда животных. На этих же людей ложится и опаснейшая работа по привязыванию канатами ног слона к деревьям и по отделению детенышей от взрослых животных. (Усмирение же слона и его обучение требует не одного месяца, и это уже входит в обязанности махаута.)

За всеми этими процессами строго наблюдают специальные государственные организации, и отраднo было узнать, что в Индии не существует контрабандной охоты на слонов, и такой ценный материал, как слоновая кость, распределяется для художественной обработки между мастерами-ремесленниками, связанными с соответствующими официальными учреждениями и институтами.

37. КУЛЬТУРА БЕССМЕРТНА

Восемь, а местами и девять, и десять месяцев в году стоят на индийской земле ясные дни.

Круглый год из месяца в месяц цветут деревья — то огненными, то белыми, то сиреневыми, то желтыми цветами. Все время чувствуешь себя как на выставке цветов и ходишь по яркому ковру осыпавшихся лепестков. Круглый год вызревают то одни, то другие овощи и фрукты. Краски базаров не меркнут — на лотках продавцов меняются в зависимости от сезона самые разные сорта бананов, манго, яблок, груш и совсем незнакомых европейцам местных плодов и ягод

Только в холодный сезон торговля не прекращается в середине дня, а в остальные месяцы почти все городские магазины прерывают работу на два-три часа, как, впрочем, и многие конторы или ремесленные мастерские. Люди отдыхают, они просто не в состоянии работать в такую жару. К четырем часам дня жизнь снова возрождается и кипит уже до ночи, а в больших городах и всю ночь напролет.

Трудно поверить, что в знойный сезон можно работать под открытым небом, но это так. И не подберешь слов, чтобы описать, какой это ад, но в этом аду дни напролет работают миллионы крестьян и дорожных и строительных рабочих Индии.

Ночь, только ночь приносит облегчение в жаркий сезон. Не прохлада, но всего лишь некоторое облегчение, потому что на ночь скрывается жгучее светило, хоть температура воздуха и не опускается ниже 30—35 градусов.

Сезон, который в Индии принято называть холодным, начинается в ноябре, температура воздуха в тени в этот месяц опускается до плюс 20 градусов по Цельсию. В декабре и январе уже хочется днем посидеть на солнце, а вечером и ночью бывает до плюс 5 градусов.

Закат в Индии недолог, но прекрасен. Поскольку облака бывают только во время муссонов, то остальные восемь и даже девять месяцев в году краски зари играют в ясном, безоблачном небе. Оно все целиком переливается разными цветами поочередно, и они проплывают по его своду от горизонта до горизонта, меняясь неуловимо и восхитительно. И кончается все это тем, что небо превращается в прозрачный сияющий купол из розоватого золота, а потом это золото начинает меркнуть, терять блеск и быстро тает во тьме, которая обрушивается сверху на

землю с невероятной быстротой. И мрак, густой и всепроникающий, заполняет собою все.

В темную половину месяца он непобедим. Он отступает только перед светом фонарей, блеском неоновых реклам да веселым сиянием карбидных ламп, которые горят иногда всю ночь напролет на лотках торговцев фруктами и снедью. В такие ночи не видишь собственной руки, не отличишь шоссе от окружающих полей, и только по тому, как редуют звезды по краям неба, можешь понять, где оно встречается с землей. Но в светлую половину месяца над Индией горит луна. Индийская луна, лунцарица. Она такая яркая, такая всемогущая, что озаряет все уголки земли, пропитывает светом листву каждого дерева, льет сияние в каждое окно.

Тихо плывет ночь. Страна спит. И луна набрасывает пелену своего света на усталые деревни и затихшие города, на белые дороги, темные реки и безмолвные храмы и мавзолеи.

В штате Орисса тысячи храмов, и их скульптурное убранство оберегается так же тщательно, как и по всей Индии.

(Храм XI века.)

Индусские храмы и мусульманские мавзолеи. Каменные цветы индийской земли. Памятники двух вер, их борьбы и их примирения. Давно миновало средневековье, когда религиозный экстаз использовался для оправдания междоусобных войн, остались позади и черные дни недавнего прошлого, когда умелые руки колонизаторов так использовали религиозные чувства народа, чтобы подготовить и провести в 1947 году раздел страны, рассеять ее живое тело.

В течение многих и многих столетий индийцы, всегда готовые к вос-

приятию красоты, учились также воссоздавать и красоту персидской поэзии, витиеватое изящество куфического письма, легкость минаретов, тонких колонок и воздушных арок, учились приобщать богатство мусульманской культуры к неизмеримым богатствам своих национальных творений. История изготовила в Индии новый сплав — сплав совершенств.

Персидские мотивы вплелись в орнамент индийских ковров и тканей; в хаотическую роскошь цветущих деревьев индийских садов впечаталась ясность геометрической планировки парков мусульманских правителей; угловатая четкость мусульманских решеток сочеталась с чувственно округлыми линиями индийских храмовых строений. И расцвели под индийской луной такие непревзойденные творения архитектуры, которых не знали до этого ни страны ислама, ни Индия. Народ этой страны не может не создавать красоты. Дворцы, беседки, павильоны, мавзолеи буквально осыпали землю Индии, как драгоценные камни.

И лучшим, первейшим, несравненным из числа памятников индо-мусульманского искусства был, есть и пребудет во веки Тадж-Махал, беломраморная поэма Агры.

Три столетия гремит в мире его слава, и не только не умолкает, а становится с каждым годом все шире и шире. В наше время нет ни одного мало-мальски образованного человека, который не знал бы, что такое Тадж-Махал, памятник совершенной любви, творение совершенного мастерства.

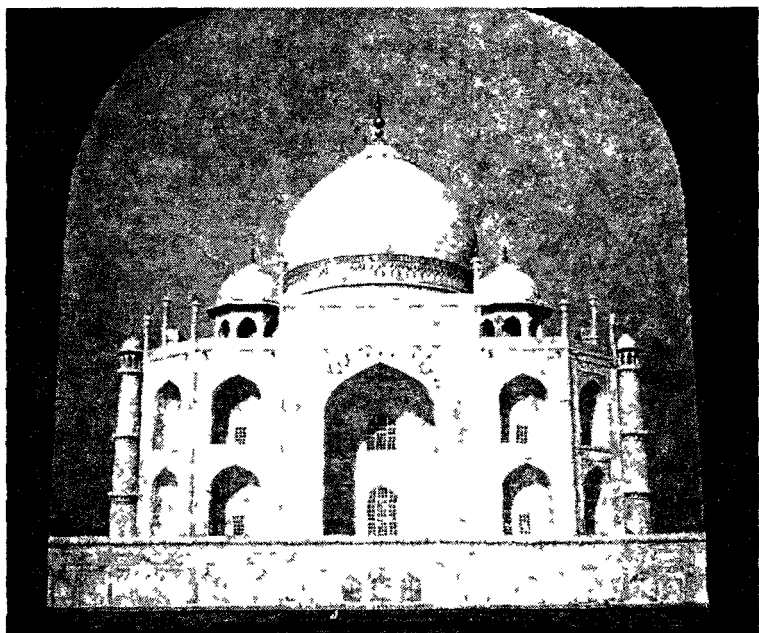
Он прекрасен утром и днем, при солнце и под муссонными тучами, он изумителен на вечерней заре, но ни с чем в мире нельзя сравнить его красоту ночью, лунной ночью.

Образец храмовой скульптуры
(штат Уттар Прадеш, III в. н.э.)

Когда смотришь на это чудо под луной, на чудо, которое свершается каждую без исключения лунную ночь, каждый миг этой ночи, то хочется, чтобы все жители земли могли его видеть.

Кажется, что индийская луна влюблена в Тадж-Махал. Влюблена еженощно, год за годом, век за веком. Так и кажется, что она восходит только для него и спешит подняться в небо, чтобы скорей окутать, залить, заласкать его своим сиянием.

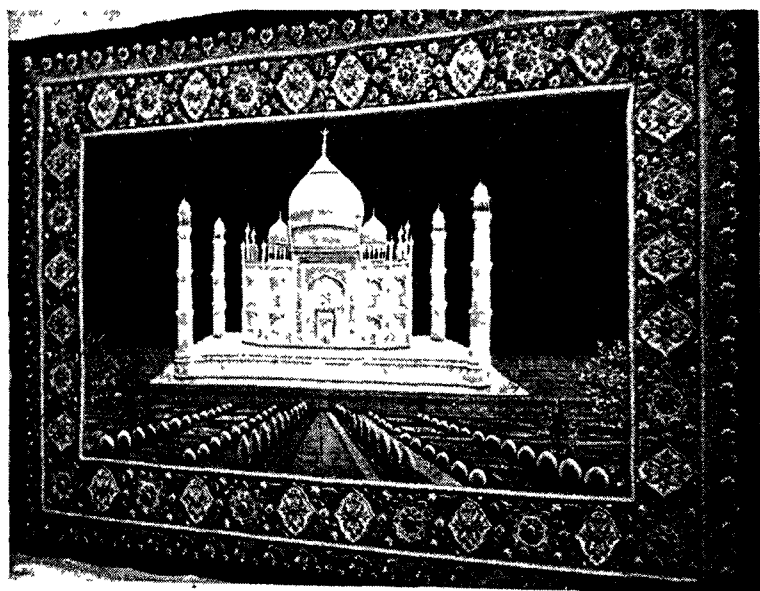

Мавзолей Тадж-Махал в г Агра, XVII в (Фото А Балабанова)

К сожалению, не всем выпадает радость видеть Тадж под луной, к большому моему сожалению, — далеко не всем. Но мне она выпала, как счастливый лотерейный билет, как крупный выигрыш в жизни.

Под луной над шпилем Тадж-Махала издали сверкает Полярная звезда, и весь он приподнят над темным садом, над собственным белым отражением в черной воде бассейна, над всей страной, над всей землей.

И вы медленно идете вдоль бассейна по плитам цветного мрамора, и Тадж так же медленно надвигается на вас, растет перед вашим взором, уходит все выше и выше, в звездное небо. Четыре белых минарета вознесены по четырем углам его высокого пьедестала, как четыре свечи, и он между ними такой, как будто изваян весь целиком из самого вещества этой белой сверкающей луны. Высоки и прямые его линии, тонка резьба на мраморе стен, а купол, венчающий чело, так совершенен, что неотделим от воздуха, залитого лунным светом, исполнен самой стихии этой звездной лунной ночи.

Вышитый ковер Тадж-Махал, усыпанный по бордюру драгоценными камнями (г Агра)

Можете стоять, запрокинув голову, и видеть только Тадж на фоне звезд и не видеть земли, и тогда кажется, что он медленно плывет по небу в сиянии луны, подобный белому надмирному кораблю.

И теряешь чувство времени, отдаляется куда-то вся жизнь, растворяются мысли — ничего не остается в мире, кроме этого небесного чертога, сияющего в ночи перед вашим взором...

Видела я его и днем. Светило жаркое солнце, над плоскими плитами садовых дорожек дрожал горячий воздух, толпа туристов шелкала затворами фото- и кинокамер, под высокими сводами мавзолея гулко отдавались громкие и стереотипные рассказы гидов о любви Шаха Джахана и Мумтаз-и-Махал и о том, что шесть сотен бриллиантов и много тысяч полудрагоценных камней было использовано для инкрустации стен мавзолея.

Тадж стоял и молчал, молчал, открытый всем и недоступный никому. И когда я вспоминаю теперь ночи над Индией, я прежде всего вижу Тадж под луной.

Много других бессмертных творений индо-мусульманского зодчества озаряет индийская луна, свершая свой ночной обход. Величаво высится в обширном саду мавзолее императора Хумаюна в Дели. Днем перед его воротами рядами сидят заклинатели

змей со своими кобрами. Туристы и гуляющие люди чередой идут полюбоваться удивительным орнаментом на его арках и сводах, погулять в парке, поклониться гробнице. Ночью он остается один и вспоминает то, что помнит, и по подстриженной траве газонов медленно движется под луной его большая тяжелая тень.

Лунный свет заливаet Лакхнау, город, где царили изнеженные правители — навабы, прославившиеся своими драгоценностями, гаремами, пирами и любовью к изящным искусствам и танцам стиля катхак. Силуэты бесчисленных минаретов, куполов, балконов и арочных галерей прорисовывает здесь луна на фоне мрака и щедро заливаet своим густым сиянием бескрайний двор знаменитой мечети — Имамбары. Этот двор обнесен высокой стеной, в толще которой скрыт лабиринт длиной в несколько километров. Придя туда днем, мы хотели осмотреть его, но нам не разрешили: после того как из лабиринта однажды не

Школы национального танца повсеместно поощряются властями
Исполнитель танца катхак

смогли выбраться два английских офицера, туда впускают только с проводниками.

Плывет луна и над шамианами, под которыми от вечерней и до утренней зари звучат голоса поэтов, собравшихся на традиционные состязания — мушаиры. Традиции мушаир укоренились в Индии тоже в те века, когда создавался сплав индо-мусульманской культуры. Одним из самых великолепных, самых ярких плодов этого сплава стал язык урду, которым по праву гордится народ Индии.

По крупным городам страны часто проходят ночами мушаиры поэтов урду.

Этот язык соединил в себе слова персидские и арабские со словами хинди, арабскую письменность с грамматикой хинди. Никому до того не ведомый, возник он сам по себе, как цветок вырастает из земли.

На урду заговорили базары и улицы, армия и писцы — его породила сама жизнь. При дворе мусульманских правителей еще был принят персидский, на нем еще слагали рубай и газели, воспевая сады и розы Шираза, а в толпе индийских горожан, в среде молодых поэтов севера и северо-запада страны, в среде городской образованной молодежи рождалась новая поэзия — поэзия на урду. Она была неотделима от жизни, от ее страстей, горя и счастья, она была понятна жителям Индии, росла и ширилась, оттесняя чужую для них персидскую речь. Многие мусульмане говорили и писали на хинди, многие индусы — на урду: совокупными усилиями выковывались и оттачивались красота и богатство этого синтетического языка.

Все новое, все иноземное, попадая в Индию, как в древности, так и теперь впитывалось и впитывается ею и становится ее неотделимой частью.

Усваивали чужеземное, оставаясь при этом индийцами, воспринимали новое и сочетали с ним традиционное, создавали, развивали свою ни с чем не сравнимую культуру.

В семьях городской интеллигенции и крупной буржуазии многие древние обычаи почти сгладились, в среде так называемых низких и средних классов городского населения они еще соблюдаются даже в столь крупных и космополитических городах, как Дели, Калькутта или Бомбей.

В каждом из этих городов живут помимо основной национальности данной территории представители других народов Индии.

Они отмечают свои праздники и хранят традиции, характерные для своей местности (или той религиозной общины, к которой они принадлежат, наряду с общеиндийскими праздниками и традициями, носят общеиндийский костюм — сари или дхоти — в своей национальной манере, ходят в свои и в общегородские храмы, участвуют в своих национальных или кастовых собраниях или организациях и являются также членами всеиндийских профсоюзов или партий — словом, в жизни населения этих городов как бы сгущена или сфокусирована современная жизнь всего индийского общества

Бомбей, пожалуй, служит самым наглядным примером того, как сочетаются или сталкиваются новые отношения и современные взгляды со старыми традициями

Жизнь этого города поражает своим разнообразием. Здесь собраны представители всех народов и религиозных общин Индии

Студентки дехииского университета

Люди живут в пяти- и шестизэтажных кирпичных домах европейского образца, встающих по бокам узких или широких асфальтированных улиц, наполненных запахом бензина и гари. По окраинах дымят огромные, вполне современные, заводы.

В этом городе беснуется бизнес, кипит жизнь громадного порта, снимаются сотни мелодраматических кинофильмов на прекрасно оборудованных частных студиях, приносящих огромные доходы. Здесь до утра горят

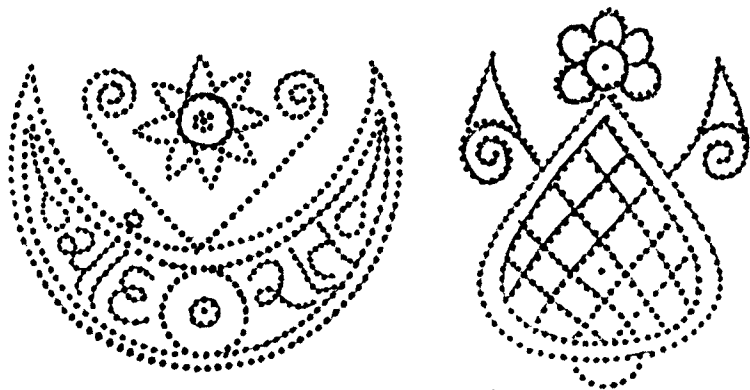
огни реклам и ночных клубов, до глубокой ночи не закрываются кинотеатры

В этом городе социальных контрастов и волчьих законов конкуренции, городе роскоши и нищеты, городе, где свежее дыхание моря умирает уже на набережной, будучи не в силах пробиться сквозь завесу выхлопных газов бесчисленных автомашин, городе, где немалая часть населения стремится жить (или хотя бы выглядеть) на европейский лад, — даже здесь всюду пробируются, как трава сквозь асфальт, неистребимые ростки индийской национальной культуры

Оказавшись в Бомбее, я прежде всего ощутила, что как бы выехала за пределы Индии

Потом я все же разглядела Индию за всем этим кипением и бурлением, погоней за наживой и показным процветанием

В новых рабочих кварталах я встречала только типично индийских женщин и даже с некоторым удивлением увидела наносимые ими знакомые символические узоры-ранголи на площадках лестниц четырехэтажных каменных домов. Я побывала в семьях рабочих и в семьях других незажиточных представителей бомбейского населения и почувствовала, что на них жизнь этого сугубо капиталистического города действует, если можно употребить такое определение, прогрессивно. Она помогает им высвободиться из сети бесчисленных религиозных обычаев и традиций, отнимающих столь много сил, времени и денег почти у каждой индийской семьи, помогает им осознать свои классовые интересы и поставить их выше кастовых или узко семейных, способствует их общему развитию и росту грамотности —

Образцы узоров-ранголи

словом, формирует их в духе передовых требований современности. Но, к чести этих простых людей, надо сказать, что они не начинают при этом стыдиться своей национальной культуры, как многие представители буржуазного класса, и не стремятся во что бы то ни стало вести европейский образ жизни.

Мне посчастливилось видеть многих выдающихся представителей индийской литературы, индийского искусства. Интеллигенция сочетает знание национальных культурных традиций с

В Индии много частных и официальных музыкальных школ

интересом к новой жизни народов других стран и пытается найти пути синтеза национальных традиций с западным искусством и литературой. Это плодотворные поиски, которые часто приводят к интересным результатам.

Отрадно видеть, что в современной Индии государственные и общественные организации, художники, ученые и писатели уделяют всему этому так много сил и внимания. В их заботе и любви и бережном отношении всего народа к своей традиционной культуре хранится залог ее бессмертия, ее дальнейшего расцвета.

И когда плывут над Индией солнце и луна, они охватывают своим взором все, что существует, отмирает и рождается в этой стране, все, что слилось в жизни ее народа в единое, неразрывное, вечно меняющееся и такое своеобразное целое, каждый атом которого с полным правом может заявить: «Я — это Индия». И если завтра один атом уже отомрет, будучи вытеснен грядущим, то все же он прочертил свой след в бесконечно многообразном потоке истории страны. И из таких бесчисленных следов сложилась та культура, которую унаследовали от прошлых веков люди современной Индии, строители ее будущей жизни.

ДУРГА ПРАСАД ШАСТРИ

СВЯЗЬ МЕЖДУ РУССКИМ ЯЗЫКОМ И САНСКРИТОМ*

Материалы конференции Общества индийской и советской культуры (округ Мирут, 22—23 февраля 1964 года, г. Газиабад, Уттар Прадеш).

Если бы меня спросили, какие два языка мира более всего похожи друг на друга, я ответил бы без всяких колебаний: «русский и санскрит». И не потому, что некоторые слова в обоих этих языках похожи, как и в случае со многими языками, принадлежащими к одной семье. Например, общие слова могут быть найдены в латыни, немецком, санскрите, персидском и русском языках, относящихся к индоевропейской группе языков. Удивляет то, что в двух наших языках схожи структуры слова, стиль и синтаксис. Добавим еще большую схожесть правил грамматики — это вызывает глубокое любопытство у всех, кто знаком с языкознанием, кто желает больше знать о тесных связях, установившихся еще в далеком прошлом между народами СССР и Индии.

Всеобщее слово

Возьмем для примера самое известное русское слово нашего века «спутник». Оно состоит из трех частей: а) «s» — приставка, б) «put» — корень и в) «nik» — суффикс. Русское слово «*put*» едино для многих других языков индоевропейской семьи: «*path*» в английском и «*path*» в санскрите. Вот и все. Сходство же русского и санскрита идет дальше, просматривается на всех уровнях. Санскритское слово «*pathik*» означает «тот, кто идет по пути, путешественник». Русский язык может образовывать такие слова, как «путик» и «путник». Самое интересное в истории слова «*sputnik*» на русском то, что и в санскрите, и в русском добавляется приставка «*sa*» и «*s*» и таким образом получилось слово «*sapatnik*» на санскрите и «*sputnik*» на русском. Смысловое

* Перевод Ф. Разоренова

значение этих слов в обоих языках совпадает: «тот, кто следует по пути вместе с кем-либо». Мне остается только поздравить советских людей, которые выбрали такое международное и всеобщее слово.

Когда я был в Москве, в гостинице мне дали ключи от комнаты 234 и сказали «*dwesti tridtsat chetire*». В недоумении я не мог понять, стою ли я перед милой девушкой в Москве или нахожусь в Бенаресе или Удджайне в наш классический период где-то 2000 лет назад. На санскрите 234 будет «*dwishata tridasa chatwari*». Возможно ли где-нибудь большее сходство? Вряд ли найдется еще два различных языка, сохранивших древнее наследие — столь близкое произношение — до наших дней.

Мне довелось посетить деревню Качалово, около 25 км от Москвы, и быть приглашенным на обед в русскую крестьянскую семью. Пожилая женщина представила мне молодую чету, сказав по-русски: «*On moy seen i ona moya snokha*».

Как бы я хотел, чтобы Панини, великий индийский грамматист, живший около 2600 лет назад, мог бы быть здесь со мной и слышать язык своего времени, столь чудесно сохраненный со всеми мельчайшими тонкостями! Русское слово «*seen*» это «*son*» в английском и «*soonu*» в санскрите. Также «*madiy*» в санскрите может быть сравнено с «*моу*» русского языка и «*му*» английского. Но только в русском и санскрите «*моу*» и «*madiy*» должны измениться в «*моуа*» и «*madiya*», так как речь идет о слове «*snokha*», относящемся к женскому роду. Русское слово «*snokha*» — это санскритское «*snukha*», которое может быть произнесено так же, как и в русском. Отношения между сыном и женой сына также описываются похожими словами двух языков.

Совершенно верно

Вот другое русское выражение: «*To vash dom, etot nash dom*». На санскрите: «*Tat vas dam, etat nas dam*». «*Tot*» или «*tat*» — это указательное местоимение единственного числа в обоих языках и указывает на объект со стороны. Санскритское «*dham*» — это русское «*dom*», возможно, в силу того, что в русском отсутствует придыхательное «h».

Молодые языки индоевропейской группы, такие как английский, французский, немецкий и даже хинди, напрямую восхо-

дящий к санскриту, должны применять глагол «is», без чего приведенное выше предложение не может существовать ни в одном из этих языков. Только русский и санскрит обходятся без глагола-связки «is», оставаясь при этом совершенно верными и грамматически и идиоматически. Само слово «is» похоже на «est» в русском и «asti» санскрита. И даже более того, русское «estestvo» и санскритское «astitva» означают в обоих языках «существование». Таким образом становится ясно, что схожи не только синтаксис и порядок слов, сама выразительность и дух сохранены в этих языках в неизменном начальном виде.

В заключение статьи приведу простое и очень полезное правило грамматики Панини, чтобы показать, насколько оно применимо в русском словообразовании. Панини показывает, как шесть местоимений преобразуются в наречия времени простым прибавлением «-da». В современном русском осталось только три из шести приведенных Панини санскритских примеров, но они следуют этому правилу 2600-летней давности. Вот они:

Санскрит	Русский язык
местоимения	
kim	какой, который
tat	тот
sarva	все
наречия	
kada	когда
tada	тогда
sada	всегда

Буква «g» в русском слове обычно обозначает соединение в одно целое частей, существовавших до того отдельно. В европейских и индийских языках нет таких средств сохранения древних языковых систем, как в русском. Пришло время усилить изучение двух крупнейших ветвей индоевропейской семьи и открыть некоторые темные главы древней истории на благо всех народов.

КРАТКАЯ СВОДКА СОВПАДАЮЩИХ И СХОДНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И САНСКРИТА

Составитель Н.Р. Гусева

Русский язык	Санскрит (рус. транскрипция*)	Санскрит (лат. транскрипция**)
ад(ъ)	ад (есть, глотать)	ad
артель	арати (корень «ръта» — «порядок»)	arati, rita
баловство, ребячество	балатва (детство)	balatva
белый, светлый	балакша	balaksha
блестеть	бхлас	bhlās
бог (милостивец)	бхага	bhaga
богатство, обилие	бахутва	bahutva
богиня, дева	дэви, дэвика	devī, devika
бодрый	бхадра	bhadra
боязнь	бхая, бхияс	bhaya, bhiyas
бояться	бхи, бхьяс	bhi, bhyas
брань, битва	рана	raṇa
брат	бхратрь, бхратра	bhratṛi, bhratra
братство	бхратрьтва	bhratṛitva
братъ	бхрь	bhṛi
брезжить	бхрэдж	bhrej
бровь	бхрува	bhruva
будить, пробуждаться	будх	budh

* В сводке приведены слова, сходные как по смысловым нагрузкам, так и по звучанию.

** Буква «j» в Индии произносится трояко — как «дж», «ж» и «з». Звучание «е» приближается к «э», как мы здесь и обозначаем. Русской буквой «х» здесь обозначается звук «h»; в изолированном положении он произносится как украинский «г», так же и в придыхательных звонких согласных, а в придыхательных глухих — как «х». В положении первого знака слова и между гласными и в некоторых других случаях он соответствует русскому «з». Звуки «л» и «р» взаимно заменяемы.

булькать, нырять, тонуть	бул	bul
буран	бхурана	bhurana
бус (туман)	буса	busa
быть	бху	bhu
бывание	бхавания, бхавья	bhavaniya, bhavya
вага (вес, тяжесть)	ваха (несение груза)	vaha
вал	вал	val
валик	вали	vali
вапа (краска, украшение)	вапус (красота)	vapus
варить	вар (вода)	var
варок (загон для скота)	вара (ограда)	vara
вас	вас	vas
ведать	вид, вед, веда	vid, ved, veda
ведение (знание)	ведана	vedana
ведун	ведин	vedin
вдова	видхава	vidhava
весна	васанта	vasanta
весь (селение)	виш*	viś
весь	вишва	viśva
ветер (веющий)	вата(р), ваю	vāta, vāyu
вешательная петля	вешка	veshka
вещание (речь)	вачана	vācana
вещать	вач	vac
веять	ва	va
вертеть	врьт, вартана	vṛit, vartana
вода	удан, вар, пива	udan, var, piva
водить, руководить	вад	vad
возить (на возу)	вах	vah
волк	врька	vṛika
волна, волнение	валана	valana
волос	вала	vāla
вопрошание (спрашивать)	прашна, праччх	praśna, pracch
ворот, поворот	вартана	vartana
ворошить (кучить)	раш	rash
выдра (водное животное)	удра	udra
всадник	садин	sādin

* В русском и санскрите «с» и «ш» могут взаимно заменяться. В латинском транскрибировании два санскритских звука «ш» могут быть переданы двумя начертаниями: «s» и «sh».

всегда	сада	sādā
вы- (приставка)	ава	ava
выдрать из	авадри	avadṛi
вымочить	авамуч	avamuc
вытянуть	аватан	avatan
выпадать	авапад	avapad
выставить, удалить	виштха	viśthā
вязать петлей	вешт	veshṭ
вякать (говорить)	вак	vak
гадать	гад (говорить по желанию)	gad
гальить, тошнить (В. Даль)	гал (изливать)	gal
гать (путь)	гати (хождение)	gati
гласить, звучать	хлас	hlas
гнать, бить	гхна	ghna
гнать, прогонять	кши	kshi
гоношить (копить)	ган	gan
гнуть	джну	jñu
говоренье (вяканье)	вакья	vākya
гора	гир, гири	gir, giri
горение, пламя	гхрьни	ghṛṇi
гореть	гхрь	ghṛ
горло	гала	gala
грабить, хватать, загребать	грабх	grabh
грива, загривок	грива	griva
гроза, гром	гарджа	garja
громада (община)	грама	grama
грудь	хрьд	hṛid
грызть, пожирать	грас	gras
грызение, челюсти	грасана	grasana
гукать, звать	гху	ghu, hū
гуля	гула	gula
гусь	ханса	haṇsa
давать, дать	да, дай	dā, dāy
давание	даван	dāvan
давить, понуждать	дабх	dabh
дань, дар	дана	dana
дающий	дада, дади	dada, dadi
два, две, двое	два, дви, двая	dva, dvi, dvaya

дверь	двар	dvār
деверь	дэврь	devṛi
дева	дэви	devī
деготь	дагдха (выплавленный жаром)	dagdha
день	дина	dina
дерево, бревно	дару	dāru
держать	дхрь	dhṛi
десница, правый	дакшина	dakshina
десять	дашан	dasan
диво (небо, сиянье)	дива	diva
дивный	дивья	divya
доля (часть)	дала	dala
дом	дам	dam
драть, рвать	дрь	ḍṛi
драть, удирать	дра	dra
деревянный, дровяной	дравья	dravya
другой	друха	druha
лудить (сосать)	дух	duh
дурной, плохой	дур	dur
дуть (идти, стремиться)	ду	du
дуть (раздувать)	дху	dhū
дым	дхума	dhuma
дыра	дара	dara
дырка	дрька	ḍṛika
еда (яденье)	ада, адана	ada, adana
есть (3-е л. ед. ч.)	ад	ad
есмь (1-е л. ед. ч.)	асми	asmi
жало	джал (острие)	jal
жар	гхарма	gharma
жена	джани	jani
живой	джива	jīva
жизнь (живот)	дживатва	jīvatva
жить	джив	jīv
(из)житый, старый	джита	jīta
заря	джарья (восхваляемая)	jārya
звать	хва, хвэ	hvā, hve

злить, зелье	хел	hel
зов, звание	хвана	hvāna
земля	хема	hema
зима	хима	hima
зимний, снежный	химья	himya
змея (сапа)	сарпа	sarpa
знать	джна	jñā
знание	джнана	jñāna
знатный (знаемый)	джната	jñāta
знаток	джанака	jānaka
зорить, разорять	хрь	hṛi
зреть, созреть	джар	jar
идти	и	i
иго, ярмо	юга	yuga
ил	ила (почва)	ila
искать, желать	иш	iś
истреблять, убивать	труп	trup
итак	итас	itas
кадка	кандука (вместимость)	kaṇḍuka
казать (сказать)	катх	kath
как, какой, кто	ка	ka
канючить	кан	kaṇ
каруна (птица печали)	каруна (горестный)	karuṇa
касаться, щупать	чхуп	chup
кашлять	кас	kās
клин, кол	кила	kīla
клямиться, маяться (В.Даль)	клам	klam
когда	када	kadā
коза	мэка, букка	meka, bukka
кол, шест	кхила	khīla
копать	куп	kūp
копанка, пруд	купака	kupaka
корявый	кхарва	kharva
коса (волосы)	кеша	keśa
который	катара	katara
кошель	коша	kośa
крепить	клрип	klṛip
кратный	крату	kratu

крестьянин	крышака	kṛishaka
крик	крька (горло)	kṛika
кровь	кравис	kravis
кровавый	кравья	kravya
крошить	крыш	kriś
крученный	крунча	kruñca
(о)круглый	крукта	krukta
(со)крушаться	круш	kruś
крючить, сгибать	крунч	kruñc
крыть, кроить (делать)	кръ	kṛi
кувшин	кумбха	kumbha
куда	ку, кутас	kū, kutas
кулак	кулака (пять вместе)	kulaka
кулик	кулика	kulikā
курлыкать (журавль)	кур (куранкура)	kur, kurañkura
курчавый	курча (завиток)	kurca
куток	кута	kuṭa
куча	куча (выпуклость)	kuca

ладить, играть	лад	laḍ
ласкать, обнимать	лас	las
легкий	лагху	laghu
лепить, налепить	лип	lip
лепка	лепа	lepa
лечь, лежать	ли	li
лизать	лих	lih
липкий	липтака	liptaka
лишь (немного)	лиш, леша	liś, leśa
лов, собирание	лава	lava
лопотать, лепетать	лап	lap
любить	лубх	lubh
лупить (повредить)	луп	lup
луч, блеск	руч	ruc
льнуть	ли	li
ляля, женщина	лала, лалана	lala, laḥana
лялить, нежить	лал	lal

мастак	мастака (голова)	mastaka
мать, мать, мама	матрь, мата, ма	māṭṛi, māta, mā
мга	магна (гаснувший)	magna

мед	мадху	madhu
менять	мэ	me
мереть, умирать	мрь	mṛi
мерить	ми	mī
меркнуть, мрачнеть	мрьч	mṛic
мертвый	мрьта	mṛita
месяц	мае	mas
мех, руно	меша	mesha
мешалка	мекшана	mekshana
мешать, перемешивать	микш	miksh
мешать, смешивать	мишр	miśr
мешок (кожаный)	машака	maśaka
млеть	млаи	mlai
мнение	манас	manas
мнить, полагать	ман	man
мокнуть	мок	mok
морда, облик (голова)	мурдхан, мурти	mūrdhan, mūrti
мочить	муч	muc
мышка	мушика	mushika
мошенничать, воровать	муш	mush
мясо	мас, мамса	mās, māmsa
мять, мельчить	матх	math
нагой	нагна	nagna
небо	набха	nabha
небеса	набхаса	nabhasa
нет	нэд	ned
ни	ни	nī
низка бус	нишка	nishka
низина	нихина	nihina
низкий	нича	nica
никнуть, гибнуть	никун (завершать)	nikūṇ
нить	нитья	nitya
нишкнуть (замолчать)	никшип	nikship
новый	нава	nava
новина (луны)	навина	navina
нас, наш	нас	nas
ноготь	нагха	nakha
нос	наса	nasa
ночь	накта	nakta

ну	ну	nu
нудить	нуд	nud
оба	убха	ubha
огонь	агни	agni
овечка	авика	avika
око	акша	aksha
ость	астхи	asthi
от- (приставка)	уд, ут	ud, ut
отдать	удда	uddā
отделить	уддал	uddal
откашляться	уткас	utkās
отсадить, удалить	утсад	utsad
открыть	уткръ	utkrī
открытый, вскрытый	уткръта	utkrīta
отчалить, отойти	утчал	utcal
падать	пад	pad
пал (горение)	палита	palita
папа	папу (защитник)	papu
пара (другой)	пара	para
пасти	паш	paś
пекота, жар	пака	pāka
пена	пхена	phena
первый (изначальный)	пурва	pūrva
пере- (приставка)	пара	para
передать	парада	paradā
перевернуть	параврит	paravṛit
пес	пса (голодный, жрущий)	psā
печь	пач	pac
печенье	пачана	pacana
писать	пиш	piś
пить, питать*	пи, па	pī, pā
питый	пита	pita
плавание	плавана	plavana
плескать	плуш	plush

* Здесь следует уделить внимание тому обширному кругу слов в русском и санскрите, который сложился в глубокой древности, когда он отражал два представления — о питье и о пище (питании):

*Русский**Санскрит*

пить	пи
напиток, питание	питу
питатель, отец, небо	питар
пито (было)	пита
большой, толстый	пивара
пивший	питва
пьющий	пити
вода (пиво?)	пива
жир, сало	пивас
полный, сильный	пиван

плыть, плавать	плу	plu
плывущий (плот)	плута	pluta
по- (приставка)	упа	upa
покрыть (узором)	упакри	upakṛi
полежать (близ)	упали	upalī
послушать	упашру	upasru
постоять	упастха	upasthā
полный	пурна	pūrṇa
праматерь	праматрь	pramātri
приятный, милый	прия	priya
про- (приставка)	пра	pra
пробудить(ся)	прабудх	prabudh
прогнуть	праджну	prajñu
прознать	праджна	prajña
простираться	прастрь, стрь	prastṛi, stṛi
простор	прастара	prastāra
протопить, прогреть	пратап	pratap
протянуть	пратан	pratan
прыскать	прыш	pṛsh
против	прати	prati
прохлаждаться	прахлад	prahlād
прянуть	прани	praṇī
путь	патха	patha
путник	патхика	pathika
пушиться (прирастать)	пуш	push

радоваться	храд	hrād
развеивать, вихрить	вихрь	vihṛi

рана	врана	vraṇa
раненый	вранин	vraṇin
расти	рох	roh
рачительным быть	рач	rac
рев	рава	rava
реветь	рав	rav
река (напр., Дон, Днепр)	дану (Ригведа)	danu (RV)
род, родить	родас (земля)	rodas
роса, сок	раса	rasa
рост	рохат	rohat
рубить	ру	ru
рудый (красный, рыжий)	родхра	rodhra
рушить	руш	rush
рыдать	руд	rud
рыскать	рь	ṛi
с, со	са	sa
садить, сидеть	сад	sad
сам, самый	сама	sama
сапа («тихой сапой»)	сарпа (змея) (сап — язык хинди)	sarpa
свара (крик, шум)	свара	svara
сверкать	свар	svar
свет, белизна	швит	svit
светлый, белый	швета	śveta
свой	сва	sva
свойство	сватва	svatva
свояк	свака	svaka
свекор, свекровь	свакръ (усвоить, обрести)	svakṛi
сердце	хрьдая	hridaya
семя, зерно	хирана	hirana
сила духа	шила	śila
сказитель	кахала	kahala
скупивать, смешивать	куч	kuc
сливать, извергать	сриддж	srij
славление	шравания	śrāvaniya
слухи (слава)	шрава	śrāva
слушать, слышать	шру	śru

смертный	марта	marta
смерть	мрьтью, марана	mṛityu, marana
смеяться	сми	smi
снег	снихья (скользкий)	snehya
сноха	снуща	snusha
собор, собрание	сабха	sabhā
совещание	самвачана	samvacana
(общее мнение)		
совпадать	сампад	sampad
солёный, горький	сола	sola
сочить, изливать	сич, сик	sic, sik
соха	спхья (палка-копалка)	sphya
спать	свап (яз. хинди — «сона»)	svap
спрыснуть	спрыш	spṛiś
спящий	супта	supta
стан, стоянка	стхана	sthāna
(до)стигнуть, взойти	стигх	stigh
стонать (звучать)	стан	stan
стократный	шатакрату	satakratu
столб	стамбха	stambha, stabh
стопа (пята)	пада	padā
стоять	стха	sthā
суть, истина	сатьям	satyam
сушить	шуш	śush
сушка	шушка	śushka
сын	суну, суна	sunu, suna
та, эта	та	ta
тата, тятя	тата	tata
такой	така	taka
таскать, (у)таскивать	тас	tas
таскун, вор	таскара	taskara
таящий, вор	таю	tāyū
те, тебе	тэ	te
тот	тад, тат	tad, tat
тот самый	татсама	tatsama
творить	твар	tvar
теплить, утеплять	тап	tap
теплота	тапа	tapa

тереть	трут	trut
течь, двигаться	тик	tik
тогда	тада	tadā
томить, изнурять	там	tam
тонкий	танука	tanuka
торить (дорогу)	тхарв, тар	tharv, tar
тощий (пустой)	туччхья	tucchya
трава	тръна	ṭṛṇa
трепетать	тръп	ṭṛp
три, третий	три, трита	ṭṛi, ṭṛita
трижды	трис	ṭṛis
трое	траяс	trayas
тройка	трика	ṭṛika
трынка (стебелек)	трынка	ṭṛiṅka
трястись, дрожать	трас	tras
тугой	тунга	tuṅga
тузить, бить	тудж	tuj
турить, гнать	тур	tur
ты	тва	tva
тьма	тама	tama
тянуть	тан	tan
удирать, удрать	дра	drā
умирать	мрът	mṛit
учитывать, считать	чит	cit
уток ткани	ута	uta
уста (губа)	остха	oṣṭha
ходить	ход	hod
холодить, освежать	хлад	hlād
холодок, свежесть	хладака	hlādaka
хранить, прятать	хри, хар	hṛi, har
чавкать	чам (жевать)	cam
чавкающий (чушка)	чушчуша	cuṣcusha
чалить (при., от..)	чал	cal
чара, чарующий	чару	cāru
чашка	чашака	cashaka
четверо	чатвара	catvara
четыре	чатур	catur

чинить, учинять	чи	ci
чудак, глупец	чуда	cūda
чутко, чуть-чуть	чут (мелкота)	cuṭ
шалаш, укрытие	шала	śāla
шибко	шибхам	śibham
шикнуть	кши (успокоить)	kshi
шило	шира (острие)	śira
шить, (с)шивавать	сив	siv
шурин	швашурья	śvaśurya
эва	эва	eva
эка, экий	эка	eka
это, этот	этад, этат	etad, etat
юный	юван	yuvan
юшка, похлебка	юша	yūsha
явь, явление	ява (явление луны)	yava
явиться, стать	я	yā
ягня, ягненок	яджна (жертва)	yajña
яденье, поеданье	адана	adana
яма (конец)	яма	yāma
Яма (бог смерти)	Яма	Yāma
ярый	джара (любовник)	jāra

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

10 (десять)	дашан	daśan, daśa
11 (одиннадцать)	экадаша	ekadaśa
12 (двенадцать)	двадаша	dvadaśa
13 (тринадцать)	трайодаша	trayodaśa
14 (четырнадцать)	чатурдаша	caturdaśa
15 (пятнадцать)	панчадаша	pañcadaśa
16 (шестнадцать)	шодаша	śodaśa
17 (семнадцать)	саптадаша	saptadaśa
18 (восемнадцать)	аштадаша	ashtādaśa
19 (девятнадцать)	навадāша	navadaśa
20 (двадцать)	двимшат	dvimśat
100 (сто)	шата	śata

ПРИМЕЧАНИЕ

При сопоставлении санскрита со славянскими языками — в данном случае с русским — не может не привлечь внимания тот факт, что не только корневое значение многих слов близко или одинаково, но и приставки (примеры которых приводятся), и суффиксы, и многие другие части слов совпадают. Очень выразительны такие примеры, как:

бывание — бхавания;

раненый — вранин;

путник — патхика;

свойство — сватва;

братство — бхратритва;

деревянный — дарава;

питатель (отец) — питар

и много других подобных сближений.

ОПЫТ РАСШИФРОВКИ ЧЕРЕЗ САНСКРИТ НАЗВАНИЙ ВОДОЕМОВ РУССКОГО СЕВЕРА

Составитель кандидат ист. наук С.В. Жарникова (г. Вологда),
консультант Н.Р. Гусева

<i>Северно-русские гиномы</i>	<i>Санскрит</i> (рус. транскрипция)	<i>Санскрит</i> (лат. транскрипция)
р. Алака (Ладейнопольский уезд Олонецкой губернии)	Алака (река в Индии; завиток)	alaka
р. Анила (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	анила (ветер; синий)	anila
р. Важа (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	ваджа (быстрота; вода)	vāja
р. Важа (Олонецкая губ.)		
р. Важа (Каргопольский уезд Архангельской губ.)		
р. Важка (там же)		
р. Важка (Яренский уезд Вологодской губ.)		
р. Вала (приток р. Вятки)	вал (быстро идти)	val
р. Валга (Кадниковский уезд Вологодской губ.)		

р. Вандыш (Каргопольский уезд Архангельской губ.)	вандхья (бесплодный)	vandhya
р. Вандыш (Яренский уезд Вологодской губ.)		
р. Вапра (Устюгский уезд Вологодской губ.)	вапра (берег, откос)	vapra
оз. Вара (Олонецкая губ.)	вар (вода)	vār
р. Варда (Пинежский уезд Архангельской губ.)	варда (дающий воду)	vārdā
р. Варила (Вельский уезд Вологодской губ.)		
р. Варжа (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	варджа (свободный)	varja
р. Варз (Мурманский уезд Архангельской губ.)	варх (светиться) Варсак (река в Пакистане)	varh
р. Варзуга (там же)		
р. Варзуга (Пинежский уезд Архангельской губ.)		
р. Варзенка (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.)		
р. Вашка (Мезенский уезд Архангельской губ.)	ваш (звучать) ваша (шум воды)	vaś vaśa
р. Вашка (Онежский уезд Архангельской губ.)		

р. Вашка
(Кирилловский уезд
Новгородской губ.)

р. Вашка
(Яренский уезд
Вологодской губ.)

р. Вашка
(п-ов Канин Нос)

оз. Вашкозеро
(Кемский уезд
Архангельской губ.)

р. Вега	вега	vega
(приток р. Онеги)	(поток, стремительность)	

р. Вель	вел	vel
(Кадниковский уезд Волгодской губ.)	(двигаться)	

р. Вель	вела	velā
(Вельский уезд Вологодской губ.)	(берег)	

р. Вель
(Печорский уезд
Архангельской губ.)

р. Гавиньга	гавини	gavīṇi
(Кирилловский уезд Вологодской губ.)	(стадо коров)	

р. Гавяна	гавиша	gavīsha
(Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	(жаждущий коров)	

р. Гавиша
(Вельский уезд
Вологодской губ.)

р. Ганга	Ганга	gaṅga
(Онежский уезд Архангельской губ.)	(река в Северной Индии)	

р. Ганга
(Кемский уезд
Архангельской губ.)

оз. Ганго (там же)		
р. Гангрека (Ладейнопольский уезд Олонецкой губ.)		
оз. Гангозеро (там же)		
оз. Гангозеро (Кижский погост)		
р. Гар (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	гара (напиток)	gara
р. Гуда (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	гуда (канал изливания)	gudā

р. Дан (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	дану (река, по Ригведе)	danu
р. Девяка (Грязовецкий уезд Вологодской губ.)	девика (богиня) Девика (река в Древней Индии)	devīka
р. Джалья (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	джалья (вода)	jala

р. Индега (Печорский уезд)	р. Инд
р. Индига (Мурманский уезд)	
р. Индига (Меленский уезд)	
р. Индоманка (Кирилловский уезд)	
р. Индога (Тотемский уезд)	

р. Ира (Усть-Сысольский уезд)	ира (вода, напиток)	irā
р. Иркаручей (Ладейнопольский уезд)	ирина (родник)	iriṇa
р. Каваса (Вельский уезд)	каваша (звучный)	kavasha
р. Кайласа (исток р. Пинеги)	Кайласа (гора в Гималаях)	kailasa
р. Какша (Никольский уезд)	какша (скрытое место)	kaksha
р. Кама (приток Волги)	кама (желание)	kāma
р. Камавелица (Тотемский уезд)		
р. Камчуга (Тотемский уезд)		
оз. Камозеро (Кемский уезд)		
р. Карна (Грязовецкий уезд)	карна (ушастый; имеющий отводы)	karṇa
р. Карна (Онежский уезд)		
р. Кала (Вельский уезд)	кала (темный)	kāla
р. Калияклам (Пинежский уезд)	Калия (имя водного змея)	kāliya
р. Кула (Тотемский уезд)	кула (берег; пруд)	kūla
р. Кула (Вельский уезд)		
р. Кулой (Холмогорский уезд)		
р. Кулой (Пинежский уезд)		
р. Кулать (Тотемский уезд)		
р. Кунжа (Кадниковский уезд)	куджа (звучный, гуденье)	kuja
	кудж (бормотать)	kuj

р. Кува (Кирилловский уезд)	(река Кабул)	kubhā
р. Куброс (Вельский уезд)	кубра (лес)	kubra
р. Куша (Усть-Сысольский уезд)	куша (вид осоки)	kusha
р. Куша (Печорский уезд)		
р. Кша (Онежский уезд)		
р. Кушерака (Онежский уезд)		
р. Кушеваровка (Великоустюжский уезд)		
р. Кушеванда (Никольский уезд)		
оз. Куш (Олонецкий уезд)		

р. Лагман (Щенкурский уезд)	лаг (вытекать; в Афганистане есть река Лагман)	lag
р. Лала (Сольвычегодский уезд)	лал (играть)	lal
р. Лала (Устюжский уезд)		
р. Лала (Никольский уезд)		
р. Ляла (Печорский уезд)		
р. Ляла (Архангельский уезд)		
р. Лакшма (Каргопольский уезд)	Лакшми (богиня красоты, богатства)	lakslimī
р. Лакшма (Устюжский уезд)	Лакшмана (имя героя — «отмеченный удачей»)	lakshmaṇa
р. Мацдера (Кижский погост)	Манди (река в Пакистане) мандра (тихий, приятный)	mandra

р. Мана (Мурманский уезд)	мани (сокровище)	maṇi
р. Мана (Вольский уезд)	(дыхание, свежесть)	
р. Павана (Пинежский уезд)	павана (очищающий)	paṇapa
р. Павна (Онежский уезд)		
р. Падма (сев. Прионежье)	падма (кувшинка, лотос)	padma
р. Падма (вторая, там же)		
оз. Падма (там же)		
р. Падома (Вельский уезд)		
р. Пидьма (Кирилловский уезд)		
р. Пурная (Вельский уезд)	пурна (полный; река в Южной Индии)	pūrṇa
р. Пурная (Усть-Сысольский уезд)		
оз. Пурно (Олонецкий уезд)		
оз. Пуриое (Ладейнопольский уезд)		
оз. Панка (Тотемский уезд)	пана (напиток)	paṇa
р. Пинега (Вельский уезд)	пи, па (пить)	pī, pā
р. Пинега (Пинежский уезд)		
р. Пинежка (Шенкурский уезд)		
р. Пия (там же)		

р. Пуя
(там же)
р. Пияла
(Каргопольский уезд)
р. Пия
(Онежский уезд)

р. Рана (Сольвычегодский уезд)	ран (звучать; радоваться)	ran
р. Рогна (Вольский уезд)	рогагхна (целительный)	rogaghna
р. Рип (Никольский уезд)	рипх (рокотать)	riph
р. Рипинка (Устюжский уезд)		
р. Рокса (Кижский погост)	ракша (защита)	raksha
р. Ракшошка (Онежский уезд)		
оз. Раксомское (Онежский уезд)		
р. Рудака (Сольвычегодский уезд)	руд (рыдать)	rud
р. Рудея (Олонецкая губ.) ручей		

Сагарев (Кижский погост)	сагара (море)	sagara
р. Санда (там же)	санидха (оберегать, собирать)	sanidhā
р. Санда (Каргопольский уезд)	сандха (одаривать)	sandhā
р. Санда (Ладейнопольский уезд)		
р. Санда (там же)		

р. Сара (Каликовский уезд)	сар (течь, струиться)	sar
р. Сара (Ладейнопольский уезд)	сара (ручей)	sarā
р. Сара (Белозерский уезд)		
р. Сарова (Пинежский уезд)		
оз. Сарозеро (Ладейнопольский уезд)		
р. Сарга (Ладейнопольский уезд)	сарга (течение, изливание)	sarga
р. Сорга (Шенкурский уезд)		
оз. Саргинское (Ладейнопольский уезд)		
р. Сарба (Ладейнопольский уезд)	сарб (двигаться)	sarb
оз. Сарба (Ладейнопольский уезд)	сарпа (змея)	sarpa
р. Секура (Сольвычегодский уезд)	сека (жидкость, изливание)	seka
р. Сиидош (Вологодский уезд)	Синд, Инд (река в Индии)	
р. Сиидошка (там же)	синдху (река, поток)	sindhu
оз. Сиидор (Усть-Сысольский уезд)		
р. Сираж (Вельский уезд)	сира (поток)	sirā
р. Ситка (Кирилловский уезд)	сита (светлый)	sita
оз. Ситское (там же)		
оз. Ситково (Грязовецкий уезд)		
р. Сить (Кадниковский уезд)		
р. Сухона (Вологодская губ.)	сукха (счастье)	sukha

р. Сура (Пинежский уезд)	су (течь, рождать)	sū
р. Сюра (там же)	сура (стекающий)	sūra
р. Суран (Усть-Сысольский уезд)		
р. Суровка (Вологодский уезд)		
оз. Свар (Кирилловский уезд)	свар (сверкать)	svar

р. Тавт (Кадниковский уезд)	тават (столь обильный)	tavat
р. Тавта (Тотемский уезд)		
р. Тара (Вельский уезд)	тара (ясный, громкий)	tāra
р. Тар (Шенкурский уезд)		
р. Тарна (там же)		
р. Тарка (Мурманский уезд)		
р. Тарнога (Тотемский уезд)		
р. Тарга (там же)		
р. Тора (Никольский уезд)		
р. Тикена (Тотемский уезд)	тик (идти, течь)	tik

р. Ура (сев. Прионежье)	уру (лучший)	uru
оз. Ура (там же)	уру (широкий)	uru
р. Ура (Пинежский уезд)	Ури (река в Древней Индии)	uri

р. Урья

(Череповецкий уезд)

оз. Урозеро

(Белозерский уезд)

оз. Урозеро

(Ладейнопольский уезд)

р. Удора

(Мезенский уезд)

удара

(прекрасный)

udāra

р. Удора

(Яренский уезд)

оз. Харас

(Белозерский уезд)

харас

(глоток, напиток)

haras

р. Харина

(Никольский уезд)

хари, харина

(желтый; цвета Солнца)

hari, harina

ручей Харинский

(Сольвычегодский уезд)

р. Харручен

(Каргопольский уезд)

р. Харута

(Печорский уезд)

оз. Харута

(там же)

р. Харьяж

(там же)

р. Харева

(Пинежский уезд)

оз. Шива

(Олонецкая губ)

шива

(добрый; вода)

śiva

р. Шона

(Никольский уезд)

Шона

(река в Индии)

śona

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов / Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981.

Авеста. Избранные гимны. Перевод И. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.

Авеста. Избранные гимны из Видевдата. Перевод Ивана Стеблин-Каменского. М., 1993

Авеста в русских переводах (1861—1996). Спб., 1997.

Алексеев В.П. Этногенетические аспекты антропологического изучения Южной Азии // Истоки формирования современного населения Южной Азии. М., 1990.

Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1—3. М., 1865—1869; М., 1994.

Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) в Восточном Причерноморье // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984.

Борисенков Е.П., Пяснецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия / Перевод с английского. М., 1977.

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.

Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.

Голубиная книга. Спб., 1860.

Горнунг Б.В. Из предыстории образования общечеловеческого единства. М., 1963.

Гусева Н.Р. Индуизм. М., 1977, 1994.

Гусева Н.Р. Глубокие корни / Дорогами тысячелетий. М., 1991.

Гусева Н.Р. Славяне и арии. Путь богов и слов. М., 2002.

Елачич Е. Крайний Север как родина человечества. Спб., 1910.

Жарникова С.В. Архаические мотивы народной вышивки и их параллели в древних орнаментах Евразийских степей // Инфор-

мационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 8. М., 1985.

Законы Ману (перевод с санскрита). М., 1960.

Зарубин Л.А. Сходные сельскохозяйственные обычаи у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. № 1, 1969.

Зарубин Л.А. Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. № 6, 1971.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989.

Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // Вестник древней истории. № 4, 1974.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Мерперт Н.Я. Срубная культурно-историческая область. Куйбышев, 1985.

Мещеряков Ю.А. Рельеф СССР. М., 1972.

Мошинская В.И. О государстве синдов // Вестник древней истории. № 3, 1946.

Новые данные по геохронологии четвертичного периода. М., 1987.

Палеография Европы за последние 100 тысяч лет. М., 1982.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Ригведа. Избранные гимны. Перевод Т.Я. Елизаренковой. М., 1972.

Ригведа. Мандалы I—IV. М., 1989.

Ригведа. Мандалы V—VIII. М., 1995.

Ригведа. Мандалы IX—X. М., 1999*.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Сейбутис А. Миграция послеледникового человека как отражение изменений экологической обстановки // Научные труды вузов ЛитССР. VIII, 1982.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961.

* Все указанные выпуски Ригведы подготовлены Т.Я. Елизаренковой.

Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах (пер. с англ.). М., 2001.
 Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981.

Третьяков П.Н. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. № 1, 1940.

Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.

Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. № 6, 1977.

Трубачев О.Н. К истокам Руси. Наблюдения лингвиста. М., 1993.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Этногенетические аспекты антропологического изучения Южной Азии. М., 1990.

Agrawaia V.S. India as known to Panini. Lucknow, 1953.

Chanda R. The Indo-Aryans Races. Calcutta, 1969.

Childe V.G. The Aryans. A study of Indo-European Origin. London, 1926.

Gonda J. Vishnuism and Shivaism. London, 1970.

Sankrityayana R. Volga se Ganga. Altababad, 1943; Fron Volga to Ganga, Lucknow, 1947, 1953.

Shastri Durga Prasad. Links Between Russian and Sanskrit. Meerut district conference of the Indo-Soviet Cultural Society. Ghaziabad, 1964.

Warren V. The Paradise Found or the Cradle of the Human Race at the North Pole. Boston, 1983

СЛОВАРИ

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1966.

Böhtlink O. Sanskrit Wörterbuch. Teile 1—7. St. Petrburg, 1870—1889.

Monier-Williams M. A Sanskrit—English Dictionary. Oxford, 1960.

Apte V.S. The Students' English—Sanskrit Dictionary. New Delhi, 1963.

Содержание

От автора	5
1. Вы приехали в индийский город	9
2. Проблема древности	24
3. Веды и арктическая родина	30
4. Полярная теория	41
5. Путь арьев был долог	60
6. Арьи, славяне: соседство или родство?	69
7. Древние арьи достигли Индии	79
8. Победы и поражения	90
9. Дворцы. Крепости. Тигры	101
10. Зной и краски	112
11. Кто такие эти сикхи?	125
12. Ниханги — рыцари смерти	144
13. Всегда в белом	150
14. За облаками прохладно	163
15. Здесь неразрывна связь времен	172
16. Снова о столице семи империй	181
17. Что же такое — каста?	197
18. Нерушима ли каста?	210
19. Живучесть пережитков	223
20. Эта странная одежда	227
21. Муж — это земной бог	235
22. Это правда, что там тридцать три миллиона богов?	248
23. Бог — победитель зла	261
24. Светлый облик черного бога	269
25. И еще о Кришне	278
26. Шива и Парвати	286
27. Великая мать — Дурга	297
28. Течет река Джамна	304
29. Наши следы в индуизме	317
30. Другие черты близости	322
31. Храм Шивы под муссонной грозой	337
32. Кобры, йога и народная медицина	349
33. Искусство создавать изображения	365
34. Горы — престол небес	374
35. Древность законов. Армия	384
36. Слоны продолжают служить	401
37. Культура бессмертна	405
<i>Приложение I. Дурга Прасад Шастри.</i> Связь между русским языком и санскритом	416
<i>Приложение II. Краткая сводка совпадающих и сходных слов</i> русского языка и санскрита	419
<i>Приложение III. Опыт расшифровки через санскрит</i> названий водоемов русского Севера	433
Библиография	444

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных серий и жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече»,
телефоны: (095) 188-16-50, 188-88-02,
182-40-74

**С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться в интернете на сайте
www.100top.ru**

Наталья Романовна ГУСЕВА ИНДИЯ В ЗЕРКАЛЕ ВЕКОВ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редакторы *В.В. Вергун, А.А. Родионов*

Корректор *Н.К. Киселева*

Верстка *В.В. Вергун*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»
Д.М. Грушин

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

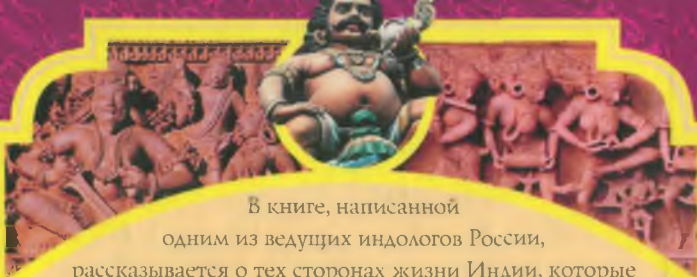
ЗАО «ВЕЧЕ» ЛР №040410 от 16.12.1997 г.
ООО «Издательство ВЕЧЕ 2000» ИД №01802 (код 221)
от 17.05.2000 г.

ЗАО «Издательство «ВЕЧЕ» ИД №05134 (код 221)
от 22.06.2001 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>, www.100top.ru

Подписано в печать 27.08.2002. Формат 84х108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14,0. Тираж 5 000 экз. Заказ № 6091.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

В книге, написанной
одним из ведущих индологов России,
рассказывается о тех сторонах жизни Индии, которые
до сих пор слабо освещены в нашей отечественной литературе.
Читатель узнает о быте городского и сельского населения Индии,
о семейной жизни, религиозных праздниках, воинских орденах,
верованиях и древних традициях, а также о происхождении арьев
и их судьбе после прихода в Индию с земель Восточной Европы,
о чертах близости арьев и славян, о единых корнях русского языка
и санскрита и многом другом, что издревле влечет
русскую душу к Востоку.

ISBN 5-94538-098-9

9 785945 380981